И 339/180
Кедрик.

НА СТВ.

Не копировать

Р 327 сл
54

РЕЛИГИЯ—ДУРМАН ДЛЯ НАРОДА

ф 1-81
8731

1

МОНАХИ

Я. ШПРЕНГЕР и Г. ИНСТИТОРИС

339
180

НА ОТВ.

МОЛОТ ВЕДЬМ

НЕ КОПИРОВАТЬ

Перевод с латинского Н. ЦВЕТКОВА

С предисловиями
проф. С. Г. ЛОЗИНСКОГО и
проф. М. П. БАСКИНА

АТЕИСТ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В.И. Ленина

51036-45

НА ОТВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

РОКОВАЯ КНИГА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Известный богослов II века Ириней, автор влиятельного сочинения „Пять книг против ересей", был, повидимому, первым христианским писателем, пытавшимся установить „правовое отношение" между богом и христом с одной стороны и дьяволом—с другой.

По учению Иринея, дьявол получил право власти над человеком в тот момент, когда человек под влиянием обольщения и искушения нарушил божеские предписания и совершил грех. Разумеется, обольщение и вовлечение человека в грех являются преступлением дьявола, насильственно вмешавшегося в сотворенную богом область, но раз человек добровольно дал себя обольстить и отошел от бога, дьявол получил полное право господства над человеком. Бог мог бы лишить дьявола плодов его преступного вмешательства, но по своей „неизреченной справедливости" он этого не делал и предоставил дьяволу право на раз уже обольстившегося человека. Это право должно было быть отнято у дьявола человеком, который таким же добровольным путем освободил бы себя от обольстительной силы дьявола и тем лишил бы последнего права господства над человеком. Так было бы восстановлено первоначальное „правовое отношение" между тварью и ее творцом, и дьявол был бы побежден и более не обладал бы властью над человеком.

Но добровольное освобождение из-под власти дьявола превосходит, де, силы человека, и вступился „спаситель", который должен был быть человеком, так как добровольное освобождение человека должно было итти по пути права, законного возвращения человека из-под власти дьявола в лоно божества. Но „спаситель" должен был быть больше, чем человек, так как дело шло о том, что превосходит человеческие силы. Дьявол мог быть побежден лишь совершенным, абсолютным повиновением Иисуса: „из за греха одного человека все люди стали греховны, а в силу совершенного повиновения одного все люди очистились от греха. Смертью спасителя люди освободились от власти дьявола и последний был пленен". Но дьявол совершил ошибку: он принял христа, который был безгрешен, за греховного человека, и впадение в эту ошибку привело дьявола к поражению. Так как дьявол первоначально не имел права на человека, то Иисус собственно вернул творцу то, что ему принадлежало с самого начала.

Правовая теория Иринея (ум. в 202 г.) нашла энергичного и неутомимого защитника в лице Оригена (ум. в 254 г.), доказывавшего, что дьявол был „обманут" спасителем. Получив в силу греха власть над человеком, дьявол мог вернуть ее лишь взамен какого-либо возмездия, эквивалента; таковым была кровь спасителя. Так смерть спасителя стала средством уничтожить силу дьявола: человечность во христе была приманкой, на которую оказался так падок дьявол, и он, подобно крысе, попал в мышеловку. Не заметив божественной силы

христа, скрывавшейся под человеческой оболочкой, дьявол проглотил вместе с мясом и ангельскую божественность, и богослов Григорий Назианзин (ум. в 390 г.) радуется, что „дьявол остался в дураках". Стремясь за мнимо смертным, дьявол, по словам папы Григория Великого (см. его об'яснения к книге Иова, так назыв. Moralia), потерял тех смертных, которые были в его власти: „так гонишься за тенью и теряешь наличие". Ту же мысль подробно развивал в сочинении „Точное изложение православной веры" крупнейший представитель греческой церкви VIII века Иоанн Дамаскин. По его словам, дьявол был побежден потому, что вынужден был изрыгнуть раз проглоченное, когда он почуял запах непогрешимого животворящего тела. И вплоть до Петра Ломбардского (ум. в 1164 г.), изображающего искупителя на кресте в виде мышеловки, церковные проповедники и писатели варьируют на разные лады основную мысль Иринея о потере дьяволом дальнейшего господства над людьми и об искуплении, каб об освобождении человека из-под власти дьявола.

Какие глубокие корни пустила эта теория об обманутом христом дьяволе, можно видеть, например, из того, что даже в XV веке в Германии вышла книга из кругов, близких Маркионитским общинам, являвшаяся как бы правовым диспутом между христом и дьяволом на тему о праве власти того и другого над людьми. Книга озаглавлена: „Ein gerichtzhandel zwischen Belial hellischen Verweser, als Kleger einem Tail, und Jesus Christo hjmmlischen Gott antwurter" (Правовой спор между Белиалом, управляющим преисподней, в качестве жалобщика с одной стороны, и Иисусом христом, небесным богом, ответчиком с другой стороны... Страсбург, 1484).

Так Ириней ввел дьявола в церковную догматику, определив ему в ней точное место. Иринею же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он „злоупотребил" своею свободою ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти; за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он увлек поэтому Каина на убийство брата, любезного богу,—и этим стал родоначальником смерти, продолжающейся еще и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дщерьми смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли „недостойные небожительства" демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Иринея, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, при чем падший ангел телесен, хотя тело его „менее физически" обычного человеческого тела.

По убеждению богослова II века Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи „почти телесными", дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они „жадно глотают" жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они—души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее и обладают также потаенными знаниями, которые они охотно открывают женщинам.

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II века в его сочинении „Строматы“ (Разноцветные ковры).

Наравне с падшими ангелами, армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра, прежние боги, носившие имя „дева“, стали дьяволами, подданными губительного Аримана и их культ был запрещен, а самое имя „дева“ стало употребляться для наименования дьявола, точно также греко-римские божества, как и слово „даймон“, некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т. е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами—отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами и, как всякие пережитки, они потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. „Для всех отцов церкви первых трех веков,—пишет Сольдан,—не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это их голос звучал в оракулах; это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи“ и т. д.

Но христианин может заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь **мертвые боги, реально, однако, существующие.**

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турский епископ св. Мартин, живший в IV веке, часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; даже гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальдо из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно также ученый XIII в. Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами; однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности—Виргилия, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 г. патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой раз'яснить ему, что означает аристотелевский термин—энтелехия.

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны; они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками.

Отсюда—необыкновенные способности чорта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией; ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария); это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т. д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой церкви. Мало того, из „Легенд веков“ Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать

самую красивую в мире вещь. И в то время, как дьявол, засучив рукава, стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. „Мертвый" бог, бог отошедшего прошлого, поганый бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнайкой и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы, как можно больше, вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям и как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: павший ангел и бывший римско-греческий бог преследуют одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами; основная черта их деятельности — причинение зла, вредительства, **малефициум**. Вот почему их, с точки зрения их основной деятельности, следует называть—**малефиками** (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют—колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т. п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия—правда, **по попущению божьему**. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают людей на ереси и язычество; по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана, бывшего в III веке главою церквей проконсульской Африки, дьявол является созидателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего средневековья, для блаженного Августина (ум. 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена не жертвоприношениями, а христианскими **экзорцизмом**.[1]) Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августин сопровождает и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его „фантастикум", отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший в силу вмешательства дьявола образ определенного животного. Этот „фантастикум" принимается Августином за незыблемый факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его „фантастикум". По существу Августин ставит знак равенства между душой и фантастикумом, распространяясь на тему о превращении последнего в образ животного или какого-либо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

---

[1]) Т. е. изгнанием дьявольщины из человека, в котором засел дьявол.—См. ниже.

Может ли и тело, подобно душе-фантастикуму, носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и потому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол „хорошо видит" и из этого семени, используя свое умение, он „быстро" сколачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы „бесстыдством" отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной—в виду многочисленных заявлений о таковых сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти как говорит Августин, происходят с божьего попущения, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом.

* * *

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, причиняет людям вред, порчу, зло, насылает на них всякие беды и несчастия, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и довольствия, он еще в древнем мире подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию, в меру своего преступления.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его малефиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовал свою победу принцип справедливого возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые в силу своей „превзойденности" превращались в злых, преступных демонов, было в античном мире наказуемо и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя по существу оно было чисто светским.

Демонослужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение—икону или идол,—а за его преступление, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от „нынешней" культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые в силу своей природы толкали их на преступления, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял на первых порах и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался потому, что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и малефиций часто даже назывался венефицием, т. е. ядовредительством.

Однако, если светская власть должна была преследовать преступных колдунов, как убийц и прочих вредителей, то и церковь, боровшаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов; отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если „идолопоклонник" не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искусителя.

Неудивительно что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились, в качестве особенно тяжких, отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника; для церкви при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала не за вред, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а за отпадение от церкви, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, малефицием. В круг колдовства—малефиция входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т. п., при чем колдун мог действовать чрез заклинание или всякими иными средствами, которые ему „подставлял" дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство в виду того, что оно возможно лишь в силу возврата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикее, указывавшие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготовляют амулеты и становятся заклинятелями, гадателями и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т. п. Провинциальный собор 551 г. в Элюзе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетьми для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство для свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, со средины VI в. мы видим, что церковь требует двойного наказания колдуна и привлекает к его наказанию и светскую власть. Самое преступление является таким, которое касается обеих властей; оно смешанное—delictum mixti fori,—даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил малефиция.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь с „зловредными деяниями" колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и совершался суд над колдуном. Частный характер ранне-средневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного обвинения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению к суду за наказанием гадателя, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, „математика" и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд, в то же время, осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ночам женщинами, которых называют стригами, ламиями или масками и которым приписывают такие ужасные преступления, как высасывание внутренностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает безумием все эти росказни и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловредителей (малефиков), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам

верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались безумцами. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постичь того, кто, одураченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных мнимых преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и „языческим безумием". Колдун — реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлежит, как вредитель, суровому наказанию; вампир—стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одураченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжкие насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности пред законом.

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к „народному безумию" и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился пред силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине греха, а не преступления: убийство, совершенное без специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского навождения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных,—все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о вознесении (raptus) человека, если не его тела, то во всяком случае его „фантастикума", принимавшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в „Дьявольской натуре" и „Прорицательстве демонов", не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII века, когда, опираясь на учение

Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную Этимологиями. В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя; все это для него совершенно бесспорно, хотя они ссылается лишь на язычников, как, например, на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий или масок, пожирающих и похищающих детей и являющихся демонами, сделанными из людей (ex hominibus daemones facti), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало основания не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной—Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь, в лице одного из самых видных своих авторитетов, сделала шаг в сторону народного „безумия" и усвоила его наиболее характерные черты..

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его „Этимологии" позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, при чем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом, как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX века; то же утверждал, в качестве последователя Исидора, реймский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается „учеными" измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и в свою очередь сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к „великим" учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи изощряют все свои способности, чтобы изобразить самый фантастический подвиг ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножана передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней; однако, дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернард из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII—XIII вв. учения Августина Блаженного, и благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные дела рассказывает в своем „Поликратике" Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как, по указанию дьявола, женщины изготовляли глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же

имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать, как нечто достоверное, что гунны произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер Map говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания; пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиенны, все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбою людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.

Впрочем, Вильгельм Парижский полагает, что демон не в состоянии произвести на свет человека и лишь пользуется человеческим семенем, которое он вводит в женщину, становящуюся тем самым матерью.

Особенно большим авторитетом пользовался в XII-м веке Петр Ломбардский, умерший в Париже в 1164 г. Его „Сентенции", комментировавшиеся беспрестанно почти всеми теологами до момента замены его авторитета авторитетом Фомы Аквината, подробно говорили о разнообразных деяниях, при чем вопрос о мужской импотенции, вызываемой дьяволом и служащей поводом к расторжению брака, особенно остро занимал Петра Ломбардского, раз'яснявшего, что дьявольская импотенция, в противоположность естественной (frigiditas), делает брак невозможным лишь в отношении одной женщины, а не вообще, а потому околдованный импотенцией должен, расставшись с женой, немедленно жениться на другой. Для Петра Ломбардского вопрос о том, каким образом бог допускает расторгнуть дьяволу таинство брака, решался в том смысле, что все это совершается с соизволения бога и является результатом грехов тех, которые подпадают под дьявольское навождение. Более трудным представляется Петру вопрос о том, почему похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражает свою жертву импотенцией, которая как раз тормозит чувственную деятельность человека; повидимому, специфический характер дьявольской импотенции, распространяющейся только на законную супругу, благополучно разрешает головоломную проблему, выдвинутую несколькими парижскими теологами.

Само собою понятно, что все эти рассуждения, повторяемые на разные лады, отравляли атмосферу и вызывали в людях представление о вездесущности и всемогуществе дьявола, проникающего в самые интимные закоулки человеческой жизни и нарушающего его покой даже там, где присутствие посторонней и враждебной силы казалось менее всего вероятным.

Ученый характер дьявольской литературы исключал возможность колебания насчет реального существования демонов со стороны необразованной массы, которая все более и более охватывалась паникой пред грозной и таинственной силой, какой был дьявол. Эта паника ввергала многих в тяжелые формы психических болезней, и люди верили в то, что они действительно околдованы дьяволом, и в то,

что они, благодаря дьявольскому содействию, могут других околдовывать и превращать их в орудие своей воли. Так общество в XII в. шло навстречу большой катастрофе.[1])

* * *

Уже давно была оставлена мысль, что сфера деятельности дьявола ограничивается исключительно некрещеными и язычниками. По своей неизреченной справедливости бог соизволяет дьяволу терзать и искушать и верующего: этим последнему предоставляется возможность добровольным, свободным выбором достичь блаженства, опозорить искусителя, укрепить в себе веру и приободрить чужую душу и совесть. Вот почему никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское обольщение: ведь демоны вообще не в силах принуждать к греху, они лишь побуждают к нему.

Ориген не соглашается с тем, что без демонов не было бы грехов; собственные пороки людей, говорит он, ведут их ко злу, и демоны играют лишь роль толкачей, побудителей. Побежденный в борьбе с дьяволом, сам несет ответственность за грех и не должен его возлагать на искусителя. Бог, по своей милости, не допускает искушения, превосходящего силы человека, и одинокий никогда не будет предоставлен во власть сразу многих демонов; к тому же человек может всегда надеяться на помощь бога. „Бог не уничтожил действия дьявола на верующих для того, чтобы последние боролись с ним, были чутки, осторожны и не опускались в бездну безделия и лени".

Против дьявола, учила церковь есть однако, сильное средство—истинная христианская вера. „Христианство, по словам немецкого исследователя Сольдана, казалось, создало в своем учении оплот, за который каждый верующий смело и безопасно мог становиться, не боясь вредного действия чародейства, источник которого связывался с именем вечного врага человечества—дьявола.[1])

Еще Гермас, ученик ап. Павла, упоминаемый им в „Посл. к римлянам", говорил, что лучшим средством обезопасить себя от дьявола является богобоязненность, религиозное рвение: вера обращает в бегство дьявола, и демоны боятся истинно верующего. Упорство в сопротивлении путем набожности наводит ужас на дьявола, и только неверующий может бояться дьявола. Молитвы прогоняют его; он страшится крестного знамени и исчезает при произнесении имени христа.

По учению Оригена, побежденный верующим демон ввергается в пучину и теряет право на искушение других. Чем чаще верующие побеждают, тем меньше становится число демонов и тем легче язычникам отказаться от их скверны. В общем, в распоряжении дьявола и его демонов остаются лишь язычники и некрещеные, в которых обретаются разнообразные демоны. Вот почему при крещении необ-

---

[1]) Сольдан-Геппе, История процессов против ведьм, 2 т., 3-е изд., дополненное Максом Бауэром, 1911 (на нем. яз.); Иос. Ганзен, Колдовство, инквизиция и процессы ведьм в средние века, 1900 (на нем. яз.); его же, Источники и исследования по истории колдовства и преследования ведьм в средние века, 1901 (на нем. яз.); Г. Росков, История дьявола, 1885 (на нем. яз.); Г. Ч. Ли, История инквизиции в средние века, 2 т., 1910, М. Генкинг, Дьявол, изд. „Атеист", 1930; Леман, Иллюстр. история суеверий и волшебств, 1901; Жюль Бессак, Дьявол, 1881 (на франц. яз.); Г. Лекки, История возникновения и влияния рационализма в Европе, т. I, 1871. Г. Мори, Магия и астрология в древности и в средние века, 1860 (на франц. яз.); А. Граф, Дьявол, 1892 (на немецк. яз.); Ревиль, История дьявола, 1873 (на франц. яз.). Ж. Бессак, История христианской дьявольщины, 1882 на (франц. яз.); его же, Великие дни колдовства (на франц. яз.), 1890.

ходимо их предварительно изгнать, и экзорцизм, т. е. изгнание дьявола из новокрещеного, становится необходимым актом крещения, и со средины III века существовал даже особый чин гонителя, имевший сначала дело лишь со взрослыми язычниками, отрекавшимися от своих воззрений, а потом включивший в круг своих обязанностей, как выдыхание дьявола (exsufflatio) нечистыми детьми, так и вдыхание им (insufflatio) чистого божественного духа. „Выходи, нечистый дух, и дай место чистому"—так при крещении гласил этот чин.[1])

Папа Григорий Великий (ум. в 604 г.) рекомендовал употребление святых мощей в качестве средства для изгнания дьявола и рассказывал, как ему удалось изгнать из одной арианской церкви дьявола, принявшего вид свиньи: с громким хрюканием пустилась она бежать, когда пред ней показались мощи одного святого. Тот же папа в главе „О жизни и чудесах италийских отцов церкви" подробно распространялся о дьяволах и рассказывал своему церковному служителю Петру о многочисленных чудесных приключениях из жизни епископов и монахов, удачно прогонявших пристававших к ним дьяволов. Вот, например, пред нами пресвитер, обращающийся к дьяволу со словами: „Эй, дьявол, сними мне сапог!" И дьявол, преследуя какую-то хитроумную комбинацию, действительно появляется и готов снять пресвитеру сапог, но верующий, крестясь, прогоняет его вон.

В VIII веке святой Бонифаций, так наз. апостол Германии, при акте крещения изгоняя дьявола, говорил: „Ну, вот вы теперь отреклись от дьявола, его творений и всей его помпы. Каковы творения дьявола? Язычество, обращение к ядам, заговариваниям и приметам".

Между тем, дьявольская мощь и его „помпа" росли, так что порою даже представители церкви ничего не могли поделать с дьяволом и должны были униженно присутствовать при его „творениях". Так, аббат Тритемий описывает страшный 858 год, когда дьявол пожаром уничтожил ряд домов, при чем „коварный" ранил камнем священников, желавших помочь погорельцам и вообще бороться с огнем.

На синоде 871 года в Майнце рассказывали, как два саксонских священника считали себя набожнее и священнее самого епископа, что привлекало на их службы многочисленную толпу верующих. В наказание епископ Луитберт сместил одного, другим же священником овладел дьявол, который в данном случае явился исполнителем божественной кары или, как говорили, министром наказаний (minister poenarum). Этот „министр" возмущался, когда мирянина хоронили в церковной ограде. Так, в Генуе был погребен в церкви некто Валентин: в полночь в церкви поднялся страшный шум; сбежавшиеся сторожа увидели двух дьяволов, связавших ноги Валентину и таскавших его из церкви. Сторожа в испуге бежали, а на следующий день в склепе не оказалось трупа Валентина: он лежал за оградой со связанными ногами. Событие это удостоилось специального обсуждения синода, который констатировал, что „происшедшее с Валентином есть чудесная и, вместе с тем, ужасающая история, которая не должна быть забыта во-веки". В силу этого II-й канон вормского синода 895 года постановил: Согласно предписаниям святых отцов и в силу чудодейственных происшествий, отныне возбраняется хоронить в церкви мирянина.

В связи с страшным расширением радиуса действия дьявола, страх пред ним быстро увеличивается, и его всемогущество начинает

[1]) Изгнание это (экзорцизм) в значительной мере сохранилось по настоящее время. См. Koldewey, Der Exorzismus in Braunschweig, 1893. Книга Кольдевея, хотя и носит местный характер, имеет значение для понимания современного экзорцизма во всех католических странах.

угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, пугает многих верующих, и даже авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола.

Веронский епископ Ратерий в середине X века счел себя вынужденным заступиться за всемогущество всевышнего и подчеркнуть, что пред ним должна все-таки преклониться мощь дьявола. Последняя была, однако, настолько велика, что римский синод 963 года с чувством досады и возмущения констатировал, что папа Иоанн XII подпал под власть дьявола, за здоровье которого он поднимал бокалы вина, призывая на помощь Юнону, Венеру и других богинь языческого мира.

Особенно внимательно богословы относились к „факту" многочисленных оборачиваний дьявола в домашних и неприрученных животных. Теологи определенно утверждали, что, в силу божьего попущения, дьяволу дана возможность обращать человека в животное.

Церковь не сомневалась, что в животном, происшедшем от человека, сохранялась душа, но успокаивала, что подобное животное не злоупотребляет человеческой душой и оставляет ее в покое. Епископ города Лозанны, убедившись, что с помощью дьявола кудесники и чародеи превратили многих людей в червей, саранчу, жаб, майских жуков и т. д., которые причинили массу вреда окрестным крестьянам, трижды обращался с епископской кафедры со словами и убеждения, и угрозы к этим „страшным паразитам", требуя, чтобы они предстали в Вифлисбурге на суд—собственной персоной или через представителей. Это обращение делалось епископом при звоне колоколов и в очень торжественной форме: крестьяне опускались на колени, трижды читали Отче наш и Ave-Maria и молились о гибели саранчи и прочей нечисти. Саранча и черви возбудили, однако, дело против епископа; им был дан защитник, но епископ выиграл дело, и во имя бога отца, сына и святого духа лозаннские черви были навеки прокляты. Но сила дьявола была так велика, что не помогло даже епископское проклятие: через год Лозанна подверглась тому же несчастию—к великому позору церкви, оказавшейся слабее дьявола.—И архиепископу вормскому Адельберту пришлось убедиться в слабости церкви в ее борьбе с дьяволом: в пасхальные дни 1065 г. архиепископ излечил одного больного, но дьявол „не пожелал с этим считаться", и больной скончался.

За 50 лет до этого случая подобные факты в большом количестве были рассказаны на синоде в Орлеане и произвели „глубочайшее впечатление" на собравшееся духовенство, павшее духом от многочисленных доказательств всемогущества дьявола и под его руководством действующих волховов, колдунов, чародеев, колдуний, одержимых и беснующихся.

Что удивительного после этого, что в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным богословская мысль прежде всего искала „дьявольской подкладки". Даже сам папа подвергался таким обвинениям. По словам Гфрера, против папы Григория VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т. е. в сотрудничестве с дьяволом[1]). Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте.

[1]) Прим. Gfrörer, Aug. Friedr, Allgemeine Kirchengeschichte, 3 тома, 1841—46.

У одного священника, рассказывал писатель-монах начала XIII века Цезарий Гейстербахский, был очень приятный голос, и его друзья постоянно любовались его пением. Однажды услышал его пение какой-то знакомый монах и тотчас заявил, что подобный голос не свойственен человеку и что он принадлежит дьяволу. В присутствии всех поклонников певца монах стал изгонять дьявола из тела несчастного, и певец переживал тяжкие минуты, когда его тело покидал дьявол.

Папа Александр III запретил священнику прибегнуть к астролябии для отыскания вора, предполагая, что в астролябии запрятался дьявол.

Общее собрание цистерцианского ордена в 1183 г. запретило заниматься предсказыванием чего бы то ни было; папа Гонорий III осуждал тех, которые держали пари или вообще предсказывали, кто будет назначен на тот или иной духовный пост. Впоследствии мнимоученый француз Габриэль Ноде опубликовал об'емистую книгу, в которой доказывалось, что большинство великих людей находилось в переписке с дьяволом.

Так церковь, всячески распространяя бредни о дьяволе, запуталась в собственных противоречиях и сама начала бояться дьявольского навождения. Желая наказать слабых людей за колдовство, приравниваемое ею к ереси, церковь создала такую метлу, которая, казалось, выметет самое церковь и оставит земную юдоль всецело во власти одного лишь дьявола. На все земное надвигался, в лице дьявола, страшный враг, который готов был вступить в поединок с самим богом,—и с этим врагом церковь решила помериться силами, став на сторону бога, не желавшего единолично, повидимому, итти на истребление даже своего „личного“ врага.

Борьба была серьезна: два почти равные существа оспаривали друг у-друга господство над миром. У бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола—бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертенят. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество и заставившая преклониться пред ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство. Мечем и огнем должен был быть уничтожен враг человеческого рода; кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению; пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник, и из самых интимных мест, куда он засел.

Беспримерная погоня за дьяволом принимала тем более страшные размеры, что сама же церковь изобретала для него все новые и новые ущелья, все более и более таинственные норы. Созданный церковью дьявол ее же стараниями принял всеоб'емлющий характер и всепроникающй образ, и теперь для борьбы с ним требовалась неимоверная энергия, необычайное напряжение.

Однако, до XIII-го века число преследований за колдовство было сравнительно не очень велико: церковь иногда как бы стушевывалась пред государством и обычно предоставляла ему преследовать действовавших под влиянием дьявола преступников; государство же, несмотря на всякие колебания, склонялось к преследованию лишь тех, которые приносили ущерб другим людям, видя свою задачу в том, чтобы наказывать преступников, а не грешников. Правда, церковники бдили за тем, чтобы впавшие в идолопоклонство несли должное наказание, и, помимо отлучения от церкви, передавали их в руки светской власти.

которая, все более преклоняясь пред силой церкви, зачастую подвергала смертной казни и таких, которые не были малефиками, т. е. преступниками в прямом смысле, а были лишь отступниками от веры.

О наиболее ранних казнях колдунов мы узнаем из сочинения Григория Турского, который в своей „Истории франков" описывает сожжение одной колдуньи, вызвавшей в 580 г. смерть двух королевских сыновей; а когда, через три года, умер и третий сын королевы Фредегунды, в его смерти были заподозрены префект Муммол и несколько женщин, действовавших под влиянием дьявола. Муммол был подвергнут пытке и сознался, что получил от колдуний мазь и напитки с целью удержать милость короля и королевы. За это преступление он был сослан в Бордо; женщины же признали свою вину, назвали себя колдуньями, подверглись колесованию и сожжению. То был наиболее громкий колдовской процесс эпохи Меровингов.

В следующую, Каролингскую, эпоху подобный процесс возник в связи с увлечением императора Людовика Благочестивого красивой Юдифью, на которой он женился и под влиянием которой он решил перераспределить части империи в ущерб старшим сыновьям, родившимся от первого брака. Духовенство пришло на помощь обиженным императорским сыновьям и заявило, что любовь Людовика Благочестивого вытекает из колдовских чар Юдифи, и что во дворце имеется очаг кудесников, ворожителей и колдуний, которые околдовали императора, этого „невинного барана", который придет в себя, как только будут изгнаны из дворца забравшиеся демоны. Началась борьба между отцом и старшими сыновьями; во время этой борьбы захвачена была в Шалоне монахиня Герберга, сестра одного из виднейших сторонников Юдифи; Герберга была обвинена в малефиции и венефиции, т. е. в учинении ущерба и яда, и была брошена в реку Саону.

Этот вид наказания колдуний стал распространяться в IX веке, и его старался применить к своей жене Тейтберге император Лотар II, обвиняя Тейтбергу в том, что он из-за колдовства не может исполнять супружеских обязанностей. Лотар II нашел поддержку со стороны архиепископов Трира и Кельна и епископа Меца; оказалось, однако, что Тейтберга тут совершенно не при чем: императорская болезнь была вызвана его любовницей Вальдрадой, надеявшейся расторгнуть этим путем брак Лотара с Тейтбергой. Вальдрада должна была пострадать за свое коварство. В смерти в 899 г. сравнительно молодого короля Арнульфа также видели коварство колдунов: король был во цвете лет, и казалось, что участие в его смерти злой силы бесспорно. Какой то приближенный короля был казнен, другой бежал, а „настоящая" виновница преступления—Рудпург была подвергнута пытке; под тяжестью ее она созналась и была повешена в Айблинге.

В XI веке число колдовских историй, доходивших до суда, значительно увеличилось; одновременно с этим колдовские случаи единолично подавлялись сильными мира сего, не доводившими их до светского или духовного суда. Так, напр., с трирским архиепископом Поппо в 1016 г. произошло следующее: он заказал одной монахине изготовить ему пару сапог. Так как Поппо сильно нравился монахине, то она околдовала сапоги, которые вызывали сильную страсть к монахине у тех, которые надевали эти сапоги. Как только Поппо надел сапоги, он почувствовал необыкновенную страсть к монахине и догадался, что с сапогами что-то творится неладное; он тогда предложил эти сапоги нескольким знакомым, которые тоже тут же воспылали страстью к этой монахине. Дьявольское навождение было бесспорно, и Поппо разогнал всех монахинь монастыря Пфальцеля, не разбирая

правых и виновных. За эту скоропалительность Поппо нажил гнев бога и должен был отправиться в Иерусалим, чтобы искупить свой поступок.

Аналогичный случай колдовства имел место в отношении кельнского архиепископа в 1075 г.; заподозренная колдунья была сброшена с высокой городской стены. Такое же наказание постигло в Ангулеме колдунью, которую обвиняли в учинении ужасной болезни графу Вильгельму. Под пыткой колдунья отрицала свою вину; поединок, установленный для выявления ее преступления, не дал определенного результата, и Вильгельм склонен был считать ее невиновной; однако, после его смерти говорили, что женщина эта околдовала глиняные фигуры, и сын Вильгельма, граф Алдуин, подверг ее казни, не обращаясь к суду. В 1090 г. в Фрейзинге, из-за конфликта с епископом, суд некоторое время совершенно бездействовал, и заподозренные в колдовстве три женщины толпой были подвергнуты испытанию водой. Испытание не дало положительных результатов и женщин подвергли испытанию плетьми. Под пыткой все трое отрицали свою вину, но слухи о коварстве преступниц взбудоражили жителей не только Фрейзинга, но его окрестностей; женщины вторично подверглись наказанию плетьми и, в конце концов, их живьем сожгли на берегу реки Изара. Подобный же суд Линча, но в малом размере, совершили дворовые люди графа Фландрии в 1128 г.; граф как-то перешел речку Дейль под Лиллем, какая то женщина брызгнула на него водой, и он заболел „сердцем и внутренностями". Граф вскоре умер, и его люди решили, что вода была волшебной. Женщину сожгли на костре. В Генте народная масса истязала в том же году одну колдунью и носила по городу ее желудок; в Бове в это время, наоборот, над колдуньей был совершен настоящий суд, в котором приняли участие как городское правление, так и духовенство. Колдунью сожгли на костре при торжественной обстановке. В Зоэсте около этого времени был сожжен молодой священник, как зловредитель и маг: его обвиняла в колдовстве красивая женщина, которой он, после долгих безуспешных попыток, овладел с помощью колдовских средств. Таковы некоторые случаи из колдовской практики до XIII века; они свидетельствуют о том, что светские суды выносили нередко смертные приговоры колдунам даже в том случае, когда ущерба на-лицо не было и когда все преступление сводилось к предполагаемому вызову смерти или болезни. Церковь не отставала от светского суда и пользовалась его услугами; точно также и народная расправа жестоко мстила мнимым преступникам,—но важно, что в большинстве случаев говорилось о малефиках (зловредителях) и людей жгли и убивали не как еретиков, а как преступников, хотя церковь и подчеркивала греховную связь этих преступлений с идолопоклонством, с подчинением людей темной власти сатаны, дьявола, демонов.

* * *

В связи с развитием средиземноморской торговли и появлением торговой буржуазии в южной Франции и северной Италии началось направленное против церкви движение. Это движение уже в XI веке приняло широкие размеры. Во главе его зачастую стояла торговая буржуазия, недовольная тем, что церковь и стесняла ее размах, и конкурировала с ней там, где церковь сама начала торговать. К этому движению вскоре примкнули городская мелкота и крестьянство, разоряемые и возмущенные церковной десятиной и всяческими иными

поборами, ложившимися на крестьянство тем тяжелее, что сравнительно бурное развитие торговли выбивало из колеи множество трудящихся элементов, превращавшихся в безземельных и не находивших применения своему труду в городе, где отсутствовала промышленность и где торговля поглощала небольшое количество человеческих рук. Это народное движение, руководимое торговой буржуазией, но опиравшееся на крестьян и ремесленников, церковь назвала еретическим, окрестив его сторонников именем катаров. К этому антицерковному движению присоединилась и значительная часть землевладельческой аристократии, ненавидевшая церковь за ее обширные владения. Так, огромное большинство замков между городами Тулузой и Кастельнодари были населены к концу XII и к началу XIII века катарами или лицами, им сочувствующими. В Монтескье в 1215 г. почти все дворянство находилось под влиянием катарского священника де Ла-Мота. То же имело место в Монжискаре. Дворяне из катар нередко захватывали у монастырей и церквей их имущество под предлогом, что церковь должна жить не в роскоши, а в нищете и бедности. Папа Целестин III в 1196 г. горько жаловался на то, что земельная аристократия ограбила монастырь Сен-Жиль. Архиепископ Нарбонны ставил в вину аристократической семье Ниор ее грабительские замашки в отношении ряда церквей и монастырей. Особенно широкие размеры катарство приняло среди сеньеров в Фуа, Тулузе, Каркасоне, Логарэ и т. д.; недаром папство утверждало, что весь Верхний Лангедок охвачен ересью, и когда на юге Франции была введена инквизиция, на кострах ее было немало сожжено и аристократов. Характерно, что земельная аристократия оказалась гораздо трусливее, чем буржуазия, ремесленники и крестьяне. После первых же свирепых деяний инквизиции с покаянием явилась аристократия, которая лишь на первых порах, преимущественно до введения инквизиции, широко и открыто выступала против „жадной и лопающейся от богатства" церкви.

Кроме юга Франции, катарство нашло последователей и в северной Италии, где действовали те же экономические факторы, что и в Лангедоке. Кроме того, в Италии на антицерковное настроение влиял и политический момент. Враги светской власти папы не хотели подчиняться Риму и стремились либо к независимости, к созданию в северной Италии ряда маленьких государств, либо если независимость была невозможна—к усилению императорской власти засчет папской.

Как всякая ересь, катарство подлежало в первую очередь церковному суду, приговоры которого до XI века, до появления катарства, часто ограничивались духовными наказаниями, как-то: епитимией, временным отлучением от церкви, иногда пожизненным, не дававшим возможности получить причастие даже на смертном одре. Правда, церковь время от времени побуждала светские суды показать свою благочестивую суровость (pius rigor) в отношении еретиков и применять к ним смертную казнь, и государственные суды покорно подчинялись этому требованию. Но такие обращения носили скорее эпизодический характер, и лишь с появлением катаров церковь потребовала, чтобы все суды, безразлично духовные или светские, стали на защиту попираемой церкви, и во имя истребления ереси заклинала весь христианский мир не останавливаться ни перед чем и широко применять „всю мощь своей карающей власти". Так как в катарской ереси были налицо элементы, сближавшие ее будто-бы с колдовством, ибо катары превозносили силу дьявола и приписывали ему господство над материальным миром, то карательные органы решили подвергать катаров

тем наказаниям, каким они подвергали наиболее закоренелых колдунов, зловредителей. И в 1022 г. в Орлеане была, по распоряжению французского короля, сожжена первая партия катаров. Выбор этого именно вида наказания мотивировался тем, что сожжение—наиболее болезненное наказание и что оно уничтожает „без остатка" преступника-еретика. Вслед за орлеанским сожжением запылали костры в Тулузе, Лиможе, Монтефорте, Аррасе и друг. местах. Энергичная деятельность светских и церковных судов привела к загону катарской ереси в подполье, в значительной степени. Но процесс разложения феодального и натурального хозяйства продолжался; народное недовольство усиливалось, крепла торговая буржуазия, учащались ее столкновения с церковью, и противоречия общественной жизни выливались в форму религиозного брожения,—рядом с катарством, начавшим постепенно сходить со сцены, появилось близкое ему по духу движение **вальденцев.**

По своему размаху вальденство было гораздо обширнее катарства—настолько, насколько XIII век ушел в своем развитии значительно дальше предшествовавшего ему века, тем более, что крестовые походы ускоряли темп общественной жизни, и Европа за одно столетие пережила больше, чем обычно за два или три столетия. Вальденство стало серьезной опасностью для церкви, и последняя решила напрячь все свои силы для борьбы с этой новой ересью. Церковные суды в глазах папы считались недостаточно сильным орудием для искоренения этой страшной опасности; были об'явлены внутренние крестовые походы, а затем была введена и **инквизиция.**

Инквизиция должна была вырвать из Европы жало ереси.

Но есть ли колдовство—ересь? Ведь ересь характеризуется, во-первых, **ошибкой в мышлении** (error in ratione), а, во-вторых, **упорством** (pertinacia) в этой ошибке. Но ведь колдун, веря в дьявола, не совершает ошибки в мышлении, ибо **дьявол действительно** существует, и упорство колдуна не может быть еретическим, так как он не упорствует в ошибке, а в том, что фактически подтверждается и церковью, и всеми ее авторитетами. Правда, еретиком называется всякий вообще, кто „**либо рождает ложные или новые мысли, либо следует им** (falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur). Но ведь колдун не „рождает" ни ложных, ни „новых" мыслей—и казалось, что все виды колдовства, которое так трудно подогнать под ересь, останутся вне сферы компетенции инквизиционных судов.

И действительно, когда известный своей жестокостью доминиканец-инквизитор Бернард из Ко, прозванный Молотом еретиков, открыл в 1245 году еретическое гнездо в местечке Лемас Сен-Пюэль (между Тулузой и Каркасоном) и привлек к своему трибуналу, в качестве полусвидетелей, полупреступников, поголовно все население местечка, он не счел, в качестве инквизитора, возможным возбудить дело против какой-то колдуньи, заявившей, что она околдовала одежду, пояс и сандалии своих соседок, чтобы предохранить их от всех болезней. Точно также почти нет никаких указаний на колдовских преступников в тех 5600 процессах, какие были возбуждены этим же Бернардом из Ко, хотя он действовал в том районе, который в XIII веке насчитывал не малое количество колдуний и колдунов. И тулузский инквизитор Бернард Ги, действовавший в начале XIV в., не упоминает в своих 600 процессах ни одного колдуна. Правда, это число процессов не охватывает всей деятельности Бернарда Ги; но ничто не заставляет думать, что в неопубликованных процессах этого инквизитора может

оказаться более или менее значительное число колдовских дел.[1]) По-видимому, инквизиторы не считали колдовство ересью, подлежащей преследованию инквизиции, и в течение 60-70 лет с момента учреждения инквизиции обычно оставляли колдунов во власти епископских и светских судов. Однако, постепенно мысль о тесной связи между колдовством и ересью начинает проникать в церковную среду, и все настойчивее выдвигается необходимость включить и колдовство в сферу деятельности инквизиции и отождествить колдунов с еретиками, в частности с катарамм и вальденцами.

Уже в первой половине XIII века против катаров и вальденцев, жестоко преследуемых и потому естественно совершавших свои религиозные обряды тайком, по ночам, в подполье, было выдвинуто обвинение в устройстве „синагоги сатаны". В этой „синагоге" происходят де самые ужасные виды богохульства, церковь и христос подвергаются жесточайшим оскорблениям и для вящего посрамления истинной веры в эту синагогу прибывает сам сатана, которому оказываются отвратительнейшие почести и знаки благоговения. Появление сатаны дает повод и колдунам стремиться в эту синагогу, чтобы там, одновременно с катарами, выразить свои чувства дьяволу и получить от него те или иные указания относительно колдовства. Так происходят общие собрания еретиков и колдунов. Такие собрания не могут не сближать всех поклонников дьявола и сплотить их в почти однородную еретическую массу. На этих собраниях колдуны вступают добровольно в союз с дьяволом и заключают с ним договор, „пакт".

* *
*

Церкви давно был известен „факт" добровольного союза человека с дьяволом,—теперь, со средины XIII в., в связи с синагогой сатаны катаров, эти „пакты" стали обычным явлением—на страницах теологических трактатов; их описаниями пестрят все работы как инквизиторов, так и прочих представителей католицизма.

Первый добровольный и в письменной форме заключенный договор с дьяволом известен еще из жизни набожного Теофила, служившего в Адане в средине VI века в качестве церковного эконома.

Когда аданский епископ умер, решено было избрать Теофила на его место, но из скромности Теофил отказался от епископства и был избран новый человек, не знавший Теофила и сместивший его с поста эконома, так как относился к нему с подозрением, не допуская мысли, что Теофил настолько скромен, что действительно не желал стать епископом. Оскорбленный в своих лучших чувствах, Теофил отправился к одному еврею, известному чародею, с просьбой помочь ему снова занять место эконома. Еврей повел Теофила в городской цирк заранее указав ему, что он не должен ничего бояться и что ему следует лишь осенить себя крестным знаменем. В цирке оказалось множество людей с горящими факелами и с песнями на устах посреди них на троне восседал дьявол и милостиво принимал знаки благоговения. Теофил опустился перед дьяволом на колени и стал целовать его ноги. Дьявол узрел в нем новичка и спросил причину его дерзкого появления в цирке. С глубоким земным поклоном Теофил ответил „Пришел, чтобы беспрекословно тебе повиноваться". Дьявол несколько приподнялся с трона, погладил Теофила по лицу и поцеловал его.

[1]) Главное сочинение Бернарда Ги было впервые опубликовано под [illegible] Practica Inquisitionis hereticae pravitatis в 1886 г. французским епископом [illegible] Дуэ (1848—1915). Ныне его сокращенное издание предпринято издат. „Безбожн[illegible] выйдет на русском языке под редакцией проф. С. Лозинского.

Теофил подпал под власть дьявола, отрекся от Иисуса и Марии и вручил дьяволу собственноручно написанную грамоту, за восковой печатью, о том, что он вступил в дьявольскую рать. На следующий день Теофил с большой торжественностью был епископом восстановлен в качестве церковного эконома, но, будучи „ленником" дьявола, вел горделивый образ жизни; вскоре Теофил почувствовал сильные угрызения совести. В течение 40 дней и ночей он умолял пресвятую деву о помощи; под влиянием беспрестанных молитв дева не только сама смягчилась, но и уговорила сына своего простить грешника. Получив написанную Теофилом грамоту, она положила ее ему на грудь в то время, когда он уснул в церкви. Когда он проснулся и увидел на груди свою грамоту, его экстазу не было конца: он многократно во всеуслышание и самым публичным образом отрекался от своих заблуждений и славословил трижды показавшуюся ему богоматерь. Он сжег грамоту и через 3 дня умер смертью праведника. Впоследствии церковь причислила его к лику святых, и народ широко был оповещен о великом подвиге святого Теофила.

Подвиг был „велик", ибо нарушение дьявольского договора было крайне редким явлением: обычно договор был неразрывен и несокрушим. Он писался кровью добровольно вступившего в союз с дьяволом, прикладывавшим к нему свой коготь.

В богословском трактате, напечатанном в 1625 году Жильбером Восским, помещено факсимиле подобных договоров с подписями: точки, до которых прикасались пальцы дьявола, покрыты ржавчиной и выжжены.

В Парижской Национальной библиотеке хранится факсимиле демона Асмодея и собственноручное письмо его, адресованное аббату Грандье. Письмо это было приобщено к делу 1635 г., возникшему в связи с эпидемией одержимости, охватившей общину урсулинок в Луденском монастыре. Письмо сыграло роковую роль в деле Грандье: он погиб, как вступивший с дьяволом в договор с целью погубить урсулинок Луденского монастыря, вербовавшего своих сторонниц из аристократических фамилий южной и западной Франции.

И о папе Сильвестре II говорили, что он заключил договор с дьяволом. Папа Сильвестр (Герберт) поражал век X-ый огромными математическими и философскими познаниями, которыми он был обязан будто бы пакту с дьяволом. Согласно бенедиктинскому историку Вильгельму Мальмесбэри, Герберт родился в Галлии и в свою бытность монахом бежал в Испанию, где изучал у сарацин астрологию и магию; вскоре один мусульманский философ взял его в свой дом и научил его чернокнижию, благодаря чему он вступил в дружбу с дьяволом. Последний обещал ему содействие в достижении папской тиары. Вернувшись во Францию, Герберт открыл школу и имел многочисленных учеников, между прочим французского короля Роберта. Шумный успех руководителя школы обеспечил ему епископское кресло в Реймсе. Но епископство его не удовлетворило и он переселился в Рим, где нашел в подземелье хранившийся клад императора Октавиана. Золото открыло ему путь к папскому престолу, и Герберт стал папою Сильвестром II[1]). Он изготовил магическую голову, которая отвечала на все его вопросы; от нее он узнал, что умрет лишь тогда, когда отслужит молитву в Иерусалиме. Сильвестр решил никогда не ездить в Иерусалим. Однажды ему пришлось совершить молитву в церкви „Святого креста, что в Иерусалиме", и он после молитвы тяжко захворал. Магическая голова указала ему на ловушку, в которую он

[1]) О папе Сильвестре см. известный труд проф. Н. М. Бубнова, Сборник писем Герберта, 1890, 3 тома.

по собственной вине попал, и Сильвестр понял, что наступил час смерти. Он созвал кардиналов, открыл свою тайну и был живьем разрезан на части и выброшен из храма. По другой версии, его тело положили на телегу с волами, и он был похоронен на том месте, где волы стали; затем кости были положены в мраморный гроб, и с тех пор пред смертью каждого папы этот гроб покрывается большою массой пота. Хронист Зигеберт (ум. 1113), наоборот, не упоминает о гробовом поте и заявляет, что Сильвестр не покаялся и был унесен чертом.

О некоторых случаях добровольного договора с чертом говорит и Вальтер Map, указывая в частности на то, что „договорная грамота" зашивалась колдунами под кожей, и пока она там находилась, им ничто не угрожало; наказание могло их постичь только после извлечения из под кожи этого договора. Цезарий Гейстербахский нам и рассказывает, как один священник узнал благодаря некромантии, что под кожей у двух колдунов зашит договор с дьяволом. Узнав об этом, священник известил епископа, который извлек из под кожи колдунов этот пакт и подверг преступников сожжению. Это было большим торжеством церкви, до того времени бессильной в отношении этих двух колдунов. Около 1270 г. известный немецкий проповедник Бертольд из Регенсбурга публично заявлял, что договоры с дьяволом заключаются с целью нахождения скрытых в земле кладов. Такого же мнения был и Фома Аквинат, который различал два вида договоров: молчаливый и торжественно заключенный, так сказать официальный.

В виду огромной роли, которую играл Фома Аквинат в течение ряда столетий, необходимо посвятить ему несколько строк.

Начиная со времени появления в середине XIII века главных сочинений Фомы Аквината „Сумма теологии" и „Сумма философии", Фома и по сие время считается ортодоксальными католиками авторитетнейшим учителем. Он,—„отец церкви", „церковный учитель", „князь (princeps) теологов", „доктор—ангел" (doctor angelicus). Папы и соборы неоднократно словословили его и ставили свои деяния под сень этого авторитета. Папа Лев XIII, в самом начале своего понтификата (1879 г.), разослал „всем патриархам, примасам, архиепископам и епископам католического мира" специальную энциклику, где Фома Аквинат об'являлся учителем всей философии и богословия. „Среди великих учителей схоластики далеко опережает всех прочих князь и магистр Фома Аквинат".

Можно сказать, что в соборах Лиона, Вьенны, Флоренции, Ватикана присутствовал святой Фома, который разбил с сокрушительной силой все ошибки греков, еретиков и рационалистов. Величайшая почесть, которая не выпадала на долю никого другого из учителей, была оказана Фоме отцами тридентского собора, когда они во время торжественного заседания возложили на алтарь вместе с священным писанием и папскими энцикликами книги святого Фомы, чтобы черпать из них советы, правила и доказательства".

И из этих книг явствует, что ошибочно, преступно считать веру во всемогущество дьявола иллюзией, что дьявол есть действительный глава целого демонского царства, что демоны с попущения божьего обладают силою портить погоду, приносить людям всякого рода зло и мешать находящимся в браке выполнять их супружеские обязанности. Мало того: „когда от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, то они произошли не от семени дьявола или того образа мужчины, в который воплотился дьявол, а от того семени, которое

приобрел дьявол от другого мужчины. Дьявол „в образе женщины, совокупляющийся с мужчиной, может принять и образ мужчины и совокупляться с женщиной" (Summa Theol; часть I, вопр. 51, а. 3)

И эту „мысль" великий Фома всячески повторяет и в „Сумме против язычников", подробно останавливаясь на чародеяниях всяких колдуний и волхвов и оперируя такими понятиями, как incubus (лежащий на женщине мужчина—дьявол) и succubus (дьявол—женщина, лежащая под мужчиной). Богословски и философски обсудив эти положения, Фома допускает, впрочем, что есть дьяволы, которым благородство их натуры (ex nobilitate naturae) не позволяет прибегать к некоторым деяниям; они даже чувствуют к ним отвращение.

Вся эта философия находит одобрение не только в век „особливо дьявольский", как называет XIII-ый век Густав Росков, но и в наши дни. В 1889 г., ровно через 100 лет после Великой Французской Революции, в эпоху международной борьбы рабочего класса, по распоряжению и на средства наместника бога на земле вновь были напечатаны „бессмертные" труды Фомы Аквината,—конечно с тем, чтобы верующее человечество твердо усвоило все изречения Фомы о „сверху" и „снизу" лежащих дьяволах (инкубах и суккубах). И по какой то непонятной стыдливости немецкий переводчик „Сумм", доминиканец Чеслав-Мария Шнейдер, опустил некоторые места, казавшиеся ему, повидимому, чересчур циничными, хотя с чисто иезуитской честностью он в предисловии говорит о совершенно полном немецком переводе творений Фомы[1]).

Почти одновременно с Фомой Аквинатом о деяниях дьявола, о заключении с ним добровольного договора и о близости к дьяволу колдунов заговорил и папа Григорий IX. Его выступление в защиту тезиса о существовании вредоносного дьявола было вызвано „чрезвычайно серьезными мотивами".

Жители округа Штединга (в Ольденбурге), крепкие и зажиточные крестьяне, происходившие из Фрисландии, имели частые столкновения с бременским архиепископом на почве нежелания крестьян платить десятину и другие повинности. Так как упорство штединг-ских жителей наносило ущерб материальным интересам бременской епархии, то архиепископ испросил в 1198 году разрешения папы предпринять крестовый поход против „еретиков", не повинующихся требованию церкви. Папа считал, что отказ от установленной церковью десятины—достаточный повод для об'явления крестового похода, и Штедингу была, казалось, приуготовлена тяжелая судьба.

Однако, фризско-штединг-ские крестьяне оказались упрямыми и храбрыми вояками, и спор затянулся: крестоносные отряды терпели одну неудачу за другой, а бременская церковь оставалась без десятины. При таких обстоятельствах решено было прибегнуть к очень серьезным мерам. В Риме заговорили о необходимости создания „многотысячной" крестовой армии, об устрашающем наказании штединг-цев и об искоренении ереси, подрывающей материальные ресурсы церкви.

И папа Григорий IX, полный ужаса и возмущения по поводу тех страшных преступлений, которые совершаются насильниками и безбожниками, называющими себя штединг-цами, опубликовал в 1233 г. буллу, в которой подробно излагались „неслыханные и невиданные по своей гнусности дела" жителей округа Штединга. „Когда в эту

---

[1]) Graf von Hoensbroech, Das Papsthum in seiner Sozial-Kulturellen Wirksamkeit, 2 т., Лейпциг, 1900.

школу отверженных вступает новый человек,—писал глава христианского мира,—ему является видение в образе лягушки, которую иные называют жабой. Некоторые гнуснейшим образом целуют ее зад, другие рот и тянут ее язык и слюну, вкладывая их в свой собственный рот. Иногда жаба принимает натуральную величину, иногда она разрастается до гуся или утки, а временами она величиной в кухонную печь. Далее новичку появляется удивительной бледности мужчина с поразительными черными глазами, худой и истощенный, без всякого мяса, из одних лишь костей. Новичек целует этого кащея и после поцелуя теряет всякое воспоминание о католической религии и из его груди совершенно уже вырвана мысль о вере. Затем садятся за трапезный стол, а по окончании трапезы из стоящей возле стола статуи вылезает черный кот, ростом с собаку, он плетется задом с опущенным хвостом. Кота целуют все наиболее достойные; те, которые не имеют права его целовать, получают, однако, прощение от старейшего учителя, который обращается к коту с просьбой о прощении, сопровождающейся заверениями других о готовности слушаться и покоряться всем приказам черного кота. После этого гушатся огни и начинаются отвратительнейшие оргии, не взирая ни на какое родство и т. д. Если мужчин оказывается больше, нежели женщин, то мужчины живут половой жизнью с мужчинами же, и отвратительные оргии принимают чрезвычайно противоестественное течение. Точно также поступают женщины, если их больше, нежели мужчин. Удовлетворив временно свою похоть, они снова зажигают огни; из темного угла появляется человек, верхняя половина которого сияет солнечным светом, а нижняя половина темна, как знакомый уже нам черный кот, но комната освещается лучами верхней части этого человека. Старейший учитель отрывает кусок одежды новичка и передает его сияющему со словами: Господин, я это получил, а теперь передаю тебе. Сияющий в ответ: Ты хорошо мне служил и еще лучше и вернее будешь мне служить; твоему попечению передаю то, что я от тебя получил. Сияющий мгновенно исчезает".

И булла Григория IX, передавая с „ужасом" все подробности этих „событий", точно боясь пропустить какую либо деталь и стремясь быть копией того, что действительно творится в пределах бременских епархий, в заключение восклицает: „Кто может не раз'яриться гневом от всех этих гнусностей!? Кто устоит в своей ярости против этих подлецов (Filii nequitiae)!? Где рвение Моисея, который в один день истребил 20 тысяч язычников? Где усердие первосвященника Финееса, который одним копьем пронзил и иудеев, и моавитян? Где усердие Ильи, который мечом уничтожил 450 служителей Валаама? Где рвение Матфия, истреблявшего иудеев? Воистину, если бы земля, звезды и все сущее поднялись против подобных людей и, не взирая ни на возраст, ни на пол, их целиком истребили, то и это не было бы для них достойной карой! Если они не образумятся и не вернутся покорными, то необходимы самые суровые меры, ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать мечом и огнем; гнилое мясо должно быть вырвано".

И булла, адресованная 13 июня 1923 г. на имя епископов Майнца и Гильдесгейма и известная под названием „Голос в Риме" (первоначальные слова буллы) настаивает на вмешательстве в дело штединнцев светского меча и на вооруженном походе против них всех верующих во христа. „Мы же в уповании на божественное мягкосердие и на мощь апостолов Петра и Павла предоставим отпущение грехов в силу данной нам власти развязать и отпускать всем, которые вооружатся

и предпримут поход с целью искоренения этих еретиков, те же права и преимущества, которые даруются идущим в крестовый похот в святую землю".

То был первый, раздавшийся с высоты папского престола, призыв действовать огнем и мечем против тех, которые очутились во власти „лягушечно-кошачьего" дьявола, принимающего иногда размеры „кухонной печи". Призыв папы возымел, разумеется, свое действие, и со всех концов северной Германии люди толпами стали устремляться в Бремен, где должен был быть назначен исходный пункт крестового похода.

„26 июня, пишет историк Шумахер, [1]) посвятивший специальную монографию штедингцам, крестоносцы вторглись в восточную часть Штединга. Разгромы и грабежи приняли широкие размеры. Убивали и детей, и женщин. Земля и небо становились красными от пролитого моря крови. Но не только пожиравший целые деревни огонь свидетельствовал о безумной ярости шедших под знаменем церкви людей; это подтверждало и пламя костров, в которые бросали взятых в плен, и неимоверная жестокость творилась именем религии, именем христа. Однако, штедингцы не поддавались. Отступив в западный угол своего большого округа, они создали в нем неприступную позицию и даже целиком истребили отряд в 200 рыцарей, во главе с графом Бурхардом Ольденбургским".

Когда бременский архиепископ Гергард убедился, что папскими „мечем и огнем" не истребить дьявольских сынов, он решил прибегнуть к действию водою и уничтожил шлюзы и плотины рек и ручьев штедигенской области. Но и тут крестоносцев постигла неудача, и поход пришлось отложить до весны 1234 г. С первыми весенними днями появились, по словам аббата Эмо из Витт-Верума, словно тучи (quasi nubes), в Рейнланде, Вестфалии, Голландии, Фландрии и Брабанте целые толпы проповедников, которые звали и приглашали знатного и простолюдина на святое дело истребления впавших в чертовщину еретиков. Некоторые из проповедников забрели даже в Англию, доказывая бенедиктинцам Сент-Албанса необходимость участвовать и им в походе, так как штединтское зло может далеко распространиться и охватить весь христианский мир.

В апреле 1234 г. весь цвет германского рыцарства тронулся в поход.

На лицо были: граф Людвиг Равесберг, граф Флорентин Голландский, граф Отто Гельдернский, герцог Генрих Брабантский, Адольф VII Бергский, Вильгельм VI Юлихский, Дитрих из Клеве и многие другие.

День 25 мая, посвященный св. Урбану, первому папе, провозгласившему крестовый поход, был торжественно отпразднован с'ехавшимися в Бремен рыцарями, а через два дня огромная армия, насчитывавшая до 40 тыс. человек, в сопровождении высших представителей духовенства и под церковное пение, тронулась в путь и при деревне Альтенеш завязался бой между крестьянами и крестоносцами. 6.000 крестьянских трупов покрыли местность у деревни Альтенеш, и папа Григорий IX, опасаясь, что рядом с трупами „еретиков и проклятых" мертвым сном покоятся и праведники из крестовой армии, распорядился снова освятить церкви и кладбища близлежащих местностей и воздвигнуть особый крест в память события, ежегодно воспеваемого в бременском соборе при торжественных процессиях, как избавление

[1]) Die Stedinger, Бремен, 1865.

долины нижнего Везера от страшного зла. Жертвующему в „день Альтенеша" мылостыню дается двадцатидневное отпущение грехов, и еще в 1511 году бременское духовенство напоминает своей пастве о необходимости празднования дня победы над штединнцами, самое имя которых, по словам Риполла, книга которого одобрена святейшим Бенедиктом XIII, означает „смесительство", ибо штединнцы прибегали к самому отвратительному виду „кровосмесительства".

Призывая к поголовному истреблению штединнцев и описывая в булле „Голос в Раме"[1]) подробности мнимого ритуала страшных еретиков из Штединга, Григорий IX отождествлял их с катарами и вальденцами и в то же время сближал этих еретиков с колдунами, которые, правда, до сих пор не считались еретиками в прямом смысле этого слова, но которые в своей „практике", в своих „ритуалах" будто были близки катарам. Ведь катары на своих тайных собраниях, на синагогах сатаны, якобы совершали те же отвратительные акты, что и колдуны, а так как катары представляют собою еретиков, то и колдуны не могут не быть еретиками, подлежащими ведению инквизиции.

Как колдуны, так и еретики являются вассалами своего сеньера—дьявола и приносят ему обычный в феодальном мире гомагиум (почтение), выражающийся поцелуем. Если место поцелуя отвратительно, то это, по мнению Вильгельма Парижского, об'ясняется тем, что именно из-за отвратительности акта бог его допускает, и если бы он не был так гнусен, то был бы вообще невозможен. И на тему о синагогальных оргиях, о дьявольских поцелуях, о ночных собраниях еретиков и колдунов, о блуде, богохульстве, о повальном грехе, о содомских извращениях пишутся многочисленные „ученые" и „неученые" работы, выводы которых сводятся к тому, что еретики и колдуны мало чем отличаются друг от друга, и если первые подлежат инквизиционному суду, то нет основания из'ять вторых из под его власти, так как в действиях колдунов еретический элемент достаточно силен, чтобы останавливаться еще на вредительской стороне их деятельности.

Они в большей степени грешники, чем преступники; они не должны пользоваться „льготами" светских и епископских судов. И авторитетный инквизитор Николай Эймерик много раз в своем руководстве подчеркивает, что с юридической точки зрения важно не зловредительство колдуна, а характер его связи с дьяволом и выяснение того, требует ли колдун от дьявола того, что, по учению церкви, доступно исключительно лишь богу. Если он этого требует и верит что дьявол не уступает во всемогуществе богу, то он еретик, ибо это есть ошибка в мышлении (error in ratione).

Сближение колдунов с катарами, сделанное церковниками в интересах распространения на первых жестоких норм инквизиционного судопроизводства, вело к тому, что из индивидуального преступления колдовство превратилось как бы в коллективное, и возникла мысль

---

[1]) Рама (собственно—„высота")—название нескольких местностей в Палестине, сохранившиеся в некоторых случаях поныне в форме er—Râm. Наиболее известен тот город Рама, где будто родился, жил и умер израильский пророк Самуил. Город этот находился на расстоянии шести римских миль от Иерусалима, против Бет-Эля. Средневековые библейские комментаторы нередко толковали слово „Рама" не как собственное имя, а как обозначение понятия—„громкий голос". Рама, под греческим именем Аримафия, упоминается в евангелиях, в Аримафии жил", согласно еванг. от Иоанна (XIX, 38—42) и Лук. (XXIII, 50—53), Иосиф Аримафейский, который будто испросил у Пилата позволения снять тело Иисуса с креста.

о колдовской секте, члены которой, собравшись группой, совершают общий акт поклонения дьяволу, получают от него общие указания и совместно осуществляют его волю, его приказания. Разумеется, групповые, сектанские преступления приобретали в глазах церкви более тяжкую форму, чем индивидуальные, и с конца XIII века каждый разоблаченный колдун влечет за собою розыски его сообщников, братьев по секте. Эти розыски, сопровождавшиеся в инквизиционном судопроизводстве „сознанием" преступников во время пыток, выдачей мнимых соучастников преступления, доносами, ссылкой на общее мнение, разными формами подозрения, временным заключением на предмет более определенного установления вины, стали ныне применяться к получившему характер сектанского движения колдовству и вызвали здесь такие же отвратительные явления, как и при преследовании других видов ереси. Начинаются массовые казни и открытия целых гнезд колдунов.

Оправданием для вмешательства инквизиции послужили еще постановления папы Александра IV и ряда богословских авторитетов о том, что в круг ведения инквизиции входит не только ересь в узком смысле, но и все, что „явно пахнет ересью (haeresim manifeste sapit). Разумеется, установление „пахучести" дела предоставлялось произволу суда, которого нисколько не ограничивала оговорка о „явности" еретического запаха. Бесконечные схоластические толкования выражения „явно пахнет" в конечном счете клонились к подведению всякого колдовства под понятие о ереси, подлежащей инквизиционному суду. Так синагоги сатаны с их собраниями, на которых приносилось почтение (гомагиум) дьяволу, имели роковое значение для колдунов, загнанных этим „коллективным почтением" в страшные колодки инквизиционного суда.

Эти же синагогальные собрания расширили и об'ем представлений о колдовстве и создали новый вид околдовства,—мы имеем в виду ведовство.

Синагогальные собрания изображались злостными фантазерами в виде многолюдных сходок, на которых присутствовали катары, вальденцы и колдуны из разных местностей; чем больше было посетителей на этих сходках, тем более торжественный они носили характер и тем ярче проявлялись на них блуд, богохульство и поклонение дьяволу. Инквизиторы поэтому подчеркивали многолюдность собраний и утверждали, что истинное число их посетителей скрывается попавшим в руки суда еретиком. Необходимость изобретения „огромных сходок" толкала богословскую мысль на путь преодоления дьяволом дальности расстояния и перебрасывания им своих поклонников с места на место с помощью наделения их способностью летать по воздуху и совершать в нем самые далекие путешествия. Об этой способности говорил еще Августин Блаженный, и если он определенно утверждал лишь о фантастикуме, т. е. о перелетах души, то вопрос о телесном путешествии по воздуху он оставлял открытым, заявляя, что не знает,—вознесся ли к третьему небу апостол Павел телом или душою. Колебания Августина составляли предмет бесконечных рассуждений богословов. Казалось, что канон Episcopi долгое время приписываемый анкирскому собору, IV в., решал этот вопрос бесповоротно в сторону невозможности телесных полетов и снимал его окончательно с обсуждения, заявляя, что вера в ночные путешествия людей по воздуху является впадением в заблуждение язычников и вселяется маловерным волею не божественного, а злого духа.

На самом деле, однако, этот канон оказался бессилен в борьбе с церковной схоластикой, продолжавшей, после некоторых колебаний и временной нерешительности, утверждать—сначала возможность, а затем и реальность воздушных человеческих путешествий.

В виду огромной роли, которую играл канон Episcopi в католической литературе, приводим его полностью согласно „Корпусу канонического права" (2-е изд., Лейпц., 1879, стр. 1030-31).

Он гласил:

„Епископы и священники должны стараться всеми силами искоренить совершенно из своих приходов дьяволом изобретенное пагубное искусство гадания и колдовства, и если кого-либо, мужчину или женщину, заподозрят в принадлежности к подобного рода преступлению, пусть епископы и священники изгонят их из своих приходов самым постыдным образом, ибо апостол сказал: „Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковый развратился и грешит, будучи самонужден" (Послание к Титу, гл. III, стр. 10, 11). Будучи развращены, пленены дьяволом и покинуты создателем, они ищут помощи у дьявола, а посему церковь должна быть очищена от подобной заразы. Не следует упускать из внимания и того, что некоторые преступные женщины, совратившиеся вслед сатаны (1 посл. к Тимофею, 5, 15) и соблазненные внушением и нашептываниями демонов, верят и утверждают, будто они ночною порой скачут на каких-то животных с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и бесчисленным множеством других женщин и будто они проносятся таким образом в безмолвии глубокой ночи через необозримые пространства, повинуясь во всем велениям богини и являясь по ее вызову на служение ей в известные ночи. И пусть бы они одни погибали в своем неверии, а то они увлекают на путь погибели и других. Ибо бесчисленное множество, обольщенное этим ложным мнением, верит, что это правда и, веря так, уклоняется от правой веры и впадает в заблуждение язычников, полагая, что, кроме единого бога, существуют какие-то другие божественные существа. А посему священники во вверенных им церквах со всею настоятельностью должны проповедывать народу, что все это сущая ложь, и внушать, что подобные видения вселяются в души маловерных силою не божественного, но злого духа. Именно сам Сатана, который преображается в ангела света, пленяет женщину, подчиняет ее себе, понуждает к отпадению от веры, затем принимает образы и подобия различных лиц и ведет с нею во время сна демонскую игру, показывая ей то веселые, то печальные виды, то знакомых, то незнакомых лиц. При этом совратившийся ум полагает, что все это происходит не духовно, но в телесном виде. С кем же, конечно, не бывает, что в ночных грезах он будто покидает самого себя, и кто во сне не видывал того, чего не приходилось никогда видеть наяву. Но кто же может быть столь глуп и безрассуден, чтобы все подобное, что происходит с духом, относить и к телесному существованию? Пророк Иезекииль, как он сказал, видел и слышал господа не в плоти, но в духе; и ап. Павел не решился сказать, что был восхищен в плоти. Посему всенародно должно быть об'явлено что тот, кто верит чему-нибудь подобному, является отступником от веры; а кто не имеет правой веры в бога, тот уже не чадо божье, а чадо того, в кого он верит, то есть дьявола. Ибо самим господом написано: „вся тем быша" (еванг. от Иоанна, 1,3). Следовательно, если кто верит в возможность того, что какое-либо существо может измениться или преобразиться в лучшее или худшее состояние, в иной образ или подобие без участия самого создателя,

который все творит и которым все создано, тот, вне сомнения, неверный и хуже язычника (2-я часть Декрета Грациана, предм. XXVI, вопрос V, канон XII)[1]).

* * *

В духе этого канона Альберт Великий, как и Александр Гальский, заявляет, что ламии (летающие существа женского рода) вовсе не являются ни демонами, ни людьми; они—кровожадные звери, принимающие лишь образы женщин, но они не опасны ни для женщин, ни для мужчин. Против этого мнения, хоть и опиравшегося на канон, богословская „наука" выдвигала два аргумента. Во-первых, доказана сила дьявола, двигающая по воздуху телесное существо; во-вторых, известны факты вознесения человека в высь, так называемый рапт, о котором говорил убедительнейшим образом Августин Блаженный. О безансонском епископе Антидии, например, было известно, что он в несколько часов совершил ночной полет из Бензансона в и обратно. Это чудесное путешествие было описано в его „Житии" в XI веке; оно было подтверждено в том же веке Зигбертом из , а позже и Викентием из Бове. И знаменитый Цезарий Гейстербахский около 1220 г. рассказывает, как в Гасселъте одна женщина задом вылетела из бочки, крикнув: „вот я из власти бога передаю себя во власть дьявола". Дьявол немедленно ее подхватил, и изумленный народ долго глядел, как она неслась высоко над горами и лесами. Тому же Цезарию был известен и случай с северо-французским рыцарем, который за одну ночь пропутешествовал в воздухе из своего дома в Индию и обратно, несомый дьявольской мощью. По скорости полета с ним мог конкурировать разве тот крестоносец, который за час на заколдованном коне прилетел из Иерусалима в Льеж и обратно.

Летчики иногда и терпят крушения, как констатирует тот же Цезарий: так, за иглу на башне в Изенбурге зацепился летевший на черном быке пономарь. Гораздо счастливее его оказался любекский монах, поднявшийся далеко выше купола всех любекских церквей. Но не только несколько „легковерный" Цезарий приводит в большом числе „несомненные" доказательства ночных полетов,—от Цезария ничем по существу не отличается серьезный и авторитетный доминиканец Томас из Шантемпрэ (Кантипританус), близ Камбрэ.

В своем „Пчелином государстве" (см. А. Кауфман, Томас Шантемпрэ, на нем. яз., 1899) Томас приводит немало эпизодов в духе Цезария и рассказывает нам, как некоторые мужчины играли роль путеводителей для множества крестоносцев; путь в Палестину был хорошо знаком этим путеводителям, ибо они ночью на своих волшебных конях нередко перелетали из Иерусалима в разные города Западной Европы.

Тот же Томас упоминает о том, как в 1256 г. в Брабанте опасно заболевшие женщины уносились из кровати дьяволом, заменявшим их другими „ложными телами" (figmenta); последние умирали, их хоронили, а улетевшие женщины продолжали спокойно где-то жить,

---

[1]) Кельнский ученый Иосиф Ганзен убедительно доказывает, что пресловутый канон „Епископы" не был принят ни собором в Анкире (ныне—Ангора), ни другим собором. Скорее всего мы здесь имеем дело не с каноном и даже не с церковным каким-нибудь решением, а со светским распоряжением, ошибочно приписанным собору и вообще духовной власти. Эта мысль проф. Ганзена, как нельзя лучше, подтверждается упомянутыми нами распоряжениями лонгобардского короля Ротара и императора Карла Великого, так резко осудивших веру в полет ночных женщин.

как ни в чем не бывало. Томас нисколько не удивляется этому: ведь даже самые обыкновенные колдуны при фараоне могли превращать палку в змея, вызывать лягушек и воду обращать в кровь...

И как, в самом деле, можно было отрицать за дьяволом способность переносить человека по воздуху, раз человеческая душа, человеческий дух может приводить в движение наше тело, телесное существо? Ведь дух дьявола сильнее человеческого духа, и то, что доступно последнему, не может не быть доступным и первому. Сомневающимся указывали на последние две главы книги Даниила, в которых говорилось о полете Хабакука[1]), а также на унесение дьяволом Иисуса на вершину храма, а оттуда на высокую гору.

Но как примирить эти факты и выдвинутые богословской мыслью теоретические положения с знаменитым каноном Episcopi, считающим полеты женщин бредовой фантазией людей, ставших хуже язычников? Сколько изощренности и лукавой мудрости было потрачено, чтобы смягчить запрещение веры в летающих ночных женщин и добиться того, что канон этот по существу вовсе не исключает возможности веры в женский ночной полет, а когда „факты", собранные инквизицией под пыткой, засвидетельствовали „реальность" этих полетов, не трудно было робкие высказывания о совместимости канона „Епископы" с верой в ночные полеты превратить в твердое категорическое положение и воспеть победный гимн в честь истины, гласящей: вступившие в договор с дьяволом женщины, получившие название ведьм, слетаются ночью на свои собрания, именующиеся шабашом.

Выгодное для инквизиции толкование канона началось с утверждения, что канон не имел в виду тех женщин, которые привлекаются к ответственности в качестве ведьм; женщины канона „Епископы" не отрицали ведь христа, не поклонялись дьяволу, не блудствовали с ним и не причиняли малефиций. Летающие по ночам женщины вместе с Дианой или Иродиадой действительно представляют собою жалкую фантазию, вера в которую была осуждена пресловутым каноном; но из этого не следует делать вывода, что околдованные женщины, исповедующие самые отвратительные учения, должны отождествляться с упоминаемыми каноном женщинами и не могут летать по воздуху и совершать самые ужасные преступления. Ежедневные факты свидетельствуют, что канон не может относиться к этому новому виду преступления, с которым инквизиции впервые пришлось столкнуться в 1239 г.

В этом именно году были в один день сожжены в Монт-Эме близ Шалона на Марне 182 катара; сожжение носило очень торжественный характер и собрало много представителей духовенства и массу горожан и крестьян. Инквизитору удалось добиться от одной преступницы сознания, что она в одну ночь совершила полет из Шампани в Милан, где присутствовала на торжественной трапезе, совершавшейся миланскими и иными катарами. При своем воздушном путешествии она, вместо себя, оставила в кровати рядом с мужем дьявола, принявшего ее образ и ввергшего ее мужа в заблуждение относительно ее исчезновения. Правдивость и точность этих слов тем меньше могли вызывать сомнения, что сознания этой „жалкой катарки" добился

[1]) Хабакук или Аввакум—пророк, автор названной по его имени восьмой книги сборника так назыв. „Двенадцати пророков". В греческих прибавлениях к книге Даниила рассказывается, что Аввакум, будучи в Иудее, чудесным образом был ангелом перенесен в Вавилон, к львиной яме, где содержался Даниил, для того, чтобы доставить узнику пищу.

известный инквизитор Роберт Ле-Бугр, который в течение 20 лет был в Милане катаром, прекрасно знал нравы и верования этой секты и в 1233 г. был назначен папою Григорием IX инквизитором, чтобы, применяя свои обширнейшие знания в этой области, лучше служить делу искоренения ереси.[1])

Случай в Монт-Эме с „очевидностью, бросавшейся в глаза", показал возможность многолюдных ночных собраний, не считавшихся ни с дальностью расстояния, ни с различием языков и обычаев, ни с полом, ни с возрастом. Отныне инквизиция заговорила о слетающихся из разных концов Европы стаях и для уловления этих преступников разбросила по многим странам настоящую сеть инквизиционных трибуналов. Эти собрания, получившие название шабаш, были почти однообразны, построены в общем по одному и тому же типу, с одинаковым ритуалом.

Различали по многолюдности два вида шабаша: малый и большой. На большой собираются ведьмы целого округа, обычно на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть на шабаш, ведьмы пользуются специальной мазью, приготовленной из печени детей, умерших некрещеными. Достаточно ведьме намазать себе тело этой мазью, произнести магическое слово и сесть верхом на помело, чтобы сейчас же полететь по воздуху и очутиться на месте шабаша. Ветер, буря, дождь, время, расстояние, тьма и иные помехи отступали перед магическими словами ведьмы, вылетавшей то из трубы, то даже из герметически закрытой комнаты. Однако, прибыв на место, ведьмы подвергались осмотру и должны были доказать, что имеют на теле „печать сатаны", т. е. места, до которых некогда дотронулся дьявол, сделавший их на веки нечувствительными. После этого начиналось поклонение сидевшему на троне дьяволу, украшенному длинным хвостом и имевшему козлиные ноги и крылья, как у летучей мыши.[2])

На шабаше все происходило наизнанку: дьяволу отвешивали низкие поклоны, повернувшись спиной; отрекались от бога, богородицы, святых и посвящали себя дьяволу. Сатана издевался над крещением, заставлял всякого наступать на крест; ведьмы и колдуны, имея в руках факелы, бешено танцовали, повернувшись друг к другу спинами; в полночь падали ниц и затем открывалось пиршество. В изобилии пожирались жабы, а также печенки, трупы и сердца детей, умерших некрещеными; пиршество сопровождалось циничными танцами и ужасными оргиями, за которыми следовала черная обедня. Облаченный в черную ризу дьявол зло издевался над христианской службой и предлагал для поклонения огромную красную морковь. До появления зари и пения петухов происходило пиршество в перемежку с тан-

---

[1]) Бывшие катары и перешедшие затем в лоно истинного католицизма Роберт Ле-Бугр, Петр из Вероны и Райниер Саккони были самыми грозными инквизиторами в XIII веке; их руками были сожжены сотни катаров и вальденцев.

[2]) Описание шабаша далеко не у всех „специалистов" совершенно одинаково. Так, известный своей жестокостью французский судья Николай Реми, прозванный лотарингским Торквемадой, в своем сочинении „Демонолатрия" говорит, что ведьмы на своих шабашах ели пищу, получавшуюся из Саламанки, пища не имела соли. (Повидимому, какой-то каламбур: Саламанка могла означать недостаток соли). В пищу никогда не шел также хлеб, чтобы избежать даже намека на евхаристию. На шабашах ведьмы собирают тучи и вызывают бури,—вот почему, рассуждает Реми, при грозе необходимо звонить в церковные колокола, так как этим отгоняется дьявол, а также рассеивается шабашная сходка (О церковных колоколах на службе магии и паризма—см. книжку проф. Гидулянова, изд. „Атеист", 1930). В Лотарингии шабаши обычно происходили по субботам и средам; однако, прибавляет Реми, изредка и в другие дни устраивались дьявольские и ведовские собрания.

цами, оргиями и карикатурной церковной службой. Первые лучи света разгоняли ведьм и они разлетались, точно пуганые вороны. На пути они выбрасывали свои мази и яды на жатву и тем ее губили; если путь был очень далек, ведьмы оборачивались в домашних животных и незамеченными возвращались домой.

Не следует думать, что ведьмы причиняли обществу вред лишь в дни шабаша.

Нет, с первого момента знакомства с дьяволом на людей сыпались разные бедствия, главным образом, благодаря магическому порошку, который вручался дьяволом ведьме в качестве символа заключенного союза. Ведьмы систематически и упорно разбрасывали щепотки этого порошка, изготовленного из толченых костей мертвецов с пеной жаб, и от этого гибла жатва, поля покрывались червями, жабами, сусликами и змеями, умирали и люди, и пища, в которую попадал порошок, отравлялась и причиняла верную гибель человеку. Мало того, с помощью магической палочки, которой ведьма ударяла по луже, она вызывала проливные дожди и грозный град, переносила плодородие с поля одного крестьянина на поле его соседа и т. д.

Все это ведьма производила как по собственной воле, так и по приказу дьявола, и если она пыталась не повиноваться ему, он бил и терзал ее, вселялся в нее и делал ее одержимой, т. е. ее устами изрекал кощунства, ее руками причинял скверну, ее ногами топтал чужую жизнь и чужое имущество и вообще всячески издевался над нею и она оказывалась не менее опасной, чем в состоянии активного ведовства.

Нельзя сказать, что ведьмы счастливы: в огромном большинстве случаев дьяволы не исполняли тех обещаний, которые они давали при заключении договора: обещанные деньги и драгоценности вскоре превращались в мусор, жаб и кротов, и дьявол обманывал всех, кто только с ним вступал в какие-либо сношения[1]).

Повидимому, первой жертвой этого нового вида преступления когда женщина обвинялась в сожительстве с дьяволом и производила ночные путешествия по воздуху на шабаш, нужно считать 56-ти летнюю аристократку из Тулузы—Анжелу Лабарт, у которой от сожительства с дьяволом родилось чудовище с волчьей головой и хвостом дракона. Каждую ночь Анжела крала маленьких детей, которыми она кормила свое чудовище. Все эти факты с большой достоверностью, тем меньше исключающей сомнение, что Анжела сама созналась, что еженочно совокуплялась с дьяволом, были установлены инквизитором Гуго Лениолом, который и сжег преступницу на большом ауто-да-фе в 1276 году.

---

[1]) Кроме указанной литературы, см.: Дуэ, Южные еретики в XIII веке, 1891 (на франц. яз.); Молинье, Инквизиция на юге Франции в 13 и 14 веках, 1880 (на франц. яз.); Штаппер, Папа Иоанн XXI, 1898 (на нем. яз.); Гильдемейстер, Немецкая народная жизнь в 13 в., 1889 (на нем. яз.); Газак, Христианская вера германского народа на исходе средневековья, 1868 (на нем. яз.); Янсен—Пастор, История германского народа, в особенности 8-ой том, несколько изд. на немецк. яз.; Вехтер, Очерки по истории Германии, 1845 (на нем. яз.); Шницер, Католическое брачное право, 5 изд., 1898 (на нем. яз.); Фридберг, Каноническое и церковное право, 1896 (на нем. яз.); Прунер, Руководство по католической моральной теологии, 1875 (на нем. яз.); Гепферт, Моральная теология, 1897 (на нем. яз.); Липперт, Христианство, народные верования и обычаи, 1881 (на нем. яз.); Реньяр, Умственные эпидемии, 1889; Кестлин, История дьявола и веры в ведьм, 1882 (на нем. яз.); Мейер, Период ведовских процессов, 1882 (на нем. языке); Кантарович, Средневековые процессы против ведьм, 1899; Н. Сумцов, Очерк истории колдовства, 1878, Жан Маркс, Инквизиция в Дофинэ, 1914 (на франц. яз.); Л. Танон, История французских инквизиционных трибуналов, 1893 (на франц. яз.); Жан-М. Видаль, Инквизиционный трибунал в Памье, 1906 (на франц. яз.); А. Тюберевиль, Средневековая ересь и инквизиция, 1920 (на англ. яз.); Вакандар, Инквизиция, 1912 (на франц. яз.).

До Анжелы Лабарт несколько преступниц в окрестностях Трира подверглись тому же наказанию, но они не сознались, что жили с дьяволом; они были „основательно" изобличены в подозрительных сношениях лишь с жабой и кошкой. Мужчин не жгли на кострах за сношения с котами и козлами, так как это не было еретическим преступлением.

Первым папой, заговорившим о союзе, заключенном между людьми и дьяволом, был Иоанн XXII, сам заподозренный в связях с дьяволом.

В своей булле Super specula он „с болью в сердце" констатирует, что есть люди „лишь по имени христиане", которые приносят жертвы дьяволу, молятся ему, изготовляют картины, зеркала и кольца, а также бутылки, куда чудодейственным образом вгоняют дьявола, с которым они заключили союз. К вогнанным дьяволам эти люди обращаются с разными вопросами, умоляют их о помощи, и „эта отвратительная чума наносит страшный вред стаду христа". Иоанн видит себя вынужденным поэтому опубликовать распоряжение, „сила которого останется вечной", чтобы под угрозой изгнания никто не обучал и не учился чему-нибудь из указанных мерзостей, и „так как справедливо, чтобы те, которые своими действиями презирают всевышнего, были за них сурово наказаны, мы отлучаем от церкви всех тех, которые идут против наших спасительных указаний и приказов и делают кое-что из указанных мерзостей. Мы настаиваем, чтобы те, которые в течение восьми дней от опубликования нашего предупреждения не исправились, помимо конфискации имущества, были выданы на основании того, как поступают со всеми еретиками, соответствующим судьям для наказания".

Насколько Иоанн XXII был убежден в коварстве дьяволов, видно из того, что он был занят поисками змеобразного рога (контр-тромбон), с помощью которого можно было было найти в любом предмете заложенный в нем чудесным образом яд. Когда он, наконец, нашел обладательницу этого рога, он предлагал ей за него в залог все свое движимое имущество. Сделка была совершена, и Иоанн немедленно издал грозное распоряжение, в котором говорилось о разных карах в отношении того, кто беззаконным образом похитит у него этот змеиный рог.

Ему вечно мерещился яд, и Иоанн XXII публично выступил со следующим заявлением: колдуны Яков из Брабанта и Иоганн из Аманто изготовили яд, чтобы погубить нас; но так как им никогда не удавалось найти случай дать нам его выпить, то они изготовили наше восковое изображение, чтобы прободением его нас умертвить. Но бог нас спас и передал нам в руки это восковое изображение".— Однако, это спасение, повидимому, успокоило его лишь на короткое время, так как известно, что всю свою долгую жизнь Иоанн XXII боялся „прободения восковой картины, его изображавшей".

В изготовлении подобной картины папа заподозрил магистра Гуго Герарди, лагорского епископа. Несчастный был доставлен в Авиньон, резиденцию папы; его преступление было доказано, его лишили сана и сожгли.

Разумеется, вера в восковые волшебные изображения, раздавшаяся с высоты папского престола, стала распространяться по всему христианскому миру, и Герарди не был единственной жертвой этого безумия.

15 ноября 1347 года пред епископом Альбертом из Манда (в Лангедоке) предстал священник Стефан Пепен по обвинению в том,

что четыре года тому назад он намеревался через восковое изображение епископа умертвить его. Под пыткой Стефан сознался в своем преступном намерении: он действительно приобрел два фунта воска, изготовлял фигуру епископа, произнося при этом известные магические слова. Фигура им не была окрещена; на ней он написал имена шести духов, его сотрудников и подстрекателей. На вопрос о том, вогнаны ли были эти шесть духов в самое изображение, был получен неопределенный ответ: искусству вогнания его обучал один великий учитель, который убедил его, что человек может этому легко научиться: нельзя вогнать в изображение лишь Люцифера, так как последний уже „богом прикреплен к северному ветру".

Подобный процесс имел место и в 1339 г. в Каркасоне, где обвинялся монах Рекорди, изготовлявший женскую восковую фигуру с целью снискать любовь со стороны оригинала.

Вскоре подобные обвинения, с ссылкой на авторитет Иоанна XXII, стали обычным явлением, и вслед за восковой фигурой выступили всякого рода изображения, через посредство которых наносился „страшный вред" тому или иному врагу колдуна или ведьмы.

Усиление преследований этого рода колдунов и ведьм некоторые исследователи (Сольдан, Росков и друг.) приписывают личному страху Иоанна XXII пред дьявольщиной. В действительности папа являлся лишь выразителем общей политики феодальной церкви. Папские буллы и всякие иные выступления римского первосвященника лишний раз содействовали укреплению тех предрассудков, одним из многих поборников которых являлся сам папа, который в 1320 г. давал инквизиции самые широкие полномочия в деле преследования именно ведовской ереси.

И не случайностью, разумеется, является, что среди осужденных в Каркасоне в период от 1320 г. до 1350 г. 400 еретиков, как полагают, большая половина была причастна к ведовству, при чем последнее понималось в пассивном смысле, т. е. без формального заключения союза и договора с дьяволом.

Но средневековому человеку, воспитанному в условиях феодального бытия, идея союза, сообщества была слишком знакома, чтобы можно было не прийти к выводу о создании всяких сообществ. Цехи, корпорации, касты и всякие иные об'единения были перенесены и в дьявольскую среду—точно так, как там стали „естественным" явлением вассальные связи, гомагиум (почитание) и другие атрибуты феодального строя. Вся система дьявольских отношений строилась на феодальных отношениях, существовавших в обществе, и этим она приобретала еще большую достоверность и легче воспринималась теми, которые не были в силах оставаться в стороне от все более и более распространяющегося убеждения во всемогуществе и вездесущности дьявола.

Материальная нужда, все усиливающаяся эксплоатация крестьянства, частые голодовки, нищета, эпидемии,—вот причины, в силу которых народ охотно откликался на даваемые церковью об'яснения, и чем сильнее распадался феодальный режим, и чем больше ненадежной становилась жизнь выбитого из колеи средневекового человека, тем легче поддавался он на дьявольскую удочку и тем крепче держался он за церковное об'яснение, доступное его элементарному мышлению.

Тяжелое положение женщины, ставшее особенно острым в связи с разложением натурального хозяйства и феодального общества вообще, способствовало тому, что дьявол пожинал особенно богатую

жатву среди женщин. Не принимаемые ни на какие службы, не допускаемые в цехи, отталкиваемые насильно от трудовой жизни, женщины особенно сильно страдали в переходный период, на заре капиталистического режима.

Численно превосходя мужчин, ввиду неучастия ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собою монастыри и всевозможные „богоугодные" и благотворительные учреждения. Оставаясь вне брачных уз и ведя зачастую затворническую жизнь, женщина становилась жертвой своей половой неудовлетворенности и впадала в опасную созерцательность и мечтательность. Эта почва была чрезвычайно благодарна для безумных бредней церкви о дьяволе и демонах. Со всей страстностью физической неудовлетворенности женщина бросилась в об'ятия той фикции, которую церковь сделала „реальностью" и в которую так крепко поверила глубоко невежественная истерическая женщина, выбитая из строя разлагавшимся феодальным обществом. И женщина—вместо того, чтобы выходить замуж, входила на костер и приносила безумные жертвы собственному невежеству и взлелеянной церковью фантасмагории. Больные женщины оказались в роли самых сильных представителей дьявола, и церковь не щадила сил, чтобы вырвать с корнем этих наиболее опасных и упорных еретиков, и в этой кровавой расправе церковь продолжала творить свое старое гнусное преступление. Она никогда и нигде не отрицала сношений женщины, идущей на костер, с дьяволом; она никогда не называла ее больной и слова обезумевших жертв выдавала, как признание реальной связи преступницы с врагом человеческого рода.

Сжигая женщину, как опаснейшую преступницу, церковь лишь укрепляла в обществе идею ведовства и дьявольщины и сеяла вокруг себя безумие, которое тут же делалось жертвой всепожирающих аппетитов церкви. Будучи источником опаснейшего суеверия, питая все слои населения губительным ядом фантасмагорий, церковь не могла, конечно, искоренить того дела, которое ею же взращивалось, и потребовалась новая сила, которая взялась за сметение суеверного мусора, а с ним вместе и его творца и вдохновителя—церковь. Этой силой будет новая социальная формация, строителем которой является пролетариат.

* * *

Среди всеобщего безумия, укрепляемого и пропагандируемого церковью, раздавались время от времени отдельные голоса, робко протестовавшие против шабаша, ведовства и культа дьявола. Голоса эти были очень немногочисленны. Отметим приора Сен-Жермена—Вильгельма Эделина. 12 сентября 1453 года Вильгельм был привлечен епископом Эврэ к суду за то, что он в своих проповедях отрицал полет ведьм по воздуху на поленах, метлах, помелах и палках. Ему ставили в вину, что эти „дерзкие" проповеди внушались ему дьяволом, заключившим с ним союз со специальной целью распространять мысль об иллюзии той реальности, сомневаться в которой может лишь тот, кто действует под влиянием дьявола.

Как и можно было ожидать, исход суда был таков, что Вильгельм сознался, что он действовал по наущению дьявола, и таким образом лишь подкрепил всеобщее учение о существовании дьявола,—учение, которое и отражало моральное состояние общества того времени, и укрепляло его в отстаивании подобного мировоззрения. И как

мог правоверный приор отрицать силу дьявольского колдовства, когда за 60 лет до его выступления генеральный инквизитор Николай Эймерик в своем систематическом руководстве для инквизиционных судей указывал на чародейство, как на еретическое или „пахнущее ересью" явление, подлежащее искоренению, подобно прочей ереси, и книга его стала почти обязательной для каждого католического проповедника и церковного служителя.

Вильгельм Эделин обязан был также знать знаменитое сочинение „Муравейник" известного доминиканца и инквизитора Иоанна Нидера, венского профессора теологии и впоследствии приора доминиканских монастырей Нюрнберга и Базеля. Это сочинение, вышедшее в 1441 г. первым изданием и повторявшееся семь раз через сравнительно небольшие сроки, уже подробно говорило о дьявольских похождениях и утвердительно отвечало да вопрос, может ли родиться ребенок от сношений дьявола с человеком.

Нидер, вместо теоретических выкладок, ссылается на „бесспорные" факты и от себя лишь прибавляет, что забеременевшая от дьявола молодая девушка не теряет девственности. Впрочем, „подобная беременность зачастую—одна лишь видимость: разрешение от бремени кончается ветром". Причину этого Нидер видит в „муравьиных яйцах", которые „очень легко" дьявол может заставить проникнуть в женское тело.

В доказательство Нидер приводит следующий факт. Когда он был еще студентом Кельнского университета, одна 16-ти летняя девушка проглотила муху, попавшую в рот; муха была дьявольского происхождения, и девушка с тех пор сделалась одержимой. Нидер знал также одну „святую женщину", которую изнасиловал дьявол, при чем он покрыл ее „настоящим" мужским семенем в таком количестве, которым „могла обладать разве тысяча мужчин". Все это должно было быть известно приору Вильгельму Эделину и под угрозой прослыть и злостным невеждой, и упорствующим еретиком он не мог не заявить о том, что отрицание им реальности ведьм могло быть ему внушено лишь дьяволом в интересах тех мерзостных замышлений, которыми он задается к великому ущербу для всего христианского мира.

Почти в тот момент, когда Вильгельм Эделин сознал свою вину, приведшую его к пожизненной тюрьме вместо костра, появилось обширное сочинение Николая Жакье, инквизитора северной Франции, впоследствии перекочевавшего под именем Якиера в Силезию, доказывавшее не только реальность колдовского могущества, но считавшее „мерзостно-ловким фокусом" дьявола распространение мысли о том, что полеты ведьм являются лишь полетом фантазии.

По словам Жакье, „в колдунской секте" участвуют не только женщины, но и мужчины; „хуже всего" то, что духовные лица и монахи зачастую не могут устоять против заманчивых предложений демонов, дающих им возможность, в воздаяние за заключение договора, насылать на людей всякие болезни, сумасшествие и смерть; они, как находящиеся под особым покровительством демонов, могут также портить плоды, жатву, супружескую жизнь и вообще причинять всякие ужасы. „На собраниях, которые чаще всего происходят по четвергам, оплевывается крест, остии подвергаются издевательству, происходят кровосмесительство и интимная связь с злыми духами". Утверждение некоторых „свидетелей" шабаша, что они на собраниях видели ведьм, но не демонов, Жакье толкует в том смысле, что демон умеет „одним показываться, а для других быть невидимым". В заклю-

чение Жакье требует, чтобы никакое раскаяние не спасало одержимых, а тем более „союзников" дьявола: они, безусловно, должны выдаваться светской власти.

Все, что так подробно излагал в своем „Flagellum" (Бич) Жакье, было в Аррасе в 1459 году поставлено инквизитором Пьером Ле-Бруссаром в вину одной женщине, сознавшейся в том, что она посещала демонские собрания и видела на них несколько знакомых женщин. На пытке обвиняемые сознались в целом ряде преступлений, почти целиком списанных со страниц ученого сочинения французского инквизитора Жакье. Все они были преданы сожжению. В момент вхождения на костер женщины говорили, что были обмануты инквизитором: им обещали прощение, если они сознаются, и угрожали сожжением, если будут отрицать свою вину. Они сознались, но, тем не менее, приговорены к смерти. Этот протест осужденных к смерти не имел реального значения. Учение Жакье о предании светской власти всех, без исключения, виновных в ведовстве стало законом, и пламя костра сожрало шесть несчастных женщин. Их недвижимое им уществ было конфисковано в пользу инквизиции, а движимое—отдано епископу Арраса.

При столь твердо установленном церковью положении о существовании дьявольского колдовства, нужно считать паразительно смелым выступление минорита Самуила де Кассини, монаха миланского монастыря Санти Анджели, который в своем „Questio lamiarum" (Вопрос о ламиях) (1505) отрицал воздушные поездки ведьм, хотя и признавал существование и даже сверхестественное могущество последних. Выступление Самуила вызвало бурю в богословской литературе и дало непосредственный повод к опубликованию ряда авторитетнейших сочинений. Они открылись работою доминиканца Викентия Додо; его поддержали товарищи по доминиканскому ордену Бернард де из Комо, Сильвестр Приэриас, Варфоломей де Спина и многие другие богословы Франции, Италии и Германии.

Немецкий историк Ганзен[1]) говорит о 46 сочинениях до 1540 г., посвященных вопросу о достоверности дьявольских махинаций, и прибавляет к этим „теоретическим трудам" 47 папских выступлений на эту же тему.

Из „теоретических трудов" остановимся лишь на „Исследовании о ведьмах", принадлежащем перу Варфоломея де Спины. Имя автора пользовалось авторитетом и его сочинение получило в начале XVI века большое распространение.

Бесчисленное множество инквизиционных процессов и наказаний ведьм доказывают, говорит Спина, что ведовство и колдовство действительно существуют: в противном случае инквизиторы, приговаривавшие ведьм к смерти, были бы несправедливыми судьями. Так как церковь не только знает и принимает к сведению эти приговоры, но санкционирует и одобряет их—следовательно, эти „вещи действительны и истинны". Каждому, ведь, ясно, что „почти весь земной шар полон дьявольских преступлений". Многочисленные процессы доказали, что происходят полеты по воздуху; ежедневный опыт учит, что дьяволы принимают образы разных животных. Сожительство дьявола с человеком уже доказано и не требует дальнейших доводов. На сходках ведьм жарятся и сожираются быки и другие животные; никто этого отрицать уже не в состоянии. Ни один здравомысляций чело-

[1]) Joseph Hansen, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und Hexenverfolgung, 1901.

век (nullussanae mentis) не может отрицать того, что ведьмы убивают малых детей; родители должны поэтому зорко следить, чтобы подозрительные суб'екты не целовали их детей. Все эти вещи, однако, совместимы и попускаются мудростью и великодушием бога. Если улетевшая ведьма продолжает все-таки лежать у себя в кровати, то об'ясняется это совершенно „естественным" образом: черт, принявший ее образ, лежит в ее кровати. „И как можно, восклицает де Спина,— сомневаться в реальности всего этого, когда в одном лишь округе инквизитора Бернарда Комо ежегодно „берется в плен" свыше 1000 ведьм, из коих свыше сотни сжигается?! Как можно еще колебаться, когда мне лишь очень недавно знакомый врач из Феррары рассказывал, что в его поместьи один крестьянин собственными глазами видел шабаш из 6.000 женщин и мужчин, предававшихся кощунственному разврату?! Еще в прошлом году Андрей Маньяни из Бергама рассказывал, как одна молодая девушка, проживавшая вместе с своей матерью в Бергаме, ночью голой очутилась в кровати своего родственника в Венеции. Проливая горькие слезы, девушка говорила: я ночью проснулась и увидела, что мать, снявши с себя рубаху, мажется какой-то мазью; потом она села верхом на палку и вылетела через окно. Я тоже поднялась, помазала тело мазью и очутилась в комнате, где моя мать готовилась убить ребенка. Я громко произнесла, в присутвии матери, имя Иисуса и Марии; мать исчезла, я же осталась в этой комнате совершенно голой. Во время инквизиционной пытки в Бергаме все это подтвердилось и было точно установлено... Я мог бы привести бессчисленное множество случаев, как демоны появлялись в образе кошек, какое множество детей было уничтожено ведьмами и сколько колдовской мази было сделано из их мертвых тел. Но разве есть нужда в приведении всех этих фактов?"

Да, уже давно факт существования дьявола церковью был „точно" установлен, и дело в конце XV века шло не о теоретических доказательствах и не о приведении все новых и новых фактов, а о том, как лучше всего бороться со всемогуществом и вездесущностью дьявола, и папа Иннокентий VIII своей знаменитой буллой Summis desiderantes, так называемой ведовской буллой, указал, что основной задачей германской инквизиции отныне является беспощадная борьба с ведовством и окончательное его истребление, так как зло это приняло слишком большие размеры, чтобы инквизиция могла к нему относиться со снисхождением и с некоторым ослаблением. Против дьявола, в своей дерзости дошедшего до стремления овладеть всем человечеством, церковь обязана выступить во всеоружии своей мощи и энергии. Дьявольское упорство, во что бы то ни стало, должно быть уничтожено.

И началась эра страшных, кровавых преследований всех, в той или иной степени заподозренных в сношениях с дьяволом и его сотрудниками.

Таково историческое значение той буллы, во имя которой в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции, которая с этого момента сосредоточила главное свое внимание на ведовстве и не столько стремилась к установлению чистоты католической веры и правильности отдельных догматов, сколько к искоренению той страшной силы, которая „дерзала овладеть человечеством, чтобы вырвать его из лона церкви и из ведения самого бога".

Сицилийский инквизитор Людвиг Парамо, восхищенный той энергией в борьбе с ведьмами, которую развила инквизиция, благодаря булле о ведьмах Иннокентия VIII, писал: „Нельзя не указать, какую великую услугу инквизиция оказала человечеству тем, что она уничтожила огромное количество ведьм. В течение 150 лет были в Испании, Италии, Германии сожжены, по меньшей мере, 30000 ведьм. Подумайте лишь! Если бы эти ведьмы не были истреблены, какое неимоверное зло они причинили бы всему миру".

Так как Парамо писал эти слова в 1598 году, то в число 30.000 не могли войти ни 900 ведьм, сожженных в Лотарингии в течение 15 лет Николаем Реми во второй половине XVII века, ни 700 погибших в Фульде от руки свирепствовавшего в XVII веке Балтазара Фосса, ни 600 сожженных в Бамберге в течение 1624-30 г. г., ни бесчисленное множество других, погибших в огне во исполнение буллы папы Иннокентия VIII[1]).

Определить даже приблизительное количество жертв буллы Иннокентия VIII нет возможности: почти ежегодно публикуются различными провинциальными архивами протоколы процессов против ведьм, и жуткая картина бессмысленных жестокостей обогащается все новыми деталями. Вот небольшой город Роттенбург на Некаре. Ежегодно в нем десяток—другой ведьм сжигается на костре, и городской совет чувствует „усталость" от этих процессов и начинает печалиться, что вскоре в Роттенбурге не останется в живых ни одной женщины. (XVII век). В небольшом Оснабрюке за три месяца в 1588 г. была сожжена 121 ведьма, и кругом Оснабрюке пылают костры, и все женское население округа обречено на гибель.

По официальным данным в 20 деревнях кругом Трира в 1587-93 г. г. было сожжено 306 человек; в двух деревнях осталось всего две женщины (Hennen, Ein Hexenprozess aus der Umgebung von Trier, 1887). В местечке Герольштофене в 1616 г. было сожжено 99 ведьм, в следующем году 88. В местечке Эллингене за 8 месяцев в 1590 г. было сожжено 71. В Эльвагене иезуиты возвели в 1612 г. на костер 167 человек, а в Вестерштетене за 2 года 600 человек. В Кведлинбурге в 1589 г. в один день погибло 133 человека. В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили в нем страшно солеными селедками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец и некоторые другие предметы. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 г. было постановление, чтобы в каждой деревне были особен-

---

[1]) Кроме указанной литературы, см: Мюллер, Идея ведомудрия в ее историческом развитии, 1897 (на нем. яз.); Кэмпфен, Ведьмы и процессы против них в Валлисе, 1867 (на нем. яз.); Кемпер, Колдовство и процессы против ведьм в Германии, 1908 (на нем. яз.); Фишер, Суеверия всех времен, 5 выпусков, 1906 (на нем. яз.); Гааз, Процессы против ведьм, 1865 (на нем. яз.); Жиро, История безумия, 1883 (на франц. яз.); Мишле, Ведьма, изд. „Атеиста", 1929 г.; Штебер, Из Эльзаса, 1856-57 (на нем. яз.); Оксенбейн, Из швейдарской народной жизни в 15 веке, 1881 (на нем. яз.); Шевалье, Исторический очерк ереси в Дофине, 1890 (на франц. яз.); Лаванша, Субботы или синагоги на берегу озера Анеси, 1896 (на франц. яз.); Ламот-Ланген, История инквизиции во Франции, 3 т., 1829 (на франц. яз.); Фер, Средневековые суеверия, 1889 (на нем. яз.); Снелль, Процессы против ведьм и душевные заболевания, 1891 (на нем. яз.); Танон, История инквизиционных трибуналов во Франции, 1893 (на франц. яз.); Токко, Ересь в средние века, 1884 (на итал. яз.); Гаве, Ересь и светская рука в средние века (2-ой том, Собран. сочин., на франц. яз.); Белогрин-Котляревский, Преступления против религии в важнейших государствах Запада, 1886, Зиг. Риплер, Истор. процессов против ведьм в Баварии (на нем. яз.), 1896.—

ные выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Вскоре тюрьмы наполнились сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. В народе господствовало такое возбуждение, что многие сами себя выдавали за ведьм. В Манке в 1583 г. иезуитам хитростью удалось изгнать из 16-ти летней девушки Анны Шлуттенбауер 12655 чертенят; после этого была подвергнута пытке ее 70-ти летняя бабушка, которая созналась, что уже 50 лет она находится в связи с дьяволом, ездит на шабаш, насылает непо году и т. д. Ее осудили, поволокли к месту казни привязанною к хвосту лошади и сожгли живою. В Женеве за короткий промежуток времени в 1542 г. было сожжено 500 ведьм. В 1546 г. тюремный смотритель донес городскому совету, что все тюрьмы переполнены ведьмами, и палач заявил, что сил одного человека недостаточно, чтобы справиться с палаческими обязанностями.

В Цукмантелле на постоянной службе у инквизиторов находилось не менее 8 палачей. Здесь в 1639 г. было предано огню 242 человека, через несколько лет сожжено было 102, в числе которых было двое детей, признанных детьми дьявола. В Берне за годы 1591—1600 сжигалось в среднем ежегодно по 30 ведьм, а в Коломбье ежемесячно (в среднем) в период от 1602 г. до 1609 г. погибало 8 человек. В Эльзасе, Швабии и Брейсгау беспрерывно в XVII в. жгли людей: в 1620 г. сожжено 800 человек, и всем кажется, что чем больше будут сжигать людей, тем больше будет ведьм. „Словно из пепла,—говорит Штебер в своем описании Эльзаса,—появляются ведьмы".

Во Франции свирепствует эпидемия оборотней: волки рыщут по деревням, но это не обычные волки, а дьяволы и ведьмы в образе волков. Парламент Франш-Конте в 1573 г. предоставляет крестьянам в окрестностях Доля право свободно охотиться на волков-оборотней. В области Юры в это время, пишет летописец, были разговоры лишь о волках, и ликантропия (вера в оборотней) приняла характер настоящей эпидемии. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных, а в особенности детей. Французский судья Бог (Bogue), известный в конце XVI в. по своей деятельности в отношении ведьм, посвятил себя специально сжиганию оборотней и написал о них книгу, сопровождая ее кодексом правил для суда над ликантропами. Специалистом в этой же области был и весьма энергичный де Ланкр, также оставивший литературный памятник о своем безумии.

Известны и литературные произведения английского короля Якова I, страдавшего писательским зудом. Убежденный дьяволист, он возвращался после своей помолвки из Дании в Англию, и когда поднялась буря на море, решил наказать дьявола, главного виновника бури. Начались преследования; инициатором бури оказался доктор Фиан. Во время ужасных пыток Фиан сознался, но потом отрекся от своих слов. По распоряжению короля, у Фиана были вырваны ногти на всех пальцах и в мягкие части были вбиты гвозди; но дьявол так глубоко сидел в Фиане, что гвозди не могли его задеть, и доктор был живьем сожжен. Король присутствовал на его сожжении и с тех пор являлся непременным свидетелем религиозных костров. Однажды Яков был чрезвычайно польщен: во время сожжения одного еретика до королевского слуха дошли слова, произнесенные на французском языке самим дьяволом: „вот король, который является божественным человеком". Король отнес эту хвалу по адресу „Демонологии", кото-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В.И. Ленина

рую он недавно написал. Желая вести „ученую" борьбу с дьяволом, Яков I Стюарт учредил фонд, из которого ежегодно выдавалась определенная сумма студентам теологии Кэмбриджского университета за доклад о ведьмах.

Яков преследовал тех судей, которые выносили „мягкие" приговоры. Ураган жестокостей пронесся по Англии, когда какой-то проходимец Матвей Гопкинс об'явил себя главным ищейкой ведьм; он обошел Эссекс, Суссекс, Норфольк и везде искал виновных; он довел до смерти сотни людей и вызвал такой гнев народа, что, в конце концов, он сам был заподозрен в ведовстве, подвергнут пытке водою и убит. Вскоре в Нью-Кэстле появился второй генеральный ищейка, получавший за каждого обнаруженного преступника 20 шиллигов. Ищейка быстро накопил изрядную сумму, но вызвал против себя страшное возмущение народа. Арестованный и привлеченный к суду, он сознался, что отправил на костер 220 невинных женщин. „Его душила кровь невинных, пролитая за серебренники". Генеральный ищейка погиб в огне.

Денежный момент вообще играл очень значительную роль в ведовской инквизиции, и не без основания каноник Корнелий Лоос называл процессы против ведьм алхимией, с помощью которой из человеческой крови получаются серебро и золото. На ландтаге 1522 г. в Нюрнберге сторонники Лютера заявляли, что Рим берет 2½ гульдена с каждого человека, на которого поступает донос в ведовстве, но которому удается установить полную неприкосновенность к этому тяжкому греху. Летописец XVI века описывает нищету, охватившую Трир и его окрестности, но прибавляет, что теперь богаты судьи, следователи и инквизиционные ищейки; „палач и его жена ходят даже в серебре и золоте". Когда доходность процессов стала падать, начало уменьшаться и их число,—так заявляет С. Зугенгейм в своем серьезном описании Баварии XVI века, хотя прибавляет, что и в „плохие" годы палач „зарабатывал" на ведьмах 169 талеров. В Кобурге доносчики ежегодно получали в конце XVI века с преступника 4-5 талеров. Князь-епископ Ольмюца выдал судье Боблигу 246 гульденов за его труды, при чем за сожжение в Проснице двух „выдающихся" ведьм была выдана изрядная дополнительная сумма.—Боблиг жил только с доходов от ведовских процессов. Рицлер в своих основательных работах о ведовстве в Баварии рассказывает, как в целом ряде баварских городов установилось мнение, что кататься на тройке лошадей могут себе позволить лишь духовные судьи. В 1628 г. в Дибурге судье было выдано свыше 250 гульденов, при чем расчет производился по 3 гульдена за преступника.

После Тридцатилетней войны разоренные мелкие германские владетельные особы видели в процессах против ведьм средство улучшить свое положение, и приводимые старым писателем Горстом слова о том, как в Линдгейме судья Гейс доказывал владетелю города, как много добра он извлечет из преследований ведьм, являются прекрасной иллюстрацией положения мелких рыцарей Германии после страшной Тридцатилетней войны. Гейс говорил убежденно и мог сослаться на собственную практику: из его отчетов было видно, что он во время арестов виновных в ведовстве собрал наличными деньгами 188 талеров. В Эсменгене процессы против ведьм в 1662-63 г. г. потребовали расхода в 2300 гульденов, а чистый барыш достиг 1045 гульденов. Инквизитор „рвал на себе волосы" вследствие этих больших расходов, но, повидимому, их сократить было невозможно: юридическим факультетам Страсбурга, Тюбингена и Гейдельберга пришлось платить за

удостоверения, что виновные подлежат именно духовному суду; священникам надо было платить за заботу о душе тех, виновность коих вызывала сомнения. Впрочем, установилась практика—священникам, вместо денег, выдавать „крепкое" вино—согласно присказке:

Bonum vinum cum sapore
Bibat abbas cum priore

(хорошее вино с пеной пусть, де, пьет аббат с приором). В деле выпивки установился полный демократизм, и представители духовенства говорили:

Bibat servus et ancilla,
Bibat herus, bibat hera,
Ad bibendum nemo serus.

(Пусть пьет крепостной, пусть пьет прислуга, господин и госпожа,—выпивать никогда не поздно.) [1])

Иногда представитель церкви не гнушался ни пивом, ни хлебом.

Все расходы по ведовским процессам покрывались из средств осужденных или просто привлеченных к ответственности ведьм и колдунов. Конфискации подлежало не только недвижимое имущество, но и все движимое, вплоть до предметов первейшей необходимости. Обратно оправданный ничего не получал.

В видах обуздания зарвавшихся аппетитов искоренителей нечисти была установлена такса на все виды службы: сожжение оценивалось дороже всего; бичевание розгами считалось легким заработком, доносительство занимало в прейскуранте почетное место, и им занимались упорно и систематически при полном одобрении церкви. Только время от времени, под тяжестью чрезмерных требований доносчиков, уменьшалась их такса, и им обещались не столько земные блага, сколько небесные. Однако, на этой почве возникали горячие споры, и лишь страх доносителя очутиться в положении своей жертвы заставлял его итти на уступки.

Иногда ведовское доносительство являлось последним средством лишить человека его имущества; когда иной способ законного грабежа оказывался невозможным,—выдвигалось обвинение в ведовстве. Так, монетный мастер еврей Липпольд в Берлине был в 1573 г. обвинен в том, что благодаря ему дела его покровителя курфюрста Иоахима идут плохо. Вина Липпольда не могла быть доказана. Его обвинили в колдовстве: имущество и векселя были конфискованы, и он был в 1573 г. сожжен на том самом месте, где ныне высится памятник Лютера в честь религии, любви и милосердия (доктор Аккерман, Münzmeister Lippold, Франкфурт, 1910).

Доносительство нередко принимало эпидемический и совершенно сумасшедший характер, в особенности при наличии страха у доносителя, что он сам на подозрении у ревнителей религиозной чистоты. Так, некто Труа-Эшель, накануне своего ареста в 1576 г., донес, что он может выдать 300 тыс. ведьм и колдунов. Ему дали возможность подвергать игольному уколу поголовно население многих местностей [2]). Однако, больше трех тысяч преступников Труа-Эшель найти никак не мог.

---

[1]) См. две интересных книги проф. П. Лемана о Пародии в средние века, 1923 и 1924 (на нем. яз.).

[2]) Там, где были „печать дьявола", никакой укол иглой или каким-нибудь другим острым предметом не вызывал ни боли, ни крови. Печать дьявола—страхование от всего. Застрахованные места получили особую латинскую характеристику: Sanguis hebet, frigentque effetae in corpore vires (Кровь исчезает в них, дряхлеют силы в теле).

Власти, однако, не стали преследовать даже этих преступников, что, по словам Жана Бодена, было поставлено в вину Екатерине Медичи, тогдашней правительнице Франции. О ней определенно говорили, что она занимается магией и, следовательно, соучастница тех, которые были отмечены уколом Труа-Эшеля.

Доносительство приняло в Страсбурге такие размеры, что в 1630 г. магистрат опубликовал закон против диффамации путем обвинения в ведовстве. Закон мотивировался тем, что вскоре в Эльзасе не будет ни одного человека, который был бы вне подозрения (Рудольф Рейсс, La Sorcellerie, 1893). Лишь в самых редких случаях доносительство не заканчивалось сожжением виновного; но и тогда оно зачастую доводило жертву до сумасшествия или самоубийства. Так, в 1669 г. на еврейку Голду, жену Рувима из местечка Трейс, поступил донос, и „ведьма" была арестована. В заключении она томилась несколько месяцев и не выдержала пыток. Гольда созналась, что была проклята дьяволом еще в чреве своей матери, что находилась в связи с подмастерьем-пекарем и намеревалась погубить всю деревню. Безумную Гольду отправили в Марбург для дальнейших расспросов. В Марбурге она была четыре месяца в заточении, а потом была признана умалишенной и отпущена на свободу, при чем имущество ее мужа Рувима было своевременно конфисковано и обратно не возвращено.

Характерно, что материальная подкладка процессов во имя чистоты религии была подмечена еще Карлом Великим, который в одном капитулярии от 811 года обвинял духовенство в том, что оно злоупотребляет дьяволом и адом в видах скопления денег и всяческих материальных благ.

Ту же мысль в XVII веке проводит красной нитью в своей книге „Cautio criminalis", (1631 г.), Фридрих Шпе, сам вышедший из иезуитской среды.

„Многие духовные и не духовные лица,—говорит Шпе,—ныне голодают по осуждениям, которые их так обильно кормили жирным супом". Шпе приводит, между прочим, факты шантажа со стороны многих инквизиторов: они сеяли панику среди народа, вызывали пред ним образ самых ужасных демонов, а когда народ, нафанатированный и полный бредовых мыслей, умолял инквизиторов приступить к искоренению дьяволов, ему отвечали, что у инквизиции есть обязанности в другом месте и только за уплату определенной суммы отъезд инквизитора может быть временно отсрочен. Эти отсрочки были чрезвычайно кратковременны и каждый раз возобновлялись при условии внесения денег со стороны напуганного населения. Вскоре дьявол стал предметом добывания средств для самых разнообразных слоев.

Калеки, горбуны, прокаженные, слепые, глухие выдавали себя не то за спасенных от еще худшего дьявольского навождения, не то за его жертвы, и жалостливые сердца одаривали всякими подаяниями несчастных, торговавших своим уродством и болезнями. Толпами народ шел по городам, рассказывая о своих несчастиях, демонстрируя свои недуги и вызывая и жалость, и страх у людей, которых бог охраняет от беса. Этих торговцев болезнями сопровождало духовенство, продававшее средства против происков дьявола и его рати. Так, ведовство далеко перешагнуло через залы судебных процессов и вызвало уличную ведовскую профессию, кадры которой вербовались из злостных мошенников и обманутых обманщиков.

Обманутыми обманщиками являлись так называемые одержимые бесом, которыми кишели в XVII веке все монастыри, в особенности женские. Одержимость упоминается еще в библии; о ней определенно

говорится в евангелиях; но эпидемический характер она приняла лишь в XVII веке, когда церковь в течение двух столетий насыщала атмосферу разными страшными духами и довела слабых людей до полного безумия. Исцеление одержимых производилось церковью путем молитв и заклинаний, при чем процедура заклинаний была введена церковью в ритуал.

Формул заклинаний было очень много. Вот одна из наиболее распространенных: „Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный обольститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, бешенная собака, подлая змея, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый скорпион, дракон, полный злых козней; изыди, лакей сатаны, привратник ада; изызди, козел, страж свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжец коварный, поганый, зачумленный и т. д.“

Первая большая бесовская эпидемия появилась в 1610 г. в Провансе, в Эксе, в монастыре урсулинок. У двух монахинь появились какие то удивительные припадки, которые внушили всем уверенность, что эти монахини одержимы дьяволом. Над ними были сделаны заклинания, с целью изгнать дьявола, но безуспешно. Одна из монахинь Луиза Капо призналась, что в ней сидят три дьявола: Веррин, добрый дьявол, католик, легкий, один из демонов воздуха; Левиафан, злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать и, наконец, третий—дух нечистых помыслов; кроме того, она заявила, что чародей, наславший на нее этих дьяволов,—патер Луи Гофриди. Другая монахиня Магдалина деля-Палю, обезумевшая от страха, созналась также в том, что Гофриди испортил ее своими чарами и наслал на нее целый легион демонов, именно 6666 дьяволов. Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гофриди, который и был арестован. Обвинение было основано на показаниях этих двух монахинь и Михаэлиса, наблюдавшего во время заклинания, как дьявол обращался с своими жертвами. „Во время заклинания, показывал Михаэлис,—Вельзевул продолжал терзать Магдалину, то с силою бросая ее на живот, то опрокидывая на спину; до трех или четырех раз он принимался душить ее за горло. За обедом демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову к земле, а за ужином они ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истязания, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой“. Луиза показала, что Гофриди, хотя делает вид, что не ест мясной пищи, на самом деле наедается досыта мясом маленьких детей, которых он душил или откапывал из могил. Магдалина, на которую бред Луизы сильно действовал, после рассказа Луизы об употреблении Гофриди детского мяса, разразилась против него

проклятиями и обвинила его в разных преступлениях, между прочим в том, что он ее обольстил. Несчастный священник клянется именем бога и святых, что все эти обвинения ложны, но ему не верят, связь между его чародейством и дьяволами, которыми одержимы монахини, вполне установлена показаниями монахинь. Его подвергают пытке, чтобы добиться признания; он понимает, что погиб и сознается, что дьявол посещал его часто, что он обыкновенно поджидал сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием, сообщенным ему Люцифером. „Признаюсь и в том,—говорил он,—что когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, через которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа". На теле Гофриди нашли в трех местах „печать дьявола", т. е. в трех местах тела вонзали иглу и он не чувствовал никакой боли и кровь не текла. После этого его виновность не подлежала сомнению, и 30 апреля 1611 года его сожгли в Эксе, после того как он был отрешен от сана и палачем подведен к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у бога, короля и правосудия. (Я. Кантарович, Средневековые процессы о ведьмах, 1899 г.).

Безумие, разумеется, охватывало и детей. В 1669 г. в шведском округе Далекарлии появилась у детей какая-то болезнь, сопровождавшаяся обмороками и спазмами. Во время болезни дети рассказывали о какой-то местности Блакулла, куда их ночью приводят ведьмы и где происходит шабаш. Весь округ заволновался и со всех сторон стали требовать строгого следствия. Была создана специальная комиссия, подвергшая допросу около 300 детей. В результате, после применения пытки, 84 взрослых и 15 детей были сожжены, 128 детей еженедельно у церковных дверей подлежали наказанию плетьми, самые маленькие дети, в количестве 20, были избавлены от еженедельной порки; ее заменили троекратной поркой в течение одного лишь дня. Нужно заметить, что выдающиеся шведские юристы оспаривали право сжигания людей на основе детских показаний. Однако, духовенство не соглашалось с доводами юристов и ссылалось на псалм, в котором говорится, что устами младенца глаголет сама истина. Так дети стали жертвой всеобщего безумия и с своей стороны вызвали гибель многих матерей.

Из Далекарлии эпидемия детского ведовства распространилась на Ангермандланд, где в 1675 было сожжено 75 человек; не избегли этой заразы ни Стокгольм, ни Упланд, ни некоторые другие места Швеции. Впрочем, Швеция не была единственной страной, где дети стали жертвами богословием взращенного безумия. В 1659 г. в Бамберге были сожжены 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет. Во время казни они проклинали своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. В описании этого случая говорится: „Колдовство до такой степени развилось во всей Баварии, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать". Детская эпидемия колдовства наблюдалась в 1673 г. и в Кальве (Вюртемберг). Дети вообразили, что ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш, где их заставляют отрицать святую троицу и т. д. Учрежденная специально комиссия должна была удостовериться—не улетают ли дети по ночам из своих кроваток. Выяснилось, что дети пребывают в об'ятиях родителей всю ночь, и ввиду этого решено было, что детские показания в действительности не что иное, как навождение ведьм. И было сожжено несколько женщин.

* * *

Пресловутая булла Иннокентия VIII против ереси ведьм, булла Summis desiderantes, гласит так.

„Всеми силами души, как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие далеко искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии, особенно в Майнцском, Кельнском, Трирском, Зальцбургском и Бременском округах, очень многие лица обоего пола, пренебрегши собственным спасением и отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних животных и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбище, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно мучат как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных; что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, к погибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Институрис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богословия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами, первый— в вышеназванных частях Верхней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и города, и земли, и епархии, и другие такого рода местности, а второй—в некоторых областях вдоль Рейна; однако, некоторые клирики и миряне в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, не стыдятся упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименно и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышеназванных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению помянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях, подобные провинности и преступления и остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов; и дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность по вере, применить соответствующие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы

в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления. С великим попечением мы распространяем эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех церквах, где они найдут то потребным, проповедывать слово божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым. Особым посланием мы повелеваем почтенному собрату нашему епископу Страсбургскому, дабы он, поскольку названным инквизиторам сие потребуется, торжественно заявлял, чтобы никто и ни в чем не чинил им какой-либо помехи и не наносил никакого вреда; тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, он должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослужении, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребуется, то и привлекать к содействию против них руку светской власти. Никто не должен нарушать это наше послание или дерзновенно поступать противно ему. Буде же кто-либо попытается это сделать, то пусть знает, что он навлечет на себя гнев всемогущего бога и апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, у св. Петра, от воплощения господа в 1484 г., нашего первосвященства I-м году, 5 декабря".

* * *

Поводом к изданию этой буллы, повидимому, послужили жалобы двух названных в ней инквизиторов Генриха Инститориса и Якова Шпренгера, встречавших в разных местах Германии препятствия в своей инквизиционной деятельности. На этот момент в достаточной мере ясно намекается в самой булле, оффициальной задачей которой, в первую очередь, об'являлось устранение тех помех, которые „чинились упомянутым инквизиторам при исполнении ими своих обязанностей"; папа считал даже нужным дать в помощь обоим инквизиторам „своего излюбленного сына" магистра Иоанна Гремпера из Констанцской епархии.

Отныне никто не мог оспаривать у Инститориса и Шпренгера их права преследовать самым жестоким образом всяких еретиков, а в первую очередь заподозренных в колдовстве, и преследования эти должны были беспрепятственно происходить на всем почти протяжении Германской империи.

Булла Иннокентия VIII была раньше всего и прежде всего талисманом, устраняющим всякий протест, всякое сопротивление энергичной расправе с врагами человеческого рода обоих германских инквизиторов. Что эта расправа будет достаточно кровавой, свидетельствовало сожжение за короткий срок этими двумя лицами 48 ведьм; с другой стороны, оказанная им поддержка, в лице магистра Гремпера, с благословения которого в течение одного лишь года было сожжено в Вормсе 85 человек, говорила о нелицемерной готовности представителя христа на земле придать борьбе с ведьмами такой размах, который далеко превосходил все что до этого времени делалось в области преследования еретиков вообще, в частности околдованных чарами дьявола и сатаны.

Однако, кровавая энергия Инститориса и Шпренгера, даже вооруженная таким орудием, как булла 5-го декабря 1484 г., не могла

не натолкнуться на народное возмущение в целом ряде местностей, и в 1485 г., когда во многих германских городах пылали „дьявольско-ведовские" костры, зажженные свежей Иннокентьевской буллой, Генрих Институрис встретил в Инсбруке, в момент подготовки торжественного сожжения ведьм, такое сопротивление, которое побудило его отказаться от практического применения изложенных в папской булле „великих истин".

Мало того, Институрису удалось сравнительно легко отделаться лишь благодаря вмешательству „добродушнейшего" Георга Гольсера, епископа Бриксена. Этот епископ взял на себя задачу выпроводить за пределы Инсбрука зарвавшегося Институриса и заставить город забыть о тех чрезвычайно тревожных переживаниях, которые у инсбручан связывались с коротким пребыванием в их городе нашего инквизитора Генриха Институриса.

Со льстивыми речами Гольсер провожал неудачника-инквизитора за городские ворота: „он мне казался,—говорил Гольсер,—впавшим в чрезмерное детство от большой старости".

Надо было устранить и последние помехи с инквизиционного пути; надо было сломить и последнее возможное сопротивление деятельности святой инквизиции, и Генрих Институрис, только что переживший неприятные минуты в Инсбруке и Бриксене, задумал издать „божественную, священную книгу", которая со ссылками на ветхий и новый заветы, с доказательствами, почерпнутыми у авторитетнейших отцов церкви и учителей богословия, утвердила бы во веки веков священнейшее право инквизиции преследовать наиболее опасных еретиков, каковыми являются ведьмы, в существовании которых может сомневаться лишь достойный суровейшей кары еретик.

Вопреки всем каноническим правилам, в отношении ведьм должна применяться смертная казнь даже тогда, когда ведьма раскаивается в своем преступлении и не является ни упорствующим, ни закоренелым преступником.

Но как написать „столь авторитетную и божественную книгу" человеку, который с трудом избежал ареста и наказания за присвоение поступивших от продажи индульгенций значительных денежных сумм?

Как предстать пред христианским миром в образе спасителя от величайшей и отвратительнейшей ереси человеку, который был изобличен в подлогах, обмане и всякого рода уголовных подвигах?

И инквизитор Институрис ищет сотрудника для своего „публичного инструмента", ищет более чистого имени, чтобы с его помощью создать такое творение, которое навеки упрочило бы дело искоренения дьявольской ереси и лишило бы возможности ставить инквизиции и на будущие времена какие-либо помехи в ее богоугодной работе.

Товарищ Институриса по инквизиционной деятельности, Шпренгер, подобно ему—профессор теологии и член доминиканского ордена, казался нашему „скомпрометированному" борцу за великое дело наиболее подходящим сотрудником, и Яков Шпренгер был привлечен к авторству „Молота ведьм".

Однако, его работа, повидимому, ограничилась лишь введением, названным им „Апологией",—вся же книга была написана Генрихом Институрисом, чувствовавшим потребность, в целях придания ей большего морального веса, прикрыть себя авторитетом Шпренгера, тогда еще ничем не запятнавшего своего инквизиторского имени.

Институрис энергично работал над своей книгой, которую он называл „публичным инструментом", и весною 1487 г. она уже была

совершенно готова; возможно даже, что она в мае того же года была и напечатана.

Столь же расторопен был и Шпренгер, который сдал свою „Апологию" в надлежащий момент и нисколько не тормазил печатания книги своего товарища по работе.

В введении Шпренгер писал: „В наше время, когда вечер мира (mundi vesper) клонится к полному закату, старое зло, не прекращавшее ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылать на мир полную яда заразную чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени (se modicum tempus habere)".

Особенно опасными еретиками Шпренгер считает ведьм, которые „заключили союз с адом и договор со смертью", и против них должен быть направлен главный удар „молота", при чем под ударом следует разуметь, поскольку это касается книги, скорее нечто теоретическое, чем практическое, хотя теория и практика, разумеется, сливаются в глазах инквизитора воедино.

Шпренгер говорит, что в его книге нет ничего нового, уже ранее не сказанного великими учителями церкви и авторитетными представителями богословской мысли. „Наша книга одновременно и стара, и нова; она одновременно и коротка, и длинна. Она стара по содержанию и авторитету; она нова по компиляции мыслей и по их расположению; она коротка, потому что произведения много численных авторитетов приведены в кратких отрывках; она длинна, потому что тема бесконечно велика и неисчерпаемо причиняемое ведьмами зло". Книга не должна служить, по мнению Шпренгера, к вящшей славе и прославлению ее авторов, она лишь возвеличит почет и благоговение к тем, имена которых она цитирует и на сочинения которых она делает ссылки. Будучи составлена из чужих отрывков, из мыслей и сентенций великих авторитетов, книга не нуждалась „ни в наших собственных стихах, ни в наших тонких теориях." „Мы писали по обычаю переписчиков (more excerptorum), во славу высшей троицы и неделимого единства, мы писали в трех частях: начало, продолжение и конец; мы назвали книгу Молотом ведьм, оставляя ее просмотр нашим товарищам, а ее применение тем, на которых лежит обязанность суровейшего суда, потому что они назначены господом к мести злым и к прославлению добрых. Да будет господь почитаем и прославляем во веки. Аминь".

Однако и двуавторство казалось обоим инквизиторам недостаточной гарантией, что „Молотом" можно будет беспрепятственно и жестоко дробить ведьм, и Шпренгер вместе с Институрисом обратились за санкцией и одобрением своей книги к наиболее тогда авторитетному немецкому учреждению, к теологическому факультету Кельнского университета, под маркой которого должна была появиться на свет божий эта книга.

Для Институриса и Шпренгера это было тем важнее, что Кельнскому университету, на основании специальных постановлений папы Пия II и Сикста IV, было предоставлено право высшей цензуры.

Декан теологического факультета Ламберт де Монте, в согласии с четырьмя профессорами того же факультета, дал благоприятный, но несколько сдержанный отзыв о книге наших двух авторов. Отзыв этот гласил приблизительно так: В своей теоретической части книга обстоятельная в практической — она стоит на твердой почве канонических законов, в общем она может расчитывать на сравнительно небольшой

круг компетентных читателей и специалистов; за этими пределами она с трудом будет находить усердных читателей.

Не удовлетворившись этим отзывом отдельных профессоров Кельнского университета, авторы „Молота ведьм" изготовили фальшивое официальное одобрение книги от имени всего теологического факультета и приложили его к тем экземплярам, которые были отправлены за пределы Кельна и его близлежащих городов, опасаясь, чтобы слишком раннее разоблачение подлога не повредило успеху книги.

Кроме того, книга была снабжена и подлинным выражением чувств императора Максимилиана I по адресу обоих инквизиторов, которым папа поручил столь ответственную и высокую миссию.

После всех этих предосторожностей, книга была пущена в оборот. Оказалось, что эти меры предосторожности были совершенно излишни. На долю книги выпал неимоверный успех: в течение девяти лет она выдержала 9 изданий, 7 раз была издана в XVI веке и продолжала выходить новыми изданиями и позднее, так что их общее число равно 29, при чем 16 изданий было в Германии, 11 во Франции и 2 в Италии.

С первого момента своего появления книга вызвала бесконечное множество восторженных отзывов, и знаменитый нидерландский юрист XVI века Иодокус Дамгудер в своей очень популярной „Практике уголовных дел" заявил, что „книга эта имеет для мира силу закона". Теологи, философы и юристы вперегонку спешат с из'явлением своего восторга по адресу „Молота ведьм", и протестантские ученые присоединяют свои голоса к голосам католических богословов и представителей духовенства. Гениальный художник Альбрехт Дюрер готов посвятить ему свою кисть, а ортодоксальный лютеранин проф. Бенедикт Карпцов считает эту книгу крупным авторитетом. Поэты поют ей гимны, а творцы баварского Кодекса Максимилиана исходят при составлении отдела наказания еретиков из книги Инститориса и Шпренгера, как из незыблемых и прочно установленных предпосылок.

Папа Александр VI, Лев X и Адриан VI неоднократно подчеркивали правильность всех основных положений „Молота ведьм" и выпустили по этому поводу специальные указания.

Успех привел к тому, что книга все разбухала в своем об'еме, но совершенно своеобразно: к ней механически прибавлялись другие сочинения на эту же тему. Так целых шесть изданий „Молота ведьм" снабжены в виде продолжения пятой частью известной книги Иоанна Нидера „Муравейник", авторитет которой был также очень высок и распространение которой было облегчено тем, что она стала как бы привеском к "Молоту ведьм".

На некоторых изданиях этой коллективной книги имелась надпись: „Покупай и читай эту книгу, о деньгах не пожалеешь". Судьбу книги Нидера разделили многие богословские произведения XVI века; в особенности часто пришивали к „Молоту ведьм" разные сочинения в XVII веке, при чем некоторые классические произведения католическо-инквизиционной мысли получили широкое распространение именно благодаря этому своеобразному взятию на буксир тяжеловесных томов. Даже знаменитый Варфоломей де Спина нуждался в протекции „Молота ведьм".

Успех книги не может быть об'яснен ни литературными дарованиями, ни ученостью авторов. Ни тот, ни другой автор не блещут писательским талантом, не проявляют ни в чем оригинальности, не обладают ни смелостью мысли, ни мужеством собственного суждения. Авторы чувствуют себя в безопасности лишь в окружении многочис-

ленных цитат из разных богословских авторитетных книг и в лесу цитат нередко теряют нить своего изложения, принимающего характер бессистемного нанизывания чужих мыслей, зачастую не имеющих непосредственного отношения к рассматриваемой теме. Их схоластическая мысль плоска, поверхностна, бедна софизмами и лишена тонкостей в духе Августина и других крупных мыслителей. В темном и однообразном лабиринте старых и знакомых перепевов нет ни одного проблеска, заново освещающего избитые положения и могущего придать им хоть некоторый интерес. Бесконечные длинноты и приставные отступления зачастую отбивают охоту систематического слежения за изложением книги, и тем более досадуешь на авторов, что в результате длинных обходов и уклонений от темы не находишь никакого вывода и недоумеваешь,—ради чего авторам понадобились эти отступления и бесцельные цитаты.

Откровенная похабщина, голый цинизм и жестокая, ничем не сдерживаемая, кровожадность, соперничающая разве с патологическим сладострастием, нисколько не выделяют эту книгу из ряда других, появившихся ранее или позднее ее и написанных руками таких же палачей и извергов, какими были Инститорис и Шпренгер.

Отсутствие оригинальности сказалось даже в самом заглавии книги: еще св. Иеронима в начале V века называли „молотом еретиков". Тот же „высокий титул" был дан Бернарду из Ко, а позднее Гергарду Грооту; написанная в изуверском тоне против иудеев, книга инквизитора Иоанна из Франкфурта, опубликованная около 1420 г., носила название „Молота иудеев", и, по всей вероятности, наши авторы настолько увлеклись этим названием, что озаглавили и свою книгу „Молотом", но уже не иудейским, а ведовским.

Но именно в бесцветности, безличии, безымянности, серости и в типичности, а не индивидуальности этой книги лежал источник ее успеха. Она пользовалась популярностью, ибо отвечала интересам господствующих классов, была удачным сгустком феодальной идеологии.

Будучи доступна самому невзыскательному читателю, не наталкиваясь ни на какие с его стороны возражения, воспринимаемая такие естественно, как погода или природа, книга эта стала общим достоянием, необходимой принадлежностью каждого грамотея. Сотни инквизиторов без всякого умственного напряжения проглатывали ее; тысяча священников и проповедников излагали ее своим слушателям, не мудрствуя лукаво, не прибавляя ни единого комментария, не позволяя себе никаких отступлений; десятки тысяч мирян усваивали ее, не нуждаясь в руководстве со стороны специалистов, и сотни тысяч „простолюдников" слышали про книгу, в которой заключена вся божественная премудрость, и из уст в уста передавалось название этой книги, что создавало ей ту легкость распространения и тот авторитет, которые сказывались во все учащавшихся ее новых изданиях.

В „Молоте ведьм" сконцентрировано все, что дала и могла дать богословская мысль того времени; безличным, муравьиным трудом схоластики собирали зерна мудрости, искали их даже у язычников и, сложив их в огромную неопрятную кучу, воздвигли книгу, в которой, словно в кинематографической ленте, сменяют друг друга Аристотель и Фома Аквинат, папа Григорий Великий и рабби Моисей, Бонавентура и Иоанн Златоуст, Ориген и Вильгельм Парижский.

У всех этих „великих и величайших" авторы „Молота ведьм" находят слова мудрости, божье сказание, достойное увековечения и строжайшего соблюдения—без критики, без собственного суждения: ведь

слово божье может быть лишь совершенным и никто не должен дерзать его дополнять, исправлять.

Каждая страница, каждая строка этой книги словно говорят: внемлите, смертные, божественной мудрости и вы окажетесь достойными, правоверными сынами нашей бессмертной церкви.

„Молот ведьм" состоит из трех частей. Первая—теоретическая часть; она заключает 18 головоломных вопросов, на которые, однако, следуют очень незамысловатые ответы. Так, например, на вопрос—может ли дьявол через инкуб и суккуб производить людей, следует после долгих путанных рассуждений ссылка на Фому Аквината, положительный ответ которого поставил уже давно вне сомнения этот „коварный" вопрос.

Точно также и вопрос о том, какие именно черти могут производить людей, не требует особых доказательств, ибо правоверное с католической точки зрения утверждение, что на это способны те, которые раньше были низшими ангелами.

Шестой вопрос, гласящий, почему ведовством занимаются преимущественно женщины, получает тоже довольно простой ответ: слово женщина—femina—происходит от fides (вера) и minus (меньше) и означает „меньше веры"[1]), т. е. женщина по существу своему склонна к меньшей вере, чем мужчина; затем уже давно известно, что ее похоть не знает границ, что она „красиво окрашенное естественное зло", что грешно ее бросить и мучительно сохранить, что она принадлежит к иному виду (species), чем мужчины. Все эти утверждения зиждятся на незыблемых истинах наших великих учителей.

Некоторые вопросы решаются путем ссылок на собственный опыт и на общеизвестные факты: так 10-й вопрос, интересующийся—могут ли ведьмы превратить людей в животных, получает решение путем „правдивого" рассказа о том, как моладая девушка стала кобылой, но была спасена св. Макарием.

Так же проста аргументация по 11 вопросу об истреблении детей во чреве матери: папский инквизитор из Комо „нам рассказывал", как в его области на ночном собрании ведьм был с'еден не родивший ребенок! по этому случаю в прошлом году там была сожжена 41 ведьма; некоторым удалось исчезнуть.

Последний—18—вопрос отвечает фактами на сомнение некоторых мирян по поводу того, мог ли бог предоставить дьяволу и ведьмам столь обширную власть над людьми. Одному из нас,—загадочно заявляют авторы,—известен следующий случай: какой-то почтенный бюргер из Шпейера поднял руку на свою жену, но в ту же минуту он упал, потеряв сознание, и пролежал больным много недель. Эту болезнь наслала на него колдунья—жена его.

Инквизиторам, разумеется, колдуны не страшны, так как они творят правое общественное дело.

Как бы подтверждая эту мысль авторов „Молота ведьм", лотарингский судья Николай Реми, по прозвищу лотарингский Торквемада, приводит многочисленные доказательства беспомощности даже самых злых ведьм в отношении инквизиторов и всех вообще служащих инквизиции. Когда в 1584 г. была арестована страшная ведьма Ланье из Нанси, она обратилась к своим судьям со следующими словами: „Как мы хотим вас погубить! Но вы—самые счастливые люди на свете ибо против вас мы совершенно бессильны". Мало того, арестованная

[1]) Безграмотность этого „филологического" об'яснения поразительна для писателя XV века.

и попавшая в руки инквизиции делалась уже как бы застрахованной от вмешательства в ее пользу дьявола. Так, к Маргарите из Аррье (Дофине) в инквизиционную тюрму явился ее учитель-дьявол. Глаза его блестели, как фонари; он с ней совокупился, рассказал, что она будет сожжена, но спасти ее уже не мог. Самое большее, на что могла расчитывать арестованная ведьма,—это самоубийство, внушенное дьяволом. И множество документов XV—XVII в. в. свидетельствует о частых самоубийствах в разных тюрмах и инквизиции, и светской власти. Самоубийства лишали судей возможности раскрывать других виновных, и Николай Реми, наприм., говорит очень неохотно о тюремных самоубийствах и спешит перейти к процессам „с лучшим результатом", т. е. с сожжением арестованных.

Таково содержание первой „теоретической" части, говорящей о трех силах: дьяволе, колдовстве и божьем попущении,

Вторая часть посвящена двум коренным вопросам: кому не приносит вреда колдовство и какими средствами можно устранить колдовство?

Первый вопрос обсуждается на протяжении 16 глав, а второй—восьми. Эта часть по преимуществу историческая и оперирует множеством „не подлежащих никакому опровержению фактов", в огромном большинстве случаев рассказанных особенно авторитетными лицами, зачастую очевидцами многих рассказов. Мы сами могли бы,—говорят скромно авторы „Молота ведьм",—много такого рассказать, что привело бы читателя в страшное диво, но так как самовосхваление воняет, то мы будем говорить лишь о том, чего скрывать нет уже возможности,—и пред глазами читателя проходит ряд чудесных событий, как, например, следующее признание некоторых ведьм в Брейзахе: если им почему-либо не случалось бывать на шабаше, но им хотелось знать, что там происходило, они ложились на левый бок и призывали разных дьяволов: изо рта последних исходил страшный пар, через который ведьмы могли наблюдать все, что делалось на шабаше.—Известен нам из нашей практики и такой случай: дьявол, принявший образ женщины (суккуб), собрал от мужчины, с которым имел половую связь, его семя, а затем собранным семенем, приняв образ мужчины (инкуб) оплодотворил мужчину женщин. Однако, демоны осторожны: если они живут со старыми женщинами, они их не обдают семенем, так как избегают излишеств. Наш опыт убедил нас, что во время полового акта ведьмы доступны человеческому глазу, дьявол же в эти моменты не всегда видим. В одном городе, (назвать его запрещает нам христианская любовь), Страсбургского диоцеза с дровосеком случилось следующее: его укусил большой кот, затем второй, третий; он стал защищаться и поленом их уничтожил. Через час дровосек был арестован и предстал пред судом по обвинению в нанесении таких ударов трем почтенным гражданкам, от которых они должны были лечь на долгое время в постель. Ну, конечно, было установлено наличие дьявольских проделок".

Этими „достоверными фактами" наполнены все 16 глав первого вопроса второй части „Молота ведьм".

Затем идут достаточно монотонные 8 глав, трактующие о средствах борьбы с ведьмами и о способах их изгнания из физических тел и их истребления. На этой почве нашим инквизиторам знакомы и некоторые комические случаи: так, в Кельне один знаменитый гонитель дьявола во время своей работы был спрошен дьяволом, через какое место ему вылететь из доминиканского монастыря, откуда кельнский специалист—доминиканец так усердно его гонит. Шутя спе-

циалист ответил: через уборную. В следующую ночь, когда доминиканцу потребовалась уборная, он стал в ней жертвой обидевшегося дьявола: с трудом наш шутник спасся от смерти. После рассмотрения многочисленных средств спасения и исцеления от колдовства и чертовщины наши авторы приходят, однако, к выводу, что важнейшим средством избавления от них—является истребление ведьм, ибо сказано есть: колдунов не оставляй в живых. Но этот путь требует обращения к светской карающей руке.

Третья часть—по преимуществу юридическая и в 35 вопросах рассматривается, как следует начинать процесс против ведьм, как его вести и как закончить; попутно разрешаются разные побочные юридические казусы, при чем, со ссылкой на авторитетных писателей, устанавливается, что позорное пятно ереси так велико, что для разбора этого преступления допускаются даже крепостные для свидетельства против своих господ, а также всяческие преступники и люди, лишенные прав. Присуждение к смертной казни предполагает сознание в преступлении. Но как получить это сознание? Есть ведьмы настолько невосприимчивые к пыткам, что они скорее будут терпеливо переносить постепенное разрывание тела на части, чем признаются в правде. Но есть и такие, которые очень скоро во всем сознаются,—все зависит от их отношений к дьяволу. Может ли судья обещать жизнь такому человеку, о котором идет дурная молва и который имеет против себя как показания свидетелей, так и улики в том, что он—ведьма? Мнение ученых по этому вопросу расходятся. Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых, если она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу; другие ученые полагают, что такое обещание надо держать лишь короткое время, а потом ведьму следует сжечь; третьи ученые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, и смертный приговор обязан ей вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни. Судье и заседателям надо следить за тем, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья рук; для предохранения надлежит носить на шее: соль, освященную в вербное воскресенье, освященные травы и воск.

Как показала практика, ведьмы особенно способны к околдованию во время допроса их под пытками. „О, если бы ведьмы не обладали такою способностью!"—восклицают наши авторы, повидимому, не совсем свободные от страха перед сжигаемыми ими ведьмами. И как не бояться, когда в Регенсбурге некие еретики, сознавшиеся в своих колдовствах и брошенные в огонь, не сгорели; когда же их бросили в воду, они не потонули?! Духовенство, убедившись в этом, назначило своей пастве трехдневный пост, и вскоре было установлено, что еретики потому не могли быть умерщвлены, что у них под мышкой, между кожей и мясом, были вшиты амулеты. Следует поэтому действовать на ведьм путем перемены одежды и бритья[1]) волос. Обри-

[1]) В вопросе об арестованных ведьмах авторы „Молота ведьм" и лотарингский Торквемада стояли на разных точках: Николай Реми не верит в силу арестованной ведьмы,—наоборот, Инститорис и Шпренгер продолжают бояться арестованной. Обривание Реми также об'ясняет иными причинами. По его мнению, обривание арестованной совершается с целью нахождения на теле попавшейся ведьмы дьявольской печати; волосы зачастую ее скрывают. Это обривание делается „грязными людьми", например, чистильщиками уборных, стригальщиками собак и т. п. Хирург после бритья ищет на теле арестованной „печати дьявола"; место это, потерявшее чувствительность, безкровное и совершенно своеобразное, хирургу не трудно найти. И врачи иногда верили в существование „дьявольской печати", как это видно из сочинения знаменитого врача XVI в. Амбруаза Паре.

вание в половой области в германских землях считается неподобающим, и мы прибегли к иному средству, чтобы добиться от ведьм признания: сбривая волосы с головы, мы вливали одну каплю освященного воска в бокал с освященной водой и давали ведьмам пить это три дня подряд натощак, призывая при этом святую троицу.

И на протяжении многих десятков страниц тянутся разнообразные случаи „нашей" и чужой инквизиторской практики. Авторы считают себя глубокими юристами и щеголяют различного рода правовыми софизмами, а еще более „удивительным и донельзя поразительными казусами".

В заключение авторы предостерегают судей от допущения частых апелляций: последние только утомляют судей, а еретиков побуждают поднимать голову, презирать судей и становиться еще более злостными и дерзновенными. „От сей напасти да защитит церковь жених ее".

Таково содержание „Молота ведьм".

Несмотря на тягостную форму „Молота ведьм", на его дубовый язык и на бесконечное множество ссылок на авторитеты и цитаты из разных „классиков" богословской мысли, в нем можно, однако, найти некоторые новые положения, при том такие, которые дали иное направление борьбе духовных и светских судов с ведовством. Авторы „Молота ведьм" везде подчеркивают, что в ведовстве есть элемент вредительства, малефиция, а потому ведьмы подлежат преследованию не со стороны одних лишь инквизиторов: ведьмы не только еретички и грешницы, но они и преступницы и зловредительницы! Естественно, что светский карающий меч должен опускаться на голову этих преступниц с той беспощадностью, какой требует римское право в отношении тех, кого народ называет малефиками. Пытка, смерть без внимания к признанию и раскаянию преступницы—таковы основы „справедливости", ибо причиненное вредительство не может быть оставлено без должного наказания. Если раньше теологическое лукавство доказывало, что колдовство есть худшая форма ереси и подлежит ведению инквизиции, то теперь Институрис и Шпренгер, не отрицая права инквизиции карать ведьму, подчеркивают с особой силой, что светская власть не может стоять в стороне в вопросе об искоренении ведовства, и вся книга их как бы адресуется к светскому мечу, призывая его к мести малефикам и избегая употребления таких названий, как ламии, стриги, еретички и т. д.

Для авторов „Молота ведьм" вопрос о том, насколько данный конкретный случай ведовства „явно пахнет ересью", совершенно отпадает, так как и без того он заслуживает смертной казни; ведь в ведовстве всегда налицо элемент малефиция, при чем в той форме, которая неизбежно влечет за собою смерть. Характерно, что „Молот ведьм" избегает употребления слова „колдовство" и заменяет его словом „ведовство", куда он вкладывает представление и о похищении детей, и об их сжирании, и о самых отвратительных актах поклонения дьяволу и т. п.

Эти положения Институриса и Шпренгера получили полное одобрение со стороны Латеранского собора 1514 г., происходившего под председательством папы Льва X. Собором было об'явлено, что ведовство является смешанным преступлением и оно должно подлежать наказанию как с канонической точки зрения, так и светской. Это решение имело огромное значение, так как в XVI веке в ряде западноевропейских государств пала инквизиция, и светское законодательство получило в наследство от нее преследование ведовства в силу Латеранского постановления 1514 г. Следуя ему, законодательство отдель-

ных стран, уничтоживших инквизицию, сурово, однако, карало всякое проявление ведовства и колдовства, считая их исключительным видом преступления (crimen exceptum) и применяя к ним методы инквизиционного судопроизводства.

Возражения некоторых юристов о невозможности для светского суда руководиться в своей практике „невидимыми преступлениями", каковыми являются ночные полеты ведьм, оспаривались церковью на том основании, что уже „давно" доказана специфичность (singularitas) ведовских преступлений, требующих совершенно иного к себе подхода. И известный богословский писатель XVI века Варфоломей де Спина, говоря о том, что мужья летающих ведьм не только не подтверждают этих полетов, но утверждают, что их жены мирно рядом спят в ночи своих мнимых полетов, замечает, что „тутто и проявляется дьявольщина, обманывающая мужа, рядом с которым лежит „подобие тела" принявшего образ жены обманутого мужа". Правда, старания инквизиторов увидеть воочию летающих ведьм ни к чему неприводили, хотя „известно" было, что полеты обычно происходили в ночь на пятницу и немало ревнителей чистоты религии караулили в эти ночи с целью поймать женщину на месте преступления,—но что же это доказывает? спрашивает де Спина и тут же отвечает: „Разумеется—лишь необыкновенную силу дьявола". И светское законодательство покорно вписало в свои параграфы смертную казнь для колдовства и ведовства, являющихся „исключительным" преступлением и имеющих „специфический" характер. К этому виду преступления применяются инквизиционные методы, хотя сама инквизиция больше уже не существует во многих из тех самых государств, которые свято хранили ее память в своем законодательном кодексе. И великий юрист Иодокус Дамгудер, сын народа, возмущавшегося испанской инквизицией и боровшегося против католицизма, отдает силы своего таланта на то, чтобы доказать необходимость преследования ведовства со стороны светской власти и поет гимн „великой" книге Институциса и Шпренгера, стоящей на точке зрения компетенции светской власти в делах о ведовстве.

Разумеется, взгляд авторов „Молота ведьм" о распространении гражданского суда на ведовские преступления встретил возражение со стороны тех стран, где сохранилась инквизиция и в новое время. Процессы дни были слишком лакомым куском для инквизиторов, чтобы можно было без борьбы от них отказаться,—и начались бесконечные споры со стороны инквизиторов Испании и Италии, доказывавших „неот'емлемое право" инквизиции на преследование ведьм.

Споры кончились удовлетворившим всех компромиссом. И светский, и инквизиционный суд преследуют преступления ведовства, и никто из них не может претендовать на монополию в этой области.

Так, с XVI века на борьбу с ведовством одним и тем же судопроизводством выступала и церковь, и государство. Соперничество было велико и количество жертв этого безумия было особенно ужасно в XVI и XVII веках, когда действовали заодно светский и духовный мечи.

Еще в 1781 г. была сожжена ведьма в Севилье,—жертва была занесена в актив инквизиции, так как Испания в это время все еще знала инквизицию; но через год, в 1782 г., в Гларусе за такое же преступление была казнена девушка—на этот раз рукой светской власти, ибо Швейцария не знала инквизиции, и заслуга борьбы с дьяволом была отнесена насчет государства. Но в XVIII-м веке „великие" подвиги соперничавших между собою за славу расправы с

дьяволом были уже на исходе. Торговая буржуазия выходила везде победительницей и уничтожала следы „умственного" феодализма и „церковной гегемонии" там, где они тормазили ее победоносное шествие буржуазия и где не чувствовала необходимости в духовном жандарме против еще не сознавшего своих сил рабочего класса. Мария Тереза в 1746 г. прекратила процессы против ведьм. Через год этому примеру последовал Вюртемберг, а в 1775 г. Бавария. В год казни во Франции Людовика XVI, в 1793 г., Познань отменила у себя процессы против ведьм.

Но вера в черта необходима церкви—прежде всего, как неиссякаемый источник дохода, и как средство одурманивания сознания и классового чувства рабочего класса и крестьянства,—а потому время от времени на общественную сцену всплывает какая-либо дьявольская проказа: пусть, де, человечество не забывает о существовании страшного дьявола, так, в 1884 г. сам папа римский, в лице авторитетного Льва XIII, в пастырском послании заговорил о „людях, принадлежащих царству сатаны и адской власти и одержимых бесами". То был голос „Молота ведьм".

Несмотря на свою огромную популярность, „Молот ведьм", не переводился на иностранные языки и лишь в самое последнее время он появился на немецком языке в переводе Шмидта, при чем перевод за короткое время выдержал три издания.

Предлагаемый первый русский перевод с латинского издания 1588 г. сделан Ник. Т. Цветковым, при чем в видах экономии места сокращены некоторые части, главным образом, в последнем—третьем—разделе, носящем юридический характер и трактующем чисто практические вопросы, при том процессуального свойства. Они мало характерны для данной именно книги и в значительной степени совпадают с теми описаниями инквизиционного судопроизводства и процесса, которые имеются отчасти и на русском языке в трудах Чарльса Генри Ли и С. Г. Лозинского.

Сокращение этих именно мест не явится ущербом для русского читателя, а из представленной ему целиком всей первой части и почти полностью второй—он сумеет вынести точное и ясное представление о творчестве Институриса и Шпренгера.

Их книга, их „Молот ведьм" есть прежде всего большой исторический памятник человеческого невежества и суеверия, богословской кровожадности и церковного изуверства, безудержного корыстолюбия и эксплоатации. В этой книге самый дикий фанатизм сплетается с извращенной похотью, и ложная ученость, взращенная бессмысленной фантастикой, вершает самые отвратительные оргии: не знающее границ, дикое изуверство, открыто пропагандируемое, делает этот документ циничным до отвращения. Мы имеем в нем как бы теоретическое обоснование всех кровавых деяний и преступлений средневековой церкви, пролившей бесчисленные реки человеческой крови.

„Молот ведьм"—символ церкви. Он не только предмет презрения и возмущения, но и предмет ужаса и ненависти,—так пусть же русский перевод этой книги вызовет в каждом рабочем, в каждом крестьянине чувство ненависти, какой заслуживает духовный творец этой кровавой талиматьи, столь мучительно долго шедшей по свету под божественным флагом; пусть же церковь пожинает то, что она сеяла целыми веками, и пусть каждый читатель этой книги скажет: я ненавижу церковь, потому что мне известен хотя бы „Молот ведьм"; по делам церкви я сужу о ней.

Проф. С. ЛОЗИНСКИЙ.

„Молот ведьм", как классический образчик средневекового миросозерцания.

I.

Средневековое мышление во всех его формах и проявлениях — прямой результат феодальных отношений западно-европейского общества. Лишь на основе знакомства с феодализмом, как определенным хозяйственным укладом, мы в состоянии понять и об'яснить основные черты средневекового миросозерцания.

В своем знаменитом предисловии „К критике политической экономии" Маркс отмечает четыре антагонистических „способа производства"—азиатский, античный, феодальный и капиталистический. Существеннейшей особенностью феодального хозяйства является наличие на одном полюсе господствующих землевладельцев-феодалов и на другом—огромной угнетенной массы крестьянского населения. Другая черта феодального хозяйства—это его натуральный характер. Мы имеем здесь производство продуктов не для обмена, а для удовлетворения собственных нужд производителей или их ближайших хозяев.

Наконец, третья особенность феодализма сводится к так называемой феодальной лестнице. Под именем последней подразумевается особая форма связи между отдельными землевладельцами, при которой более мелкие попадают в зависимость от более крупных.

В работе Фридриха Энгельса „Анти-Дюринг" можно найти ряд ценных замечаний, дающих яркую характеристику феодального хозяйства. Два из них мы считаем нужным привести. Вот что говорит Энгельс о средневековом производстве: „До появления капитализма, т.-е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей по отношению к средствам производства; в деревне господствовало земледелие мелких, свободных или крепостных крестьян, в городах—ремесло. Орудия труда—земля, земледельческие орудия, мастерские и инструменты ремесленников—были орудиями труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, несовершенными, ограниченными"[1]).

Несколькими страницами дальше мы наталкиваемся на нижеследующее описание натурально-хозяйственной сущности феодализма: „В первые столетия средних веков производство было рассчитано, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло прежде всего потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в земледелии, существовала личная зависимость, производство удовлетворяло также потребности феодального господина. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали

[1]) Ф. Энгельс „Анти-Дюринг". Изд. ГИЗ, 1929 г., стр. 253.

характера товара. Крестьянская семья сама производила все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и пищу. Производить на продажу она начинала только тогда, когда у нее оставался излишек от собственного потребления и после уплаты натуральных повинностей господину; этот пущенный в обмен излишек становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, с самаго начала производить для обмена. Но и они производили большую часть нужных для них предметов; они имели сады и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен и шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда—ограниченность обмена, ограниченность рынков, устойчивость форм производства, местная связь производителей: марка, т.-е. поземельная община, в деревнях, цехи в городах[1]).

Переходя от характеристики средневековой экономики к тем социальным процессам, которые на ее основе возникали, мы должны прежде всего отметить совершенно исключительное значение католической церкви. Это—не просто организация религиозного культа, но колоссальнейший экономический и политический фактор. Представители высшего духовенства владели огромными пространствами земли, обирая крестьянские массы „еще более бесстыдно", чем светские феодалы. Церковные богатства росли не по дням, а по часам, умножаясь как за счет обычных способов феодальной эксплоатации, так и путем специфически церковных методов, т.-е. взимания явных и скрытых налогов на нужды религии. Самые формы церковной организации ставили ее в привилегированное положение по отношению к светским феодалам, так как в противовес разрозненности и изолированности последних католическая церковь давала образец централизации и являлась, по выражению Энгельса, „великим интернациональным центром феодальной системы".

Из других явлений средневековой жизни следует отметить одну характерную черту, весьма кстати затронутую А. М. Деборином[2]), в связи с характеристикой схоластической философии,—феодальная организация „всецело поглощает личность". Отдельный человек целиком „растворяется" в той общественной группе, к которой он принадлежит. Этот факт накладывает серьезнейший отпечаток на средневековое мышление.

Теперь попытаемся на основе отмеченных нами особенностей феодального общества разрешить кардинальный вопрос, возникающий при изучении феодальных идеологий: **чем об'яснить столь огромную роль религии в средние века?**

Наиболее простой ответ, это—ссылка на могущество католической церкви, на ее материальные богатства, на ее уменье захватить в свои руки все дело просвещения, начиная от начального обучения и кончая университетским образованием. Однако, такое об'яснение при всей своей кажущейся убедительности ни в коем случае не является правильным. Достаточно поставить дополнительный вопрос—о причинах крушения средневековой религии, чтобы понять, что ее расцвет вызван более глубокими предпосылками социально-экономического порядка, с изменением которых средневековое миросозерцание неизбежно должно сойти со сцены, несмотря на все усилия могущественных католических попов.

---

[1]) „Анти-Дюринг", стр. 257.

[2]) См. его „Введение в философию диалектического материализма".

Успех католицизма коренится прежде всего в примитивности производительных сил феодального общества. Чем выше развитие производительных сил, тем значительнее власть человека над природой. Изменяя природу, человек, по выражению Маркса, „в то же время изменяет свою собственную природу". Он научается относиться к окружающей действительности, как к чему-то естественному, обыкновенному. Суеверный страх сменяется спокойной настойчивостью.

Иную картину имеем мы в феодальном обществе. При отсталости средневекового земледелия крестьянин чувствует себя не господином природы, а ее рабом. Стихийные бедствия представляются ему следствием каких-то необ'яснимых процессов. Отсюда создается самая благоприятная почва для распространения религиозных верований.

В „Молоте ведьм" эта связь между отсталостью крестьянского хозяйства и развитием религии выявлена особенно хорошо. Мы узнаем, например, про швабских крестьян, которые страдают от падежа скота. Не будучи в состоянии бороться с эпидемиями, они обращаются за помощью к сверх'естественным силам. „1 мая, до восхода солнца, крестьянки отправляются в лес, срывают ветви деревьев и другие растения, плетут венки и вешают их над входом в стойла скота. Они утверждают, что этим они охраняют на весь год скот от порчи ведьм". Здесь же рассказывается и о других бедствиях сельского хозяйства— градобитии и т. п. Отсталое крестьянство видит во всем этом результат вмешательства потусторонних существ. Другая причина, способствовавшая религии, это—натуральное хозяйство, при котором вполне естественна почти полная изолированность отдельных хозяйственных ячеек. Вырабатывается чрезмерная узость кругозора. Человек начинает смотреть на окружающий мир глазами наивного ребенка. Мало убедительные сказки, распространяемые католическим духовенством, представляются ему последним откровением истины.

Далее следует отметить консерватизм феодального хозяйства, крайне медленные темпы его развития, при которых новое поколение почти целиком повторяет трудовые приемы отцов и дедов. Это приводит к соответствующему консерватизму мышления, порождает преклонение перед раз навсегда установленными авторитетами.

Одним из существенных моментов католицизма является учение средневековых реадистов об об'ективном существовании понятий. А. М. Деборин справедливо считает это „идеологическим рефлексом той общественной организации, в которой растворяется индивидуальность, и в которой настоящей реальностью считается „вид", т. е. „общее понятие".[1])

Теперь посмотрим, на какие общественные группы опиралась католическая религия. Прежде всего в ее процветании и распространении было заинтересовано, конечно, само духовенство. Не нужно думать, что средневековая церковная организация, это—небольшая кучка людей. Она являлась международным собранием бесчисленного количества тунеядцев, которые хотя и занимали различное место и положение в церковном мире, однако все были в одинаковой мере заинтересованы в эксплоатации человеческого невежества. Такая армия церковников была уже сама по себе грозной силой, вооруженной до зубов всеми видами оружия: огромными богатствами, исключительным политическим влиянием, наконец, монополией в деле воспитания и агитации. Огромную помощь оказывали католицизму феодалы. Не говоря уже о том, что эти малокультурные, воинственно

[1]) См. А. Деборин „Введение в философию диалектического материализма".

настроенные люди были легко восприимчивы к религиозной заразе в силу условий своего каждодневного бытия, они становились на сторону религии под влиянием непосредственного классового интереса. Феодалы пользовались религией, как средством укрепления своей власти. Необходимо было показать трудящимся, что феодальное насилие, это—священное право, установленное не людьми, а сверхестественной силой, которая одна может изменять порядок на земле. В этом отношении любопытно сравнить феодалов эпохи древней Греции с феодалами средневековой Европы. Первые устанавливали божественное происхождение феодальной власти весьма примитивным способом. Их герои—сыновья какого-нибудь бога или богини.

Западно-европейские феодалы не считали для себя удобным вести свою родословную от Иисуса христа или девы Марии. Вместо этого они говорили о „божьей милости". Подобная ссылка на авторитет бога сохранилась вплоть до настоящего времени у различных монархов. Достаточно припомнить манифесты Николая II. Таким образом, религия являлась для феодалов орудием классового господства. На ряду с этим они находили в религиозной системе благодарный материал для построения феодальной морали, основным тезисом которой была верность вассала своему сюзерену.

В общем следует констатировать, что для светских феодалов религия была почти столь же необходима, как и для духовных лиц. Борьба первых со вторыми, неоднократно имевшая место в истории, не была борьбою против религии. Речь шла лишь о дележе добычи между различными хищниками.

Переходя к крестьянству, мы отыскиваем корни его религиозности в том беспросветном положении, в каком находилась крестьянская масса в качестве угнетенного класса феодального общества. Голод, эпидемии, разорительные войны, тяжелые повинности,—вот картины тогдашней жизни. Один из средневековых писателей, монах Радульф Глабер, следующим образом рисует положение в Европе в начале XI столетия: „В 1027 г. землю начал опустошать голод, и род человеческий был угрожаем близким разрушением. Погода сделалась до того худа, что невозможно было найти минуты ни для посева, ни для уборки хлеба вследствие залития полей водою. Казалось, что все стихии обрушились и вступили в борьбу друг с другом, а между тем собственно они повиновались божьей каре, наказывавшей людей за их злобу. Вся земля была залита непрерывными дождями до того, что в течение трех лет нельзя было иметь пяди земли, удобной для посева. Зерновая мера на самых плодородных землях не давала более сем-шесть. Этот мстительный бич начался на востоке, опустошил Грецию, потом Италию, распространился по всей Галлии и, наконец, постиг Англию. Его удары обрушились на всех без различия. Сильные земли, люди средние и бедняки равно испытывали голод, и чело у всех покрывалось бледностью; насилия и жестокости баронов смолкли перед всеобщим голодом. Если кто-нибудь хотел продать с'естное, то смог спросить самую высокую цену и получил бы все без малейшего затруднения. Почти везде мера зернового хлеба продавалась по 60 золотых солидов; иногда шестую часть меры покупали за 15 солидов. Когда переели весь скот и птиц, и когда этот запас истощился, голод сделался чувствительнее, и для укрощения его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще для избавления от смерти выкапывали из земли древесные коренья, собирали травы по берегам ручьев; но все было тщетно, ибо един бог может быть убежищем против божьего

гнева. Но, о, ужас,—поверят ли тому,—свирепство голода породило примеры жестокости, столь редкой в истории, и люди ели мясо людей. Путник, подвергнувшись нападению на дороге, падал под ударами убийц, они разрывали его члены на части, жарили их и пожирали. Другие, убегая из своей страны, чтобы вместе с тем убежать и от голода, были принимаемы в дома, и хозяева душили их ночью, чтобы после с'есть. Некоторые показывали детям яйцо или фрукт, заманивали их в сторону и пожирали. Во многих местах отрывались трупы для подобной же ужасной цели. Наконец, это безумие, эта ярость дошли до того, что существование животного было безопаснее, нежели человека, потому что, повидимому, есть мясо людей начало обращаться в обычай"[1]).

Этот яркий отрывок знакомит нас с положением средневекового крестьянства лучше любых статистических выкладок. В более урожайные годы крестьянин подвергался всяческим притеснениям со стороны феодалов, которые едва ли были милостивее стихийных сил природы.

При таких условиях вполне понятно распространение аскетических взглядов, являвшихся формой протеста против роскошной жизни господствующих классов. Потусторонний мир, более счастливый и справедливый, нежели мир греховной плоти,—вот приманка, при помощи которой католическая религия вовлекала в свои сети наиболее эксплоатируемые отряды средневекового населения.

Из всего вышесказанного мы видим, что феодальный строй как нельзя более способствовал установлению церковной гегемонии в области идеологии. Материализм и атеизм,—столь распространенные в античном мире, временно уступают место идеализму и религии. Правда, в недрах средневековой схоластики в скрытой форме развивались материалистические тенденции номиналистов[2]), однако, для открытого распространения материализма еще не наступило время.

II.

Основной чертой средневековой идеологии является расщепление вселенной на две половины: мир материальных отношений, мир природы, и мир потусторонний, идеальный, духовный. В то время как первый мир представляли чем-то вторичным, производным, малозначительным, в мире идеальном видели вечную, благую сущность, находящуюся вне времени и пространства. Этот сверхфизический мир, высшим представителем которого признавался абсолютный суб'ект—бог,—относился к природе, как господин к рабу, как сила к бессилию, как вечность к мгновению. Христианские писатели не жалели красок для дискредитирования „греховной" материи и в то же время всячески расхваливали и воспевали преимущества идеальной сущности.

Однако, если мы пожелаем составить более или менее конкретное представление об этом идеальном мире, то окажется, что ни один даже самый талантливый идеолог христианства не в состоянии предложить сколько-нибудь ясный или вразумительный материал. В этом отношении классическое определение бога дает „отец церкви" Августин Блаженный, „творения" которого сыграли роль первых камней, из которых впоследствии было воздвигнуто мрачное здание средневековой философии. Он говорит о боге так: „Высочайший, совершеннейший, могущественнейший, всемогущественнейший, в высшей степени благой и милосердный и в высшей степени правосудный и спра-

[1]) Цитирую по собранию материалов М. Стасюлевича.

[2]) Средневековые философы, утверждавшие, что понятия суть лишь названия вещей.

ведливый, никому недоступный и всему присущий, красота благолепнейшая и великодушие непреоборимое и непостижимость неуловимая, сам в себе неизменяемый, а все изменяющий, ни нов, ни стар, никогда не обновляющийся и никогда не стареющийся, а все обновляющий и гордых в неведении состаревающий, и действующий всегда и покоящийся всегда, собирающий и ни в чем не нуждающийся, все носящий и наполняющий и поддерживающий, творящий и питающий и усовершающий, обо всем заботящийся и ни в чем не имеющий недостатка. Ты любишь, но не волнуешься; ревнуешь, но сохраняешь спокойствие; раскаиваешься и не скорбишь; гневаешься и не возмущаешься; изменяешь дела, но не переменяешь намерений; воспринимаешь, что обретаешь, никогда ничего не теряя; ни в чем не терпишь нужды и недостатка, и всякому приобретению радуешься; чуждый всякого корыстолюбия, а требуешь роста и лихвы"[1]). При ближайшем рассмотрении приведенный отрывок из Августина оказывается совершенно бессодержательным. В нем или общие фразы, не имеющие никакого смысла,—в роде „могущественнейший" и „всемогущественнейший", или полные внутренних противоречий понятия—например, „раскаиваешься и не скорбишь", „гневаешься и не возмущаешься". Иоанен Скот Эригена понимает под богом так называемую первую природу—несотворенную и творящую. Это существо непостижимо и невыразимо. Оно выше и вне бытия, поэтому оно—ничто. Однако, это—особое ничто, т.-е. такое ничто, которое носит божественный характер. Поэтому бога надо называть не мудрый, а сверхмудрый, не могущий, а сверхмогущий и т. д. Такой подход к богу еще менее последователен. Будучи логически развит, он должен с неизбежностью привести к атеизму, т.-е. отрицанию бога.

Очень типично для средневекового мышления определение бога Ансельма Кентерберийского. Бог, это—высшее существо, обладающее абсолютным совершенством. Он вечен и неизменен. Бог не может быть сложным, т.-е. состоять из нескольких частей. Он абсолютно прост. Наконец, бог бестелесен, т.-е. является духовным существом. Все эти рассуждения Ансельма, в конце концов, сводятся к обычному религиозному представлению о небесном царе, самодержавно управляющем вселенной. Боясь наделить бога какими-либо земными чертами, Ансельм вынужден ограничиться самой общей схематикой, построенной на приписывании богу таких особенностей, как справедливость, мудрость и т. п., с голым указанием, что они носят абсолютный характер. Наконец, следует упомянуть о Фоме Аквинском, который видит в боге: 1) актуальность, 2) простоту, 3) совершенство, 4) нематериальность, 5) абсолютное самосознание, 6) абсолютную волю и т. д.

Это об'яснение Фомы одинаково неспособно удовлетворить любопытство даже самого непритязательного сторонника христианства. Таким образом, господь бог, являющийся центром, вокруг которого вращаются все верования, представления и мысли средневековых идеологов, на деле представляет из себя нечто неопределенное, о котором можно сказать лишь то, что он не есть человек, не есть материя, не есть конечность и т. д. По сути дела, католический бог, это—самый знатный феодал, у которого все мнимые достоинства доведены до максимальных размеров.

Один из писателей, по прозвищу Астроном, следующим образом характеризует личность Людовика Благочестивого: „Из наставлений божества мы познаем, что святая мудрость, умеренность, правосудие

[1]) Августин. „Исповедь", кн. I, гл. 4.

и добродетель служат лучшими благами человеческой жизни; и Людовик был до того с ними неразлучен, что не знаешь, в ком другом они могли бы более изумлять нас. Действительно, что может быть умереннее его умеренности... С какою любовью заботился он о правосудии, о том могут свидетельствовать те, которые знают ревность, сожигавшую его, о том, чтобы каждый исполнял обязанности своего звания и любил бога больше всего, а ближних—как самого себя". Если мы сравним „сущность" Людовика с „сущностью" средневекового бога, нам сейчас же бросится в глаза поразительное сходство феодала земного с феодалом небесным. Потусторонний мир католицизма был не чем иным, как идеализацией феодальных отношений. Владыка этого мира—идеальный сюзерен. Между ним и другими обитателями небесного царства существуют самые обычные феодальные связи.

Римский папа Григорий VII в послании к трем французским архиепископам указывает на безусловное наличие небесной иерархии. „В лестнице существ тварь от твари различается своим значением и чином, при чем низшие ступени должны подчиняться высшим. Чины небесного воинства—ангелы, архангелы, херувимы и серафимы—не равны между собою по степени значения и власти. И тем не менее в ангельском обществе господствуют мир и согласие; все эти ангелы, располагаясь в стройном порядке иерархической лестницы, составляют единую курию, единое царство небесного царя"[1]). Интересный материал в этом отношении дает средневековая живопись. Посмотрите на картину, изображающую христа, богоматерь, апостолов и т. д. Все они расположены по рангу. Чем „знатнее" божественный феодал, тем более почетное место отведено ему на рисунке. Таким образом, божественная феодальная лестница открыто предстает перед взором верующего. Если мы перейдем от бога, как главного обитателя идеального мира, к самому идеальному миру, т.-е. к тому царству, в котором господь-бог находится, то нас будет ждать еще большее разочарование. Мы столкнемся с поразительно тусклой, серой, совершенно бескрасочной фантазией, в которой не будет ничего, кроме мертвой скуки.

Вспомним знаменитую „Божественную комедию" Данте. Пока гениальный поэт изображает „Ад", населенный обыкновенными людьми, его образы полны исключительной силы. Как только дело доходит до описания католического рая, никакое перо, даже перо Данте, не состоянии дать ничего, кроме голой схемы. В песне XXXI „Рая" Данте откровенно заявляет: „И форму уж общую рая постиг я, но частностей там не мог я постигнуть..."

Итак, почему же средневековое мышление, имевшее своим главным об'ектом идеальный мир, оказалось бессильным дать его конкретную разработку? Потому, отвечаем мы, что этот идеальный мир являлся не чем иным, как суб'ективной категорией человеческого сознания, извратившего подлинную действительность. То, что на самом деле имело об'ективный характер, приобрело у средневековых мыслителей суб'ективное значение, наоборот, суб'ективное превратилось в единственно достоверное и об'ективное. Самый размах средневековой фантазии был ограничен скудными условиями феодальной жизни, а также настойчивым стремлением христианских писателей дать картину неземного так, чтобы она действительно принципиально отли-

---

[1]) См. „Книгу для чтения по истории средних веков". Вып. II.

чалась от земного. В виду того, что последнее вообще неосуществимо,—все попытки положительного построения потусторонней системы были заранее обречены на неудачу.

Учение католицизма об идеальном мире с богом во главе связано с знаменитой теорией реального существования **общих понятий**. „Вопрос, есть ли бог, является лишь вопросом о том, имеет ли общее понятие **самостоятельное** существование",—замечает Людвиг Фейербах в своих „Лекциях о сущности религии".

Средневековые реалисты в духе платоновского учения об идеях считали, что общие понятия обладают большей реальностью, чем сама вещь. Сначала понятие, а потом вещь,—провозглашали наиболее крайние из них. Понятие существует не вне вещи, а в самой вещи, в качестве ее активного начала,—отвечали другие, более умеренные. И та и другая точка зрения открыто провозглашала приоритет идеального над материальным, т.-е. давала философское обоснование религиозному миропониманию.

По этому поводу очень хорошо говорит Куно-Фишер, сразу устанавливающий необходимость для христианства превратить понятия в реальные, метафизические сущности. Он берет христианские сказки об Адаме и христе... В Адаме совершилось падение человечества, в христе—искупление. Если эти факты не имеют **универсального** значения, или, что то же, если универсальные определения не имеют **фактического** реального значения, то вера шатка в своем основании, она поэтому опирается на ту логическую предпосылку, что человечество существует как род или идея в платоновском смысле и составляет сущность человека. То, что приложимо к этому роду, должно быть приложимо и ко всем родам (идеям), ко всем универсалиям. Если универсалии не суть реальны, то можно опасаться того, что религиозные факты представятся либо недействительными, либо недоказанными[1]). Исходя из этих соображений, наиболее последовательные представители католической религии неизбежно склонялись к **реалистическому**[2]) направлению средневековой философии.

О корнях средневекового реализма мы уже говорили. В дополнение к сказанному можно привести интересные соображения Людвига Фейербаха, который связывает происхождение реализма с оторванностью его представителей от живой действительности. „...Люди,—пишет он,—проводящие больше времени в суете жизни, чем в рабочем кабинете, среди природы, чем в библиотеках, люди, чьи занятия и наклонности влекут их к наблюдению, к созерцанию действительных существ, будут этот вопрос всегда решать в духе номиналистов, признающих за общим лишь суб'ективное существование, существование в языке, в представлениях человека; наоборот, люди противоположных занятий и качеств будут решать его в противоположном смысле, в духе реалистов, признающих за общим самодовлеющее существование,—существование, не зависимое от мышления и языка человека"[3]).

Продолжая дальнейший анализ средневекового миросозерцания, необходимо констатировать почти полное **отсутствие оригинальности** у его представителей.

Христианские мыслители не умеют мыслить самостоятельно.

---

[1]) Куно-Фишер „Декарт", 1906 г., стр. 64.

[2]) Не смешивать средневековый реализм, т.-е. самый откровенный идеализм, с современным, обычным пониманием этого слова.

[3]) Л. Фейербах. Сочинения, том III, стр. 130—131.

Они обращаются к прошлому, отыскивая в нем подходящий материал для своих построений. Естественно, что античный мир с его исключительными культурными ценностями не может не привлечь внимания идеологов католицизма. Одной рукой христианская церковь с беспощадным варварством уничтожает древне-греческое наследство, другой рукой она воскрешает системы двух величайших философов древности—Платона и Аристотеля. Почему из многочисленного количества античных авторов выбор пал именно на Платона и Аристотеля? Ответ на этот вопрос не представляется затруднительным. Ведь не могли же католические монахи развивать теорию Демокрита, для которого единственным началом вселенной являлись материальные атомы. Они искали в древнем мире опору для религии, а эту роль могла выполнить только открыто выраженная идеалистическая философия. Платон и Аристотель были не просто идеалистами, они являлись идеалистами-энциклопедистами, у которых точно в современном энциклопедическом словаре средневековые мыслители находили более или менее обстоятельные ответы на самые разнообразные вопросы. В чем сущность платоновского идеализма, и что в первую очередь берет у него средневековье? Философия Платона была в свое время выражением заката афинской аристократии. Этот когда-то могущественный класс окончательно утратил надежду на победу. Он сдавал одну позицию за другой. Каждое новое поражение было ощутительнее предыдущего. Естественно, что подобные обстоятельства не могли не вызвать у его идеологов глубокого разочарования. Весь этот мир, все процессы, в нем совершающиеся, начинают казаться чем-то ненужным, неинтересным, малозначительным. „Истинная жизнь не здесь“,—утешают себя эти люди. „Пусть здесь мы разбиты, побеждены, уничтожены. Есть другой мир, настоящий, действительный, неизменный. К этому миру мы обращаем свои взоры“.

И, влекомый подобными рассуждениями, аристократ Платон создает учение об особом мире идей, вечных и неизменных. Многочисленные материальные вещи, среди которых мы живем, являются, по Платону, не чем иным, как копией этих божественных идей. При этом главнейшая из идей есть идея добра „...У Платона идея добра есть самая высшая, следовательно не тождественная с идеею бытия, а возвышается над нею и над самым знанием, ибо она об'ектам познавания дает познаваемость, а уму дает познавательную силу. В этом смысле можно, пожалуй, сказать, что идея добра есть верховный принцип; но лучше сказать, что идея добра есть верховное сущее в мире идей, так что она, как верховное сущее, и есть причина всего бытия и конечная цель всей человеческой деятельности, всех наших стремлений. Определив в этом смысле верховное сущее, как добро и как целесообразно действующую силу, Платон тем самым признал добро за принцип мирообразовательный, творческий, открывающийся в мире явлений, во внешней природе. Он прямо говорил: бог благ, а потому он и образует мир“.[1]).

Если мы сопоставим все рассуждения Платона с воззрениями крайних реалистов, то для нас станет очевидна полная зависимость последних от платоновской философии, в частности от его учения об идеях. Античный „язычник“ превратился в „подлинного христианина“. „Подлинные христиане“ сделались учениками античного „язычника“. Совершенно исключительное влияние оказывает на средневеко-

[1]) Редкин. „Из истории философии права в связи с историей философии вообще“ 1890 г. Т. 3, стр. 300.

вое мышление Аристотель. Прежде всего выясним, как относится Аристотель к платоновским идеям? Если для Платона эти идеи находятся где-то в другом мире, помимо вещей и материальной природы, то Аристотель помещает их внутри вещей, как некую сущность вещей, как некую божественную форму, которая является активным действующим началом.

Аристотелевское учение о форме целиком воспринимается рядом средневековых философов.

Столь знаменитые системы Альберта Великого и Фомы Аквинского целиком основаны на принятии взглядов Аристотеля. Большую роль играет аристотелевская **телеология** (под телеологией понимается учение о цели, которой будто бы обладает каждый предмет). Во всяком событии телеология видит осуществление какого-то особого внутреннего назначения. Такая точка зрения целиком противоположна материализму, стоящему на почве **причинного** развития явлений. Телеология с неизбежностью приводит к теологии, т.-е. к богу. В самом деле, если все целесообразно, то, следовательно, во всем есть проявление разумной воли. А последнее означает признание божественного разума, управляющего вселенной. Вот почему средневековые церковники с радостью хватаются за телеологию.

Типичнейший пример телеологического и вместе с тем теологического подхода дает Людвиг Фейербах в своих „Лекциях о сущности религии". „Почему люди не одинаковы, почему у них различные лица?—спрашивает один старый теолог и отвечает на это: Для того, чтобы их можно было отличить друг от друга, для того, чтобы их друг с другом не смешивать, для этого дал им бог различные лица"[1]). Это об'яснение настолько наивно, настолько легко уничтожается при малейшем дуновении научной критики, что о нем вряд ли стоит говорить. А между тем телеологический принцип Аристотеля превращается в неот'емлемую частицу средневекового миросозерцания,

Остановимся хотя бы на Фоме Аквинском. Мир, согласно его учения, создан богом, при этом создан с определенной целью. „Цель создания мира—откровение божественного совершенства и благости в сотворенных существах. Все в мире совершеннейшим образом приспособлено к этой цели"[2]). Целью человека, как и всех других сушеств, является совершенство, основанное на „уподоблении" богу. Чрезвычайно большое значение имеют для средневекового мировоззрения другие стороны аристотелевского учения, в особенности его логика. О ней мы скажем особо, когда перейдем к характеристике схоластического метода. Наконец, нельзя не отметить всякого рода естественно-научных теорий Аристотеля, которые оказались для средневековья не менее полезными, чем его чисто философские рассуждения. Возьмем, например, аристотелевскую астрономию. Она основана на признании неподвижной земли, являющейся центром мира. Такой взгляд полностью отвечал консервативному строю феодальной жизни, целиком соответствовал устремлениям католической религии, для которой всякое изменение, всякое развитие представлялось прямой угрозой ее господству.

По этому поводу хорошо говорит М. Н. Покровский: „Средневековый, феодальный (по-нашему: крепостной) общественный порядок, опиравшийся на натуральное хозяйство, держался главным образом своей неподвижностью. Вся жизнь закоченела в однообразных, века

---

[1]) Фейербах, „Сочинения", т. III. стр. 146.

[2]) См. А. Штекль. „История средневековой философии".

ми сложившихся формах. „Обычай" оправдывал и освящал все. Общественный строй, жестокий и нелепый, отдававший судьбу миллионов трудящегося люда в полную власть нескольких тысяч тунеядцев, казался неизбежным и вечным, как смена лета и зимы, дня и ночи. Духовенство старательно вколачивало в наивные головы мысль, что сам бог создал именно этот порядок, и что ничего другого быть не может. Вся тогдашняя „наука" была приспособлена к доказательству этой мысли—неподвижности всего существующего. Эта „наука" все знала, и ничего нового для нее быть не могло. И вдруг нашлись дерзкие люди, которые стали учить, что „наука" средневекового духовенства все врет, что все в мире, наоборот, движется со страшной быстротой, начиная с самой земли, которая вертится вокруг своей оси, как волчок, и несется в пространстве с быстротой пушечного ядра. Это было настоящее „потрясение основ". Уж если земля не стоит твердо на месте, кто же поручится за незыблемость человеческих установлений. Если церковная „наука" лжет, то где же ручательство, что церковь вообще говорит правду? Весь строй веками укоренившихся понятий попал под сомнение. И вот старый порядок и когтями и зубами стал отбиваться от „вредных" наук—астрономии и физики. Для того, чтобы помещик мог со спокойной совестью драть оброк со своих крепостных и гонять их на барщину, нужно было, чтобы земля не вертелась, чтобы весь средневековый „мир" стоял неподвижно, как ему указано стоять от бога. Ибо один и тот же бог устроил солнце, чтобы оно служило для освещения земли, и повелел рабам беспрекословно служить своим господам. И если астрономическая теория церкви неверна, то как спасти ее общественную теорию? Классовый интерес средневекового помещика, хозяина крепостного труда, требовал, чтобы доказана была „неправота" Коперника и Галилея[1])". Классовый интерес заставлял признавать астрономическую теорию Аристотеля абсолютной истиной. Наша характеристика средневекового миросозерцания должна быть дополнена рассмотрением аскетизма, этого любопытнейшего явления феодальной жизни.

Каждая социальная группа феодального общества вкладывала в аскетизм свое собственное классовое содержание. Трудящиеся массы, испытывавшие неслыханные материальные бедствия, были, так сказать, **невольными аскетами.** Ни одна потребность их организма не была в полной мере удовлетворена. Поэтому, восхваляя аскетизм, они как бы восхваляли свою собственную бедность и вместе с тем осуждали богатых и праздных эксплоататоров. Для светских феодалов аскетизм являлся орудием отвлечения трудящихся от непосредственной классовой борьбы. „Не завидуйте нам,—как бы говорили они крестьянам,—ваша бедность достойна всяческой похвалы и получит соответствующее вознаграждение на том свете". Наконец, христианская церковь, целиком поддерживая тезис светских феодалов, видела в аскетизме последовательное продолжение своего учения о господстве потустороннего мира над грешной природой. Если дух—все, а материя—ничто, то, следовательно, унижение одного означает возвеличение другого. Благодаря аскетизму средневековая церковь могла широко пропагандировать своих „героев", которые аскетическими „подвигами" как бы давали всем светским людям пример христианского поведения. Когда пышная жизнь высшего духовенства особенно сильно мозолила глаза, церковь указывала на своих „подвижников" и умело пряталась за их спиной. Наконец, опираясь на аскетические идеалы,

[1]) Покровский, „Экономический материализм".

церковь призывала отдельных людей жертвовать свои личные богатства в пользу церковной казны. Почти во всех легендах о деяниях того или иного подвижника этому вопросу уделялось специальное место.

Однако, поддерживая аскетизм, церковь строго блюла свою монополию в деле пропаганды аскетизма. Когда не в меру ретивый аскет пытался в своем усердии перейти границы, установленные церковью, когда поведение такого человека могло служить призывом против богатых и знатных, церковная организация сейчас же пресекала подобного рода неумеренные проявления практического аскетизма.

Вообще следует отметить, что для церкви легенды об аскетах были нередко более желательны, чем сами аскеты.

Теперь посмотрим, в чем конкретно выражался аскетический идеал? Об этом очень ярко говорит Осберн, автор средневекового произведения о святом Дунстане: „Своими руками Дунстан устроил себе келью, нору или пещеру, что, может быть, правильнее следовало бы и иначе назвать; не знаю только, какое название могло бы ближе подходить к жилищу подобного рода, потому что его келья не столько походила на человеческое обиталище, сколько на могилу. Но так как я сам видел эту келью, то и постараюсь описать ее наружность по собственному моему наблюдению: длина этой кельи не превышала пяти футов, а шириною была не более двух с половиною. Вышина ее доходила до пояса, когда стоит человек в яме, и много что она достигала до груди; одним словом, как я сказал, эта келья более походила на могилу, нежели на человеческое жилище. Там он, когда ложился, имел видения, а когда стоял, то постоянно молился богу. Дверь в келью была в то же время и стеной; для входящего это—дверь, а для вошедшего—стена. Впрочем, в таком маленьком жилище дверь могла быть не иначе как во всю стену. По средине двери находилось окошечко, через которое мерцал свет".

Итак, первый пункт аскетизма, это—создание таких внешних условий, при которых человек как бы заживо погребает себя в могиле. Но подлинный аскет этим не ограничивается. Его вторая задача, это—максимальное умерщвление своей плоти, насильственное подавление всех здоровых инстинктов человеческого тела. Однако, и второго пункта недостаточно.

Мы находим аскетические призывы к самоунижению. Биограф святого Одилона, монах Лотсальд, сообщает о своем герое: „Старших он почитал, как отцов, младших—как братьев, пожилых женщин—как матерей, молодых—как сестер и всех считал выше себя".

Если общефилософские элементы средневековой культуры в значительной степени представляют перепев древне-греческого идеализма, то зато средневековый аскетизм может с полным основанием считаться родным детищем своей эпохи. Конечно, аскетические призывы неоднократно имели место в истории, отражая упадок того или иного общественного порядка, однако, только западно-европейский феодализм оказался в состоянии разработать аскетизм, как целую систему мышления. Различными проблемами аскетизма занимается средневековая философия. Средневековая литература воспевает аскетические подвиги. Средневековая живопись проводит принципы аскетизма в своих произведениях, изображая святых в виде бесцветных, изможденных фигур. И даже феодально-рыцарская лирика говорит о какой то мистической, сверхчувственной любви к неземной деве.

Любопытную связь можно установить между аскетизмом и теми исключительно жестокими приемами, при помощи которых католиче-

ская церковь вела борьбу со своими врагами. Аскетизм являлся как бы теоретическим оправданием инквизиции. Если умерщвление плоти приводит к спасению души, то отсюда прямой вывод—во имя спасения души не надо церемониться с телом. Посмотрите на наших святых,—как бы заявляла церковь,—они добровольно осуждают свое тело на мучения. Следует ли считаться поэтому со страданиями грешников, которых сам господь бог призывал наказывать.

Учение католицизма о боге и его ближайших вассалах, распространение аскетизма, теория об'ективного существования общих понятий,—все это с неизбежностью выдвигало еще один момент, чрезвычайно характерный для средневекового миросозерцания,—веру в наличие целой организации сверх'естественных существ, задача которых,—вести непримиримую борьбу со всеми благими намерениями человека. Если божественный мир рассматривается, как оплот и источник добра, то зато дьявольский мир представляется активным носителем зла, непосредственным виновником множества бедствий, ежедневно и ежечасно постигающих человека. Вера в дьявола получает в средние века не меньшее распространение, чем вера в бога, при чем отрицание злых духов так же признается еретическим, как и отрицание божественного промысла. Что касается представления о злых духах, то оно носит совершенно конкретный характер. Это—абсолютно реальные существа, которых можно описывать вплоть до мельчайших подробностей. Не считается предосудительным говорить о пищеварении этих существ, об их половой жизни и т. п. Цезарий Гейстербахский, например, подробно рассказывает про наружный вид злых духов, которые напоминают крыс или имеют вид уродливого, отвратительного человека.

Борьба с злыми духами носит довольно примитивный характер.

Вот как описывает монах Осберн сражение между дьяволом и св. Дунстаном: „Сначала он (т.-е. дьявол) преследовал Дунстана в богатых палатах, а потом старался изгнать его и из бедной хижины. Этот отец лжи, приняв на себя вид человеческий, под вечер явился к келье юноши и, просунув голову в окошко, облокотился. Видя, что Дунстан занят ручною работой, дьявол попросил у него занятий для себя. Святой, не заметив ухищрения сатаны и не видя ничего предосудительного в самой просьбе, выслушал его. Между тем дьявол завел соблазнительный разговор, упомянул несколько женских имен, заговорил о богатствах, потом переходил к религиозным вопросам и снова возвращался к тем предметам. Тогда подвижник христа догадался и, положив в огонь железные щипцы, шопотом призвал имя христа. Увидя, что концы щипцов зарделись, он захватил ими рожу дьявола и, упершись ногами, потащил его в келью. Но дьявол удержался за стену, вырвался из рук и убежал с дикими завываниями: О, что наделал мне этот лысый! Рано утром к Дунстану собралось немалое количество соседнего народа, и все расспрашивали, откуда происходит этот шум, напугавший их во время сна. Это был рев дьявола,—отвечал он.—Сатана не дает мне нигде жить и пытается теперь выгнать из кельи. Берегитесь его; если вы не могли перенести голоса раздраженного дьявола, то каким образом выдержите свидание с ним. С того дня Дунстан оставался, так сказать, в оборонительном положении; он утомлял дьявола в борьбе с ним, своими добродетелями, тело истощал голодом, а душу укреплял молитвами. Ему было известно, что по слову господню дьявола можно осилить только одним: постом и молитвою. Так он приобрел целомудрие для тела и чистоту для сердца, и дьявол не мог более скрывать от него своих

коварных замыслов". В этом отрывке даны два способа борьбы с дьяволом. Первый, это—простая, чисто физическая драка с ним—обжечь ему рожу раскаленными щипцами. Второй способ сводится к аскетическому образу жизни.

Таким образом, борьба аскета со своей плотью означает в то же время борьбу его с дьяволом во имя господне.

Чем же об'яснить, что идея существования злых духов является для средневекового миросозерцания столь обязательной?

По мнению некоторых исследователей, мы имеем здесь своего рода болезненный акт человеческого сознания, когда нездоровая голова порождает нездоровые мысли.

Такой ответ ничего не об'ясняет.

Если истерическая женщина воображала себя ведьмой, общающейся с дьяволом, то для того, чтобы ее болезненный бред с таким доверием воспринимался окружающими необходимы соответствующие предпосылки общего характера. Такими предпосылками являются прежде всего те самые условия феодальной жизни, которые, как мы уже указывали, вызывали у самых различных классов представления о сверх'естественных силах. Раз возникает само понятие о духах, то с неизбежностью рождается мысль о том, что эти духи различны по своей силе и достоинствам. Мы знаем, что с точки зрения феодальной морали величайшее преступление—нарушить верность своему сюзерену. Любопытно, что и злой дух прежде всего выступает, как существо, изменяющее божественному сюзерену.

Так, отношения земные приобретают форму отношений небесных.

Учение средневековой философии о реальности общих понятий в одинаковой мере обосновывает существование дьявола, как и существование бога. Если существует зло конкретное, то должно существовать зло в качестве реальной платоновской идеи.

Наконец, существование злых духов является необходимой предпосылкой для существования церкви. В свое время буржуазия провозгласила: „Если бога нет, то его надо выдумать". Для феодальной церкви столь же необходимо было „выдумать" дьявола. Если нет зла, то с кем же в таком случае борется церковь? Если злое, это—только человеческое, земное, то тогда с ним могут бороться самые обыкновенные люди. Нужно было доказать, что люди бессильны побороть зло, ибо последнее есть нечто сверхобычное, потустороннее, с которым одна церковь в состоянии справиться. Поэтому дьявол—не только главный враг церкви, но и ее главный помощник, ее главнейшая идеологическая опора.

Колоссальнейшую роль играет дьявол с точки зрения церковных доходов.

Невозможно даже приблизительно определить тех богатств, какие перешли в распоряжение церкви благодаря косвенному и прямому влиянию веры в дьявола.

III.

Едва ли не самой своеобразной чертой средневекового миросозерцания является по существу нелепая попытка превратить разум, логику, науку в орудия богословия. Великий английский материалист Томас Гоббс следующим образом формулировал непримиримость разума и религии: „Мысль о бестелесных духах не может сложиться в здоровой человеческой голове". Этим он целиком в духе буржуазных рационалистов провозгласил разум самостоятельной силой, отрицающей все, что утверждает ненавистный феодальный порядок. Гоббсу принадлежит и другая фраза, о религиозных догматах,

которые, точно горькие лепешки, следует проглатывать не разжевывая. Еще более резко ставили вопрос французские материалисты XVIII столетия. „Всякий **разумный мыслитель**,—говорит Гольбах в „Системе природы“,—отказавшись от своих предрассудков, **сумеет понять бесполезность и ошибочность бесчисленных абстрактных теорий**, сбивших людей только с пути и делавших сомнительными самые очевидные истины. Всякий человек, отказавшись от странствий в заоблачные страны, где мысль его может только заблудиться, и **обратившись к своему разуму**, найдет то, что ему необходимо знать, и **избавится от иллюзорных причин**, заменивших благодаря невежеству, самообману и обману истинные причины и реальные мотивы, действующие в природе, которой человеческая мысль не смеет покинуть, не рискуя заблудиться и стать несчастной“ (курсив наш.—**М. Б.**).

Таким образом, по Гольбаху, достаточно избавиться от предрассудков и обратиться к разуму, чтобы религия была окончательно разоблачена. На этой же позиции стоит Гельвеций, рассматривающий религию, как заблуждение, а разум, как истину, и заявляющий, что „заблуждение и истина—две несовместимые вещи; они никогда не идут рядом“. Взгляды остальных французских материалистов ничем существенным не отличаются от утверждений Гольбаха и Гельвеция. Совершенно противоположный подход имеем мы в эпоху средневековья. Если на заре христианства религия дрожит перед разумом, как перед своим смертельным врагом, и в виде утешения провозглашает тертуллиановский принцип „верю, потому что абсурдно“, то в связи с гегемонией христианства это изречение заменяется противоположным—разум служит религии, обосновывает ее, помогает ей. Философия и наука становятся служанками католицизма, вернее даже не служанками, а безвольными рабынями.

Так возникает знаменитая схоластика, школьная философия средневековых церковников, которая представляет собой величайший регресс в области философского творчества и справедливо становится впоследствии бранным словом.

Для характеристики всякой философской школы огромное значение играет ее метод, т.-е. приемы, при помощи которых эта философия подходит к разрешению основных проблем. **Метод схоластики держится на двух китах: на формальной логике и на абсолютной вере в авторитеты.**

В чем сущность формальной логики, и почему она оказалась для схоластики столь пригодным орудием? Самая главная особенность формальной логики, это—оторванность мышления от действительных вещей. Формальная логика делает формы мышления независимыми от содержания. Отсюда она легко превращается в способ мышления, **игнорирующий** действительные процессы. Для схоластов указанный момент играет первенствующее значение. Относящиеся с резкой враждебностью к реальному миру, идеологи средневековья придают особенное значение словесным выражениям и понятиям, которые становятся для них высшим критерием истины. В этом отношении мы имеем классическую фигуру Раймунда Луллия (ум. в 1315 г.), который считал, что достаточно составить особые таблицы из различных слов, чтобы затем путем их простого механического сочетания открывать быстро и легко любые истины.

При разборе „Молота ведьм“ читатель наглядно ознакомится с образцами такого фетишистского отношения к словам. Другая черта формальной логики, это—ее метафизичность, неподвижность, полнейший отказ от принципа движения.

Для идеологов малоподвижного, консервативного феодального общества формальная логика становится единственным универсальным методом.

Особенной популярностью пользуется в эпоху средневековья так называемый **силлогизм**, т.-е. такой формально-логический способ мышления, при котором из общего суждения особым путем выводится частное суждение. Примером силлогизма может служить нижеследующее рассуждение: „Все люди смертны. Сократ—человек. Следовательно, Сократ смертен". Здесь частный вывод—„Сократ смертен" целиком вытекает из общего положения—„Все люди смертны".

Нетрудно убедиться, что метод силлогизма отнюдь не в состоянии открыть истины. В самом деле, уже в общем положении „Все люди смертны" заключено, что и „Сократ смертен". Поэтому никакого действительного „открытия" силлогизм не совершает. Другой его недостаток заключается в том, что, даже будучи вполне правильно построен, он может привести к абсолютным нелепостям. Для средневековых мыслителей силлогизм крайне полезен, несмотря на всю его несостоятельность. Католическая идеология базировалась на ряде общих догматов. Все отдельные жизненные факты она рассматривала, как нечто подчиненное, вытекающее из божественных установлений. Поэтому при помощи силлогизма схоластика „доказывала" все, что было ей необходимо. Блестящую критику средневекового силлогизма дает Франциск Бэкон Веруламский, величайший противник схоластики, об'явивший ей смертельную войну и являющийся одним из основоположников новой философии. В одном из своих „Афоризмов" (XIV) он пишет: „Силлогизм состоит из предложений, предложения из слов, а слова суть в некотором роде ярлыки предметов. Если сами понятия, составляющие как бы фундамент здания, смутны и извлечены из предметов случайно, то и все, что будет впоследствии выстроено на этом фундаменте, будет непрочно". Отсюда „общепринятая логика бесполезна для изобретения наук" (XI).

Переходя к другой особенности схоластического метода, к **преклонению перед авторитетами**, мы легко убеждаемся в том, что это преклонение целиком отвечает натурально-хозяйственным формам феодализма, при которых сегодняшние способы хозяйствования всецело базируются на вчерашних.

Еще больше поддерживает схоластический метод „феодальная лестница", ибо, привыкая благоговеть перед своим сюзереном, представитель средневековья не менее благоговеет перед сюзереном в области идеологии. Схоластическая философия возвела своих учителей в сан неошибающихся мудрецов, присоединила к ним Аристотеля, который превратился в „предтечу христа в делах природы", и стала заниматься голым толкованием отдельных фраз и замечаний, когда-либо произнесенных тем или иным авторитетом. Если схоласту удавалось найти у Аристотеля подтверждение своих слов, он считал, что вполне „доказал" истину.

В „Молоте ведьм" такой способ „доказательств" является преобладающим.

Когда случалось, что Аристотель говорит одно, а действительность показывает другое, представитель схоластики, нисколько не смущаясь, соглашался с Аристотелем.

Вполне понятно, что такой метод с неизбежностью приводил к полному упадку знания.

Мы знаем, что серьезным аргументом против астрономической теории Коперника являлась фраза Иисуса Навина—„Солнце, остано-

вись!". Средневековые мореплаватели пытались найти на востоке рай, основываясь на библейском изречении: „И насадил господь бог сад в Эдеме, на востоке". А что касается Христофора Колумба, то он был уверен, что не сегодня—завтра это открытие рая произойдет. Обратимся к одному из заявлений Колумба: „Я того мнения, что земной рай не лежит на крутой горе, как обыкновенно описывают, но на возвышении, там, где находится стебель груши, и что, постепенно и издалека поднимаясь к раю, никто еще не достиг вершины этого возвышения. Я думаю, что оттуда вытекает река и достигает того места, где я нахожусь, образуя озеро. Все это—вершины важные признаки близости рая, так как положение его соответствует указаниям святых и ученых теологов, и они тем важнее, что я никогда не слышал и не читал, чтобы такая масса пресной воды находилась где-либо среди или поблизости морской воды, и к тому же при столь мягком климате. Если последняя исходит не из рая, то это—еще большее чудо, так как я думаю, что нигде не найти в мире столь огромной и столь глубокой реки[1]).

Таким образом, средневековый подход к действительности основывался на „соответствующих указаниях святых и ученых теологов". Уже этим предопределялось схоластическое отношение к опытному познанию природы. Авторитет Аристотеля был выше всякого опыта. Серьезная работа экспериментального характера должна была казаться величайшим грехом, ибо для всякого естествоиспытателя об'ектом исследования является природа с ее законами, а с точки зрения католицизма только духовный мир единственно ценен и достоин внимания.

Вот почему схоластическая философия гораздо охотнее занимается половой жизнью ведьм, нежели изучением вселенной. Астрономия переходит в астрологию, химия заменяется алхимией, математика превращается в мистику.

Наиболее яркий образчик схоластического метода, это—так наз. онтологическое доказательство бытия божия, на котором мы считаем нужным остановиться. Нами уже указывалось, что средневековая идеология видит в философии служанку религии. Поскольку центральным пунктом религии является бог, то на схоластическую философию возлагается весьма щекотливая задача—доказать, что бог существует. В истории религии мы находим распространенную попытку вывести бога из разумности природы. Она сводится к нижеследующему рассуждению: В мире все целесообразно, все согласованно, все находится в гармонии, поэтому существование разумного творца и управителя является необходимостью. Несмотря на то, что науки о природе и обществе достаточно наглядно опровергли легенду о разумном устройстве вселенной, до сих пор такой способ доказательства бога продолжает господствовать.

Для схоластической философии путь к богу через совершенство природы чреват глубокими опасностями. Прежде всего он противоречит аскетическому тезису о ничтожестве и греховности всего материального. Во-вторых, выведение бога из природы могло дискредитировать божественную сущность в глазах верующих. Наконец, это как бы оправдывало занятие естествознанием. В самом деле, если достоинство бога, как производителя, познается по продуктам, им произведенным, то любой естествоиспытатель мог заявить: единственный метод познания бога, это—исследовать его творения. А это было для католической философии равносильно самоубийству. Поэтому иногда

[1]) Цит. по К. Вейле.

и прибегая к вышеизложенному доказательству бога, схоластика предпочитала свой старый, испытанный метод, говорить о боге, исходя из абстрактных рассуждений, обосновывать его чисто логическим путем, т.-е., опираясь на слова, придавать им какое-то особое метафизическое значение. Так возникает онтологическое доказательство бытия божия, которое построено на нижеследующем рассуждении: „Я мыслю бога, следовательно, я мыслю его, как абсолютное существо Но в понятие абсолютного существа включается в качестве составной части реальность, так как абсолютное без реального не есть абсолютное. Значит, бог должен существовать реально, что и требовалось доказать". Подобное учение о боге легко может быть опровергнуто самой логикой, ибо если абсолютное должно мыслиться существующим, то это отнюдь не означает, что оно **действительно** существует. Схоластическое утверждение есть самый обыкновенный словесный трюк, не имеющий никакого значения.

А между тем в течение многих лет это „откровение" казалос абсолютной истиной.

Даже Декарт, один из творцов новой философии, не мог отказаться от онтологического доказательства бога. Если мы будем анализировать самые различные образцы схоластического мышления, всюду и везде мы найдем ту-же словесную чепуху, те же бесплодные приемы, построенные на никчемных, бессодержательных силлогизмах.

Вот почему Бэкон Веруламский, поставивший перед собой задачу подготовить почву для действительного развития науки, прежде всего считал необходимым обрушиться на схоластический метод, как на серьезнейшее препятствие, без преодоления которого нельзя говорить всерьез ни о какой научной работе. Вот что говорит Бэкон об общем состоянии средневековой науки: „Если от мастерских перейти к библиотекам, то приходится на первый взгляд удивляться этой громадной собранной в них массе книг всякого рода; но затем, взглянув на эти книги поближе, рассмотрев как следует исследуемые в них предметы и способ их изложения, словом, их содержание, поражаешься удивлением в противоположном смысле, убеждаясь лично, что все эти томы ограничиваются вечным повторением одних и тех же мыслей. Смотря, как люди вечно повторяют или делают одно и то же, от удивления, возбужденного кажущимся изобилием, переходишь к еще большему изумлению перед прикрываемой им бедностью и чувствуешь, наконец, как жалка и несчастна эта воображаемая наука, занимавшая до сих пор умы и как бы овладевшая ими"[1]).

Еще более ярко изображает Бэкон работу средневекового ученого: „...Не знаем, право, сожаления ли достойны они, или смеха. В самом деле, алхимик вечно убаюкивает себя химерическими надеждами. Если первые попытки его не увенчиваются успехом, то он обвиняет самого себя и собственное неумение, непонимание научных терминов или особенных выражений авторов. Затем, он выслушивает все басни, рассказываемые ему по этому поводу, и внимает всем обещаемым ему секретам; или, быть может, он уклонился несколько в мелких подробностях от требуемых приемов: одним граном или секундой больше или меньше, и он достиг-бы своей цели; и он без устали тысячи и тысячи раз повторяет между тем свои пробы. Если среди случайностей опыта он встретит по дороге какой-нибудь факт, имеющий для него вид новизны или представляющий какую-либо пользу, он тотчас хватается за него, как за залог и ручательство всего остального. Вооб-

[1]) „Новый орган", кн. I-я.

ражение его питается этим маленьким открытием, он хвалится им, преувеличивает его, всюду носится с ним, и легкий успех, порождая новые надежды, поощряет его продолжать начатое"[1]).

Особенно убедительно высмеивает Бэкон средневековое преклонение перед некоторыми философами. Он говорит о легких, ничтожных предметах, всплывающих на поверхность, и сравнивает с ними схоластических авторитетов ,которые стали известны только вследствие своей легковесности. Различные направления средневековой схоластики кажутся ему театральными пьесами, которые изображают не мир, а произвольные фантазии. В конце концов, Бэкон, приходит к выводу, что никакая реформа не в состоянии спасти положение. Нужно начать с „фундамента", разрушить до основания прогнившую культуру и на ее развалинах воздвигнуть новое здание, построенное на иных основах и из иных кирпичей.

Эту великую миссию выполнило буржуазное общество, пришедшее на смену феодализму.

Однако, борьба буржуазии с феодалами имела одну слабую сторону. Буржуазия никогда не забывала о том, что ее собственное господство, так же как и господство феодалов, основано на эксплоатации трудящихся масс. Поэтому, чем больше успехов достигала она в борьбе с феодалами, тем менее энергично боролась она с феодальной идеологией. Очутившись у власти, буржуазия с неменьшим успехом использует религию, чем ее феодальные предшественники. В эпоху империализма мы можем наблюдать открытый возврат к давно забытым формам феодальной культуры. Даже идея светской власти пап неожиданно получает новое воплощение в лице, хотя и бутафорского, ватиканского государства. Снова католическая церковь во главе всех прочих религий призывает к „священному походу" против советских „еретиков". Недостает только возобновления инквизиции. Таким образом, давно забытое средневековое прошлое волею исторических событий приобретает особую актуальность. Разоблачение средневековья становится разоблачением современного капитализма.

Мы должны показать трудящимся всего мира, где следует искать идеологические корни буржуазной культуры XX-го столетия.

IV.

В учении Бэкона есть очень интересное положение о „прерогативных инстанциях". Он понимает под ними особо типичные явления, знакомство с которыми освобождает от необходимости изучения множества других явлений. К такого рода „прерогативным инстанциям" следует отнести „Молот ведьм" Шпренгера и Институриса. В этом произведении нет никаких достоинств. Оно написано плохим языком; расположение материала не всегда удачно; всякий пафос отсутствует. Чувствуется, что его авторы, это—самые заурядные деятели своей эпохи. Однако, **это не мешает „Молоту ведьм" быть наиболее ярким документом средневекового миросозерцания. В нем представлены полностью все особенности феодально-церковной идеологии.** Схоластический метод показан нагляднее, чем где бы то ни было. В то же время и противоречия схоластики выявлены здесь выпукло и конкретно.

Вот почему знакомство с произведением Шпренгера и Институриса позволит читателю более и менее обстоятельно познать **сущность средневековой культуры.**

[1]) Там-же.

„Молот ведьм", как это явствует из заголовка, посвящен исследованию сверхфизических процессов. Однако, это—не просто книга о потустороннем. Ее цель—разрешить вопрос о взаимодействии между потусторонним и обычным, между сверхземным и земным, между сверхматериальным и материальным. Этим в значительной степени определяется характер преподносимого материала. Мы имеем здесь абстрактные рассуждения формально-логического характера; имеем конкретные примеры из средневековой жизни, наконец, находим чисто практические указания и советы. Кроме того, книга содержит и обширный юридический материал, относящийся по преимуществу к юридической практике инквизиционных судов. Таким образом, „Молот ведьм" представляет собою малую теоретическую и практическую энциклопедию для всех верующих, в особенности для инквизиторов. Авторы этого „философского" и „юридического" трактата открыто проводят знаменитый тезис схоластики—философия есть служанка богословия. Вся их книга имеет нижеследующую теоретическую установку—доказать разумным путем истину католических верований. Ее практическая задача—помочь католической церкви вести борьбу с врагами христианства.

Первая проблема, выдвигаемая Шпренгером и Инститорисом, сводится к следующему: является ли утверждение о существовании ведьм католически правоверным? Такой подход целиком совпадает с основным принципом схоластики: истина есть то, что согласуется с религией. Поэтому вопрос о доказательстве ведьм сейчас же подменяется другим вопросом: как относится религия к ведьмам? Здесь авторы пользуются тем самым методом силлогизмов, о значении которого для средневековья мы уже говорили. Силлогизм, применяемый в „Молоте ведьм", может быть сформулирован так:

Все утверждения религии—истина.
Существование ведьм подтверждается религией.
Следовательно, существование ведьм—истина.

Откуда же видно, что религия признает ведьм?

Для ответа на этот вопрос авторы обращаются к указаниям авторитетов. Они ссылаются на заявления Августина, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Петра Тарантасийского, Викентия из Бовэ и многих других. Не менее любопытны ссылки на Аристотеля. При чем, обращаясь к тому или иному авторитету, они целиком в духе схоластики толкуют не содержание его учения, а только отдельные фразы, взятые из различных сочинений.

Итак, многочисленные цитаты подтверждают, что и Августин, и Фома Аквинат признают реальное существование ведьм. Этого, по мнению Шпренгера и Институриса, вполне достаточно для доказательства их бытия. Однако, тут же перед нашими „исследователями" возникает новый вопрос: как примирить существование дьявола и его помощников с существованием бога? Если бог является единственной причиной всех превращений и изменений, то каким же образом все эти дела могут твориться ведьмами? Следовательно, или изменения могут совершаться без бога, или бог является помощником ведьм.

Оба эти положения одинаково неприемлемы. И, запутавшись в собственных противоречиях, Шпренгер и Институрис пытаются избавиться от логического тупика, в который они попали по собственной вине. „Демоны посланы богом для исправления злых и для наказания осужденных",—заявляют они в одном месте. В другом месте они ссылаются на божье „попущение", благодаря которому злые духи в состоянии творить свои дела. Однако, сейчас же возникает новое не-

доразумение, сформулированое в разделе „Необходимо ли божье попущение при колдовстве". Если бог допускает злое, то, следовательно, он или не в состоянии это злое предотвратить, или не желает этого сделать. В первом случае бог окажется не всемогущим, т.-е. перестанет быть богом. Во втором случае он окажется злым, что тоже невозможно. Как же разрешить новое сомненье? По этому поводу Шпренгер и Институрис заявляют, что это нужно богу для того, чтобы проявить свою власть, показать свою справедливость, выражающуюся в наказании злых, украсить вселенную противопоставлением безнравственности и нравственности, вредительства и пользы и т. д.

Такой ответ еще менее удовлетворителен. Почему же бог не нашел лучших средств для проявления своей власти, чем допущение зла? Вот новая проблема, разрешить которую не в состоянии ни наши авторы, ни один церковник мира.

Таким образом, „Молот ведьм" наглядно иллюстрирует нам внутреннюю противоречивость самого понятия „бог". Вся религиозная система оказывается основанной на механическом сочетании разнообразных и непримиримых представлений, заранее лишенных хотя бы чисто внешней формальной стройности. Тот самый разум, которого схоластика пытается превратить в помощника религии, оказывает ей „медвежью услугу", выявляя перед читателем подлинное лицо своей „повелительницы и госпожи".

Другая проблема, поставленная в „Молоте ведьм", это—подробная характеристика всего дьявольского мира. Раз реальное бытие ведьм „доказано", то их тщательный анализ представляется естественной необходимостью. Оказывается, что у дьявола существует строгая иерархия. Неравенство, зависимость низших от высших—вот принцип, который, по мнению Шпренгера и Институриса, господствует во всей вселенной, а следовательно, и у злых духов. Здесь мы имеем наглядную иллюстрацию того, как феодальные отношения переносятся средневековыми людьми на тот фантастический мир, который они создают в своем воображении. Авторы подтверждают, по обычаю, свою мысль соответствующей „авторитетной" цитатой: „Сколь долго будет стоять мир, один ангел будет стоять выше другого, один человек выше себе подобного". Далее они обращаются к истории происхождения демонов, ссылаясь на Дионисия, который говорил о трех типах ангелов: высших, средних и низших. Так как демоны до своего падения были ангелами, то, следовательно, неравенство должно у них сохраниться в полной неприкосновенности. „Совершенно правоверно утверждать, что у демонов существует известный стройный порядок действий. Поэтому некоторые скверны творятся низшими демонами, тогда как демоны, стоящие выше, вследствие своего более благородного мышления, от этих поступков освобождены. Это находит свое оправдание в их природных свойствах, в божественной мудрости и в степени их собственной греховности". Существует у бесов и верховный повелитель, высший сюзерен, „главный дьявол", как выражаются авторы.

Во всех этих рассуждениях чрезвычайно любопытна одна черта, разоблачающая классовую сущность средневековой религии как таковой и разбираемых авторов в частности. Они стараются пропагандировать мысль об общественном неравенстве, как высшем законе, установленном самим богом. „Что от бога, то приведено в порядок",— приводят Шпренгер и Институрис выдержку из Посл. к Римл. (гл. 13). А порядок, это—неравенство, зависимость менее знатных от более знатных, т.-е. та самая „феодальная лестница", о значении которой для феодализма мы говорили. Таким образом, феодальный строй по-

лучает у католицизма свою санкцию и благословение. Если сегодняшний католицизм ставит своей задачей оправдать капитализм, то вчерашний католицизм с неменьшей энергией защищал и оправдывал феодализм. После того как установлена дьявольская иерархия, не составит особых затруднений рассмотреть лицо ведьм, как наименее „важных" представителей своеобразной ассоциации. Однако, прежде всего посмотрим, как характеризуют Шпренгер и Инститорис ведьмовское начальство. Первая особенность злых духов, это—сверхчеловеческий рассудок. „Их ум трояко силен: своей глубиной, долголетним опытом и помощью вышестоящих духов". Далее следует твердая воля. Дьявол совершает „изумительные действия, не сравнимые ни с какими силами земли"; ему присущи: „неистовство, безудержная алчность, безграничная фантазия в гордости и злобе". Наконец, отмечается храбрость дьявола. „Нет на земле подобного ему; он создан бесстрашием". Такая характеристика дьявола об'ясняет нам, почему в дальнейшем мировая литература использовала его, как символ непримиримого протеста против божественного деспотизма.

Здесь мы имели проявление идеологической борьбы двух миров: буржуазного и феодального. Буржуазия как бы заявляла представителям средневековой церкви: „Для вас дьявол—носитель зла; мы стоим на противоположной точке зрения. То, что вы считаете недостатками, то мы признаем достоинствами. Для вас храбрость, смелость, гордость, настойчивость, это—величайшие пороки. Мы считаем все это лучшими добродетелями. Поэтому нам гораздо ближе ваш чорт, чем ваш бог!"

Что касается „ведьм", то они изображены в значительно худшем виде, чем дьявол. Шпренгер и Инститорис определяют их, как „орудия дьявола". Однако, сейчас же, испугавшись, что „орудие" может быть воспринято, как нечто невольное, а потому и не подлежащее наказанию, наши инквизиторы добавляют, что ведьмы суть „одушевленные" существа, действующие по „собственному свободному решению".

Более конкретная характеристика ведьм гласит: „Они оскорбительно отрицают католическую веру, продают самих себя с телом и душой, передают дьяволу еще не крещенных детей и имеют плотские сношения с инкубами и суккубами". Как же совершается договор между ведьмой и дьяволом? Об этом мы находим у Шпренгера и Инститориса самое подробное описание. Бывают двух родов процедуры: торжественные и частные. В первом случае ведьма приходит в установленный день к дьяволу, ведет с ним особую беседу, отказывается от христианской веры, отказывается от почитания девы Марии. После этого дьявол простирает руку. То же делает и ведьма. Наконец, следует присяга. Ведьма обязуется принадлежать дьяволу „навеки душой и телом", вовлекать в его сети других людей, наконец, изготовлять мазь из костей и членов детей. В „частных" случаях дьявол без всяких церемоний сам является к тому человеку, которого он желает обратить.

При сопоставлении торжественных обрядов дьявольского содружества с соответствующими обрядами в феодальном обществе легко убедиться, насколько ограничена творческая фантазия средневековых писателей. Их потусторонний мир является до мельчайших подробностей воспроизведением феодальных условий бытия. Отношение ведьмы к дьяволу есть отношение вассала к своему сюзерену. Откуда же Шпренгеру и Инститорису известны все подробности из жизни ведьм?—вот вопрос, который могли задать даже самые невзыскательные читатели средневековой эпохи. При малейшей последователь-

сти наши авторы могли бы воспользоваться обычным схоластическим приемом, т.-е. чисто логическим путем разобрать указанную проблему. Но весь трагизм средневековой философии заключался в том, что даже формальная логика, даже пустой силлогизм не могли спасти ее от неизбежного тупика, в который она попадала, как только пыталась более или менее конкретно изложить какой нибудь религиозный принцип.

Разум, низведенный до роли церковного слуги, волей-неволей отказывался выполнять свою малопочтенную миссию. И тогда схоластика обращалась к тому самому способу доказательства, который в корне противоречит всему средневековому миросозерцанию; она апеллировала к опыту, который должен был подтвердить то, что логический разум отказывался признавать. Но и этот свидетель целиком опровергал все нелепые утверждения католицизма. В самом деле, может ли религия привести хотя бы один действительно достоверный факт в свою защиту?! Конечно, нет. И тогда идеологи средневековья попросту изобретают события, в действительности никогда не имевшие места. Они или самым бессовестным образом сочиняют всевозможные небылицы, или опираются на показания больных, нередко ненормальных людей, у которых путем пыток выжимают соответствующие фразы и заявления.

Что касается Шпренгера и Инститориса, то они обращаются для этого к своей инквизиционной практике. О взаимоотношениях между дьяволом и ведьмами „нам полностью сообщила одна молодая, но обращенная ведьма, тетка которой была сожжена в Страсбургской епархии",—с истинно христианской простотой заявляют они. В другом случае авторы „Молота ведьм" ссылаются на рассказы какого-то коллеги-инквизитора. Все эти данные и являются, по мнению Шпренгера и Инститориса, самым достоверным доказательством того, что все сказанное ими о ведьмах соответствует действительности.

Мы уже отмечали, что существенным признаком средневековой идеологии является признание неравенства в качестве абсолютного закона. И для ведьм Шпренгер и Инститорис не делают исключения. Они отмечают три класса ведьм, по степени их могущества. Одни ведьмы могут вредить, но не в состоянии лечить. Другие—лечат, но в силу договора с дьяволом не вредят. Наконец, третьи—и лечат и вредят. Ведьмы, обладающие способностью вредить, особенно опасны. Среди них имеется „один высший разряд", члены которого обладают способностью пожирать детей.

Итак, Шпренгер и Инститорис разрабатывают самую обстоятельную характеристику ведьм, излагают историю их происхождения, выясняют их отношение к религии. Все эти бредни имеют одну, совершенно очевидную установку—дать средневековой церкви возможность любую неугодную женщину рассматривать как ведьму. Положим, в руки инквизиции попала женщина, вся „вина" которой заключается в том, что она ухаживает за больным. Если ни один свидетель не приведет никаких данных о ее злодеяниях, то и тогда инквизиция в праве послать подсудимую на костер, так как есть группа ведьм, „лечащих, но не вредящих". Если подсудимая никого не лечит и никому не вредит, ее можно обвинить в несоблюдении церковных обрядов. Наконец, любая женщина, живущая вне брака, может быть обвинена в половых сношениях с дьяволом.

Этот последний пункт особенно ярко рисует нам всю лживость распутного мира церковников. С одной стороны они готовы предаваться самому утонченному разврату, с другой стороны они будут

беспощадно сжигать на костре несчастную женщину, нарушившую „священные" узы церковного брака.

В „Молоте ведьм" эта черта средневековой церкви выявлена в каждой строке, в каждой фразе, в каждом параграфе. Инститорис и Шпренгер, на словах доподлинные аскеты, на деле, они—самые утонченные развратники. С какой наглой откровенностью разбирают они половую жизнь дьявола и ведьм. Тут и собирание демонами мужского семени, и участие их в совокуплении и попытки злых духов помешать нормальному течению половой жизни обыкновенных людей.

Вот, например, какие сведения заимствуют Шпренгер и Инститорис у Петра Палудануса: „Демон, будучи духом, имеет власть перемещать материю телесных созданий. Поэтому он может препятствовать их сближению. Для этого он временами принимает облик тела и ложится между теми, которые намериваются произвести соитие". Несколькими строками далее авторы сообщают о других методах дьявола. Тут и травы, „мешающие соитию", и особые способы воспрепятствовать извержению семени. Демон „притупляет чувствительность и воображение, придавая женщине вид, действующий отталкивающим образом на мужчину".

Так пишут лица, официальным лозунгом которых являются нравственная чистота и половое воздержание.

Однако, не нужно думать, что подобный стиль, это—индивидуальная черта двух изучаемых писателей. Они лишь выражают то, что свойственно их эпохе. Вся средневековая идеология проникнута этой возмущающей нас двойственностью. Под флагом аскетизма выступает безудержный разврат, под флагом скромности и невинности выступает совершенно исключительная распущенность.

Даже при самом беглом знакомстве с средневековой жизнью легко установить связь между феодальной идеологией и феодальным бытием. Возьмем, например, знаменитое феодальное право первой брачной ночи, отдававшее всех крестьянских девушек во власть господской разнузданности. За это право цеплялись не только светские феодалы, но и епископы. Обратимся к личной жизни высокопоставленных средневековых властителей. Один из писателей того времени, некий Бруно, автор „Книги о саксонской войне", следующим образом рассказывает о поведении императора Гейнриха Четвертого: „В одно и то же время Гейнрих имел по две и три наложницы. Но и этим он не довольствовался. Когда бы он ни услышал, что кто-нибудь имеет молодую и красивую дочь или жену, то, в случае неудачи обольщения, приказывал брать силою. Часто в сопровождении одного или двух товарищей ночною порою он отправлялся всюду, где надеялся увидеть кого-нибудь; иногда ему все удавалось, но в другое время жизнь его находилась в серьезной опасности со стороны родственников или мужей". Так вели себя те самые люди, поэзия которых была преисполнена „рыцарской" любви к „прекрасным дамам". Не лучше проводили свое время представители церкви. Констанцский епископ, например, ввел особый налог на священников, держащих любовниц. Не подается описанию распутство римского двора. И даже монахини ничуть не уступают в этом отношении монахам. Недаром еще Карл Великий в одном из своих приказов писал: „Женские монастыри должны быть строго охраняемы, монахини не должны разгуливать, но должны быть укрываемы с величайшим старанием, они не должны жить друг с другом в ссорах и раздорах и ни в каком случае не должны действовать наперекор игуменьям и настоятельницам. Где имеются монастырские правила, там они их должны во всяком слу-

чае выполнять. Они не должны служить разврату, пьянству, корыстолюбию, но должны жить во всех отношениях правильно и скромно. Мужчина может входить в монастырь лишь для присутствия на церковной службе и затем должен тотчас снова уходить". Не может быть никаких сомнений, что издание этого распоряжения вызвано превращением женских монастырей в публичные дома. Что касается официальных публичных домов, то их распространение в средние века общеизвестно. Вполне понятно, что при таких условиях творение Шпренгера и Инститориса не является чем-то из ряда вон выходящим. Наши авторы целиком отражают жизнь и мировоззрение погрязших в разврате духовных и светских феодалов.

Обратимся еще к одному вопросу, который с точки зрения Шпренгер и Инститорис является едва ли не главнейшим во всем их труде: какова степень могущества демонов и ведьм?

Нет таких чудес, сил и способностей, какими бы творцы „Молота ведьм" не наделили „злейших врагов рода человеческого". Дьявол, например, может: 1) узнавать мысли людей; 2) превращать людские тела из одного состояния в другое; 3) перемещать тела в пространстве; 4) изменять „внутренние и внешние чувства" людей; 5) воздействовать некоторыми способами на ум и волю человека; 6) умерщвлять людей; 7) отнимать у человека половые органы; 8) производить некоторые „несовершенные существа".

Исключительный вред в состоянии производить ведьмы. Они делают нижеследующее: 1) посылают град; 2) портят погоду; 3) причиняют бесплодие; 4) умерщвляют детей; 5) приводят в бешенство лошадей; 6) „затуманивают души судей и председателей, дабы последние не могли им вредить"; 7) убивают ударом молнии; 8) вызывают преждевременные роды.

Шпренгер и Инститорис приводят множество „фактов" из практической деятельности ведьм. Так, например, они сообщают про одного человека, который обругал старую, сварливую женщину. После этого он заболел проказой. По мнению инквизиторов, явствует, что эта женщина и есть причина проказы. Ее схватили, пытали, и несчастная „созналась" в своем преступлении. В другом случае „ведьма", приговоренная к сожжению, подула в лицо палача. Последний вскоре после этого умер. Или такой рассказ. Повар эрцгерцога бросил одну возлюбленную и женился на другой. Первая была ведьмой. Она не замедлила послать смерть своей сопернице. „Мне не представляется возможным,—замечает автор,—перечислить все случаи, которые были разобраны... На это ушла бы целая книга".

Какое же значение имеют приведенные рассказы при изучении средневекового миросозерцания? Они наглядно знакомят нас со способом тогдашнего мышления. Представление о ведьмах возникает на основе непонимания причинной связи явлений.

Простое единичное чередование двух различных процессов вызывает в голове ограниченного, суеверного человека мысль о какой-то таинственной связи, существующей между первым и вторым событием. — Я заболел. Подлинные причины моего заболевания мне неизвестны. Церковь, под влиянием которой я нахожусь, ссылается на потусторонние силы. Тогда я начинаю вспоминать о всех событиях, предшествовавших моему заболеванию, и прихожу к выводу, что я заболел из-за встречи с женщиной, которая живет возле меня и питает ко мне недружелюбные чувства. Я заявляю об этом инквизиции. Мою соседку хватают, подвергают пытке и она „сознается", что меня околдовала. Таким образом, мои догадки подтвердились. Правда, я

не выздоровел, но зато виновница наказана, а церковь одобрила мои действия, как действия подлинного христианина. Так рядовые представители феодального общества „творят легенды" о деяниях ведьм, из этих легенд возникают целые поэмы, которые культивируются, подвергаются логической обработке и преподносятся в качестве практического подтверждения истинности католических догматов.

Мы уже указывали, почему католическая церковь столь усиленно пропагандирует могущество демонов и ведьм. Это особенно ярко проскальзывает у авторов „Молота ведьм". В разделе „Церковные средства против инкубов и суккубов" рассказывается про одну женщину из Аквитании, которую в продолжение шести лет мучил инкуб. Потеряв всякую надежду на избавление от демона, женщина обратилась за помощью к святому Бернарду. Послеений дал ей свой посох и велел класть с собой в постель. С тех пор демон уже не заходил в комнату. Однако, дабы окончательно защитить себя от власти злого духа, женщина снова пошла к святому Бернарду. „Тогда святой собрал народ, приказал всем взять зажженные свечи и произнес вместе со всем народом отлучение над демоном. Этим он избавил женщину от власти инкуба. Кажется удивительным, что это отлучение, предназначенное для людей, оказалось действительным и для дьявола. Однако, это об'ясняется просто: люди, преследуемые инкубами и суккубами, находятся под юрисдикцией церкви, и папа может, в силу своей власти обладания над ключами, освобождать души людей от наказаний чистилища и обуздывать демонов, препятствующих ему в этом. Власть ключей дана, правда, заместителю христа на земле, но это не препятствует тому, что она может быть дана и какому-либо святому церкви, в виду пользы, получающейся отсюда для всей церкви".

Из всего вышесказанного должно следовать, что без содействия церкви человеческий род осужден на гибель. Только папа и его ближайшие помощники, только святая инквизиция суть истинные защитники людей от дьявольских козней.

Для крестьян Шпренгер и Институрис преподносят другие благодеяния церкви. Связывая появление саранчи, порчу скота и т. п. с деятельностью злых духов, они указывают на ряд церковных обрядов, которые в состоянии избавить крестьянское хозяйство от непредвиденных бедствий.

Не меньшую пользу приносит церковь страдающим от полового бессилия. Против этой дьявольской напасти действительны: паломничество, исповедь, многократные молитвы, праведные обеты и т. п.

В общем, какую бы сферу действия дьявола мы ни взяли, всюду и везде должна фигурировать церковь: вот тезис, который с остервенением защищают авторы „Молота ведьм".

Однако, пропаганда дьявольского могущества имеет и другую цель.

Мы уже знаем, в каких тяжелых условиях жили в эпоху средневековья трудящиеся массы. Христианская церковь, как представительница эксплоататоров, стремилась во чтобы то ни стало отвлечь внимание недовольных от непосредственных носителей социального гнета. Указывая на дьявола и его помощников, как на причину всех бедствий, она тем самым защищала истинных угнетателей и врагов трудящихся.

Большой интерес представляет взгляд Шпренгера и Институриса на женщин. Этот взгляд целиком отражает то бедственное положение, в котором находились тысячи и десятки тысяч женщин в эпоху средневековья; не говоря уже о женах крестьян и городской бед-

ноты, мы имеем множество женщин—люмпен-пролетариев. Лишенные всякой надежды на работу, без крова и пищи, они большими толпами передвигались по проезжим дорогам, разными правдами и неправдами добиваясь куска хлеба. Бесчисленные армии проституток, организованных и неорганизованных, наводняли города. В связи с постоянными войнами количество мужчин уступало числу женщин. Это затрудняло брак для беднейшей части женского населения, что опять-таки означало для многих невозможность обеспечить свое материальное существование.

Столь незавидное положение женщин в феодальном хозяйстве не могло не отразиться на их правовом положении, на отношении к ним со стороны различных государственных и церковных организаций. На женщину начинают смотреть, как на низшее существо. Христианская церковь, всегда готовая благословить всякое угнетение и порабощение, охотно пропагандирует мысль об особой греховности женщин. Женщина становится служанкой дьявола.

Однако, этот тезис пока еще **провозглашен**, его нужно доказать. За подобного рода доказательства в числе многих других берутся и авторы „Молота ведьм". Они достают для этого из схоластического арсенала все виды оружия, теоретические рассуждения подкрепляют „практическим" опытом и с энтузиазмом людей, для которых защита мировоззрения связана с защитой личного материального благосостояния, громогласно заявляют: нашими устами глаголет сама истина! Или женщина - низшее создание, или инквизиция работает впустую—так по принципу да или нет поставлен вопрос Шпренгером и Инститорисом.

Какие же пункты свидетельствуют против женщин? Абсолютно все, заявляют наши авторы. Возьмем само слово „женщина"—„femina"; это название происходит от „fe"; (fides—вера) и „minus"—меньше, менее. Отсюда „femina" буквально означает—имеющая меньше веры.

Такое рассуждение Шпренгера и Инститориса не должно нас удивлять. Оно типично для средневековых схоластов реалистического направления, которые относятся к словам, терминам и понятиям, как к чему, то реальному, метафизическому.

Другое „доказательство", широко примененное Шпренгером и Инститорисом, это—обращение к авторитетам. Тут и „книга сына Сирахова", в которой написано: „Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой"; и цитата из Иоанна Златоуста, который в поучении на евангелие Матвея заявляет: „Жениться не подобает. Разве женщина что либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожделенное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, из'ян природы, подмалеванный красивой краской?".

Не довольствуясь христианскими писателями, Шпренгер и Инститорис обращаются к древним деятелям, в том числе к Сократу. Наконец, они пытаются толковать отдельные эпизоды из священных книг. Мы находим здесь указания на зависть Сарры к Агари, Рахили к Лии, Анны к Фенинне, Мариами к Моисею, Марфы к Магдалине. Дабы еще более подкрепить свои доводы, Шпренгер и Инститорис переходят к авторитетному свидетельству самой „истории". Рассматривая Троянскую войну, как вполне конкретное историческое событие, они указывают на Елену, как на конечную причину, из-за которой погибла Троя. Римское государство испытало множество бедствий от египетской царицы Клеопатры. Что касается Иудеи, то последняя страдала из-за царицы Иезавели и ее дочери Гофалии. „Почти все

государства были разрушены из-за женщин",—заявляют наши почтенные „историки"—и делают нижеследующий вывод: „Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы".

Каковы же конкретные черты женского характера?

Прежде всего женщины отличаются „недостатком разума". Будучи глупее мужчин, они „скорее, чем мужчины, отступаются от веры". В этой фразе сказывается отношение средневековых писателей к разуму, как прислужнику религии. Они рассуждают на основе нижеследующего силлогизма:

Разумные люди подтверждают религию.
Женщины отказываются от религии.
След. - Женщины—не разумные люди.

Другая черта женщин, это—„никому не подчиняться, следовать своим собственным внушениям". Здесь опять-таки мы имеем типичный образчик средневекового мышления. Не верить авторитетам—это значит впадать в величайший грех,—рассуждают инквизиторы, готовые с одинаковым рвением сжигать всех отрицающих не только божественность христа, но и мудрость Аристотеля.

Третий „грех" женщин, это—„ненасытность к плотским наслаждениям". С точки зрения средневековых аскетов, это есть тягчайший недостаток, заслуживающий всяческого порицания. „Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь испытала неисчислимый вред. Поэтому мы можем с полным правом утверждать вместе с Катоном:—Если бы мир мог быть без женщин, мы общались бы с богами".

Из других особенностей женского пола Шпренгер и Институрис отмечают лживость и кокетство. Женщины, это—сирены, которые сначала привлекают путников сладкими мелодиями, а затем бессердечно убивают. Они—суета сует, только и думающие о своих нарядах. Если бы мужчины так же старались угодить богу, как женщины стараются угодить своим любовным прихотям,—было бы очень хорошо для церкви,—с горечью заявляют Шпренгер и Институрис, слезно сожалея о недостаточном христианском усердии светских людей. Итак, женщина, это—высшее зло. Нужно благодарить бога за то, что он сделал мужчин более достойными, чем женщин. Однако, последняя мысль рождает новый вопрос. Если бог справедлив, а это несомненно, то почему же он отдал предпочтение мужскому роду и отнесся более скверно к женскому роду?

По этому поводу мы находим в „Молоте ведьм" классический ответ, достойный средневековых схоластов. Шпренгер и Институрис вспоминают, что христос явился в образе мужчины. А этот факт с неизбежностью поставил мужчин в преимущественное положение по сравнению с женщинами. „Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать. Поэтому он и отдал нам такое предпочтение".

Так, не имея возможности разрешить противоречия, возникающие внутри религиозного мышления, средневековые идеологи самым открытым и недобросовестным образом увиливают от опасных тем, допускают явные увертки и отказываются от собственных логических принципов, незыблемость и истинность которых они так усиленно пропагандируют.

Большое значение имеет проработка „Молота ведьм" с точки зрения знакомства с отдельными воззрениями средневекового общества на природу, на те или иные процессы, совершающиеся в организме человека и т. п.

Здесь мы все время встречаемся с одним господствующим принципом—**во всем естественном видеть сверхъестественное.**

Вот что говорят, например, Шпренгер и Институрис о магните: „Естественные явления имеют также **особые от человека скрытые силы,** как, например, **притяжение железа магнитом** и прочее подобное". Таким образом, действие магнита рассматривается, как результат проявления потустороннего мира. Психические заболевания человека Шпренгер и Институрис объясняют еще чудовищнее—вселением беса в тело человека. Мы находим здесь подробные описания способов лечения одержимых. Как и всюду, наши авторы стараются пропагандировать мысль, что, кроме церкви, ни от кого не приходится ждать спасения. Излечить больных возможно „только постом и молитвою, согласно словам спасителя в евангелии". Для подтверждения этого положения Шпренгер и Институрис сообщают о некоем епископе, который спас больного, „после того как провел с ним всю четыредесятницу на воде и на хлебе, в посте и молитве".

Явления лунатизма тоже рассматриваются в „Молоте ведьм" с точки зрения дьявольского вмешательства. Наконец, даже такой случай, как болезнь женщины, не умевшей ходить прямо, истолковывается кознями сатаны. К числу заболеваний Шпренгер и Институрис в согласии с аскетическим мировоззрением относят и „чрезвычайную любовь одного пола к другому". И в данном случае дело не обходится без дьявола. Таким образом, **основное положение религии и идеализма—примат духа над материей—проводится в „Молоте ведьм" с редкой для средневекового мышления последовательностью.**

Однако, наряду с этим мы находим у Шпренгера и Институриса другую весьма любопытную особенность—они не только к физическим процессам примешивают сверхъестественное, но и **к сверхъестественным примешивают физическое.**

Возьмем, например, дьявола. Раз дьявол не является физическим телом, то, казалось бы, он не должен обладать ничем физическим. Однако, вопреки логике, идеологи средневековья серьезно обсуждают вопрос о питании дьявола, дыхании и т. п. „Демоны, если хотят выразить мысли, то издают не голос, но звуки, имеющие известное сходство с голосом, и не так, как у людей—через вдыхание и выдыхание воздуха, но выпускают заключенный в принятом ими теле воздух наружу членораздельно, что доходит до ушей слушателей".

О еде дьявола Шпренгер и Институрис рассказывают нижеследующее: „Для полного процесса еды требуются четыре условия: раздробление пищи во рту и поступление ее в тело, затем способность ее переваривать и, в-четвертых,—необходимые для питания вещества усваивать, а ненужное отбрасывать. Все ангелы во время еды в воспринятых ими телах первое и второе совершают, третьего же и четвертого не могут; вместо переваривающей и отбрасывающей способности у них имеется иная, которая моментально претворяет пищу в иную материю". Насчет христа Шпренгер и Институрис сообщают, что он питался совсем особенным образом. Его тело также поглощало пищу, как огонь вылитую в него воду.

Если мы соберем из „Молота ведьм" цитаты и замечания о природе и о духе, об ангелах и демонах, перед нами встанет яркая картина всех тех противоречивых, нелепых верований, которыми проникнуто миросозерцание средневекового человека.

В заключение отметим еще один момент, крайне типичный для всех средневековых произведений и выявленный в „Молоте ведьм" особенно ярко и наглядно. **Беспримерная жестокость возводится католическими идеологами в высший принцип.**

Эксплоататорские классы всегда прибегали к огню и мечу для подавления эксплоатируемых. Однако, только в эпоху господства церкви признание этих методов борьбы приобретает столь откровенный характер. С исключительным цинизмом толкуют авторы „Молота ведьм" о самых изощренных пытках. Нет той лжи, тех низостей и подлостей, которых бы они не рекомендовали совершить во имя бога. Точно так же как современный английский обыватель обсуждает за чашкой кофе перспективы ближайших скачек,—спокойно, не спеша излагают Шпренгер и Институрис неслыханные мучения жертв, попавших в лапы святой католической церкви. Ни малейшего чувства жалости, ни малейшего сомнения в справедливости творимых деяний не найдет читатель у авторов „Молота ведьм". В этом отношении их слова и дела абсолютно совпадают.

Поэтому нет лучшего документа, разоблачающего подлинную сущность христианства, чем „Молот ведьм", предлагаемый вниманию читателей.

Это—не памфлет, написанный атеистом, не агитационная брошюра, составленная противником христианской религии.

Мы имеем здесь книгу о церкви, написанную самой церковью.

И эта христианнейшая из книг звучит для всех трудящихся призывным набатом к решительной борьбе с религией, вот уже сотни и тысячи лет отравляющей человеческие мозги, освящающей самые кровавые преступления, самые неслыханные изуверства и самые низкие дела.

М. Баскин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О трех силах, составляющих колдовство, а именно: о дьяволе, о колдуне и о божьем попущении.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КОЛДОВСТВО?

Вопрос первый.

Является ли утверждение о существовании ведьм настолько католически правоверным, что упорное отрицание его должно считаться определенно еретичным?

1. Доказывают, что подобное утверждение не является католически правоверным. Канон Episcopi[1]) говорит: „Кто верит в возможность изменения какого-либо существа в лучшее или худшее состояние, или превращения его в другой вид, или в возможность придания ему другого облика без вмешательства создателя, тот хуже язычников и неверующих". Если же говорят, что подобные превращения производятся ведьмами, то это не может быть католически правоверным и представляется еретичным.

[1]) Разумеется канон Episcopi, которому суждено было играть большую роль в ведовской литературе по вопросу о реальном существовании ведьм. Одни историки приписывают этот канон папе Дамасу I (336—384 гг.), другие—синоду IV века в Анкире (современной Анкаре), третьи, наконец, говорят о более позднем его происхождении и относят его либо к VI, либо к IX веку. Канон этот предписывает епископам (отсюда и название его Episcopi, ибо он начинается словом „Епископы") и их подчиненным с „должным усердием" истреблять отвратительные, дьяволом изобретенные магию и колдовство, и если, говорится в каноне, в ваших областях окажутся женщины или мужчины, предающиеся этим порокам, они должны быть изгнаны. Дальше канон говорит о порочных женщинах, задом становящихся к дьяволу, летающих ночью с Дианой или Иродиадой, соблазняемых дьяволом и слепо ему повинующихся. Однако в дальнейшем канон называет ночные скачки и полеты языческой бессмыслицей, и церковные служители обязаны сказать народу, что все эти вещи не существуют, и что тот, кто верит в их реальность, потерял веру в бога. Канон так составлен, что первая часть его противоречит второй, и естественно, что комментаторы его толкуют различно смысл того, о чем именно говорится в Episcopi. Одни полагают, что он отрицает реальность ведьм; другие, наоборот, считают, что он их в достаточно ясной форме констатирует,—отсюда и бесконечные споры об историческом значении канона, самое происхождение которого так неясно.

Канон—правило, церковный закон. Сборник церковных правил или законов в католической церкви называется „Корпус канонического права" (Corpus juris canonici). Первую часть его составляет декрет Грациана, обнимающий источники канонического права до половины XII века. Эта часть распадается на три отдела, обнимающие: 1) источники права и учение о лицах; 2) церковную юрисдикцию и 3) таинства и обряды.

Вторая часть „Корпуса" заключает в себе сборник декреталий Григория IX, составленный в 1234 г. и содержащий в себе папские распоряжения начиная со времени папы Александра III, разбитые до того времени на пять отдельных сборников; деление на пять частей удержалось и в сборнике Григория IX.

Третью часть составляет дополнительный сборник папских декреталий и канонов, изданных после Григория IX; он называется sexta (шестая) и цитируется цифрой VI. Четвертую часть „Корпуса" составляют так называемые Клементины, сборник папских декреталий, составленный в 1313 г. по приказу Климента V. Цитируют Клементины как третью часть, заменяя VI словом Clem.

2. Далее. На земле не существует колдовских действий. Доказательство: Если бы таковые существовали, то это было бы делом рук дьявола. Утверждать же, что бесы могут производить телесные превращения или им препятствовать, не является правоверным, так как в таком случае они могли бы разрушить весь мир.

3. Далее. Всякое изменение тела, будь то болезнь или здоровье, сводится к перемещению веществ в пространстве. Это явствует из физики[1]). Сюда относится прежде всего движение светил небесных, но демоны не могут произвести этого движения (см. Послание Дионисия к Поликарпу[2]), так как это доступно только богу. Отсюда ясно, что демоны не могут произвести никакого, по крайней мере фактического телесного, изменения и что в силу этого подобные превращения должны быть приписаны какой-либо тайной причине.

4. Далее. Как дело божье, так и власть бога значительнее, чем дело и власть дьявола. Если бы на свете существовало колдовство, то это было бы делом рук дьявола в борьбе против власти бога. Как неправильно думать, что предположенная власть дьявола воздействует на творения бога, так и невозможно верить, что творения и дела бога могут быть изменены руками дьявола, будь то в отношении людей или животных.

5. Далее. Что подчинено телесным законам, то не обладает силой воздействия на телесные существа. Бесы подчинены силам созвездий. Это явствует из того, что некоторые заклинатели при вызывании бесов обращают внимание на определенное положение звезд. Отсюда следует, что бесы бессильны воздействовать на телесные существа. Еще меньше имеют эту возможность ведьмы.

6. Далее. Нам известно, что бесы действуют лишь через посредство искусственных мероприятий, а ими нельзя изменить действительного облика. Поэтому в главе de mineris и говорится: „Мастера алхимии знают о невозможности изменения обликов". Вот почему и бесы, которые ведь работают искусственными средствами, не создают действительных свойств здоровья или болезни. Если же изменение здоровья имеет место, то это зависит от каких-либо других, скрытых причин, находящихся вне воздействия бесов и ведьм.

Однако Decret. XXXIII, вопр. I, гласит: „Если с помощью волхвований и чародейств, отчасти с божьего попущения и при посредстве сатаны" и т. д. Здесь дело идет о помехе, чинимой ведьмами супругам при выполнении ими своих супружеских обязанностей. Для этого необходимы следующее три силы: ведьма, дьявол и божье попущение.

---

[1]) Разумеется „Физика" Аристотеля. В дальнейшем авторы настоящего труда называют Аристотеля нарицательным именем „философа". Аристотель—знаменитый греческий философ, род. 384, ум. 322 до нашей эры. Первый исследователь логики, психологии, политики и многих отраслей естествознания. Аристотель имел сильное влияние на средневековое миросозерцание, особенно на учение Фомы Аквината. Его взгляды на природу считались незыблемыми аксиомами. В настоящем труде имеется в виду исключительно его сочинение „Физика", и главным образом его учение о движении. На природу Аристотель смотрел, как на явления движения и покоя. Большая часть его сочинений переведена на русский яз., кроме „Физики".

[2]) Дионисий Ареопагит, легендарная личность I века, обращен будто бы в христианство ап. Павлом в афинском ареопаге („Деян.", 17). Ему приписывались сочинения „О небесной иерархии", „О божественных именах", „Мистическое богословие", десять писем к разным лицам и др., возникшие в V и VI вв. В сочинениях явно влияние учения неоплатоников. Приписываемые ему сочинения имели сильное влияние на мистическое направление средневекового богословия. Есть русские переводы названных сочинений.

Далее, более сильное может воздействовать на менее сильное. А сила бесов больше, чем всякая телесная сила. По этому поводу в книге Иова (гл. 41) говорится: „Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным".

Ответ. Здесь надо опровергнуть три еретических лжеучения. После их опровержения истина будет ясна. Следуя учению святого Фомы (IV dist., 24)[1]), где он говорил о вредительстве ведьм, некоторые пытались утверждать, что чародейства на свете не существует и что оно живет лишь в воображении людей, приписывающих махинациям ведьм естественные явления, причина которых скрыта. Другие признают существование ведьм, но полагают, что они своим колдовством действуют лишь на воображение и фантазию. Третьи утверждают, что чародейство вообще—фантазия, хотя бы дьявол и помогал ведьме.

Эти лжеучения будут в нижеследующем выявлены и опровергнуты. Что касается первого из них, то ученые, в особенности святой Фома, признают его защитников вообще еретиками в полном смысле этого слова. Фома Аквинат говорит в указанном месте о противоречии этого лжеучения основным учениям святых и о том, что оно коренится в неверии. Ведь священное писание говорит, что бесы имеют власть над телесным миром и над воображением людей, если на то будет божье попущение. Это явствует из многих мест священного писания. Защитники указанного лжеучения утверждают несуществование в мире колдовского действа, а признают лишь игру воображения в человеке. Они не верят в существование демонов, кроме как в воображении масс, которые и приписывают свои собственные лжеучения дьяволу. Разные облики, рисующиеся уму, возникают как плод сильного воображения. Человеку лишь кажется, что он видит бесов или ведьм. Все это противоречит истинной вере, утверждающей, что ангелы, низринутые с неба, превратились в бесов, что поэтому они, обладая большей силой, чем мы, могут также и достигнуть большего, и что те, которые им помогают в их делах, называются колдунами. Так там сказано. Так как неверие крещенного называется ересью, то таковой считается еретиком.

Два других лжеучения не отрицают бесов и их природной силы, но они несогласны между собою относительно чародейства и сущности ведьм. Одно из них признает необходимость участия ведьмы для колдовства, но отрицает реальность результатов этого последнего. Другое же лжеучение утверждает реальность порчи, но полагает, что участие в этом ведьмы только кажущееся. Оба эти лжеучения берут своей исходной точкой два места канона Episcopi (XXVI, 5), где порицаются женщины, верящие в свои ночные скачки с Дианой или Иродиадой. Вследствие того, что подобное происходит часто только в воображении, защитники этого лжеучения ошибочно думают, что так бывает со всеми другими действами.

В том же каноне читаем следующее: Кто верит или учит, что какое-либо существо может быть превращено в лучшее или худшее состояние или его облик может быть изменен помимо творца вселенной, тот должен считаться неверующим и хуже язычника. Основываясь

---

[1]) Фома Аквинат (1225—1274), знаменитый средневековый философ и богослов, проф. философии в Париже; слил в стройную систему католическое учение с аристотелевской философией; в этой системе выразились средневековый строй и мировоззрение. Главные сочинения:—„Сумма теологии" и „Сумма философии". Авторы настоящего труда пользуются более всего его „Комментариями на сентенции Петра Ломбардского" и „Суммой против язычников". Ни одно из сочинений Фомы на русский язык не переведено.

на том, что в каноне буквально написано: „или превращено в худшее состояние", защитники лжеучения и говорят об игре воображения, а не о действительности при околдовании.

Что эти лжеучения еретичны и противоречат здравому смыслу канона, это будет доказано на основании божественного, церковного и гражданского прав,—это вообще, а в частности—из толкования слов канона. Божественное право предписывает во многих местах не только избегать ведьм, но и умерщвлять их. Оно не предписывало бы таких наказаний, если бы ведьмы не были пособницами демонов при совершении действительных колдовских проступков. Ведь умерщвление тела обусловлено лишь телесным тяжким грехом, тогда как смерть духа может происходить вследствие навождения или чрез искушение. Это мнение святого Фомы (2, dist. 7) по вопросу о том, считать ли грехом пользование услугами демонов. Второзаконие (18) предписывает умерщвлять всех колдунов и заклинателей; Левит (19) говорит: „Чья душа склоняется к магам и кудесникам и с ними блудит, против того хочу я поднять лик свой и изринуть из стада народа своего". Тоже и в гл. 20 говорится: „Тот мужчина или та женщина, в которых пребывал пифонический или прорицательский дух, должны быть умерщвлены" (пифонами, как известно, называются те, чрез которых демон производит изумительные явления).

Вследствие этого греха погибли отступники Охозия и Саул (смотри 2-ю Книгу царств, гл. I, и 1-ю кн. Паралипоменон, 10). Разве комментаторы божественного слова в своих сочинениях говорят что-либо иное по поводу власти дьявола и чародейства? Посмотрим произведения каждого из ученых. В „Сентенциях"[1]) мы найдем, что чародеи и ведьмы чрез посредство демонов с божьего попущения могут, несомненно, производить действительные, не воображаемые чародейства. Я не говорю уже о многих других местах, где св. Фома подробно говорит о подобных явлениях. Кн. 3, гл. 1 и 2, часть I, вопр. 114, арг. 4; II вопр. Пусть посмотрят также авторов постилл и глоссаторов о чародеях фараона, Исход 7, слова Августина[2]) в его „Граде божьем" (18, гл. 17), а также в его „Христианской доктрине". В таком же духе говорят и другие ученые, противоречить которым нелепо и еретично. Ведь недаром в каноническом праве еретиком называется тот, кто ложно толкует священное писание. Смотри по этому поводу 24, вопр. I haeresis: „И кто об этом другого мнения касательно веры, преподанной церковью..." Сравни также qu. haec est fides.

Противоречие этих лжеучений здравому смыслу канона явствует из церковного права. Также и ученые канонисты в своих толкованиях главы Si per sortiarias et maleficas artes 24, qu. I, а равно и De frigidis et maleficiatis не хотят ничего другого, как об'яснить препятствия к исполнению супружеских обязанностей, чинимые ведьмами и разрушающие уже заключенный или лишь заключаемый брак. Они говорят,

---

[1]) Разумеется сочинение Петра Ломбардского „Четыре книги сентенций", комментированное многими средневековыми учеными. Петр Ломбардский, епископ парижский, умер в 1160 г.

[2]) Августин, Аврелий, еп. иппонский, род. 354, ум. 430. Его учение имеет для католического мира первенствующее значение, ибо его понимание христианства в существенном принято и до настоящего времени в католической церкви; оно лишь систематизировано, и ему придана схоластическая форма в учении Фомы Аквината. Основные мысли учения Августина заключаются в идее неограниченного действия благодати божьей и в том, что церковь представляет град божий, служащий связующим звеном между землею и небом. Оставил очень много трудов, большинство коих дошло до нас. Часть трудов переведена на русский язык; самые значительные—„О троице" и „О граде божием".

как и св. Фома, что если в брак проникает колдовская порча еще до плотского соития, то она в случае длительности мешает заключенному браку и даже его разрушает. Само собою ясно, что подобное мнение канонистов не могло бы иметь места, если бы речь шла только о воображаемых воздействиях ведьм.

Следует сравнить Гостиенсиса[1]) в его Summa copiosa, а также и Гоффреда[2]) и Раймунда[3]). Они нигде не ставили под сомнение вопрос о реальности чародейства и принимали его, как нечто само собой разумеющееся. А на вопрос, когда надо считать препятствия к исполнению супружеских обязанностей продолжительными, они указывают на трехгодовой срок. Они также не сомневаются в том, что эти препятствия в действительности причиняются или властью дьявола в результате заключения с ним ведьмой договора, или просто дьяволом без посредства ведьмы, хотя последнее весьма редко случается среди верующих, где таинство брака относится к заслугам. Это происходит чаще всего среди неверующих, так как дьявол замечает, что они по праву принадлежат ему. Так, Петр Палуданус[4]) в комментарии на 4-ю книгу „Сентенций" сообщает об одном мужчине, женившемся на идоле и желавшем, несмотря на это, иметь сношения с молоденькой девушкой, но не могшем этого совершить вследствие того, что всякий раз дьявол принимал на себя облик человеческого тела и ложился между ними. Среди верующих дьявол пользуется в таких случаях по преимуществу услугими ведьм для уловления душ. Как он это проводит и какими средствами, об этом будет речь ниже, именно там, где дело будет итти о семи приемах нанесения вреда человеку. То же самое вытекает также из других вопросов, затрагиваемых богословами и канонистами, когда они, напр. говорят о том, каким образом чары могут быть устранены или о том, позволительно ли прибегать к таким чародействам, которые парализуют действие уже насланной порчи, а равным образом и о том, как поступать, когда ведьма, наславшая порчу, уже умерла. Об этом, говорит Гоффред в своей Summa, о чем мы расскажем в третьей части этой книги.

Наконец, зачем нужно было канонистам столь рьяно предлагать различные наказания за чародейства, если бы последние были нереальны? Зачем, также они различают между скрытым и явным грехом колдунов или, вернее говоря, кудесников (т. к. эти вредные учения имеют различные виды) и предписывают в случае его явности отлучение от причащения, а в случае скрытости—сорокадневное покаяние (смотри De cons., dist 2, pro dilectione), в случае волхвования священника—его заточение в монастырь, а в случае проступков мирянина—его отлучение (26, вопр. 5 non oportet), лишение их гражданских прав и возможности судебной защиты (2, вопр. 8 quisquis nec)?

---

[1]) Гостиенсис—Генрих Сегузийский, известный канонист („monarha guris"—король права), ум. в 1271 г., был кардиналом-епископом Остии (отсюда название Гостиенсис или Остиенсис). Главное сочинение—„Толкования на декреталии Григория IX".

[2]) Гоффред Транийский, канонист, ум. 1245; написал глоссу к декреталиям Григория XI, имевшую значение учебника церковного права.

[3]) Раймунд де Пеннафорт, св. канонист, 3-й генерал ордена доминиканцев, ум 1275. По поручению Григория IX переработал декреталии. Широко распространено было его соч. „Сумма о покаянии и браке", практическое руководство нравственно-канонического содержания.

[4]) Петр де Палуде или Палуданус, ум. 1342. 1329—патриарх Иерусалимский; гл. соч.—„Комментарии на III и IV кн. сентенций Петра Ломбардского". За слишком подробное толкование сексуальных тем в своем комментарии назван: Петр de Palude (из лужи, болота).

Это явствует также и из гражданского права. Ацо[1]) (в своей сумме о 9-й книге „Кодекса", отдел о ведьмах 2 post 1. Cornelia de sicar et homicid) говорит: „Надо знать, что все те, которые называются в народе колдунами, а также и те, которые занимаются кудесничеством, заслужили смертную казнь" (I nemo c. de maleficis). Такое же указано наказание в I culpa I nullus. Эти законы гласят так: „Никому не разрешено заниматься кудесничеством, иначе свершит над ним смертную казнь мстящий меч". Далее там указывается: „Имеются и такие, которые вредят жизни набожных чародействами и совращают сердца женщин ко греховным утехам. Такие преступники бросаются на растерзание диким зверям" (Cod. c. I. multi). Законы предписывают далее, чтобы каждый допускался к возбуждению об'винения этих преступников, как это и находим в каноне c. in favorem fidei, lib 6 de haeresi. Там говорится: „К подобному об'винению допускается всякий, как и при обвинении в оскорблении величества". Ведь эти преступники оскорбляют до известной степени божеское величество. Они также должны пройти через предварительное следствие. Никакое положение и сан не могут защитить от этого. Чье преступление доказано, но кто, несмотря на это, отрицает свою вину, тот предается пыткам. Его тело разворачивается железными пыточными когтями, и он терпит, таким образом, соответствующее наказание за свои проступки (Cod. c. I, I si ex etc).

Прежде такие преступники предавались, значит, двоякому наказанию: смертной казни и разворачиванию тела пыточными когтями или выбрасыванию на пожирание диким зверям. Теперь же они сжигаются, потому что эти преступники—женщины.

Всякое им содействие запрещено. В законе говорится: „Эти преступники не должны переступать порога чужого дома; кто их впустит, тому грозит сожжение имущества. Никто не имеет права их принимать и давать им советы. Виновные в этом ссылаются и их имущество конфискуется". Здесь наказанием за помощь ведьмам служат изгнание и конфискация имущества. Когда проповедники оповещают народы и властителей земли об этих наказаниях, ими делается против ведьм больше, чем всякими другими ссылками на писания.

Кроме того, законы благоприятствуют тем, кто работает против ведьм. Смотри сочинения вышеуказанных канонистов: „Те же, которые защищают труд людей от уничтожения бурей и градом (насланными ведьмами), заслуживают не наказания, а вознаграждения". Каким образом можно воспрепятствовать этому вредительству, об этом мы скажем после. Нельзя отрицать все здесь сказанное или легкомысленно противоречить сему, не возбудив против себя обвинения в ереси. Пусть каждый решит, извиняет ли его незнание. Какое же незнание служит основанием для извинения, об этом мы сейчас и поговорим.

Из всех предпосылок следует заключить, что католично и правоверно утверждение, что существуют ведьмы, которые с помощью дьявола в силу заключенного с ним договора и с божьего попущения могут совершать чародейства, что не исключает, однако, и того, что они способны морочить народ разными иллюзиями и обманом чувств. Вследствие того, что настоящий труд затрагивает реальные

---

[1]) Ацо, Порций Сольдин, один из самых известных средневековых глоссаторов права; ум. после 1230 г.; написал ряд юридических трудов, судебный авторитет которых был непререкаем.

чародейства, значительно отличающиеся от воображаемых, то говорить о последних мы не будем. Ибо показывающие эти последние искусства называются вернее кудесниками и волхвами, а не ведьмами.

Как первое, так и два других раньше указанных лжеучения ищут свое основание в словах канона. Первое из них подрывает свою правильность уже тем, что противоречит словам священного писания. Выявим же здравый смысл канона и начнем с разбора лжеучения, гласящего, что средство, которым пользуются ведьмы,— фантастично, а внешний эффект—реален.

Здесь надо заметить, что существует 14 главных видов суеверия, привести которые нам время не позволяет. Они подробно указаны у Исидора Севильского[1]) („Этимология" 8) и у Фомы (II, 2, 92). Мы о них упомянем ниже, когда будет речь о значении этой ереси и именно при разборе последнего вопроса этой первой части.

Тот вид, к которому надо причислить вышеуказанных женщин, называется пифонами; чрез их посредство дьявол говорит или совершает чудодейства. Часто этот вид ставится на первое место. Ведьмы же относятся к виду колдунов (malifici). Они весьма различны, и нет необходимости тех, которые относятся к одному виду, причислять также и к другому виду. Канон говорит только о вышеуказанных женщинах, а не о ведьмах. Кто распространяет сказанное там на все виды суеверия, тот неверно понимает канон. Если эти именно женщины действуют только в воображении, то это не значит, что все ведьмы действуют таким же образом. Еще более искажается смысл канона теми, которые делают выводы, будто только в воображении они могут обворожить и наслать порчу или болезнь.

Эти лжеучители заслуживают тем большего порицания, что они признают внешнее действие, а именно действующего демона и действительную болезнь, но отрицают посредствующее орудие в лице ведьмы, тогда как средство всегда имеет свою долю участия в действии.

Здесь не помогает также утверждение, что фантазия является чем-то реальным. Ведь фантазия, как таковая, ничего не может достигнуть и при махинации демона не может быть использована. Даже при заключении договора с дьяволом, в каковом договоре ведьма отдается и обязывается на служение полностью и искренно и в действительности фантазия и воображение не играют значительной роли. Для исполнения договора ведьме необходимо телесно сотрудничать с дьяволом, а не в воображении. Ведьма и колдун употребляют при порче реальные, а не воображаемые средства: злой глаз, заклинания, завороженные предметы, подкладываемые под порог дома, и т. д.

Кроме того, если внимательно просмотреть текст канона, то можно найти там многое, что проповедники и священники должны энергично проповедывать в своих церквах народу. Во первых: Никто не должен верить, что, кроме бога, есть еще другое высшее и божественное существо. Во-вторых: Скакать верхом с Дианой или с Иродиадой означает нечто иное, как скакать вместе с дьяволом, который принял лишь другой облик. В-третьих: Такая езда—плод игры воображения, когда дьявол настолько овладел умом поддавшегося ему человека, что он принимает фантазию за действительность. В-четвертых: Поддавшиеся ему люди должны ему во всем подчиняться. Поэтому

---

[1]) Исидор Севильский или Испанский, св., епископ, ум. 636, энциклопедист своего времени. Гл. соч.—„Этимология", энциклопедия современных ему знаний. Названа этимологией потому, что каждый отдельный предмет всякой науки начинается с этимологического разбора названия.

нелепо распространять вышеуказанные слова канона на поступки ведьм вообще, так как существуют различные виды чародейства.

Вопрос о том, могут ли колдуны переноситься по воздуху действительно или только в воображении, как пифоны,—будет рассмотрен в третьей главе второй части. Там будет указано, что они могут совершать и то, и другое. Таким образом будет устранено и второе лжеучение в разборе его оснований с точки зрения здравого понимания канона.

Также и третье лжеучение, основывающееся на словах канона и утверждающее, что чары ведьм—лишь плод фантазии, отрицается действительным толкованием слов того же канона. Если там говорится: „Кто верит в возможность превращения какого-либо существа в лучшее или худшее состояние или изменения его облика кроме как самим создателем, тот стоит ниже язычников и неверующих", то эти три пункта, взятые сами по себе, идут вразрез со священным писанием и с определениями ученых. Чтобы убедиться в том, что ведьмы способны создавать несовершенные твари, надо только посмотреть в каноне „Nec mirum", а также в каноне „Episcopi" и в толковании Августина о кудесниках фараона, превративших свои посохи в змеи. Смотри также глоссу к Исходу 7: „Фараон призвал мудрецов...", далее—глоссу Страбона[1]) о том, что демоны несутся по свету, как только ведьмы заклинаниями пожелают достичь чего-нибудь чрез них и начинают собирать различные семена, чрез употребление которых могут возникнуть разные твари. Смотри также Альберта Великого[2]) „О животных", далее св. Фому 1, 114, 4. Для краткости мы опускаем их рассуждения. Надо лишь заметить, что у них под глаголом „fieri" (быть) подразумевается „быть созданным" (procreari). Во-вторых, надо принять во внимание, что единственно только бог в силу своей власти может превратить что-нибудь в лучшее или худшее состояние, и именно для исправления человека или в наказание ему. Это случается, однако, часто и чрез посредство демонов. О первом случае говорится так: „Бог милует и наказует", а также: „Я умерщвлю и я оживлю". Относительно же второго случая говорится: „Послание через злых ангелов". В указанном каноне „Nec mirum" обрати внимание на слова Августина, где ведьмам и их чарам приписывается не только насылание болезней, но и смерти.

В-третьих, не мешает принять во внимание следующее обстоятельство: нынешние ведьмы, опираясь на власть демонов, зачастую оборачиваются волками и другими зверями. К тому же, и канон говорит о действительном превращении, а не о воображаемом, что также часто имеет место, о чем сообщает нам подробно Августин („О граде божием", 18, 17) как, напр., об известной волшебнице Цирцее, о сотоварищах Диомеда и об отце Престанция. На эту тему будет говориться в некоторых главах второй части, а также и о том, присутствуют ли или отсутствуют при этом ведьмы, принимает ли дьявол на себя их облик и представляется ли человек самому себе, в этом новом облике.

---

[1]) Вольфрид Страбон, монах, ум. 864; церковный писатель и поэт; главное соч.—„Glossa ordinaria", излюбленный в средние века комментарий на библию.

[2]) Альберт Великий, схоластик, философ и богослов, род. 1193, ум. 1280, один из самых разносторонних средневековых ученых. Будучи одним из главных представителей средневекового аристотелизма, Альберт примыкал главным образом к Авиценне, отчасти к Маймониду; но в нем, помимо богословских и философских интересов, заметны и стремления к исследованию природы (сочинение „О животных").

Еретично ли признавать колдунов?

Так как вторая половина вопроса, стоящего в начале этой части книги, утверждает еретичность упорного отрицания существования ведьм, то можно спросить, считать ли этих отрицателей открыто пойманными в еретичестве или только стоящими под сильным подозрением еретичества? Нам кажется, что первое будет вернее. Ведь Бернард[1]) в своей Glossa ordinaria (in cap. ad abolendam, § praesenti u vers. deprehensi) говорит, что изобличение в ереси происходит трояко, а именно: 1) с поличным, если обвиняемый открыто проповедует ересь, 2) чрез законное доказательство свидетелей и, наконец, 3) при собственном признании вины. Вследствие того, что подобные люди открыто проповедуют или открыто протестуют против всего вышесказанного, утверждая несуществование ведьм или их полную безвредность для людей, то их поэтому можно причислить к еретикам. В том же смысле говорит Бернард в Глоссе к главе „Excommunicamus" касательно слова „deprehensi publice". Точно также решает вопрос канон „Cuibusdam extra de ver. sig.". Пусть читатель посмотрит сам главу, и он увидит, что мы правы.

Однако наказание, диктуемое в таком случае каноном „Ad abolendam, § in praesenti extra de haer." и состоящее в лишении священнического сана для духовного лица и передаче мирянина светской власти (для смертной казни), представляется слишком строгим, принимая во внимание незнание и большое количество тех, которые будут изобличены в этом лжеучении. Из-за этого большого количества надобно смягчить строгость суда, следуя указанию dist 40 ut constitueretur.

Ответ. Мы намереваемся скорее найти проповедникам оправдание в таком пороке и такой ереси, чем их обвинять, как это и говорится в „Extra de praesum. c. eitteras, § quodcirca mandamus". К тому же мы не хотим, чтобы такой проповедник, несмотря даже на сильнейшее подозрение, был осужден за столь тяжкое преступление Против такого столь сильно подозреваемого может быть начат процесс. Но он не должен быть непременно осужден. Так как мы не можем пренебрегать подозрением и именно вследствие их легкомысленных утверждений против истинной веры, то надобно исследовать степень подозрительности проповедника. Подозрение бывает троякое: слабое, тяжкое и очень тяжкое. Смотри по этому поводу главу „Accusatus" и главу „cum Contumacia, lib VI, de haeret", а также примечания Архидиакона[2]) и Иоанна Андреаса[3]) о гл. „Accusatus" и о слове „vehemens". О подозрении—гл. „Litteras". Об очень сильном подозрении говорится в каноне dist. 24 quorundam. Поэтому надо исследовать, под какое подозрение подпадает такой проповедник. Проповедники, высказывающие еретичные утверждения, не могут быть взяты под одну мерку. Одни из них говорят по своему незнанию божественного права, другие достаточно просвещенные, колеблются, нерешительны и не хотят полностью согласиться. Ошибочность мнения еще не делает еретиком, если к нему не присоединяется закоснелость воли. Поэтому нельзя говорить об одинаковой степени подозрения в преступлении ереси. Если подозреваемые полагают, что они вследствие своего незнания могут отделаться от суда, то они должны все-таки признать, сколь

---

[1]) Бернард де Ботоне, канонист, ум. 1263. Сочинение „Аппарат к декреталиям Григория IX" некоторое время рассматривалось как Glossa ordinaria.

[2]) Архидиакон—Гвидо де Байзио, архидиакон в ... словье, почему чаще всего и цитируется под именем Архидиакона, канонист, ум. 1313 г.

[3]) Иоанн Андреас (соб. Джованни д'Андреа), знаменитый канонист, ум. 1348, проф. Падуанского у-та; написал глоссы (Glossa ordinaria) и Комментарий к каноническому праву.

тяжек грех тех, которые провинились ради этого незнания. Ведь как бы незнание не было многообразным, однако оно не может считаться у духовных пастырей непреодолимым незнанием. Оно не может быть названо и частичным незнанием (как говорят философы), которые у богословов и юристов носит название „ignorantia facti". Их незнание имеет общий характер, т.-е. незнание божественного закона, незнание того из божественного закона, знание чего обязательно для каждого из них. Смотри dist. 43 папы Николая: „Сеяние небесного семени дано нам; горе нам, если мы его не сеем; горе, если мы молчим". Они ведь должны знать священное писание (сравни dist. 36 perlotum) и об опеке душ паствы (ibid., c. 2, § ecce и § siquis vult). Пусть даже и не требуется от них громадных познаний, как говорят Раймунд, Гостиенсис и Фома. Но требуются достаточные знания, необходимые для исполнения своих обязанностей.

Можно прибавить для их некоторого утешения следующее: если они только станут в будущем распространять верное учение вместо прежнего ошибочного, то их незнание правовых вопросов, будь оно с умыслом или без оного, все же может быть названо незлостным. Собственно говоря, первый из названных видов незнания не оправдывает, а осуждает. Ведь псалмопевец говорит: „не хочет он вразумиться, чтобы делать добро". Второй же вид смягчает грех, так как он происходит тогда, когда человеку указывается знать что-либо, но он не знает, что это ему указывается. Так было, например, с апостолом Павлом. Об этом сказано в I посл. к Тимофею (1): „Мне было оказано милосердие, потому что я поступал по неведению в неверии". Вследствие того, что данное лицо по деловой обремененности не заботится о приобретении необходимых познаний, несмотря на предупреждения, и приобретать их не хочет, то это его только частично извиняет. Сравни Амвросия Медиоланского в его толковании текста Послания к римлянам: „Не знаешь ли ты, что благость бога ведет тебя к раскаянию?" Амвросий[1]) там говорит: „Ты тяжко грешишь, если ты очень многого не знаешь. Поэтому теперь, в особенности в наше время, мы хотим, приходя в момент опасности на помощь душам, рассеять незнание и иметь всегда перед глазами суровейший суд, который нам предстоит, для того, чтобы гордое незнание не взяло над нами верх". В своих „Flores regularum moralium", правило второе, Канцеллярий[2]) говорит, что подлежащее наказанию незнание божественного права не ставится в вину тому, кто сделал все от него зависящее для избежания этого незнания. Это происходит потому, что святой дух готов преподать такому человеку прямой, истинный путь спасения.

Относительно первого аргумента здравый смысл канона дает ясный ответ.

Относительно второго аргумента Петр Тарантасийский[3]) говорит следующее: „Из-за великой своей зависти, в своей борьбе с человеком, дьявол уничтожил бы все, если бы было божье попущение". Но бог ему одно позволяет совершать, другое не позволяет. Это причиняет дьяволу большой позор и недовольство, так как бог во всем пользуется им для откровения своей славы против воли дьявола.

Относительно третьего аргумента можно сказать, что болезненному изменению тела или другой какой-либо порче предшествует не-

[1]) Амвросий Медиоланский (340—397), епископ, церковный писатель.

[2]) Канцеллярий, прозвание Иоганна Герсона (1363—1429), канцлера Парижского университета, средневекового философа-мистика.

[3]) Петр Тарантасийский, впоследствии папа под именем Иннокентия V, ум. 1276, известный средневековый богослов; главное соч.—„О 4 книгах Сентенций".

которое перемещение в пространстве. Ведь демон, побужденный ведьмой, собирает известные активные свойства, могущие вредить, и их комбинируют с пассивными, чтобы возбудить боль, порчу или другие мерзости. На вопрос о том, происходит ли это перемещение в пространстве в зависимости от течения небесных светил, надо ответить отрицательно, т. к. это перемещение приводится в движение не природною силою, но природным послушанием демону, имеющему власть над телами. Его же власть над ними лежит в его природе. Это не значит, что он может придавать материи существенные или случайные изменения без помощи другой естественной причины. Но он может с божьего попущения производить перемещения вещей и чрез их соединение причинять боль или производить иные подобные изменения свойств. Поэтому колдовство зависит от небесных движений столь же мало, как и сам демон, хотя бы он и имел власть над указанными вещами и орудиями.

К четвертому аргументу надо сказать следующее. Творения бога могут пострадать от козней дьявола, как, напр., при чародействе. Но это лишь возможно с божьего попущения. Поэтому дьявол не сильнее бога. К тому же он не может действовать насилием, иначе он мог бы все разрушить.

В-пятых. Известно всем и каждому, что небесные светила не обладают властью воздействия на демонов. Но эти последние все же вызываются кудесниками при известном положении звезд. Это происходит по двум основаниям. С одной стороны колдуны знают, что определенное расположение звезд благоприятствует действиям, которые они намереваются произвести. С другой стороны они вопрошают светила, чтобы совратить людей к почитанию звезд, как к чему-то божественному. Из этого почитания возникло когда-то идолопоклонство.

Наконец, в-шестых, относительно значения аргумента о золоте алхимиков надо сказать, согласно учению святого Фомы (2, 7), следующее. Если даже некоторые субстанциальные формы могут быть искусственно созданы с помощью естественного двигательного начала, то это не имеет общего распространения, так как не всегда возможно соединять активные начала с пассивными. Это искусство может создавать только нечто сходное. И алхимики производят нечто похожее на золото, нечто обладающее его внешними свойствами. Но они не производят настоящего золота. Ведь субстанциальная форма золота происходит не от жара огня, употребляемого алхимиками, а от жара солнца на определенном месте, где действует сила минерала. Также обстоит дело и с другими подобными действиями алхимиков.

К существу. Демоны пускают в ход чародейное искусство и не могут поэтому без помощи действующего начала создать субстанциальную или акцидентную форму. Этим, однако, мы не хотим сказать, что колдовство вообще не может происходить без помощи другого действующего начала. И с этой помощью действующего начала им становится возможно вызывать действительные болезни и порчи. О том, что же необходимо для совершения такого чародейства, и должны ли здесь участвовать демоны, станет ясно из нижеследующего.

Действует ли дьявол совместно с колдуном?

Второй вопрос.

Правоверно ли утверждать, что для чародейства дьявол должен всегда действовать совместно с колдуном, или один независимо от другого (напр., дьявол без колдуна, или наоборот) может произвести подобное действие?

1. Августин (83 вопроса) утверждает следующее относительно действий дьявола без посредства колдуна. Все, что совершается зримо, может совершаться также чрез посредство низших сил воздуха. Но телесные порчи не бывают незримы; они ощутимы. Поэтому они могут причиняться и демонами.

2. Кроме того, вред, нанесенный, согл. Библии, Иову (и огонь, упавший с неба, и рабы, уничтоженные вместе со стадами овец в одно мгновение, и ураган, разрушивший дом и убивший детей), был делом рук дьявола без помощи ведьмы, но с божьего попущения. Так же обстояло дело и с семью мужьями девственницы Сарры, умерщвленными демоном.

3. Далее. Все то, что возможно совершить более высокой силе, достигается ею без помощи всякой какой-либо иной силы. Более высокая сила не нуждается в низшей силе. Низшая сила может сама по себе производить град и возбуждать болезни. Ведь Альберт Великий в своем сочинении „О свойстве вещей" говорит, что сгнивший шалфей, положенный особенным образом в колодец, вызывает удивительные бури в воздухе.

4. Далее. Если говорят, что демон практикует чародейство не из потребности, но для погибели тех, кого он ищет, то это противоречит Аристотелю. В своей „Этике" (3) Аристотель говорит, что злые поступки совершаются добровольно. Это он доказывает тем, что никто добровольно не делает несправедливостей, если он не имеет желания сделать несправедливость. И никто не занимается развратом, если он не стремится к невоздержанности. Поэтому-то законодатели и наказывают злых. Ведь эти последние, собственно говоря, делают злое добровольно. Если же дьявол с помощью ведьмы делает что-либо дурное, то он поступает с ней как со своим орудием. И так как орудие зависит от воли работающего им мастера и не имеет самостоятельной воли при такой совместной работе, то и действия его нельзя приписывать ему и, следовательно, наказывать его за это.

Возражая против этого, скажем следующее. Дьявол ничего не может предпринять без ведьмы. Вначале укажем общее основание. Каждое действие происходит через прикосновение. Так как демон к телам вовсе не прикасается, не имея с ними ничего общего, то он нуждается здесь в орудии, которому он передает вредительскую силу через свое прикосновение. Что чародейства возможны и без помощи дьявола, это доказывается глоссами и текстом Послания к галатам, гл. 3: „О, несмысленные галаты. Кто околдовал вас, чтобы вы не слушались правды?" Глосса дает обяснение, что некоторые могут сглазить ближних и главным образом детей. На эту же тему гововорит Авиценна („О природе", кн. VI, 3 посл. гл.): „Часто душа влияет на чужое тело, также как и на свое собственное, как, например, при воздействии дурным глазом". Также думает Алгацель[1]) („Физика", кн. 5, гл. 10).

Авиценна[2]) полагает, что сила воображения может и без посредства дурного глаза воздействовать на чужие тела, при чем он дает понятию воображения слишком расширенный смысл. Мы понимаем под ним не особую силу, отличную от разума, представления и суждения, а такую силу, которая охватывает все эти внутренние

[1]) Алгацель (1058—1111), арабский философ, автор многочисленных сочинений по логике, физике, метафизике и богословию.

[2]) Авиценна, Ибн-Сина, арабский философ и врач, род. 980, ум. 1037. Его философские воззрения опираются на Аристотеля с примесью большой доли мистицизма. Написал „Канон медицины", „Энциклопедию" и ряд философских работ.

способности. Не подлежит сомнению, что сила воображения может воздействовать на тело. Возьмем хотя бы следующий случай: человек легко может пройти, не падая, по балке, лежащей на дороге. Если же эту балку положить над глубокой водой, то человек не так легко решится пройти по ней, так как его душа будет находиться под сильным впечатлением возможности падения, что парализует его тело и его силу. Здесь имеется точка соприкосновения с дурным глазом, поскольку происходит особое воздействие на тело. В данном же случае воздействие происходит на свое собственное тело.

Неверно утверждение, что подобное воздействие исходит только от живого тела, и именно из души на чужое тело. Ведь в присутствии убийцы кровь начинает течь из ран убитого. Тела могут, значит, и без посредства души производить удивительные явления. С другой стороны, человек, проходящий около убитого, не может удержаться от содрогания, даже если он мертвеца и не видит.

Естественные явления имеют также особые, от человека скрытые, силы, как, напр., притяжение железа магнитом и прочее подобное, приводимое Августином в его „О граде божием", 20.

Также и женщины могут с помощью определенных приемов воздействовать на чужие тела и производить изменения их без участия дьявола, что для нашего разума не совсем понятно. Но это непонимание не должно заставлять нас приписывать подобные воздействия дьяволу, как бы говорящему из женщин.

Кроме того, ведьмы пользуются изображениями и орудиями, подкладываемыми под пороги входных дверей или в определенных местах, куда заходят животные или люди, которые таким образом околдовываются и, случается, умирают. Доказательством тому, что здесь мы имеем дело с околдованием в связи с течением светил, служит следующее. Как естественные, так и искусственные тела находятся под влиянием тел небесных. И естественные, и искусственные тела могут получать от последних скрытые свойства. Отсюда ясно, что эти свойства могут быть здесь использованы дьяволом.

Далее. Если истинные чудеса возможны чрез посредство естественных свойств лиц, действующих в этой области, то и сила природы может производить чудесные и изумительные явления. Об этом говорил Григорий Великий[1]) („Диалоги", 2) следующее: „Святые совершают чудеса частью молитвой, частью своей силой". В доказательство он приводит случай с апостолом Петром, молитвой пробудившим от смерти усопшую Тавифу, и проклятием, а не молитвой вызвавшим смерть солгавших Анании и Сапфиры. Значит человек может силою своей души преобразовывать состояние материи или вызывать появление болезни у здоровых, или наоборот.

Далее. Человеческое тело совершеннее всякого другого тела. Под влиянием впечатлений человеческой души человеческое тело изменяется и становится то холодным, то горячим, как это замечается у гневливых, а также боязливых людей. Эти изменения могут даже привести к болезням и смерти. Душа же и сама по себе, без посредства внешних впечатлений, может воздействовать своей силой на материю.

Но могут возразить: Субстанция духа не дает возможности создания другого облика, если не участвует другое действующее начало, как это и было указано выше. Поэтому Августин в вышеприведенном

---

[1]) Григорий I Великий, римский папа, р. 540, ум. 604; главное сочинение „Диалоги" (переведены на русск. яз. „Собеседования о жизни и чудесах италийских отцов").

месте и говорит: „Нельзя верить, что материя видимых предметов легко повинуется павшим ангелам; она повинуется только богу". Тем менее способен человек из самого себя совершить колдовские действия.

Ответ. Нет недостатка в людях, извиняющих ведьм и обвиняющих только демонов или об'ясняющих их деяния естественными превращениями. Ошибочность этой точки зрения будет в нижеследующем доказана. Прежде всего коснемся ведьм. Исидор Севильский („Этимол", VIII, 9) говорит, что название ведьм происходит от их тяжких преступлений. Они производят смешение элементов с помощью демонов и этим вызывают град и бурю. Они же приводят в замешательство дух человеческий, т.-е. наводят на людей сумасшествие, ненависть и туманящую разум любовь. Они же, даже без помощи яда, но силой своего заклинания, уничтожают душу. Об этом трактуют: 26, вопр. 5, глава nectitum, а также Августин в своем „О граде божием". Там говорится, что маги, называемые в просторечии колдунами, смущают элементы, вызывают сумасшествие у маловерующих и силой заклинаний уничтожают людей. Поэтому Лукан[1]) говорит:

„Лишь чрез песню заклятий, но не чрез жгучие яды
Гибнет душа".

Вызвав на помощь дьявола, они решаются действовать и своим искусством уничтожают врагов. Отсюда ясно, что в таких действиях демоны и ведьмы вместе сотрудничают.

Во-вторых: мы можем различать 4 вида проступков: 1) служащих кому-либо на пользу, 2) вредящих, 3) колдовских и 4) естественных. Первый вид проступков—это такие, которые совершаются с помощью добрых ангелов. Второй вид производится с помощью злых ангелов. Моисей поразил египтян десятью казнями, опираясь на силу добрых ангелов, а египетские маги соперничали с ним с помощью злых духов в 9-ти казнях. Трехдневная чума из-за греха Давида по случаю переписи народа и гибель 72.000 убитых ночью войсками Санхериба были делом рук ангелов господних, почитающих создателя и знающих его. Напасти же на иудейский народ в пустыне были делом рук злых духов. Колдовскими проступками называются такие, которые совершаются дьяволом чрез посредство ведьм и колдунов. Естественные же проступки зависят от влияний светил небесных, и именно от менее значительных из них. Это влияние выражается в смертности, неурожайности полей, градобитии и тому подобное.

Эти четыре вида проступков надо строго различать. Когда дух-вредитель излил на Иова несчастия, то поступок этого демона нельзя назвать колдовским, а только вредительским. Кто же упорно продолжает защищать ведьм, критиковать указанное подразделение, придираться к словам, сыпать ударами по воздуху, отказываться подойти к корню вещей и решает ставить вопрос, почему Иов был поражен демоном-вредителем, а не колдуном, тому можно на это ответить, что Иов пострадал исключительно от дьявола без посредства колдуна или ведьмы. Ведь в то время ведьм еще не знали. А божественное провидение хотело, чтобы сила дьявола миру была известна, чтобы люди научились противиться ей и чтобы они знали о невозможности для него делать что-либо без божьего попущения.

---

[1]) Лукан, Марк-Анней (38—65), римский поэт, приговоренный Нероном к смертной казни; его поэмы, некоторые из которых были еще известны в Средние века, пропали почти бесследно.

О том времени, когда стал известен первый вид суеверия (а именно вызывание дьявола), Викентий[1]) в „Зерцале истории", опираясь на многих ученых, говорит, что первым магом и астрологом был Зороастр, который, по всей вероятности, был сыном Хама и внуком Ноя. По словам Августина („О граде божием") Зороастр был единственным человеком, который при рождении смеялся. Этим смехом он мог быть обязан только дьяволу. Ставши королем, Зороастр был побежден Нином[2]), сыном Бела, выстроившим Ниневию или, вернее говоря, положившим основу ассирийскому государству. Это было во времена Авраама.

Этот Нин по смерти своего отца поставил из особой любви к нему памятник в виде колонны. Всякий преступник, который искал у ней убежища, освобождался от заслуженного наказания. С того времени люди стали почитать изображения, как будто это были боги. Это случилось после первого периода (истории). Ведь в те времена идолопоклонства еще не было из-за свежести воспоминания о сотворении мира. Это явствует из слов святого Фомы (II. 95, 4). Может быть это был Нимрод, который заставил людей поклоняться огню. Так началось во втором периоде идолопоклонство, как первый вид суеверия.

Прорицания образуют второй вид этих суеверий. Третий их вид — это наблюдение примет. Практика ведьм основывается на втором виде суеверий, производится чрез непременное вызывание демонов и подразделяется на некромантию, астрологию и прорицание посредством толкования снов.

Я говорил об этом здесь для того, чтобы читатель уяснил постепенность распространения и видоизменения вредительского искусства и чтобы он понял основательность утверждения о несуществовании ведьм во времена Иова. Как с течением времени распространялись весть и познания о святых (смотри об этом „Мораль" Григория Великого), так разрасталась с годами и вредительская практика злых духов. Как земля в то время была исполнена познания божества (смотри у Исаии, 11), так она теперь, клонясь к своей гибели, переполнена всяческой злобой демонов. Ведь греховность людей растет, а любовь меркнет.

Так как сам Зороастр[3]) усердно интересовался предсказаниями и именно с помощью астрологии, то он и был сожжен чортом (смотри у Григория, там же).

Относительно начала совместных чародейств бесов и ведьм сказано уже выше. Об этом говорится в Исходе 7, именно о колдунах фараона, которые творили многие знамения при казнях египетских, опираясь на помощь демонов, тогда как Моисей совершал знамения с помощью добрых ангелов.

Отсюда вытекает католическая истина о том, что для свершения колдовских, и не только вредительских деяний колдун всегда должен работать совместно с дьяволом.

Отсюда вытекают также ответы на аргументы. Что касается первого из них, то не отрицается, что порча, воочию наблюдаемая на людях, животных и полевых злаках и производимая также по поло-

---

[1]) Викентий из Бове — средневековый энциклопедист, ум. 1264 г., главн. соч. — „Великое зерцало", в трех частях: „Зерцало природы", „Зерцало учения" и „Зерцало истории".

[2]) Нин — мифический основатель ассирийского государства.

[3]) Зороастр, или Заратуштра, — пророк древнего Ирана, VII века до нашей эры, основатель религии Авесты.

жению небесных светил, причиняется также демонами с божьего попущения. Ведь Августин („О граде божием", 3) говорит: „Демонам подвластны огонь и воздух, поскольку это им разрешает бог". Это видно и из глоссы о несчастьях, насланных злыми ангелами: „Бог наказывает чрез злых ангелов".

Отсюда вытекает ответ на второй аргумент касательно Иова, а также и из тех соображений, что выше были высказаны о началах магии.

Относительно третьего пункта, а именно—о бросании сгнившего шалфея и т. д., возражают, что, конечно, порча может произойти без помощи дьявола, но не без влияния планет. Мы говорим о чародействе. Поэтому это сюда, собственно говоря, и не относится.

Что касается четвертого пункта, то признается бесовское использование ведьм для их погибели, но в то же время указывается на неосновательность их судебного преследования, т. к. они являются лишь орудием дьявола, действующими не по своей воле, а по воле действующего через них врага человеческого рода. На это надо возразить следующее. Ведьмы—это одушевленные, по собственному свободному решению действующие орудия, хотя бы они по нарочито с дьяволом заключенному договору и отказались от власти над самими собой. Ведь мы знаем из признаний ведьм—здесь я говорю о сожженных женщинах—о том, что они действительно принуждаются к участию в чародействах под страхом быть высеченными бесами, но они остаются связанными своим первым свободным обещанием, которым они отдают себя демонам.

Касательно других аргументов, служащих доказательством тому, что чародейства могут быть совершаемы и старухами без всякой помощи демонов, надо сказать следующее. Противоречит разуму делать заключения от частного к целому. В священном писании, кроме одного места, ничего не говорится о чародействе или о дурном глазе старух. Поэтому нельзя делать заключения о том, что так дело всегда происходит. К тому же глосса не совсем ясна относительно того, возможно ли такое чародейство без помощи демона. Ведь глосса различает три вида чародейства. Во-первых, оно обозначает обман чувств в результате кудесничества, возможно также и с участием дьявола, если на то будет божье попущение. Во-вторых, колдовство можно назвать и ненавистью, как это и говорится апостолом: „Кто вас так околдовал?", т.-е. преследовал с такой ненавистью. В-третьих, эта ненависть причиняет болезненные явления в телах тех, на кого падет глаз такого ненавидящего. О всех этих видах чародейства мнение ученых одинаково, как это и указано Авиценной и Алгацелем. Также и святой Фома (1, 97) разбирает это чародейство. Это он делает следующим образом. Он полагает, что вследствие сильного душевного напряжения происходят изменение и перемещение в элементах тела. Это изменение происходит главным образом в глазах, и из них происходит излучение. Таким образом глаза заражают воздух на определенное значительное расстояние. Отсюда—новые и чистые зеркала становятся тусклыми при смотрении в них женщин во время месячных очищений, как это и указывается Аристотелем (о сне и бодрствовании). Если душа неудержно клонится ко злу, как это бывает в особенности у женщин, то это происходит, как нами ранее указано. Их взгляд ядовит и несет порчу. Главным образом он вредит детям, обладающим нежным телосложением и впечатлительностью. Святой Фома при этом добавляет, что с божьего попущения или по какой-либо другой скрытой причине злоба дьявола принимает здесь участие, если женщины заключили с ним договор.

Для лучшего понимания всего этого мы тут рассеем некоторые сомнения, чтобы еще более осветить правду. На первый взгляд возникает как бы противоречие вышесказанному, если примем положение о невозможности превращения духовных субстанций тела в физические без посредства какой-либо другой действующей силы. Значит душевное напряжение, будь оно даже в высшей степени сильным, никакого действия не окажет. Сверх того, существует положение, осужденное большинством университетов, и особенно Парижским, гласящее, что заклинатель может одним взглядом сбросить верблюда в ров вследствие того, что его высшее разумение господствует над низшим. Также и более разумная душа воздействует и ставит под свое начало более слабую, чувствительную душу.

Рассмотрим же ближе эти пункты. Исходя из естественной силы своей души, человек не может излучать из глаз такой силы (не производя при этом изменения своего собственного и постороннего тела), которая могла бы причинить порчу лицу, бросившему на него взгляд, и придать ему другую форму. Поэтому совершенно не соответствует истине утверждение, будто бы ведьмы из самих себя все это могут произвести.

О том, каким образом это воздействие все же происходит, мы говорили выше. Здесь мы сделаем соответствующие добавления. Может случиться, что мужчина или женщина, бросив взгляд на тело мальчика, производят в нем некоторые изменения с помощью дурного глаза, воображения или чувственной страсти. Чувственная страсть соединена с известным изменением тела. Глаза же легко воспринимают впечатления. Поэтому часто случается, что внутреннее дурное возбуждение дает им дурной отпечаток. Сила воображения легко отражается в глазах вследствие их чувствительности и близости центра воображения от органов чувств. Если глаза полны вредительских свойств, то может случиться, что они придают окружающему воздуху дурные качества. По воздуху они достигают до глаз мальчика, на которого смотрят и достигают через них до внутренних его органов. В результате он лишается возможности переваривать пищу, телесно развиваться и расти. Опыт позволяет в этом воочию убедиться. Мы видим, что страдающий болезнью глаз человек может временами своим взглядом навести порчу на того, кто на него посмотрит. Это происходит потому, что глаза, полные злых свойств, заражают окружающий воздух, чрез который заражаются и здоровые глаза того, кто на них посмотрит. Заражение передается по прямой линии в глаза тем, которые посмотрят на больные глаза. При этом воображение того, кто полагает, что может заразиться, имеет тут большое значение.

Можно было бы привести много других наглядных примеров. Но мы их опускаем, чтобы быть более краткими.

Псалмопевец сказал: „Кто тебя боится, тот увидит меня". Глосса к этому месту говорит приблизительно следующее: Большая сила лежит в глазах, если мы обратим свое внимание на то, что происходит в природе. Видя первым, волк не воет. Василиск убивает, если он видит первым. Он умирает сам, когда его первого увидят. Причина тому, что василиск своим взглядом убивает человека, заключается в том, что взгляд и воображение возбуждают в нем ядовитые вещества, которые из его глаз передаются окружающему воздуху, а оттуда проникают чрез вдыхание в человека. От этого он околдовывается и умирает. Если же человек первым увидит василиска и пожелает его убить, то для этого должен предварительно обвеситься

зеркалами. Как только василиск посмотрит в них, то зараженный им воздух отразится от них и вернется на него, отчего он и умирает. Неизвестно, почему человек, убивающий василиска, сам не умирает. Здесь мы имеем дело со скрытой причиной.

Все это сказано здесь без предубеждения и без всякой страсти к спору. Лишь держась слов святых, можем мы выявить действительную, католически правоверную истину относительно того, что ведьмы всегда действуют совместно с демонами и что один без другого ничего не может достигнуть.

К аргументам. Относительно первого—ответ о колдовстве ясен. Относительно второго приведем мысль Викентия („Зерцало природы", 13), что рана, зараженная духом убийцы, притягивает к себе зараженный воздух. Если убийца проходит мимо, то кровь вытекает, так как в присутствии убийцы попавший в рану воздух начинает колебаться и производить кровотечение. Другие ученые приводят еще другие основания и говорят, что это кровотечение указывает на крик убитого из земли и именно вследствие проклятия тяготеющего на первом убийце—Каине.

Что касается содрогания, происходящего у того человека, который находится у трупа убитого, если даже он этого трупа и не видит, то это производится через душевное свойство, воспринимающее даже наималейшее впечатление и передающее его душе. Это не является возражением против чародейств ведьм. Ведь это все происходит в естественном порядке.

В-третьих, как это было выше сказано, деяния ведьм подводятся под второй вид суеверий, называемых прорицаниями (divinatio). А использование некоторых предметов при определенных наблюдениях примет относится к третьему виду этих суеверий. Поэтому возражение не попадает в цель. К тому же верования эти охватывают не любой вид колдовства, а только такой, который производится с нарочитым призыванием нечистой силы. Здесь также имеется ряд подвидов: некромантия, геомантия, гидромантия и т. д. Сравни: святой Фома (II, 2, 95, 5). Колдовство ведунов занимает видное место среди всех видов суеверий и подлежит особому суду. Возражения против нашей точки зрения могут здесь сводиться к следующему. При использовании колдунами естественных сил для достижения естественных результатов их действия нельзя назвать недозволенными. При использовании же ими непонятных слов для восстановления здоровья, дружбы или для достижения другой пользы, но не для нанесения вреда дело может происходить если и без нарочитого призывания демона, то во всяком случае не без молчаливого призывания его. И этого нельзя разрешать.

Эти проступки и подобные им относятся к третьему виду суеверия, а именно к наблюдению разных примет и не относятся поэтому к вопросу о ереси ведьм. Неправильно приписывать этому третьему виду четырех подвидов второй группы на том основании, что ведьмы пользуются указанным наблюдением примет для приобретения познания о предстоящей судьбе, о способе обхождения предписаний священного писания и восстановлении здоровья. Ведь святой Фома (9, 96 art. 2), говоря о допустимости наблюдения этих примет, прибавляет, что дело идет лишь о вопросах здоровья, а не о чем-либо другом злом, присущем колдованию. Поэтому общие наблюдения примет и их исполнение колдунами надо подвести под второй вид суеверий, а не под третий.

Отвечая на четвертое возражение, мы скажем: Наблюдение примет имеет два вида, а именно—некромантический и астрономический. При некромантических наблюдениях всегда производятся призывания злых духов вследствие нарочито заключенного с ними договора (смотри наш ответ на второе возражение). При астрономических же наблюдениях имеются только молчаливые договоры. Призывания не бывает, если не считать также молчаливого призывания при начертании фигур и проставлении значков на них. Не оставим без внимания того факта, что некоторые некромантические изображения пишутся при определенных констелляциях светил небесных. К ним прикладываются определенные фигуры и значки на кольцах, камнях и др. предметах. Другие же подобные изображения пишутся без соблюдения указанных констелляций. Эти последние изображения служат чародейским целям. К ним не прилагаются указанные значки. Они подкладываются в определенные места. Об этих изображениях с помещенными там значками идет здесь речь, а не о других. Поэтому возражение против нашего положения отпадает.

Нельзя отрицать значения чародейских рисунков при колдовании. Святой Фома говорит: Никогда не позволено пользоваться подобными рисунками, хотя они и используются ведьмами без соответствия с их значением. Они подкладываются ведьмами лишь по велению демонов для усиления действия чар и служат для оскорбления творца. Они стараются производить это во дни святых праздников.

К пятому возражению скажем, что Григорий Великий понимал в своем утверждении власть благодати божьей, а не власть природы. Поэтому он прибавляет: Неудивительно, если сыны божьи, стоящие в его власти, творят знамения его властью, как говорил Иоанн.

К шестому возражению скажем, что подобие не играет никакой роли. Ведь воздействие души на собственное тело разнится от воздействия на постороннее тело. Душа образует со своим телом нечто целое, а чувствования являются актом органов тела. Поэтому чувствования при воздействии души могут колебаться между жаром и холодом и даже привести к смерти. Но для достижения изменения в состоянии постороннего тела воздействия души недостаточно, если не будет иного воздействия. Ведьмы не могут поэтому пользоваться только своей силой. Для свершения чародейств они должны с помощью демонов пользоваться разными предметами, как, напр., шипами, костями, волосами, деревом, железом и т. п.

Следуя внутреннему содержанию папской буллы, разберемся теперь в происхождении колдунов и в их деяниях. Заметим прежде всего, что для колдовских результатов необходимы следующие силы: дьявол, ведьма и божье попущение (см. 23, вопр. I. Si per sortcarias). Также и Августин говорит, что вследствие гибельного общения людей и демонов возникло это суеверное безумие. В этом общении лежат происхождение и увеличение этой ереси.

Эта колдовская ересь отличается от других ересей тем, что она не только через нарочитые, но и через просто заключенные договоры стремится вредить творцу и его созданиям, тогда как все другие простые ереси не основаны на подобных договорах с нечистой силой, хотя и здесь не обходится без содействия со стороны сеятеля зависти лжеучений из-за трудности понимания того, во что надо верить. Сверх того, эта ересь отличается и тем, что из всех видов чудесничества она обладает наибольшей степенью злобы. Ведь даже ее латинское наименование—maleficium происходит от maleficere, т.-е. male de fide sentire (по-русски—дурно относиться к вере).

Для распространения своей ереси ведьмы предпринимают многое: они оскорбительно отрицают католическую веру, продают самих себя с телом и душой, передают дьяволу еще некрещенных детей и имеют плотские сношения с инкубами и суккубами.

О, если бы все это можно было назвать выдуманным и не соответствующим истине! О, если бы, по крайней мере, церковь осталась незатронутой этим ужасным осквернением! Но, к несчастию, по свидетельству папской буллы, дело обстоит иначе. Тому же учит нас опыт, приобретенный на основании признаний ведьм касательно их позорных деяний. Мы не должны прекратить инквизиции, если не хотим подвергнуть опасности спасение своих собственных душ.

Будем же говорить о происхождении и о распространении этой ереси. Это тяжелая работа. Мы будем с величайшим старанием производить исследование, об'единяя все то, что согласно с разумом и что не противоречит священному писанию и преданию. Распространению ереси больше всего способствуют два явления: действия инкубов и суккубов и позорное посвящение детей дьяволу. Поэтому мы подробнее остановимся на этих пунктах и именно вначале скажем о демонах, потом ведьмах и, наконец, о божьем попущении. Демоны действуют с помощью рассудка и воли. Их действия зависят от определенного расположения звезд в силу того, что семя не при всяком расположении звезд достаточно зрело для зарождения. Поэтому мы исследуем эти констелляции светил небесных. Таким образом получаются в основном, три вопроса для обсуждения: 1) Могла ли эта ересь развиться вследствие плотского смешения с инкубами и суккубами, 2) Не благоприятствовали ли констелляции ее развитию и 3) Не углубилась ли ересь из-за позорного посвящения детей дьяволу. Между вторым и третьим вопросом мы разберем вопрос о влиянии на ересь движения светил. Это будет подходящим продолжением рассмотрения деяний ведьм. В первом пункте мы сталкиваемся с тремя трудностями. Одна из них общего характера об инкубах, вторая—специальная—о тех демонах, которые совершают подобные поступки, и третья—самая специальная—относительно ведьм, отдающих себя нечистому.

Могут ли быть порождены люди инкубами и суккубами?

Третий вопрос.

С первого взгляда представляется неправоверным утверждать возможность порождения людей чрез посредство инкубов и суккубов. Порождение людей было установлено богом перед грехопадением так, что он образовал в помощь мужу жену из ребра и сказал: „Плодитесь и размножайтесь" (Бытие 1), а Адам сказал в воодушевлении: „Двое будут в плоть едину" (Бытие 2). Ною тоже было сказано: „Плодитесь и размножайтесь". (Бытие 9). В новом завете такое соединение было подтверждено христом (Матв. 19): „Не читали ли вы, что сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?" Поэтому все иные виды порождения людей недопустимы.

Если говорится, что демоны пользуются не естественным, а искусственным, недопустимым способом оплодотворения, когда они рьяно участвуют при естественном оплодотворении людей, принимая семя и перенося его, то это надобно отвергнуть, потому что дьявол мог бы это производить у людей всякого положения—находящихся в браке или стоящих вне его. В первом случае это было бы невозможно, ибо тогда дьявол оказался бы сильнее творца, уничтожая то единство, которое между супругами установлено всевышним. Во втором случае тэо было бы столь невозможно, ибо ничего не говорится в священном

писании о том, что звереподобное зарождение может происходить в одном положении (скажем—внебрачном), а не в другом.

Кроме того, зачатие относится к функциям живого тела. Демоны же, принимающие на себя телесную личину, живого тела не имеют, потому что зачатие исходит от души, действующей тут посредством физического органа (О душе 2). Поэтому демоны не в состоянии с личиной тела совершать подобных действий.

Если говорится, что демоны принимают личину тела не для того, чтобы творить жизнь, а для того, чтобы воспринять естественное семя и его опять отдать, то на это возражают: подобно тому как нет ничего излишнего в поступках добрых и злых ангелов, точно так же обстоит дело с творениями природы. Если же демон с помощью своей естественной силы, превосходящей силу человеческого тела, незримо мог бы собрать семя и его опять отдать, то это может служить основанием для утверждения, что этого нельзя было делать незримо. Если он это может, то другое является излишним. Это основание может быть еще более усилено. Ведь в книге „О причинах“[1]) говорится, что сила рассудка неограничена книзу, но ограничена кверху. Все тела стоят ниже рассудка. Поэтому рассудок, в силу своей неограниченности, может изменять тела, как он хочет. Но силы рассудка—это ангелы, добрые и злые. Поэтому они могут, независимо от принятия на себя телесного облика, производить изменения в семени.

Кроме того, взятие семени от одного и отдача его другому было бы связано с перемещением в пространстве, а демоны не могут производить перемещения в пространстве. Доказательство: Душа духовная субстанция, как и демон. Душа не может перемещать тела в пространстве, если оно не оживлено. Поэтому члены человеческого тела неподвижны, когда они отмирают. Поэтому и демон может перемещать тела лишь в том случае, если они оживлены им. Известно, что демоны не могут оживить тела. Поэтому они не могут перемещать в пространстве семя.

Всякое действие происходит через прикосновение, как это указывается в „I. De generatione“. Нельзя себе представить, чтобы демон имел какое-либо подобное прикосновение, т. к. у него с телом нет ничего общего. Изливать семя и перемещать его—значит иметь отношение к прикосновению. Из этого вытекает, что демоны никак не могут принимать участия в оплодотворении.

Далее, демоны не могут также двигать телами, по природе ближе им стоящими, как, напр., небесными светилами,—как же они могут двигать такими телами, которые им менее близки? Согласно Физики 2, движимое и движущее принадлежат друг другу. Если бы демоны могли двигать небесными светилами, они были бы на небе, что однако ни у нас, ни у платоников не считается истиной.

Возражение против этих аргументов: Августин („О троице“, 3), говорит: „Демоны собирают семя, употребляемое ими для телесных действий“. Это не могло бы иметь места без перемещения в пространстве. Значит демоны могут собранное семя передать другим. В том же смысле высказывается глосса Валлафрида Страбона к Исходу 7: „Фараон призвал мудрецов“ и т. д. В глоссе этой говорится, что демоны рыщут по свету и собирают различное семя, и от его применения могут происходить различные твари. Смотри также глоссу к сло-

---

[1]) „Книга о причинах“ (Liber de causis)—сочинение, ложно приписываемое Аристотелю; написано, по всей вероятности, в IX в. арабами; имело большое значение в [illegible]ской и христианской литературе Средних веков.

вам: „Фараон призвал", а также глоссу к Бытию 6, к словам: „Сыны божьи увидели дочерей человеческих" и т. д. Глосса делает двоякое утверждение: 1) что под сыновьями божьими разумеются сыновья Сифа, а под дочерьми человеческими—дочери Каина, 2) что не представляется невероятным видеть в указанных в библии гигантах детей демонов и земных женщин. В священном писании сказано далее: „Гиганты были на земле, потому что также и после потопа тела не только мужчин, но и женщин были еще прекрасны".

Ответ. Необходимость быть более краткими не позволяет нам распространяться о власти и делах дьявола касательно чародейств ведьм. Если благочестивый читатель захочет подробнее узнать об этом, пусть он прочтет Доктора Сентенций (2, 5), где подробности досконально и верно описаны. Там читатель увидит, что демоны совершают свои поступки на основании рассудка и воли. По словам Дионисия („Об именах божьих"), они не могут использовать эти способности для добрых дел. Их ум трояко силен: своей глубиной, долголетним опытом и помощью выше стоящих духов. Набожный читатель найдет там также, каким образом демоны узнают по небесным светилам, кто из людей больше способен к колдовству и хочет обратиться к ним за содействием.

Что же касается воли демонов, то читатель почерпнет из указанных сочинений сведения о постоянной склонности демонов ко злому, об их грехах заносчивости, ненависти и высшего неудовольствия тем, что бог пользуется ими против их воли для своего прославления. Читатель узнает, как дьявол благодаря рассудку и воле совершает изумительные действия, несравнимые ни с какими силами земли. Иов (41) говорит: „Нет на земле подобного ему; он создан бесстрашным". А глосса прибавляет: „Если он никого и ничего не боится, то все же покоряется заслугам святых".

Читатель найдет там, каким образом дьявол узнает мысли людей, превращает тела людей из одного состояния в другое с помощью особого действующего начала, перемещает тела в пространстве, изменяет внутренние и внешнее чувства и влияет, хоть и не прямым воздействием, на ум и волю человека.

Богословы считают их нечистыми духами, хотя и не нечистоплотными по своей природе. По словам Дионисия, им присущи: неистовство, безудержная алчность, безграничная фантазия в гордости, зависти и злобе. Поэтому они—враги рода человеческого. Они духом разумны, легко понимают, опытны в бесполезных делах, алчны до вредительства, всегда готовы на новые обманы. Они извращают чувства, исследуют потребности, мешают бодрствующим, вслушивают спящих в сновидениях, приносят болезни, вызывают бури, превращают себя в ангелов света, всем несут ад, требуют от ведьм божеского почитания, с их помощью совершаются чародейства. Они хотят господствовать над добрыми и теснить их по мере сил. Избранным бога они посылаются для испытания. Они всегда ищут путей сократить жизнь человека. Пусть дьявол знает тысячи способов вредить людям, пусть он старается со дня своего падения разрушать единство церкви, оскорблять любовь, забрасывать желчью зависти деяния святых и всячески уничтожать род человеческий! Однако его сила заключается лишь в чреслах и в пупе. Смотри предпоследнюю главу кн. Иова. Это происходит потому, что дьявол лишь чрез излишество плоти господствует над людьми. У мужчин центр этих излишеств лежит в чреслах, т. к. оттуда выделяется семя. У женщин же семя вы-

После этих предварительных сведений об инкубах и суккубах можно с полным правом сказать следующее. Утверждение о возможности зачатия людей с помощью инкубов и суккубов столь католично, что утверждение противного противоречит не только изречениям святых, но и смыслу священного писания. Уже Августин поднимает в одном из своих сочинений вопрос относительно действительных поступков демонов и их описаний поэтами и оставляет этот вопрос якобы неразрешенным, но дает вслед затем об'яснения в духе священного писания. В своем „О граде божием" (3, 2) он говорит: „Оставим без ответа вопрос о том, могла ли Венера от соединения с Анхизом родить Энея. Ведь подобный вопрос ставится и в священном писании, именно о том, породили ли павшие ангелы и дочери человеческие гигантов, т.-е. чрезвычайно больших и сильных людей, которыми была полна земля". А в кн. 5, гл. 23, „О граде божием" он решает вопрос следующим образом: „Часто говорилось и многими утверждается из личного восприятия и из свидетельств других очевидцев, о достоверности которых не может быть сомнения, что лешие и фавны, которые в народе называются инкубами, обуянные страстью к женщинам, добивались плотского соития с ними и его с ними совершали, и что некоторые демоны (называемые у галлов дузами) усердно пытались творить подобные скверны и часто их совершали. Было бы наглостью отрицать это в виду достоверности людей, утверждающих подобное". Вот слова Августина.

В дальнейшем он решает там же и второй вопрос, говоря о следующем месте Бытия: „Сыновья божьи, т.-е. Сифа, увидели дочерей человеческих, т.-е. Каина", и утверждает, что здесь речь идет не только об инкубах. Об этом сообщает уже ранее упомянутая глосса следующее: „Не является недостоверным, что не о людях говорится в писании, а об ангелах или некиих демонах, восхотевших женщин и породивших гигантов". О том же говорится в глоссе к Исаии (13), где пророк предсказывает запустение вавилонского царства и говорит, что там будут жить чудища. Вот его слова: „И страусы поселятся (там) и будут там скакать полевые духи". Под этими духами надо понимать демонов. Поэтому глосса продолжает: „Полевые духи—это лешие с жесткими волосами, являющиеся особой разновидностью демонов и называющиеся инкубами или сатирами. Глосса к Исаии (34), высказывающая об опустошении страны Идумеян, притеснявших евреев, толкует: „Эта страна будет обиталищем драконов и пастбищем страусов, и демоны будут там встречаться". Подстрочная глосса раз'ясняет, что там будут встречаться чудовища демонов. Глосса же Григория Великого говорит: „Именуемые лещими являются теми, которые известны у греков под названием "Пан", а у римлян „инкуба". Исидор Севильский (Lib 8, c. 11) утверждает тождественность полевых духов с греческими „Пан" и с римскими „инкубами", название которых произошло от „incubare", т.-е. заниматься блудом. Он говорит также об их погоне за женщинами и об их плотском соитии с ними, а также и о том, что существа, просто называемые инкубами, носят у римлян название блудливых фавнов. О них говорит Гораций: „О фавн, любитель убегающих нимф, ты легко ступаешь по межам полей и по бархату солнечных пашен".

Апостол Павел (I посл. к Коринф. 11) изрекает: „Женщина должна носить покрывало на голове для ангелов". Многие католики толкуют это место в том смысле, что здесь надо под ангелами по-

нимать инкубов. Бэда[1]) (История Англии), Вильгельм[2]) (О вселенной, в последней части, трактат 6) и святой Фома (I qu. 25; II dist. 8 et quolibet 6, qu. 10 об Исаии 13 и 34) того же мнения.

Причина превращения демонов в инкубов и суккубов лежит не в чувстве наслаждения. Как духи, они не имеют ни мяса, ни костей. Причина лежит в том, что они чрез порок сладострастия портят и человеческую душу и тело и этим делают их восприимчивее ко всем порокам. Не подлежит никакому сомнению, что им известно о росте семени при известных небесных констелляциях. Люди, зачатые под этими констелляциями, с легкостью портятся с помощью чар.

Перечисляя многие пороки, от которых всевышний хотел бы уберечь свой народ и в которые были погружены неверные, бог сказал (Левит 18): „Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых я прогоняю от вас". Глосса о слове „народы" толкует: Демоны вследствие их большого количества, называются народами; они радуются каждому греху и в особенности волшебству и идолопоклонству, т. к. при этом оскверняется и тело, и душа, и весь человек, называемый „землей". Ведь все грехи, совершаемые человеком, не зависят от тела, кроме блуда. Кто блудит, тот грешит против своего тела. Пусть желающие просмотреть сведения об инкубах и суккубах возьмут, как указано выше, Бэду (История Англии), Вильгельма и Фому из Брабанта[3]) („О пчелах").

Разберем возражения.

Во-первых. Касательно естественного, богом установленного размножения, для которого необходимо участие мужчины и женщины, надо сказать, что, как таинство брака может пострадать с божьего попущения и чрез посредство дьявола, так по этой же причине может пострадать каждый любовный акт между мужчиной и женщиной.

На вопрос о том, почему же непременно при любовном акте дьяволу позволено пускать в ход чары, а не при иных действиях человека, надо ответить так: Ученые приводят к этому много оснований, но о них мы поговорим ниже, когда будет речь о божьем попущении! Пока достаточно указать на уже упомянутое основание о центре силы демонов в чреслах людей. Ведь среди всех видов борьбы борьба со своей похотью тяжелее всех. С ней вечно кипит борьба, и победа редка. Если из этого делать заключение о том, что это обнаруживает большую силу дьявола по сравнению с силой творца в области супружеских действий, установленных богом, но имеющих препятствия своего свершения со стороны дьявола, то это неверно. Ведь демон преступает это божье установление не силою. Совсем напротив. Он ничего не может сделать без божьего попущения. Это скорее указывает на его слабость.

Во-вторых. Совершенно верно, что зачатие человека является действием живого тела. Если же утверждается, что демоны не могут дать жизни, т. к. она изливается из души, то это тоже совершенно правильно, но только потому, что жизнь изливается материально из семени, и демон, как инкуб, может, с божьего попущения, ввести его

---

[1]) Бэда Достопочтенный (Venerabilis) (673—735), церковный писатель, автор „Церковной истории английского народа".

[2]) Вильгельм Парижский, епископ, ум. в 1228 г.; автор большого числа сочинений, между ними „Трактат о вселенной".

[3]) Фома Брабантский (из Брабанта), ум. 1270, доминиканец; широкое распространение в Средние века получила его книга „О пчелах", соч. нравственного содержания, в котором жизнь и деятельность пчел рассматриваются как образец христианской, особенно монастырской жизни.

: помощью совокупления. Но не свое семя вводит он, а семя, специально взятое для этого от какого-либо человека, как и указано святым Фомой (I qu. 51 art 3). У мужчины дьявол берет семя, принимая вид суккуба; вводя семя в женщину, превращается в инкуба. Для зачатий других творений демоны таким же образом пользуются и не человеческим семенем, как это явствует из сочинения Августина „О троице" (3).

Когда спросят, чьим же сыном является тот, кто зачат таким образом, то ясно, что это не сын демона, а сын того мужчины, от семени которого женщина зачала. Демон может незаметно принять и впустить семя. Но он охотнее производит это как суккуб и как инкуб, чтобы этой мерзостью осквернить и тело и душу как мужчины, так и женщины.

Кроме того, демоны могут незримо производить и многое другое, но всего им не разрешается, если бы они этого и хотели. Но совершать многое они все же могут, а именно—для искушения добрых и исправления злых. Может случиться, что вместо суккуба семя принимается инкубом и им же передается женщине. Может случиться также, что демон, направленный в виде мужчины к женщине, принимает перед тем семя от другого демона, посланного тоже под личиной мужчины к мужчине. Но при этом демонам придается особый помощник, потому что действие настолько скверно, что, будучи один, дьявол может отпрянуть. Может также произойти, что демон, помещаясь между телами, принимает семя. Что это он может сделать, мы уже видели в случае с юношей, женившемся на идоле.

В-третьих. Если говорится, что сила ангелов неограничена по сравнению с более высоким началом, то это значит, что его сила не может быть постигнута низшим началом. Сила высшего начала превосходит силу низшего, так как высшие существа больше всего имеют универсальной силы. Но это не значит, что сила более высокого начала может совершить каждый поступок. В таком случае, она была бы неограниченной,—как книзу, так и кверху. Наконец, так как соответствие должно быть между активным и пассивным началом и не может быть общего между чисто умственной и телесной сущностью, то тогда и демоны не были бы способны ни к какому поступку, кроме такого, который покоится на посредстве другого активного начала. Отсюда вытекает, что демоны пользуются семенем, чтобы добиться известных результатов (см. Августина „О троице", 3). Таким образом, мы можем заключить, что если демоны, кроме того что они могут принимать телесные облики, имеют еще возможность производить изменения семени, то это ни в коем случае не может служить отрицанием того, что нами утверждалось об инкубах и суккубах, действия которых демоны могут выполнить, лишь принимая на себя облик тела, о чем говорилось выше.

В-четвертых. Выше приводилось возражение со следующей аргументацией: Демоны не могут перемещать тела в пространстве. И душа и демон суть духовные субстанции. Душа не может двигать телом, если оно ею не оживлено. Поэтому и демоны могли бы перемещать тела только в случае, если бы эти ими оживлялись. Но нам известно, что демоны не способны оживить тело. На эти возражения надо ответить: Духовная субстанция ангела или демона отлична от субстанции души. Душа занимает низшую ступень среди духовных субстанций. Душа поэтому не может перемещать тела, если оно ею не оживлено. Не так у демонов, у которых даже физической силы гораздо больше, чем у человека.

В-пятых. Прикосновение демона к семени или к какому-либо другому телесному предмету не является прикосновением телесным, а прикосновением виртуальным, т. е. таким, которое имеет силу действия в потенции. Тело, перемещаемое в пространстве, не превосходит соразмерности сил демона. Но не так обстоит дело с движением небесных тел, с землей и со стихиями вселенной. Вопрос, почему это невозможно, разрешается святым Фомой в „Вопросах о зле" (10, de daemonibus).

Кто-нибудь мог бы на это возразить, что является одинаковым, перемещать ли часть предмета или весь предмет (сравни „Физика", 3) и что если демоны имеют возможность переместить часть земли, то они смогут переместить и всю землю. Но это неверно. Собрать же семя и употребить его для определенных целей—это не превышает сил нечистого, если на то имеется божье попущение.

Делая общее заключение, мы скажем следующее: несмотря на убеждения некоторых о том, что демоны, принимая на себя личину тел, никоим образом не могут производить зачатия и что под сыновьями божьими надо понимать сыновей Сифа, а не инкубов, а также и под дочерьми человеческими надо понимать дочерей из рода Каина, мы должны быть другого мнения и именно быть с большинством (смотри „Этику" Аристотеля, 7 и „О сне и бодрствовании", конец главы). И в наши дни имеются очевидцы поступков и слов ведьм, которые действительно совершали то, о чем здесь у нас была речь. Поэтому мы утверждаем: 1) Демоны творят скверные плотские действия не из наслаждения, но из желания запятнать душу и тело тех, кому они служат инкубами и суккубами. 2) В результате этих действий женщины в действительности зачинают и рождают в том случае, если демонам удается подать человеческое семя в соответствующее место женского тела, где до этого уже имелась подходящая для зачатия масса. Демоны собирают также семя животных для своих скверных целей. 3) При подобном зачатии демонам дана возможность лишь местного перемещения семени, а не самого оплодотворения. Это последнее стоит вне власти демона или принятой им на себя личины тела. Оплодотворяющая сила исходит от того, у кого демон взял семя. Отсюда вытекает, что рожденное дитя не является ребенком демона, а ребенком человека.

Отсюда вытекает также и то утверждение, что демоны не могут породить по двум основаниям: 1) Потому что зачатие происходит чрез образующую силу, переходящую на семя того тела, из которого оно взято. Таким телом не может служить принятая демоном телесная личина. 2) Высказывается мнение о том, что семя сохраняет способность к зачатию постольку, поскольку в нем сохраняется тепло, полученное им от души. Семя же охлаждается вследствие дальнего перенесения с одного места на другое. Ответ на этот вопрос следующий: демоны могут конечно где-нибудь сохранять семя свежим без потери им жизненного тепла. Или же ответ гласит, что демоны столь быстро передвигаются, что семя не успевает охладеть.

Какими демонами совершается инкубат и суккубат?

Четвертый вопрос

Правоверно ли утверждать, что поступки инкубов и суккубов в равной степени свойственны всем нечистым духам? Некоторыми дается положительный ответ на этот вопрос, так как в противном случае пришлось бы признать у них известный порядок. Доказательства: 1) Как с понятием добра связано понятие меры и порядка, так и с понятием зла связано представление о беспорядке (смотри Августина „О природе добра"). У добрых ангелов нет никакого беспорядка. Следовательно, у злых духов не может быть порядка.

2) Отсюда и слово священного писания: „В страну, где нет порядка, но есть вечный ужас, и именно ужас бедствий и тьмы" (Иов, 10).

3) Если не все демоны без различия совершают подобные действия, то это происходит или вследствие природы демонов, или вследствие греха, или вследствие наказания. Но не по природе, так как все они без исключения могут грешить. Ведь по своей природе они нечистые духи, если и не нечистоплотные. Они большие распутники, алчные до вредительства, напыщенные от гордости и т. д. Поэтому здесь может иметь значение лишь или, грех, или наказание. В таком случае дело обстоит так: где грех больше, там и наказание больше.Выше стоящие ангелы согрешили больше. поэтому они обязаны в наказание чаще и больше свершать подобные скверны. Если это основание не подходит, то можно найти другое основание, почему они не все без различия совершают подобные поступки.

4) Там, где нет покорности и послушания, все поступают одинаково. У демонов мы не наблюдаем этих качеств. Ведь у них нет согласия, без которого эти качества невозможны (смотри Притчи, гл. 13: „Между гордыми всегда спор").

5) Все они будут брошены в судный день в ад, а перед тем они держатся в темном воздухе для вытворения своих чар. Мы нигде не нашли, что между ними существует неравенство относительно их конечной судьбы, поэтому нет у них и неравенства относительно обязанностей и искушений.

Против этих взглядов возразим глоссой на I Послание к коринфянам (15): „Сколь долго будет стоять мир, один ангел будет стоять выше другого, один человек выше себе подобного". В кн. Иова (11) говорится о чешуе Левиафана, под которой подразумеваются члены дьявола, что одна чешуя держится за другую. Поэтому у них имеется различие в порядке и образе действий.

Ежели утверждается кем-либо, что демоны чрез посредство ведьм совершают много отвратительных поступков или вследствие того, что им не препятствуют добрые духи, или вследствие того, что эти добрые духи несколько беспечны, то на это надо ответить: с божьего попущения могут совершаться некоторые злые дела нечистою силою или людьми. Если это злое дело приводит к хорошим последствиям, то духи света не полностью препятствуют демонам или злым людям заниматься вредительской деятельностью.

Ответ. Совершенно правоверно утверждать, что у демонов существует известный стройный порядок действий. Поэтому некоторые скверны творится низшими демонами, тогда как демоны, стоящие выше, вследствие своего более благородного мышления от этих поступков освобождены. Это находит свое оправдание в их природных свойствах, в божественной мудрости и в степени их собственной греховности.

Что касается оправдания этого порядка с точки зрения природных свойств демонов, то надо сказать следующее: не подлежит сомнению, что с начала создания мира одни ангелы по своей природе стояли выше, а другие ниже. Нет даже двух ангелов, стоящих на совершенно одинаковом уровне. Следуя указаниям Дионисия („О небесной иерархии", гл. 10), надо различать прежде всего три группы ангелов: высшие, средние и низшие. Смотри также слова святого Фомы (2, разд. 2). Грех не изменяет природных свойств, и демоны после своего падения не потеряли своих естественных дарований. Их поступки совершаются ими в зависимости от их природных свойств. Отсюда—такое большое разнообразие в их поступках и в их свойствах.

Это находит подтверждение в божественной премудрости, ничего не создающей в беспорядке. В Посл. к римлянам (гл. 13) читаем: „Что от бога, то приведено в порядок". Раз демоны посланы богом для исправления злых и для наказания осужденных, то их поступки по необходимости не беспорядочны.

Наша точка зрения оправдывается и степенью греховности демонов. Ведь они полагают причинить человеку больше зла при своих согласованных выступлениях. Поэтому, чем демоны сквернее, тем их проступки согласованнее.

Было уже сказано, что поступки обусловлены природными свойствами. Отсюда вытекает, что те демоны, чьи природные свойства стоят ниже, и в поступках своих подчиняются более высоко стоящим демонам. Так обстоит дело и в телесном мире. Тела низшего порядка (на земле) подчиняются телам высшего порядка (светилам небесным) во всех своих проявлениях. Демоны, различные друг от друга в силу своих естественных свойств, различаются друг от друга и в своих действиях, внешних и внутренних, в особенности относительно практики указанной скверны инкубов и суккубов.

Отсюда вытекает, что эта скверна совершается главным образом демонами низшего порядка, так как и среди людских поступков подобные мерзости считались бы самыми низкими и отвратительными.

Не является неуместным утверждать, что те демоны, которые пали до самого крайнего предела, и те, которые могут считаться последними среди них, посылаются несколько выше стоящими на эту скверну, которой они, как известно, занимаются с величайшим увлечением.

Надо обратить внимание и на то, что если в священном писании и говорится об инкубах и суккубах и о всевозможных неестественных пороках, не говоря уже о содомском грехе и всяком другом половом акте вне сосуда, предназначенного к этому, то нигде не говорится о согласии демонов с более высокими природными свойствами принимать участие в инкубате и суккубате. Это показывает всю греховную плодотворность этой скверны, от которой отшатываются выше стоящие демоны.

Некоторые говорят (и этому действительно верят), что никто, творящий усердно неестественный плотский грех по прошествии срока телесной жизни христа, а именно после 33 лет жизни, не может получить отпущения этого греха, кроме как по особой милости спасителя.

О существовании иерархического порядка между демонами говорят и их имена. Бесами, часто упоминаемыми в священном писании, управляет один главный дьявол. Слово дьявол (diabolus) происходит от „dia" (т. е. duo, два) и „bolus" (т. е. morsellus, укус, смерть), так

как он несет двойную смерть, а именно—телу и душе. В переводе с греческого слово это обозначает „замкнутый в темницу". Это тоже верно, т. к. ему не разрешается вредительствовать столько, сколько он хочет. Слово дьявол равнозначит слову „defluens" (растекающийся), т. к. он растекся и разбился и в буквальном, и в переносном смысле. Он называется также демон, т. е. пахнущий кровью, или вернее, пахнущий грехами, которых он столь жаждет. При их совершении он опирается на свои естественные качества, на многолетний опыт и на попущения добрых духов. Он носит также имя Belial, что значит „без'яремный", „без хозяина", так как он по мере сил противодействует тому, под чьим началом он должен состоять. Также и Beelsebub (Вельзевул) называется он, что в переводе значит—„муж мух". Ведь он муж грешных душ, покинувших своего действительного жениха—христа. Ему дается также имя Satanas (сатана) и Behemoth, т. е. зверь, т. к. он дает людям звериные наклонности. Действительный же демон блуда и князь инкубата и суккубата называется Asmodeus (Асмодей), а в переводе—„носитель суда". Из-за блуда ведь разразился ужасный суд над Содомом и Гоморрой и над другими городами. Демон заносчивости называется Lewiathan (Левиафан), т. е. „добавление", т. к. чорт при искушении Адама и Евы обещался добавить им богоподобие. Демон скупости и богатства носит название Mammon Маммон), о котором говорил христос (еванг. от Матфея, 6).

К возражениям: во-первых, добро может существовать без зла, но зло никогда не может существовать без добра. Ведь создания божии сами по себе хороши. Поэтому демоны, поскольку у них хорошие естественные свойства, распределяются по степеням этих свойств и своих поступков.

К указанному месту из книги Иова (гл. 10) можно прибавить, (что демоны, отосланные на греховные дела, находятся не в аду, а здесь, в пределах нашего темного земного воздуха. Поэтому-то они и имеют здесь иерархию, которая будет отсутствовать в аду. Можно также сказать, что если они выпали даже из этой иерархии, то у них не имеется больше никакой надежды на достижение блаженства. До известной степени даже и в аду будет у них известная иерархия и порядок в несении наказаний. Ведь одни из них будут отправлены на душевные мучения, а другие нет. Эта иерархия наказаний будет устанавливаться скорее богом, чем ими самими.

В-третьих, некоторые думают, что вышестоящие демоны, которые больше согрешили, должны были-бы строже наказываться и больше принуждаться ко скверне инкубов и суккубов. Это не верно. Наказание соответствует преступлению, но не естественным свойствам. Вот почему более высоко стоящие демоны избегают подобной скверны, а не потому, что им даются совершению другие наказания. Хотя все они—нечистые духи и стремятся к вредительству, но степени их различны в зависимости от природных свойств.

В-четвертых, между демонами царит единодушие, но не дружба. Злобой обуяны они к человеку и стремлением противодействовать божьей справедливости. Единодушие, подобное дьявольскому, мы находим у неверующих, об'единяющихся и повинующихся друг другу для своих злых целей.

В-пятых, хотя рабская цепь уготована в аду для всех демонов, но их природным свойствам не соответствуют одинаковые наказания. Наоборот. Чем выше их природные свойства, чем выше стоят они по иерархической лестнице, тем тяжелее их наказания. Поэтому в Кн. премудрости Соломона (гл. 6) говорится: „Сильные сильно будут истязаны",

Что касается вопроса о влиянии светил небесных, то лжеучения, связанные с ним, будут разобраны в нижеследующем, пятом вопросе.

Откуда берет начало преумножение чародейств?

Пятый вопрос

Католично ли во всех отношениях приписывать происхождение и рост чародейств или влиянию светил небесных, или размножению злобы людской, но не влиянию скверны инкубов и суккубов? Не представляется ли наиболее верным приписывать здесь злобе людской главное значение? Августин (в книге 9, вопр. 83) видит причину испорченности людей в их воле вне зависимости от того, испорчена ли она посторонним влиянием или самим человеком. Колдун портится грехом. Посему следует видеть причину этой испорченности не в чорте, а в человеческой воле. В книге о свободе воли Августин снова утверждает, что причина злобы человека коренится в нем самом. Ведь грех человека зависит от его свободной воли. Чорт не может изменить решения свободной воли человека, т. к. это противоречило бы свободе того. Значит, чорт не может быть здесь виноват. Кроме того, в книге „О церковных догматах" говорится: „Не все наши злые помыслы исходят от чорта. Они часто рождаются из движений нашей собственной воли".

Утверждается также, что чародейства возникают из влияния светил небесных и не идут от демонов. Как множество исходит из единства, так и многообразное из однообразного. Многообразны также поступки людей как с точки зрения пороков, так и с точки зрения добродетелей. Поэтому не представляется возможным свести их к какимто основным принципам. Лучше всего свести их к влиянию однообразных движений светил небесных.

Далее, ежели эти светила не влияли бы на поступки человека с их добродетелями и пороками, то астрологи не предсказывали бы столь верно действительный исход войн и других событий человеческой жизни. Поэтому светила небесные могут до известной степени считаться причиною этих событий.

Кроме того эти светила, по мнению всех богословов и философов, приводятся в движение духовными субстанциями, духами. Эти духи превосходят силы нашей души в той же степени, как светила превосходят наши тела. Поэтому, как духовные субстанции светил, так и их тела воздействуют на душу и тело человека, а значит и на его поступки.

Далее, светила небесные могут так повлиять на демонов, что они, а тем более люди, становятся способны к совершению различных чародейств. Так напр. люди, называемые лунатиками, мучатся демонами в известные промежутки времени больше, чем в другие. Этого демоны не могли бы делать, если бы они сами, в зависимости от фаз луны, не были к этому предрасположены. А некроманты производят свои заклинания демонов, выбирая перед этим благоприятные этому небесные констелляции. Они не делали бы этого, если бы не знали, что демоны подчиняются влиянию небесных светил.

По словам Августина („О граде божьем", 10) демоны вызываются с помощью известных низших тел, как, напр., трав, камней, животных, а также с помощью известных звуков, слов и знаков. Так как тела небесные имеют большую силу, чем низшие тела, то отсюда ясно, что демоны, не говоря уж о ведьмах, в еще большей степени нахо-

дятся под влиянием светил. Значит, поступки ведьм находятся в большей зависимости от светил, чем от помощи нечистой силы. Это учение находит себе опору в одном месте I Книги царств (16), где говорится, что Саул, мучимый демоном, находил лишь тогда облегчение, когда Давид играл ему на арфе, отчего злой дух покидал свою жертву.

На эти пункты надо возразить следующее: Невозможно говорить о поступке, не затрагивая его причины. Деяния же колдунов таковы, что они не могут совершаться без помощи демонов. Это явствует из описания чародейств у Исидора Севильского (Этимол., 8): „Колдунами они называются из-за значительности их проступков: они нарушают порядок элементов, помрачают дух человека и уничтожают, не применяя и капли яду, исключительно с помощью заклятий, души человеческие" и т. д. Такие дела не могут быть совершаемы человеком.

Кроме того Аристотель в своей „Этике" говорит: „Трудно сказать, что является в душе принципом деятельности". Он полагает, что этот принцип должен быть чем-то внешним. Ведь все, что происходит, имеет определенную причину. Человек начинает действовать потому, что он это хочет. Он начинает хотеть потому, что он перед тем рассуждает. Если же он перед тем рассуждает о каком-либо предыдущем рассуждении, то надо или вести эту цепь причин ad infinitum (до бесконечности), или найти какой-либо внешний принцип, первоначально толкающий людей к рассуждению, если не считать возможным утверждать, что все это совершается по установлению судьбы. Этот последний путь совершенно не основателен. Ведь тогда надо было бы сказать, что все деяния человеческие—фатальны. Значит, он хочет сказать: Причина к добру у доброго человека—это бог, который не является причиной греха. У злого же человека, если он начнет действовать, хотеть и думать о греховных делах, причину надо искать во внешнем принципе. Кроме чорта никакой другой причины быть не может. А светила небесные влияния оказывать не могут.

Кроме того, какой силе повинуется мотив поступка, такой же силе подчиняется и движение, так как оно зависит от мотива. Мотивом хотения служит нечто, воспринимаемое чувствами или рассудком, а чувства и рассудок находятся в подчинении власти демона. Ведь Августин говорит (83 вопрос): „Это зло (т. е. чорт) проникает чрез все пути чувств, рисуется в изображениях, приноравливается к цветам, льнет к тонам, лежит скрытым в гневе и в обманчивой речи, скрывается в запахах, проникает с испарениями и наполняет туманом все входы к рассудку". Отсюда ясно, что чорт может воздействовать на волю, являющуюся непосредственной причиной греха.

Далее, все то, что к чему либо склоняется, требует соответствующего толчка для своего окончательного определения. Свободная воля человека склоняется и к добру и ко злу. Значит, чтобы пойти по пути злых дел, человек должен быть побужден к этому каким-то началом. Злая воля чорта кажется нам причиной злой воли человека, в особенности у ведьм. Как добрый ангел направляет нас к добру, так и злой ангел—ко злу. Добрый—ведет людей к добру, а злой—ко злу.

Ответ. Так как вопрос о происхождении чародейств стоит в зависимости от учения о влиянии светил небесных, то мы опровергнем три лжеучения, разделяющие эту точку зрения, а именно: учения планетариев, генетлиаков и фаталистов. Прежде всего. Когда спрашивают, произошел ли порок чародеяния вследствие влияния светил небесных, надобно, принимая во внимание различные нравы и не нарушая при этом единую правду веры, решать вопрос следующим образом. Изменение нравов людей под влиянием звезд можно представить себе

двояко: или это изменение происходит по необходимости и охватывает всю совокупность нравов, или оно происходит частично и случайно. Первая точка зрения не только не верна, но и еретична, т. к. в таком случае и правда религии не существовала бы самостоятельно. Заслуги добрых дел свелись бы на-нет, милость божья должна была бы лишиться своего основания, вина грешника пала бы на звезды, безудержное колдовство должно было бы быть допущено без всякого порицания, а человек был бы принужден молиться на звезды.

Ежели говорится, что нравы только частично зависят от влияния светил, то это более соответствует правде, так как это не противоречит ни вере ни разуму. Очевидно, что различные состояния тела имеют большое значение при изменении афектов души. Ведь душа часто следует требованиям и предрасположениям тела. Поэтому холерики вспыльчивы, сангвиники любезны, меланхолики завистливы а флегматики ленивы. Но так обстоит дело не в силу необходимости. Ведь душа господствует над телом. Это происходит в особенности тогда, когда ей помогает милость создателя: многие холерики любезны, а многие меланхолики добродушны. Когда следовательно сила светил оказывает свое влияние на изменения состояния тела, то это до известной степени отражается на нравах. Но это не прямое воздействие, а косвенное. На нравах же сильнее отражается влияние более низкой природы, чем влияние светил. Поэтому-то Августин в своем „Граде божьем" (5) при решении одного вопроса о двух одновременно заболевших и выздоровевших братьях советовал искать причину не у астронома, а у Гиппократа. Что касается чародеяния, то надо сказать, что влияния созвездий до известной степени располагают к этому, если у ведьмы к этой скверне имеется уже склонность.

Если Аристотель в своем сочинении „О свойствах элементов" и говорит, что при констелляции Юпитера и Сатурна государства гибнут и страны вымирают, то это не противоречит нашей точке зрения. Ведь Аристотель не говорит, что люди при этой констелляции не могли противостоять междо усобицам, но он говорит, что они не хотели им противостоять. Ведь и Птоломей[1]) в „Альмагесте" говорит, что мудрый человек позволяет звездам руководить собою. Сатурн приносит меланхолию и злобу, а Юпитер добро. Их констелляция может возбудить междо усобицу. Но люди могут на основании своей свободной воли противостоять этому влиянию и именно с помощью милости бога.

Нижеприводимое место из Иоанна Дамаскина[2]) (11, 6) также не противоречит нашей точке зрения. Он говорит: „Часто появляются кометы и знамения, приводящие к смерти царей". Здесь ничего не говорится о необходимости воздействия на человеческие деяния. Дамаскин не полагает, что комета возникает естественным образом, что она причисляется к звездам, стоящим на небосводе, и что ее влияние естественно. Он говорит, что кометы не принадлежат к звездам, созданным с самого начала, а возникают в свое время по божьему приказанию и затем рассыпаются. Их возникновение и распадение совершаются с помощью ангелов.

---

[1]) Птоломей Клавдий—греческий геометр, астроном и физик, жил в Александрии во II в. Важнейшее из его сочинений „Великое собрание" известно под именем „Алмагест".

[2]) Иоанн Дамаскин—известный богослов восточной церкви, ум. около 754 г. Главное сочинение „Источник знания" состоит из диалектики, книги о ересях и изложения православной веры. 1-я и 3-я части переведены на русский язык.

И мнение философов нам не противоречит. Они утверждают, что комета—это горячее сухое тело, возникающее в верхней части воздуха, вблизи от огня, из темного и сухого пара последнего. Ядро этого пара образует как бы тело звезды, части же пара, находящиеся вокруг ядра, являются подобием волос (comae). В зависимости от этого положения комета не сама по себе причиняет смертность, а по своим привходящим свойствам, влекущим за собой горячие и сухие болезни. А так как богачи (цари и князья) питаются горячим и сухим, то многие из них в это время умирают. Это учение не противоречит и Дамаскину. Комета, возвестившая смерть святого Фомы, была образована с помощью ангела и рассеяна им же по миновании надобности.

Из всего вышесказанного видно, что светила ни в какой мере не господствуют над свободной волей, а следовательно и не над злобой и нравами людей.

Надо обратить внимание на то, что астрономы верно предсказывают события для одной определенной местности или для одного определенного народа. Ведь они черпают эти свои данные из звезд, которые больше влияют на главные поступки массы народной, чем на поступки отдельных личностей. К тому же большинство народа больше следует естественным афектам своего тела, чем единичный человек. Поэтому и влияние светил на народ в целом значительнее.

Что касается опровержения лжеучения генетлиаков и астрологов, почитающих богиню Фортуну, то об этом говорит Исидор Севильский („Этика" VIII, 9). Генетлиаками они называются потому, что наблюдают звезды, под которыми родился человек. Обыкновенно же их называют астрологами. По его мнению (там же, 2), слово Фортуна происходит от fortuitum (случай). Эта богиня как бы высмеивает деяния и стремления людей превратностями и случайностями судьбы. Поэтому она также называется слепой. Она бросается к каждому без разбора его заслуг. Это мнение Исидора. Верить в подобную богиню идолопоклонство. Противоречит также вере и учению философов утверждение, будто порча ведьмами тела людей и созданий божьих вообще происходит от богини Фортуны, и будто ведьмы созданы для того, чтобы заниматься колдовством. Кто хочет, пусть посмотрит сочинение св. Фомы „Сумма против язычников" (III, 87 и след.), где говорится об этом подробнее.

Тем, у кого этой книги не имеется под рукой, мы напомним из нее следующее: человек находится под влиянием трех причин, идущих с неба. Эти причины приводят в действие волю, рассудок и тело. Деятельность воли зависит непосредственно от бога, деятельность рассудка руководится ангелом, а деятельность тела—светилами небесными. Выбор и хотение добра зависят от бога, как это и говорится в Притчах (глава 21): „Сердце царя (здесь идет речь о царе, потому что он может с большей силой противодействовать, чем другие люди) находится в руке господа, и он направляет его, куда хочет".

Наша познавательная способность управляется богом через ангела. То, что исходит от тела, будь то внешнее или внутреннее действие, служащее человеку на потребу, управляется богом с помощью ангелов и через посредство светил небесных. Ведь святой Дионисий („О божеств. именах", 4) говорит, что светила являются причинами того, что совершается на земле, но эти причины не есть непреоборимая сила. Так как человек телесно стоит под влиянием небесных тел, по рассудку он подчинен ангелам, а по хотению зависит непосредственно от бога,—то может случиться, что человек, не слушая божь-

его внушения и увещания добрых ангелов и находясь под влиянием телесного афекта, склоняется к тому, к чему влекут его светила. Это приводит к тому, что и воля и рассудок попадают в тенета злобы и заблуждений.

Однако представляется невозможным попасть через посредство светил небесных в такие тенета заблуждений, в каких находятся ведьмы, хотя бы влияния этих светил приводили даже к кровопролитию, воровству, грабежу и к еще более отвратительным проступкам. В своем сочинении „О вселенной" Вильгельм говорит (и это подтверждается опытом): „Если общественная блудница посадит оливковое дерево, оно останется бесплодным. Если же его посадит добродетельная женщина, оно принесет плоды. Врач при врачевании, крестьянин при сеянии, солдат при атаке производят под влиянием соответствующих светил то, чего иные, производящие ту же работу, не могут свершить".

Что касается опровержения „случайности в событиях", то надо заметить, что существование судьбы (fatum) может быть понято только так, как этому учит католическая церковь. Всякое иное толкование—еретично. Если понимать судьбу, как язычники и некоторые астрологи, считающие, что изменение констелляций созвездий производит строго определенное изменение в нравах народных и что тот или иной становится колдуном, а другой—героем нравственности в полной зависимости от созвездий, под которыми он родился или был зачат, то это учение не только не верно, но и еретично и заслуживает проклятия. Ведь это учение уничтожает заслугу добрых дел и сводит на-нет милость божью, а также ведет к великому заблуждению, будто бы бог является причиной наших несчастий и т. п. Поэтому судьбу в этом смысле надо отрицать как несуществующую. Ведь и Григорий Великий (в „Поучениях") сказал: „Да будет чуждо сердцам верующих приписывать судьбе какое-либо значение".

Несмотря на сходство между только-что указанным учением и учением планетариев и именно вследствие несообразностей, вытекающих из них обоих, эти учения все же различны, так как влияние звезд и общее влияние семи планет все же отличаются друг от друга.

Если считать, что судьба имеет известное влияние на вторичные, а не на первичные причины, и способствует событиям, предначертанным богом, то в этом случае судьба—действительность. Здесь она представляется соединительным звеном между божьим провидением и его действием. Конечно это относится к таким явлениям, где эти вторичные причины имеют место, но не там, где они отсутствуют, как напр. создание душ, прославление и умножение благодати, хотя ангелы и могут принимать некоторое участие в излитии благодати, просвещая и приуготовляя разум и волю. Таким образом известная направляющая сила над действиями называется и промыслом и судьбой. Если эта направляющая сила лежит в боге, то она—промысл, если она влияет через посредство вторичных причин, то это—судьба. Так понимает это различие Боэций в своем „Утешении философии", 4, где он говорит о судьбе следующее: „Судьба—это присущее движущимся предметам установление, посредством которого промысл все приводит в правильный порядок".

Несмотря на это, святые учители церкви не хотели пользоваться словом „судьба", потому что они относили ее к влиянию светил небесных. Августин („О граде божьем", 5) говорит: „Ежели кто-нибудь захочет приводить в зависимость от судьбы дела человеческие из-за того, что он называет судьбою божью волю или силу, то пусть он удержит свое мнение при себе и прикусит язык".

Из сказанного вытекает сам собою ответ на вопрос, все ли стоит под властью судьбы и не стоят ли под ее властью также чародеяния ведьм. Ведь если судьбою называется направляющая сила, действующая чрез посредство вторичных причин для достижения предначертанных богом деяний, то эти вторичные причины действуют в соответствии с божьим предначертаньем. А то, что бог творит непосредственно, как напр. создание мира, прославление духовного начала и т. п., не является подвластным судьбе. В этом смысле и выражается Боэций в указанном месте, а именно, что то, что высшему божеству стоит ближе всего, не затрагивается судьбою. Поэтому чародейства ведьм, стоящие вне влияния вторичных причин, т. к. ведь чародейства идут вразрез с порядком в природе, подвластны в своем происхождении не судьбе, а другим причинам.

Чародеяния не совершаются движущим началом небесных миров. Отсюда вытекает, что подобные чародеяния не могут произойти от влияния светил небесных, как это ошибочно полагал Авиценна и его приверженцы, утверждавшие, что субстанции светил и движущие силы небесных миров и тел принадлежат к другому, более совершенному роду силы и что под влиянием колебаний души, в силу восприятия внешних впечатлений, собственное (иногда и постороннее) тело изменяет свое состояние. Напр.: Кто-либо, идущий по высоко лежащему бревну, легко упадет вниз из-за чувства страха перед падением. Но он не упадет, если пойдет по бревну, положенному на гладкую землю. Далее, вследствие простого восприятия души тело может разгореться, как это случается у злобных и у алчных, или оно может застыть, как это бывает у боязливых. Оно может измениться, достигая степени болезни, как, напр. лихорадки или сыпи, вследствие живого представления о подобных болезнях. Эти изменения могут происходить как на своем собственном, так и на постороннем теле, как в смысле заболевания, так и в смысле выздоровления. На этом основывает Авиценна свое учение о чародействах. Значит, по его мнению, поступки ведьм должны быть приписаны влиянию движущих сил миров (если и не прямо светилам небесным). Мы хотим к нашему ранее высказанному опровержению этой точки зрения прибавить, что движущие силы миров—духовные сущности и по своей природе и хотению принадлежат к доброму началу, что вытекает из их пользы для вселенной. Но творения, с помощью которых совершаются чародейства, если бы они по своей природе и имели в себе доброе начало, не могут в силу своего хотения быть добрыми. Поэтому эти обе сущности нельзя поставить на один уровень.

Что эти создания не могут быть добрыми в своей воле, вытекает из того, что они, споспешествуя началу, направленному против добродетели, не показывают признаков добронастроенного рассудка, как например мы это видим у колдуна. Как будет показано во второй части этой книги, колдунами совершаются: блуд, умерщвления детей и скота и многие другие преступления. Поэтому они называются malefici (зло творящими, т. е. колдунами), от слова maleficere (творит зло, колдовать). Что касается разумности таких натур, с помощью которых совершаются чары, то у них добродетели отсутствуют. Далее, нельзя считать признаком хорошо настроенного разума—близость к преступникам и оказывание содействия им, а не добродетеляным людям. Преступления колдунов используются преступными людьми, что видно по плодам их.

С помощью субстанций, приводящих в движение вселенную, всякое создание склоняется к добру, хотя бы привходящие явления

и портили его. Поэтому эти субстанции не могут быть первоначальной причиной деятельности ведьм.

Кроме того признаком добронастроенного разума служит то, что он ведет человека к собственному добру, т. е. к добру разума. А отвлечь его от этого пути и толкать его на наименее ценное добро —признак подлого рассудка. Этим последним путем люди не приобретают никаких ценных указаний в области знания и добродетелей, а только указания касательно обманов, грабежей и тысячи других подобных вредительств. Поэтому происхождение чар не может лежать в вышеуказанных сущностях, но зависит от какой-то другой недобродетельной силы.

Далее, не соответствует требованию действительного разума оказывать кому-либо помощь, прибегая для этого к преступлениям, как это имеет место у колдунов. Они отступают от веры и убивают невинных детей. Двигательное же начало миров небесных, по своей доброте, не может толкать их на это. Чары должны по необходимости исходить от силы, присущей какому-либо существу со злой волей. Такими существами являются демоны. Против этого утверждения выступает легкомысленное учение о том, что вследствие человеческой злобы и с помощью заклятий ведьмы, подкладывая в определенные места значки и опираясь на известную силу звезд, совершают гнусныя преступления чародейства. Таким образом, значит, когда чародей подложит какое-либо изображение или значок и скажет: „я делаю тебя слепым и хромым", то человек, на которого наводится эта порча, поражается этим недугом. В таком случае подобный чародей в силу звезд и в силу своего рождения под известными созвездиями получает несравнимое преимущество в силе перед другими людьми. Значит, если другие и научатся заклятиям и чародейному искусству, все же у них не будет никакого успеха. Все это надо хорошо осветить по пунктам.

Во-первых, утверждается, что подобные чародеяния возможны не вследствие человеческой злобы, хотя бы она была и вдвое больше существующей. Пусть злоба людская превратится в привычку, вследствие постоянного и сознательного упражнения. Пусть она будет случайной, которую называют грехом против святого духа. Ни в первом ни во втором случае она не может привести сама по себе к превращению элементов из одних в другие, к ранениям тел человеческих и звериных и т. д. Ведь то, чего человек без злобы (значит, при наличии ничем не преуменьшенной своей естественной силы) не может свершить, тем более не может им быть достигнуто в злобе, когда вследствие этой злобы естественная сила его уменьшилась. Человек становится слабее в своих добрых, естественных силах, вследствие содеянных им в злобе грехов. Ведь Дионисий („О божествен. именах" 4) говорит: „Зло есть естественный поступок привычки". И он говорит о зле греха. Поэтому никто не совершает злых поступков сознательно. Если же он все-таки так поступает, то это происходит вследствие какого-либо недостатка. Вот этому обоснование: как добро благодати относится к скверне природы, так относится и скверна греха к добру природы. Но через благодать божью скверна природы уничтожается, как сгорает фитиль свечи от огня. Значит, чрез грех уменьшается добро природы. Этому не противоречит существование чародеяний чрез посредство дурного глаза, ведущего к околдованию ребенка нежного сложения, или чрез посредство других приемов, вызывающих изменение состояния тел у людей и животных, переход одних элемен-

тов в другие, влекущих градобитие и т. п. Подробнее об этом у святого Фомы в его вопросах о зле, о том, может ли грех уничтожить добро природы, и т. д.

Скажем о деяниях ведьм. Узнав их действия, мы приблизимся к пониманию причин, их вызвавших. Все, что совершается по неизвестным нам полностью причинам, считается нами чудесным. Не зная причины чар ведьм, мы можем и их назвать чудесными. Ведь человеческими силами этих чар не произвести. Еще Августин (83 вопроса) сказал, что с помощью чародейств совершаются чудеса, подобные чудесам служителей божьих. И он прибавляет: „Колдуны совершают чудеса в силу частных договоров; добрые христиане—в силу общественной справедливости: дурные христиане—под знаком общественной справедливости". Это надо понимать следующим образом: божественная справедливость изливается на вселенную, как общественный закон на государство. Сила отдельного лица относится ко вселенной, как сила какой-либо частной личности к государству. Поэтому говорится: чудеса божественной справедливости выражаются у добрых христиан в чудесах общественной справедливости. Чародей же действует чрез договор, заключенный с дьяволом, который вследствие своей природной силы может кое-что совершить вне порядка созданной и нам понятной природы. Нам кажется это чудом, но это не есть чудо как таковое. Ведь в сущности только бог может совершать действительные чудеса, как это и сказано в писании: „Ты—бог, который один совершаешь великие чудеса". Дурные же христиане совершают чудеса знаками общественной справедливости, т. е. призыванием имени христа или исполнением некоторых таинств. Смотри у святого Фомы „Вопросы", 1, 111, 4, а также во второй части этой книги, глава 6.

Ни заклинаниями, ни словами, произнесенными при соответствующих констелляциях, невозможно произвести чар.

Заклинания, произнесенные над известными фигурками или значками в благоприятное по констелляции время, не могут привести к действительному чародеянию. Рассудок человека устроен так, что его познание происходит из впечатлений со стороны действительных или только воображаемых предметов, но своими словами он никаких предметов создавать не может. Он не может также словами изменять тела. Если бы такие люди существовали, они были бы людьми только по имени.

Если говорится, что чары производятся словами с помощью благоприятных констелляций при рождении этих чародеев, то здесь надо возразить, пользуясь теми же аргументами, какие были изложены при опровержении лжеучений планетариев, генетлиаков и фаталистов.

Слова выражают познание духа. Ни тела небесные, ни их движущее начало не могут воздействовать на ум. Слова могут лишь просвещать ум, но без всякого влияния светил. Это может случиться только для добрых дел, так как для злых дел требуется не просвещение ума, а его затемнение. Это последнее не может входить в обязанности добрых духов, а совершается злыми духами, слова которых влияют не в силу констелляций, а в силу какого-то разумного начала. Если бы оно и было по своей природе добрым, оно не могло бы быть добрым в силу своей злой воли, т. к. оно всегда стремится ко злу. Этим началом может быть только демон, как и было сказано выше.

Фигурки и изображения, употребляемые ведьмами, сами по себе не производят вредного действия, хотя бы они и были испещерены еще большим количеством знаков. Ведь они—дело рук человека. Светила производят естественные действия. Таковыми нельзя назвать

деяния колдунов, т. к. они ведут к нарушению заведенного в природе порядка. Значит, и эти изображения не оказывают влияния на чары.

Кроме того выше было указано, что изображения бывают двух родов: астрологические и магические. Первые из них употребляются для достижения личных преимуществ, но не для наведения порчи. Вторые же, употребляемые колдунами, служат для нанесения вреда живым существам и подкладываются в определенные места по требованию демонов, чтобы проходящие по ним или спящие на них потерпели известный ущерб. Это признается самими ведьмами. Значит, они вредительствуют через демонов, а не через посредство созвездий.

К возражениям.

Во-первых, слова Августина надо понимать так, что причина ухудшения человека вытекает из воли его, происходящей с божьего попущения, и вследствие напущения нечистого духа. Ведь Августин сказал „Энхиридион": „Чорт предрасполагает человека советами, он убеждает внутренне и побуждает также внешним образом. Он приказывает тем, которые полностью ему предались, как напр. ведьмам".

Во-вторых, каждый человек является причиной своей злобы. Если понятию свободной воли противоречит подчинение приказанию, то это противоречие отпадает, если речь идет о предрасположении человека внушением.

В-третьих, предрасположение к добродетели и к порокам может происходить под влиянием констелляций. Чары же колдунов, переходящие за пределы естественного порядка, не могут подчиняться этому влиянию.

В-четвертых, не подлежит сомнению, что человеческие поступки находятся в зависимости от небесных тел. Но поступки ведьм не могут быть признаны человеческими поступками.

В-пятых, движущее начало миров небесных оказывает влияние на души двояким путем: прямым и косвенным. Прямым—они воздействуют для просвещения в добре, а не для затемнения чародейными поступками. Косвенным—они действуют наподобие светил и предрасполагают к тому или иному поступку.

В-шестых, демоны беспокоят людей при росте луны вследствие того, что: 1) они хотят опозорить божье творение, и именно луну, как сказано у Иеронима[1]) и Златоуста, и 2) они не могут действовать без посредства естественных сил. Так как мозг, согласно учению Аристотеля, является наиболее влажной частью тела, то он больше всего подчинен влиянию луны, обладающей особенностью производить движение жидкости. В мозгу же совершенствуются силы души.

Вот почему при увеличении луны демоны волнуют воображение человека. Ведь они видят, что его мозг хорошо предрасположен к этому.

Относительно того, что демоны являются, когда их вызывают при соответствующих констелляциях, надо сказать, что это они делают по двум основаниям: 1) чтобы привить людям заблуждение, будто звездам присуща сила богов, и 2) потому, что они видят большее предрасположение телесной материи к тем или иным чародейным поступкам в зависимости от известных констелляций.

По словам Августина („О граде божьем", 36) демоны привлекаются

---

[1]) Иероним (340—420) церковный писатель западной церкви. Главный труд—перевод библии на латинский яз.; известно также его соч. „О знаменитых мужах"—исторический обзор христианской литературы.

различного рода камнями, травами, деревьями и животными, а также изречениями и музыкальными инструментами. Они устремляются на это не так, как звери на съедобное, но как духи, падкие до знаков глубокого почитания. Некоторые возражают, говоря, что травы и музыкальные гармонии мешают демонам вредить людям, как это и случилось с Саулом, излеченным от беса мелодией арфы, и что с помощью особых трав и проникновения в скрытые причины можно и без посредства демона, но при благоприятных констелляциях произвести чародеяния. Ответим на это, что травы и гармонии по своей естественной силе не полностью могут предотвратить раздражения, если на то не будет божьего или ангельского соизволения. Чорт может возбудить человека сильнее, если в последнем имеется предрасположение.

Для некоторых не подлежит сомнению, что травы и гармонии могут оказать сильное влияние на предрасположение тела. Относительно гармонии Аристотель сказал („Политика", 8), что различные гармонии могут вызывать в человеке различные страдания. Того же мнения Боэций[1]) в своей „Музыке".

Я же не вижу, каким образом травы и гармонии могут вызывать различные предрасположения, если на то не будет божьего попущения Естественным путем этого предрасположения вызвать нельзя. Однако случается, что чорту разрешается беспокоить человека исключительно лишь таким мелким раздражением, которое было бы полностью устранено через посредство какого-либо сильного предрасположения. При этом травы или гармонии могут так предрасположить к этому человека, что указанное беспокойство полностью устраняется. Напр. чорт может подобным беспокойством навести некоторую тоску и грусть на человека, которую легко уничтожить травами или гармонией.

Когда Августин („О христианском учении", 2) предает проклятию лигатуры и тому подобные предметы, то это происходит потому, что их естественная сила без волшебства не производит действия.

Что же касается Саула (I Кн. царств, 6), чувствовавшего облегчение от демона, когда Давид играл на арфе, то это происходило вследствие естественной силы гармонии, утешавшей уныние Саула постольку, поскольку эта гармония до некоторой степени удерживала его от его злых помыслов. А злой дух отступал от него в силу крестного знамения, что достаточно ясно видно из следующей глоссы: „Давид был опытен в мелодичном пении, знал различные гаммы и был сведущ в музыкальной игре. Давид сдерживал злого духа не вследствие того, что арфе присуща большая сила, а из-за знамения креста (распятого), которое получалось на дереве арфы вместе с натянутыми на него струнами, т. е. жилами. Уже в то время это прогоняло беса".

О ведьмах, предающихся демонам.

Шестой вопрос

Относительно ведьм, отдающих себя во власть демонам, возникает ряд трудно разрешимых вопросов, сводящихся к тому, как приступает демон к этой скверне. Наметим тут следующее: 1) О демонах и о составных частях телесного облика, принимаемого ими.

[1]) Боэций (475—525)—философ и государственный деятель при короле остготов Теодорике, перевел на латинский яз. логические сочинения Аристотеля. Наиболее известно сочинение Боэция, написанное им в тюрьме,—„О философском утешении".

2) О половом акте и о том, всегда ли он сопровождается извержением семени, взятого от постороннего лица. 3) О времени и о месте этого акта и о том, нет ли у демона определенного времени для этого. 4) Видим ли он при этом окружающими? Посещаются ли те из ведьм демоном, которые произошли от подобного непотребства, или те из них, которые были переданы дьяволу повивальными бабками в момент рождения? Чувствуют ли они любовное наслаждение от полового акта с демоном? На эти вопросы мы дадим исчерпывающие ответы во второй части книги. А теперь остановимся на вопросе, почему у немощного пола этот род скверны более распространен, чем среди мужчин. Прежде всего рассмотрим главные свойства женщины. Это будет первый пункт. Второй пункт коснется того, какие женщины чаще всего склоняются к суеверию и к колдовству. Третий будет говорить о повивальных бабках, превосходящих всех женщин по части злобы.

Почему женщины более склонны к колдовству?

Относительно первого пункта, а именно, почему среди немощного пола так много ведьм, у нас есть, кроме свидетельств священного писания и людей, заслуживающих доверия, еще житейский опыт. Мы хотим сказать, не подвергая презрению всего немощного пола (чрез который бог всегда творил великое, чтобы привести в смятение сильный пол), что в суждении о женщинах мнения в сущности не расходятся. Поэтому для увещевания женщин и для проповедей им эта тема весьма подходяща. Они с любопытством послушают об этом, если только проповедь протечет в скромном тоне.

Некоторые ученые говорят: имеются на свете три существа, которые как в добре, так и во зле не могут держать золотой середины: это—язык, священник и женщина. Если они перейдут границы, то достигают вершин и высших степеней в добре и зле. Если над ними господствует добро, то от них можно ожидать наилучших деяний. Если же они попали под власть зла, то ими совершаются наискверн ейшие поступки. О языке известно, что с его помощью большинство государств приняло христианство. Поэтому святой дух и появился апостолам в виде огненного языка. А основатель и отец ордена проповедников (доминиканцев) изображался в виде лающей собаки, несущей в пасти зажженный факел, чтобы он и до сегодняшнего дня прогонял своим лаем еретических волков от стад овец христа.

Из житейского опыта мы знаем, что язык одного умного человека может предотвратить смерть бесчисленного количества людей. С полным правом Соломон в своих притчах (10) говорит: „В устах разумного находится мудрость". И далее: „Уста праведника поучают многих; а глупые умирают от недостатка разума". Причина этому приведена там же (гл. 16): „Дело человека подготовить дух, а бог будет управлять языком".

Относительно духовенства (под ним надо понимать клириков и монахов обоего пола) вспомним слова Иоанна Златоуста. В глоссе к евангельскому тексту об изгнании торгашей из храма, он говорит: „Как все хорошее, так и все дурное идет от пастырства". А Иероним („Послание к Непоциану") изрекает: „Избегай, как чумы, духовного ростовщика, ставшего из бедняка богачом и из неизвестного ставшего известным". Святой Бернард Клервоский („Собеседование" 23 на Песню песен), ведя речь о духовных лицах, говорит: „Если явный еретик восстает, то он выталкивается и погибает. Если дикий враг делает то же, то от него, пожалуй, и добрые станут скрываться. Теперь же (когда на добрых нападают духовные лица) как их изгнать?

Как от них спрятаться? Все—друзья и в то же время враги; все свои люди, но не миролюбцы; все—наши ближние, но каждый ищет своего". А в другом месте: "Наши прелаты стали Пилатами, хранители душ стали хранителями своего золота". Бернард говорит также о настоятелях монахов, налагающих на своих подчиненных тяжелый труд, но не желающих помогать им ни в чем. Григорий Великий (в своем „Пастыре") утверждает: „Никто в церкви не вредит так много, как тот, который, имея священный сан, поступает неправильно. Никто не решается бросить ему обвинение. Проступок становится еще больше, если грешника продолжают почитать из уважения перед его саном".

Что касается злости женщин, то в Книге сына Сирахова (гл. 25) говорится: „Нет ничего хуже злобы женщины. Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой". В дополнение к этому там же говорится: „Всякая злость мала по сравнению со злостью женщины". Поэтому-то Иоанн Златоуст[1]) в поучении на евангелие Матфея (гл. 10) увещевает: „Жениться не подобает. Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожделенное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, из'ян природы, подмалеванный красивой краской? Если отпустить ее является грехом и приходится оставить ее при себе, то по необходимости надо ожидать муку. Ведь отпуская ее, мы начинаем прелюбодеять, а оставляя ее, имеем ежедневные столкновения с нею". А Туллий (в своей „Реторике" 2) утверждает: „Мужчины влекутся к позорным деяниям многими страстями, а женщин же ко всем злодеяниям влечет одна страсть: ведь основа всех женских пороков—это жадность". А Сенека в своих трагедиях произносит: „Женщина или любит, или ненавидит. Третьей возможности у ней нет. Когда женщина плачет—это обман. У женщин два рода слез. Один из них—из-за действительной боли; другой—из-за коварства. Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом".

О хороших же женщинах идет большая, хорошая слава. Они делают мужчин счастливыми и спасают народы, страны и города. Всем известны высокие поступки Юдифи, Деворы и Эсфири. Поэтому апостол в I Послании к коринфянам (гл. 7) и говорит: „Если женщина имеет мужа и он хочет с ней жить, то она не должна уйти от него. Неверующий муж освящается верующей женою". В Книге сына Сирахова (гл. 25) читаем: „Блажен муж хорошей жены, и число дней его—сугубое". Много похвального говорит он там на протяжении всей главы о хороших женщинах. А в притчах Соломона о таковых женщинах говорится в последней главе.

В новом завете их не менее хвалят, упоминая о девственницах и о других святых женщинах, привлекших языческие народы и государства к свету христианской религии. Прочти Викентия „Зерцало истории" (XXVI, 9), о венгерском государстве и о великой христианке Гилии, а также о франкском государстве и о девственнице Клотильде, обрученной с Хлодвигом. Много чудесного найдешь ты там.

Когда женщину хулят, то это происходит главным образам из-за ее ненасытной страсти к плотским наслаждениям. Поэтому в писании и

[1]) Иоанн Златоуст,—церковный писатель и проповедник, род. ок. 344, ум. в 407, архиепископ константинопольский; автор многочисленных сочинений. Сочинения Златоуста—излюбленное чтение в древней Руси. Все сочинения Златоуста переведены на русск. яз.

сказано. „Я нашел женщину горче смерти, и даже хорошая женщина предалась страсти к плотским наслаждениям".

Мыслители приводят и другие основания тому, почему женщины более чем мужчины склонны к суеверию. Они говорят о трех основаниях: 1) Они легковерны. Демон ищет главным образом испортить веру человека. Этого легче всего достигнуть у женщин. 2) Они скорее подвержены воздействию со стороны духов вследствие естественной влажности своего сложения. 3) Их язык болтлив. Все что они узнают с помощью чар, ими передается подругам. Так как их силы не велики, то они ищут отомстить за обиды с помошью колдовства.

Некоторые мыслители приводят еще другие основания, о которых проповедники должны говорить с осторожностью. Хотя в ветхом завете о женщинах и говорится больше нехорошего, чем хорошего, из-за первой грешницы Евы и ее подражательниц, однако вследствие позднейшего изменения слова Евы в „Ave" (радуйся) в новом завете из-за благодати Марии—надо проповедывать и говорить много похвального о женщинах, как и говорит Иероним: „Все, что грех Евы принес злого, то благо Марии подвергло уничтожению". Несмотря на это, из-за скверны колдовства, распространяющейся в последнее время более среди женщин, нежели среди мужчин, мы должны сказать, после точной проверки материала, что женщины имеют недостатки как в душе, так и в теле, и что нет ничего удивительного в том, что они совершают больше позорчых деяний. Они рассуждают и иначе понимают духовное, чем мужчины. Здесь мы сошлемся на авторитеты. Теренций[1]) говорит: „У женщины рассудок легок, почти как у мальчиков". Лактанций[2]) („Институции", 3) утверждает: „Ни одна женщина, кроме Теместы, никогда не понимала философии". В притчах Соломона (гл. 11) приводится как бы описание женщины: „Красивая и беспутная женщина подобна золотому кольцу в носу у свиньи". Ведь женщина более алчет плотских наслаждений, чем мужчина, что видно из всей той плотской скверны, которой женщины предаются. Уже при сотворении первой женщины эти ее недостатки были указаны тем, что она была взята из кривого ребра, а именно—из грудного ребра, которое как бы отклоняется от мужчины. Из этого недостатка вытекает и то, что женщина всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное. Ведь Катон[3]) сказал: „Если женщина плачет, то она конечно готовит козни". Также говорится: „Если она плачет, то она хочет ввести мужа в заблуждение". Это видно по жене Самсона, которая разными способами досаждала мужу, пока не узнала его тайны и не кинула его, передав этот секрет своим единомышленникам. По примеру первой женщины видно, что женщины маловерны. Ведь на вопрос змея, почему Адам и Ева не вкушают от плодов всех деревьев рая, Ева ответила: „Мы едим плоды от всех деревьев, кроме" и т. д. „чтобы мы, что может случиться, не умерли". Этим она показала, что у ней не было веры в слова бога. Это явствует и из этимологии слова „Femina" (женщина), происходяшего от „Fe" (Fides—вера) и „minus" (менее). Таким образом слово „Femina" значит—имеющая меньше веры. Ведь у ней всегда меньше веры. Это зависит от ее естественной склонности к легковерию, хотя вследствие божьей благодати.

---

[1]) Теренций, Варрон (116—27 до нашей эры)—римский философ.

[2]) Лактанций, Цецилий Фирмиан (ум. 326)—церковный писатель, гл. соч. „Божественные институции" (наставления) в 7 книгах.

[3]) Катон, мнимый автор сборника нравственных сентенций на латинском яз. III в.; в средние века сборник играл большую роль, как руководство.

и природы у высокоблагословенной девственницы Марии вера никогда не колебалась, чего нельзя сказать о всех мужчинах времени страстей христовых.

Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством.

Что касается другой силы души—воли, то скажем о женщине следующее: когда она ненавидит того, кого перед тем любила, то она бесится от гнева и нетерпимости. Такая женщина похожа на бушующее море. Разные авторитеты говорят об этом. Вот Экклезиаст (гл. 25): „Нет гнева больше гнева женщины". Сенека (Трагед. 8): „Ни мощи огня, ни силы бури, ни удара молнии не надо столь бояться, как горящего и полного ненависти дикого гнева покинутой супруги". Вспомним здесь и гнев женщины, которая возвела на Иосифа ложное обвинение и заставила бросить его в темницу вследствие того, что он не хотел впасть с нею в грех прелюбодеяния (Бытие, 30). Немаловажное значение для увеличения количества ведьм надо приписать жалким раздорам между замужними и незамужними женщинами и мужчинами. Так обстоит дело даже среди женщин, посвятивших себя богу. А среди других женщин? В Книге бытия ты увидишь всю нетерпимость и зависть Сары к Агари (Бытие, 21), Рахили к Лии (Бытие, 30), Анны к Феннане (Царств, 1), Мариами к Моисею (Числ., 12), Марфы к Магдалине (Лука, 10), которая сидела, когда Марфа прислуживала.

Понятно поэтому, почему Фороней, греческий король, в день своей смерти сказал своему брату Леонтию: „ Мне ничего недоставало бы до высшего счастья, если бы отсутствовала женшина". На это Леонтий: „Как может женщина мешать счастью?" Король ответил: „Все женатые мужчины знают это". Когда Сократа спросили совета—жениться или не жениться, он сказал: „Если ты не женишься, то тебя приютит одиночество мыслителя. Твой род исчезнет. Чужой, наследник возьмет твое состояние. Если же ты женишься, то у тебя будут вечные раздражения, жалобы и споры, укоры о приданом, злые морщины на челах родственников, болтливый язык тещи, наследники от чужого брака, сомнительные виды на будущее для своих собственных детей". Это было им сказано из собственного опыта. Иероним (Против Иовиниана) рассказывает об этом следующее: У Сократа было две жены, характер которых он выносил с величайшим терпением, но все же не мог освободиться от их окриков, укоров и злоречия. Однажды, когда они снова на него напали, он вышел, чтобы избежать раздоров, и сел перед домом. Видя это, женщины вылили на него грязную воду. На это философ, не раздражаясь, сказал: „Я знал, что после грома следует дождь". О другом муже рассказывают следующее: его жена утонула в реке. Ища ее труп, чтобы извлечь его из воды, он шел вдоль берега, против течения. Спрошенный, почему он ищет вверх, а не вниз по течению, он ответил: „При жизни жена всегда все делала наперекор. Может быть, она и после своей смерти будет поступать так же".

Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных афектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм.

В их натуре—никому не подчиняться, следовать своим собственным вушениям. Поэтому Теофраст говорит: „Если ты предоставишь

к ее услугам целый дом, а за собой оставишь лишь какое-либо право голоса, то она будет думать, что ей не доверяют. Она начнет вступать в споры. А если ты не поторопишься ей уступить, она приготовит яд и будет искать помощи у кудесников и ясновидцев". Отсюда—чародеяния.

Как выглядит господство женщины, смотри у Туллия („Парадоксы"): „Тот ли свободен, кому жена приказывает, диктует законы, разрешает, запрещает по своему усмотрению и не дает права возразить? Я думаю, что такого мужа можно назвать рабом, заслуживающим сожаления, хотя бы он и был из уважаемой семьи". Поэтому и Сенека в лице неистовой Медеи говорит следующее: „Чего ты колеблешься? Следуй счастливому натиску. Сколь велика месть, в которой ты находишь свою радость" и т. д. При этом Сенека показывает, что женщина не позволяет руководить собою, а хочет действовать по своему собственному усмотрению. Они сами накладывают на себя руки, если они могут отомстить. О подобной женщине Лаодикее Иероним рассказывает в своей книге о Данииле. Эта Лаодикея, жена короля Антиоха из Сирии, ревнуя его к Веренике, другой его жене, умерщвляет сначала соперницу и ее сына от Антиоха, а потом отравляется и сама.

Почти все государства были разрушены из-за женщин. Троя погибла из-за похищения Елены. Многие тысячи греков нашли там смерть. Иудейское государство претерпело много невзгод и разрушений из-за скверной царицы Иезавели и ее дочери Гофолии, царицы в Иудее, которая умертвила своих внуков, чтобы царствовать после смерти сына. Обе эти женщины были в свою очередь умерщвлены. Много напастей испытало Римское государство из-за Клеопатры, египетской царицы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы.

Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь испытала неисчислимый вред. Поэтому мы можем с полным правом утверждать вместе с Катоном: „Если бы мир мог быть без женщин, мы общались бы с богами". И действительно, мир был бы освобожден от различнейших опасностей, если бы не было женской злобы, не говоря уже о ведьмах. Валерий писал Руфину: „Ты не знаешь, что женщина—это химера, но ты должен знать, что это чудовище украшено превосходным ликом льва, обезображено телом вонючей козы и вооружено ядовитым хвостом гадюки. Это значит: Ее вид красив, прикосновение противно, сношение с ней приносит смерть".

Ее другое свойство—это голос. По природе женщина лжива. Она лжива и в разговоре. Она жалит и ласкает в то же время. Поэтому ее голос сравнивается с голосом сирен, привлекающих проезжих своими сладкими мелодиями и затем убивающих их. Они убивают, т. к. опустошают денежные мешки, крадут силу и заставляют презирать всевышнего. Еще раз Валерий к Руфину: „Цветок любви—роза. Ведь под ее пурпуром скрываются шипы". Притчи Соломона: „Мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее. Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый".

А как она ходит и себя держит? Это - суета сует. Не найдется ни одного мужчины, который так старался бы угодить господу, как старается женщина—будь она не совсем уродом—понравиться мужчине. Примером этому может служить Пелагея, ходившая разряженной по Антиохии. Когда ее увидел святой отец по имени Ноний, он начал плакать и сказал своим спутникам, что он за всю свою жизнь не

выказывал такого усердия служить богу, какое показывает Пелагея понравиться мужчинам. Святому старцу в конце концов удалось обратить эту отвратительную грешницу на истинный путь.

Такова женщина, на которую горько жалуется церковь и о которой Экклезиаст (гл. 7) говорит следующее: „Я нашел, что женщина горче смерти, она—петля охотника. Ее сердце—тенета, а ее руки—оковы. Кто угождает богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен". Она горче смерти, т. е. дьявола.

Она горче смерти, т. к. смерть естественна и уничтожает только тело. Грех же, начатый женщиной, умерщвляет душу чрез лишение благодати божьей, а также и тело в наказание за грех.

Она горче смерти, т. к. смерть тела—явный, ужасный враг. Женщина же—скрытый, льстивый враг. Их сердце—тенета, т. е. неизмерима злоба, господствующая в их сердце. Их руки—оковы. Когда они участвуют в наведении порчи на живые существа, они достигают того, к чему стремятся с помощью дьявола.

Подведем итоги: Всё совершается у них из ненасытности к плотским наслаждениям. Притчи Соломона говорят (предпосл. гл.): „Троякое ненасытимо..." и т. д., „...а четвертое—это то, что никогда не говорит: „Довольно", и именно отверстие влагалища". Вот они и прибегают к помощи дьявола, чтобы утишить свои страсти. Можно было бы рассказать об этом подробнее. Но для разумного человека и сказанного довольно, чтобы понять, почему колдовство более распространено среди женщин, чем среди мужчин. Поэтому правильнее называть эту ересь не ересью колдунов, а ересью по преимуществу ведьм, чтобы название получилось от сильнейшего. Да будет прославлен всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать. Поэтому он и отдал нам такое предпочтение.

Какие женщины главным образом предаются колдовству?

Относительно того, какие женщины преимущественно занимаются колдовством, надо сказать следующее. Среди скверных женщин господствуют три главных порока, и именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Эти-то женщины и предаются чародеяниям. Последний из указанных пороков особенно распространен среди подобных женщин. Согласно Экклезиасту, он ненасытим. Поэтому, чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем неудержнее клонятся они к чародеяниям. Таковыми являются прелюбодейки, блудницы и наложницы вельмож. Их колдовство имеет семь видов, как говорится в булле „Summis desiderantes", и касается поражения чарами способности любовного соития и зачатия во чреве матери. Вот эти виды: 1) Они воспламеняют сердца людей к чрезвычайно сильной любви. 2) Они препятствуют способности к деторождению. 3) Они удаляют органы, необходимые для этого акта. 4) С помощью волшебства они превращают людей в подобия животных. 5) Они делают женщин бесплодными. 6) Они производят преждевременные роды. 7) Они посвящают детей демонам, не говоря уже о других многочисленных порчах, наводимых ими как на животных, так и на полевые злаки. Об этом мы поговорим после. Теперь же мы приведем основания, которыми руководятся ведьмы при своих чародеяниях. Прежде всего о возбуждении чрезвычайно сильной любви или ненависти. Говоря о кознях ведьм, святой Фома (раздел IV, 34) приводит эти основания и указывает, почему бог предоставил чорту больше власти

в области полового соития, чем в других областях человеческих действий. Вот его рассуждение: первое греховное падение человека, приведшее его под ярмо чорта, произошло из-за полового акта. Хотя брак и был впоследствии освящен богом, все же временами он разрушается чортом. Это, правда, не происходит путем дьявольского насилия: в противном случае дьявола надо было бы считать существом более сильным, чем бога. Это, влияние силы нечистого происходит с божьего попущения и распространяется на временные или постоянные препятствия к совершению супружеского акта.

Опыт показывает, что ведьмы производят бесчисленное множество любовных чар среди людей различнейших состояний, возбуждая любовь, доводя ее до любовного исступления и мешая им слушать доводы разума. Это грозит уничтожением веры и усугубляется тем, что эти ослепленные препятствуют начинать процессы против ведьм. А отсюда—ежедневный рост и распространение сей скверны. О, если бы опыт совсем не учил нас этому! Однако мы знаем, что ведьмами возбуждается в таинстве брака такая неприязнь между супругами и такое охлаждение в области полового соития, что они не в состоянии заботиться о потомстве через исполнение своих супружеских обязанностей.

Могут ли ведьмы возбуждать в сердцах людей любовь или ненависть?

Седьмой вопрос

Спрашивается, могут ли демоны через посредство ведьм воспламенять в сердцах людей глубокую любовь или ненависть? На основании вышесказанного на этот вопрос дается отрицательный ответ.

1) У человека имеются воля, рассудок и тело. Волею руководит сам бог, т. к. сказано: „сердце царево в руке божией". Рассудок просвещается его ангелом, а тело находится под влиянием светил небесных.

2) Демоны не могут, преобразуя тела, находиться внутри них, а тем паче в душе и возбуждать там любовь и ненависть. Ведь у них по природе больше власти над телом, чем над духом. Уже выше было доказано, что они не способны преобразовывать тела, если нет другого действующего начала. Об этом говорится в каноне Епископи, XXVI, 5: „Кто верит, что какое-либо существо может перейти из одного состояния в другое, кроме как с помощью творца вселенной, тот хуже язычника и неверного".

3) Каждое действующее начало узнает свое действие из образа мыслей изменяемого создания. Если бы, значит, чорт мог возбудить к любви или к ненависти сердца людей, он мог бы узнать мысли души, что однако идет вразрез с указанием книги „О церковных догматах", определенно гласящим: „Чорт не может видеть мыслей". Там же читаем: „Не все наши злые мысли возбуждаются чортом; они время от времени подымаются из движений нашей свободной воли".

4) Любовь и ненависть вытекают из нашей воли, коренящейся в душе. Поэтому никаким искусством чорт их вызвать не может. Проникнуть в душу, как говорит Августин, может лишь тот, кто ее создал.

5) Если говорится, что чорт может воздействовать на внутренние чувства человека и таким образом оказывать влияние на душу,

то это рассуждение неверно. Чувствования имеют большее значение, чем силы, питающие и создающие тело. Чорт не в состоянии создать мяса и костей. Значит, он не в состоянии воздействовать и на чувствования.

Против этого могут возразить: чорт должен искушать людей не только зримо, но и незримо. Было бы неверно, если бы он не мог оказывать влияния на чувствования. К тому же Иоанн Дамаскин в своих „Сентенциях" говорит: „Вся злость и скверна выдуманы чортом". А Дионисий („О божеств. именах", 4) утверждает: „Сонмища демонов причинили зло и самим себе и другим".

На это надо ответить исследованием: 1) понятия причинности и 2) возможности воздействия на чувствования.

Что касается первого пункта, то причины могут быть прямыми и косвенными. Косвенными—когда какое-нибудь действующее начало оказывает влияние на действие. Таким образом мы можем сказать, что человек, пилящий дрова, является косвенной причиной, т. е. дает повод к их сжиганию. Также мы можем сказать, что чорт—причина всех наших грехов. Ведь он побудил первого человека ко греху, что привело весь род человеческий к известной склонности творить грехи. Вот в каком смысле надо понимать слова Дамаскина и Дионисия.

Прямой причиной мы называем такую, которая оказывает непосредственное действие. В этом случае нельзя чорта рассматривать, как причину каждого нашего греха. Ведь не все грехи совершаются по наущению чорта. Некоторые из них проистекают из свободной воли и плотской испорченности. Правильно говорит Ориген[1]): „Если бы чорта и не было, люди имели бы стремление к пище, любовным наслаждениям и т. п. Злоупотребления этим весьма часты главным образом из-за испорченности природы человеческой, если нет препоны ей в разуме". Обуздание этих страстей зависит от свободной воли человека, над которой у чорта мало власти.

Различение прямых и косвенных причин не об'ясняет нам, каким образом возбуждается пагубная любовь или любовное исступление. Чорт не может добиться этого прямым воздействием, приневоливая здесь человека. Но он может искушать и убеждать его. Это происходит двумя способами: зримо и незримо. Зримо — когда он является ведьмам в человеческом облике, говорит с ними по-человечьи и убеждает совершить грех, как искушал он прародителей в раю и христа в пустыне. Незримо — когда он действует внутренним увещеванием и внушением, подобно добрым ангелам, влияя на ум, на чувствования или на внешние чувства и предрасполагая к совершению того или иного поступка. Если ангел освещает действительное положение вещей, показывает правду и предостерегает от обмана, дьявол как раз хочет обмануть человека, скрывая от него правду и действуя внушением. Это внушение происходит через посредство присущей духам силы перемещать материю и изменять ее свойства. С помощью этой силы демоны через жрецов фараона превратили жезлы в действительных змей. Этим же перемещением материи об'ясняются явления в области воображения человека и внутренних чувствований, которые производят разные представления и побуждают даже к самым резким поступкам. Сюда же относится появление разных образов в сновидениях: когда человек спит, кровь спускается

---

[1]) Ориген (185—254)—христианский богослов и философ; во многих своих взглядах расходится с христианством, почему и был осужден как еретик на константинопольском соборе (541 г.). Гл. сочинение „О началах" переведено на русск. яз.

ко главному центру чувств; вместе с ней спускаются и впечатления о свершенных действиях тела, уплотняются там в ином порядке и образуют то хранилище образов, из которого черпается содержание сновидений при приведении его в движение духами.

По словам Авиценны („О душе"), человек имеет пять внутренних чувств: общее чувство, фантазию, воображение, суждение и память. Святой Фома насчитывает только 4 таких чувства, ибо он считает воображение и фантазию за одно. Говорят, что фантазия—хранилище образов. Может показаться, что это память. Но надо указать на то, что фантазия—хранилище воспринятых форм. Память же—хранилище суждений, не воспринимаемых внешними чувствами. Кто видит волка, тот спасается от него не вследствие отвратительной формы его или его цвета, воспринимаемых внешними чувствами и сохраняемых в фантазии, а вследствие того, что волк—враг его природы. Это происходит из-за способности суждения, определяющей волка, как врага, а собаку, как друга. Хранилище этой способности суждения находится в памяти.

Как сновидения, так и видения в бодрствующем состоянии обусловлены появлением различных образов из области памяти, вследствие определенного движения крови и соков под влиянием действия духов. Когда эти духи—демоны,—то появляющиеся образы можно назвать внутренним искушением.

Отсюда явствует происхождение любовной пагубы, возбуждаемой образами, подымающимися из хранилища человеческих восприятий. Демоны действуют тут двояко: или они не затемняют рассудка, или затемняют его. К этому можно привести примеры из опытов над пьяницами и над людьми, страдающими мозговыми заболеваниями. Затемнение рассудка происходит или без посредства ведьм и колдовства, или через это посредство.

Мы знаем одну старуху, которая наводила последовательно подобное любовное исступление на трех аббатов одного монастыря, о чем свидетельствуют все монахи оттуда. Она не только навела на них эти чары, но и убила их. Четвертого она свела с ума, в чем она и призналась, причем об'явила: „Я это действительно совершила и буду и впредь так поступать. Они будут продолжать любить меня, ибо они много с'ели моих испражнений". И, протянув руку, показала при этом количество. Я признаюсь, что у нас нехватило власти наказать ее. Поэтому она все еще жива.

Дьявол может вводить людей в искушение, пользуясь также их предрасположениями. Ведь тело, предрасположенное к похоти или к гневу, легче поддается внушениям, связанным с этими страстями.

Не легко проповедывать народу на вышеуказанные темы. Надо тут давать об'яснения общепонятным языком.

Прежде всего пусть проповедник изложит народу, католично ли утверждать, что ведьмы могут возбуждать любовь мужчин к чужим женам до такой степени, что их не отвратить от этой пагубной страсти ни ударами, ни словами, что они чувствуют даже ненависть к своим законным женам, что они не в состоянии исполнять свои супружеские обязанности для увеличения потомства и что они темной ночью по пустынным дорогам бегут иногда к своим возлюбленным.

Надо затем говорить о любовном исступлении, а потом о наведении порчи на зачатие при половом соитии.

Во-первых: хотя демон, как таковой, и не может воздействовать на человека вопреки его рассудку и воле, с божьего попущения однако это представляется возможным. Пусть проповедник сошлется

на книгу Иова 2, где бог говорит демону: „Вот в твоей руке Иов", но прибавляет: „Его же души не тронь". Основание: бог дал демону власть над всеми из тела происходящими силами, над пятью внешними и четырьмя внутренними чувствами.

Демон может воздействовать не только на наши восприятия, но и на наш рассудок, затемняя его. Он может также воздействовать на нашу волю и произвести гибельные изменения в ее аффектах. Это демон может свершить или с помощью ведьм или без оных. Приведем примеры: в послании Иакова (гл. I) говорится: „Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь своей похотью. Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть". Когда Сихем увидел Дину, вышедшую посмотреть на женщин страны, то влюбился в нее, похитил ее и спал с ней, и „его душа прилепилась к ней". (Бытие XXXIV). Глосса прибавляет: „Со слабой душой происходит то же, если она, как и Дина, забывая о своих делах, начинает заботиться о делах посторонних; она обольщается обхождением и мыслит одинаково с обольщенными".

Во-вторых: вот пример искушения демонами без помощи ведьм: Аммон полюбил свою прекрасную сестру Фамарь до такой степени, что даже заболел (II Царств, 13). Кто может так низко упасть, кроме совершенно испорченного и тяжко дьяволом искушаемого человека? Поэтому глосса и говорит: „Это да послужит нам уроком. Бог попустил это для того, чтобы мы поступали осторожно, чтобы в нас не господствовал порок и чтобы князь греха нас не убил врасплох".

Об этом втором виде любви, внушенной дьяволом без помощи ведьм, много говорится в житиях святых отцов. Сии отцы, отстранившиеся от всяческой плотской радости, часто искушались вожделением к женщине. Поэтому апостол в своем 2-ом послании к коринфянам (12) и говорит: „Дано мне жало в плоть, ангел сатаны удручать меня". А глосса прибавляет: „Он мне дан для искушения чрез вожделение". Отраженные же искушения не являются грехом, а особого рода испытанием добродетели. Это относится к искушению врагом, но не к искушению чрез плоть. В этом случае всегда лежит по меньшей мере простительный грех, хотя бы это искушение и было преодолено.

В-третьих: любовные исступления не могут быть делом рук только ведьм без вмешательства дьявола в следующих случаях: 1) Когда жена искушаемого красива и уважаема, а его возлюбленная обладает противоположными качествами. 2) Когда несчастного нельзя отвратить от его греховной любви ни побоями, ни словами увещания. 3) Когда, не обращая внимания на трудности пути и на позднее время и не имея силы себя сдержать, влюбленный бежит к предмету своей гибельной страсти.

Могут ли ведьмы препятствовать способности к деторождению или любовному наслаждению, о каковом колдовстве идет речь в булле?

Восьмой вопрос

Что прелюбодеяние, распутство и пр. распространены больше среди женщин, чем среди мужчин, доказательством может служить околдование способности к деторождению. Вначале мы приведем возражение против этого утверждения, заключающееся в следующем: если бы подобное чародеяние было возможно, то оно должно было

бы коснуться и супругов. Если признать это, то дело рук дьявола было бы сильнее бога, т. к. брак установлен богом, а чародеяние исходит от дьявола. Если же признать, что эти чародеяния распространяются только на блудников и блудниц, а не на людей, состоящих в браке, то это открывает путь старому учению о том, что колдовство не является действительностью, а фантазией и измышлением людей, что опровергает обоснованное нами в разобранном нами вопросе. При разборе вопроса о том, почему колдовство действует на одних и не действует на других, выяснится, что нет другого основания, кроме того, что брак установлен богом. Однако это основание не может быть правильным, как это следует из IV, 24 „De impedimento maleficiali". Таким образом остается только один аргумент, что дело рук дьявола сильнее дела рук божьих. Так как это утверждение ни в коем случае недопустимо, то недопустимо и утверждение, что с помощью колдовства возможно препятствовать способности к деторождению.

Далее, чорт не может препятствовать действию других естественных потребностей, как напр. принятию пищи, хождению, вставанию и т. д. Это кажется тем более неправдоподобным, что демоны в таком случае могли бы уничтожить весь мир.

Далее, если плотское соитие протекает со всеми женщинами одинаково, то оно, если ему оказывается помеха, будет иметь такие же препоны при соитии с каждой женщиной. Но это конечно неверно. Поэтому неверно и первое утверждение. Ведь к тому же опыт показывает нам, что те, которые утверждают, что они околдованы для соития с какой-либо определенной женщиной, с другими женщинами могут производить соитие без всякого затруднения. Ведь если человек не хочет соития, то он его и совершить не может.

Этим неправильным рассуждениям мы противопоставляем канон „Si per sortiarias" XXX, 8, а также и учение всех богословов и канонистов, которые говорят о препятствиях, чинимых ведьмами при брачном соитии.

Неверно и утверждение, будто бы власть демона представляется большей, чем власть бога, если демон может помешать соитию. Ведь известны травы и средства, препятствующие естественным путем акту соития. Дьявол, знающий хорошо эти средства, может тем более достичь того же действия.

Ответ. Во-первых: доказано, что колдовство—не только игра воображения. Оно—действительность, и оно совершается бесчисленное количество раз с божьего попущения. Было уже показано, что бог часто допускает препятствовать плотскому соитию ради сильной испорченности нравов в половой области. Относительно способов препятствования соитию надо сказать, что эти препятствия оказывают влияние не только на половое соитие, но и на воображение или на способность представления. Петр Палуданус (раздел IV, 34) перечисляет пять способов препятствования соитию: Во-первых: демон, будучи духом, имеет власть перемещать материю телесных созданий. Поэтому он может препятствовать их сближению. Для этого он временами принимает облик тела и ложится между теми, которые намереваются произвести соитие. Так поступал демон с одним молодым человеком, который, женившись уже на идоле, заключил другой брак с одной девушкой и, из-за указанного вмешательства демона, никак не мог ее познать. Во-вторых: демон может пускать в ход различные травы, мешающие соитию. В-третьих: он притупляет чувствительность и воо-

бражение, придавая женщине вид, действующий отталкивающим образом на мужчину. В-четвертых: он поражает вялостью орган, служащий для оплодотворения. В-пятых: он препятствует извержению семени и т. д. и т. д.

Указанный мыслитель прибавляет: „С божьего попущения больше всего наводится порчи именно на плотское соитие, чрез которое распространился первый грех". Затем он присовокупляет: „Так же обстоит дело с женщиной. Демон может так воздействовать на ее воображение, что мужчина будет ей противен и она ни за что на свете не допустит его познать себя". Этот мыслитель указывает далее и основание, почему порча чаще наводится на мужчин, чем на женщин. По его мнению, это зависит от того, что легче всего вызвать вялость мужского полового органа.

Сверх того, он говорит, что бог позволяет наводить порчу скорее на грешников, чем на праведных. Поэтому-то и сказал ангел Товии: „Демон приобретает власть над теми, которые преданы невоздержанию".

Если спрашивают, почему способность к соитию невозможна с какой-либо одной определенной женщиной, а с другой возможна, то по словам Бонавентуры[1]), ответ должен гласить: или это происходит потому, что колдун указал дьяволу именно на данную женщину, как на такую, которая должна произвести отталкивающее впечатление на мужчину, или же это происходит потому, что бог не допускает дьяволу воспрепятствовать соитию данной пары. Пути господни неисповедимы. Бонавентура добавляет: „Если спрашивается, как это производится дьяволом, то на это надо ответить, что он препятствует способности к акту оплодотворения не чрез внутренние препятствия или чрез ранение органа, но внешним путем, вследствие невозможности использования органа. Так как это препятствие не является естественным, а искусственным, то оно может выявиться при попытке соития с одной какой-либо женщиной и отпасть во всех других случаях. Это препятствие может выражаться или в отсутствии стремления к соитию с данной женщиной, или быть последствием принятия известных трав, или, наконец, появиться в результате действия оккультных сил.

Случается, что неспособность к соитию является следствием естественной холодности человека. Как можно в таком случае узнать, какая неспособность естественна и какая произошла от колдовства? Гостиенсис в своей „Сумме" дает об'яснение, которое однако не следует разглашать в проповедях. Вот оно: если орган постоянно вял и муж поэтому никогда не может познать свою жену, то это признак естественной холодности. Если же орган приходит в движение и становится твердым, но муж не может довести акта до конца, то это признак колдовства.

Колдовство заключается не только в том, что акт не доходит до конца, но и в том, что женщина не зачинает или у нее наступают преждевременные роды. При этом надо обратить внимание на то, что, согласно каноническим правилам, тот, кто из чувства мести или из ненависти к мужу или жене лишает их способности к деторождению или к зачатию, считается за убийцу. Смотри Extra de homic: Si aliguis.

[1]) Бонавентура (1221-1274)—проф. философии в Париже, монах; известный представитель средневековой мистики, друг Фомы Аквината. Писал комментарии на сентенции Петра Ломбардского. Наиболее известное сочинение „О семи степенях созерцания".

Канон упоминает и о тех беспутных любовниках, которые дают своим возлюбленным известное питье для предотвращения зачатия, без всякой помощи демонов. Такие преступления причисляются к убийству, хотя бы преступники и принесли раскаяние. Ведьмы же, которые готовят подобные зелья, подлежат по законам самым суровым наказаниям.

Колдовские препятствия к деторождению возможны как между состоящими в браке, так и вне брака, как указывается богословами и канонистами, и особенности в каноне Extra de frigidis et maleficiatis, а также и в книге сентенций 4, раздел 34.

Напрасно искать естественного об'яснения деяний дьяволов. Ведь когда человек, одержимый нечистым духом, начнет говорить на непонятном языке, то нельзя считать это естественным явлением. Нельзя об'яснить этого и искусством некромантов. Надо искать здесь причину в особых существах со злой волей. Этими существами могут быть только демоны. Католические ученые различают постоянное и временное половое бессилие, причиняемое чарами. Временное—когда супруги в продолжение трех лет могут быть излечены или таинствами церкви или другими врачеваниями. Постоянное—когда никакие средства не помогают. Если оно предшествует заключению брака, то оно приводит к тому, что брак считается недействительным. Если же оно происходит после заключения и завершения брака, то оно не разрушает супружеских уз.

Придают ли ведьмы людям облики животных?

Девятый вопрос.

Ведьмы могут превращать людей в животных.

Вот следующая истина, которую мы здесь разберем. Как это происходит? Опираясь на авторитет канона Episcopi (XXVI, 5), некоторыми утверждается, что это невозможно. Канон этот гласит: „Кто верит, что возможно кому-нибудь, кроме создателя вселенной, обращать какое-либо существо в лучшее или худшее состояние или придавать ему другой облик, тот без сомнения неверующий и хуже язычника.

Развивая в определенном направлении указанную мысль, можно сказать следующее: чтобы иметь восприятие какого-либо облика, необходимо наличие этого облика. Иначе восприятие невозможно. Поэтому, раз данного звериного облика не существует, то и видеть его нельзя, и никаким образом зрения его не вызовешь.

Если говорят, что подобный облик бывает в окружающем воздухе, то это не вероятно, потому что воздух не восприимчив к таким обликам или образам, вследствие своей подвижности; если даже подобное превращение и бывает всеми видимо, то оно не действительно, потому что демоны не могут обмануть по крайней мере зрения святых.

К тому же зрение—это пассивная сила, а об'ект зрения—активная сила. Пассивная же сила может тогда действовать, когда на нее оказывает влияние активная сила. Если об'екта нет, то и суб'ект, т. е. пассивное начало, ничего воспринять не может.

Когда демон приводит в движение познавательную силу, то он или выявляет самого себя этой силе, или изменяет ее. Но он не вы-

являет самого себя ей, т. к. для этого он должен был облечься в тело. Имея же два тела, свое собственное и то, в которое он облекся, он не может достичь до органов восприятия, т. к. два тела не могут находиться в одно и то же время в одном же месте. Он не может также привести в движение познавательную силу навождением, или обманом чувств, т. к. навождение—качественное явление, а демон лишен всякого качества. Он не может также этого сделать путем превращения людей в другие существа. Он мог бы превращать, придавая им полностью или частично другой облик. Однако он ни того ни другого сделать не может. В первом случае он не может этого потому, что у него не имеется необходимых для этого активных свойств. Во втором случае потому, что 1) эти изменения не могут быть производимы без чувства боли и 2) демон мог бы показать человеку только то, что этот последний уже знает. А ведь Августин говорит, что демон показывает человеку и известное, и неизвестное ему. Поэтому высказывается мнение о том, что демоны никоим образом не могут обмануть воображение и чувства человека.

Это стоит однако в противоречии с утверждением Августина („О граде божьем", XVIII), что обращение людей в животных, производимое демонами, совершается не в действительности, а лишь в воображении. А это мыслимо только в том случае, если бы демоны могли производить изменения в человеческих чувствах.

Ответ. Если читатель хочет подробнее разузнать о превращениях, он найдет многое во второй части этого труда, глава 6. Теперь же мы хотим рассуждать по схоластическому методу и привести мнение трех ученых, согласных в том, что чорт может обмануть восприятия человека до такой степени, что человеку представляется подлинный зверь. Из этих трех ученых наиболее авторитетен святой Фома, об утверждениях которого мы скажем в конце. Начнем с рассуждения Антония.

Антоний[1]) („сумма" I, tit. c. 5, § Declarantes) говорит, что чорт время от времени воздействует на воображение человека и особенно на его чувства, чтобы обмануть его. Он об'ясняет это, опираясь на авторитет канона и на большой опыт.

Во-первых, тела человеческие, при своем перемещении в пространстве, подчинены ангелам. Если злые ангелы и потеряли милость божью, то они все же сохранили прирожденную силу. Воображение зависит от телесных органов, на которые очевидно могут воздействовать как добрые, так и злые ангелы. Последние пользуются этой способностью для того, чтобы превращать людей для видимости в животных, вызывая те или иные представления с помощью изменения течения соков к центру чувств.

Антоний прибавляет: „Это явствует из канона „Episcopi" XXVI, 5, где говорится: „Нельзя обойти молчанием того, что некоторые преступные женщины, совращенные сатаной и попутанные дьявольским обманом и навождением, верят и признаются, что они ездят верхом ночью на известных животных с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и бесчисленным множеством женщин, и будто они проносятся в ночном безмолвии через необозримые пространства". И далее: „Поэтому священники должны проповедывать божьему люду, что все это совершенно неверно и что подобные призраки распространяются в умах верующих не от божьего, а от злого духа, ибо

[1]) Антоний (он же Антонин), 1389—1459, доминиканец, флорентинский архиепископ. Сочин.: „Хроника", „Сумма теологии".

сам сатана принимает на себя личины различных людей и сбивает с истинного пути плененного им человека, обманывая его сновидениями".

Смысл этого канона был истолкован нами в первом вопросе настоящей книги. Что эти женщины не в состоянии при желании рыскать верхом и не находят при этом препятствия в силе божьей, это не является истинным смыслом указанного места. Ведь весьма часто люди, не будучи колдунами, против воли переносятся телесно на большие расстояния. Так переноситься можно и в действительности и в воображении, как явствует из указанного сочинения Антония и из главы „Nec mirum".

Августин рассказывает, что в языческих книгах сообщается о волшебнице Цирцее, превратившей спутников Одиссея в животных. Это скорее всего произошло в результате обмана чувств, а не в действительности, как это видно из многих примеров. Так, мы читаем в житиях святых следующее: жила одна девственница, которая не соглашалась вступить в греховную связь с одним юношей. Раздраженный этим сопротивлением, он околдовал ее с помощью одного еврея, после чего девственница превратилась в кобылу. Это превращение не было действительным, а только кажущимся. Это было навождение, произведенное дьяволом, изменившим восприятие девственницы и окружающих так, что она представлялась всем кобылой, хотя она и продолжала оставаться тем, кем она была и раньше. Она предстала пред святым Макарием. Демон не смог обмануть этого праведника, который тотчас же увидел, кто она. Его праведной молитвой она была освобождена от этого навождения. Она призналась, что навождение это произошло вследствие ее малой заботы о божественных предметах и непосещения ею святых таинств. Вот почему дьявол получил власть над нею—хотя она и была добродетельной. Значит, чорт может воздействовать на человека через изменение движения духовных сил и соков его.

Но чорт ничего сделать не может, если на то не будет божьего попущения. Бог часто подавляет злобу дьявола, ищущего обмануть нас и вредить нам. Поэтому Августин, повествуя о ведьмах, говорит: „Они—те самые, которые с божьего попущения приводят элементы в беспорядок и смущают нравы людей, мало надеющихся на бога" (XXVI, qu. 5, Nec mirum).

Через их чары случается, что муж не может познать своей жены. Это происходит из-за воздействия на восприятие, рисующее женщину уродливой и отвратительной. Чорт показывает также бодрствующим и спящим греховные картины, чтобы совратить этих людей. Но так как грех лежит не в представлении, но в воле, то человек не грешит от этих дьявольских представлений скверны и от различных возбуждений, если только он не пойдет на грех по своей воле.

Относительно второго мнения о дьявольских навождениях мы ссылаемся на сказанное в девятом вопросе.

Третье мнение—есть мнение святого Фомы. Оно дает ответ на вопрос о том, где находится тот облик звериный, в который облекается околдованный человек. Находится ли облик этот в нашем чувстве в действительности или в окружающем воздухе? Этот облик считается тут зарождающимся лишь в нашем внутреннем чувстве и переходит вследствие сильного воображения на наши внешние чувства. Это производится демонами в двоякой форме: 1) Заключенные в хранилище воображения и направляемые демонами, представления обликов звериных, достигая до внешних чувств и именно зрения,

рисуются нам как действительность. Так происходит и в сновидениях. 2) Измененные внутренние органы влияют на внешние чувства. Так, например, испорченный вкус заставляет даже сладкое считать горьким. Эти изменения могут производить и люди с помощью определенных естественных составов.

Текст указанного канона часто приводился и неверно толковался. Не подлежит сомнению, что упомянутое там превращение в другое существо возможно и с помощью обмана чувств, но неверно высказанное там же утверждение, будто власть демона не может произвести каких-либо созданий. Под этим мы не понимаем первичного творения. Мы здесь хотим сказать, что дьявол может, используя естественные способы, произвести некоторые несовершенные организмы. Как это происходит—об этом говорит святой Фома в указанном месте. Ведь он утверждает, что все превращения телесных предметов, происходящие с помощью естественных сил и требующие наличия семени (и именно находящиеся в земле и в воде, как напр. змеи и лягушки, откладывающие там свои семена), могут совершаться и демонами, если они используют подобные семена.

Те же превращения в телесном мире, которые происходят не с помощью сил природы, не могут ни в каком случае быть свершены в действительности демонами. Так например, невозможно превратить человеческое тело в звериное или разбудить мертвеца. Если же кажется, что это произошло, то это только обман зрения. Если дьявол появляется людям, то только облаченным в призрак тела.

Для подтверждения правоты высказанной мысли сошлемся на Альберта Великого („О животных"). Он отвечает утвердительно на вопрос о том, могут ли демоны или, прибавим, колдуны произвести с божьего попущения мелкие несовершенные существа. Но они этого не могут свершить в одно мгновение, как бог. Им требуется для этого известное, хотя и незначительное время. Смотри Исход VII: „Фараон призвал мудрецов"... и т. д. Альберт Великий говорит об этой главе священного писания следующее: „Демоны носятся по миру и собирают различные семена. С помощью их могут произойти различные существа". А глосса прибавляет: „Ежели колдуны хотят достичь чего-нибудь, призывая демонов, то эти последние носятся по миру и мгновенно собирают семя того, о ком идет дело. Так получаются ими новые виды с божьего попущения.

Некоторые поступки демонов можно назвать даже чудесами. Несмотря на это, чудеса эти не служат для осознания правды. Также и чудеса антихриста можно назвать ложью, потому что они совершаются для искушения людей.

Ясно также и решение вопроса об облике. Облик зверя не находится ни в воздухе, ни в действительности, но в чувствах людей, как это и было указано святым Фомой.

Мы признаем в свою очередь то, что пассивный принцип приводится в действие активным и что тот облик, который рисуется человеку, не может быть тем, который идет непосредственно извне. Но мы утверждаем, что облик этот, попав предварительно извне в область внутренних чувств и сохраненный там, подымаясь до чувств внешних и главным образом зрения, воспроизводит действительный облик, кинутый туда демоном.

Не подлежит также сомнению, что дьявол может производить частичные обманы чувств с помощью соков и соответствующих духовных субстанций.

Ежели на это возражают, что в таком случае демон в принятом облике ничего нового человеку представить не может, то следует ответить, что под новым понимается двоякое: 1) Совершенно новое как само по себе, так и в своем принципе. Тут следовательно демон неспособен произвести чего-либо. Ведь он не может сделать так, чтобы слепорожденный мог представлять себе цвета, а глухой от рождения слышать—тона. 2) Новое с точки зрения целого. Так напр., если мы говорим, что кто-нибудь рисует себе золотые горы, которых он никогда не видел, хотя он и имеет представление о золоте и о горах, то мы можем говорить, что он рисует себе что-то новое. Это-то новое и возможно дьяволу создавать в представлении людей.

Что надо думать о волках, которые крадут и пожирают как взрослых людей, так и мальчиков? Происходит ли это тоже чрез посредство ведьм и наваждения?

Здесь мы разберем побочный вопрос о волках, которые время от времени с большой хитростью и ловкостью крадут из домов и взрослых и детей и их пожирают. Это происходит как естественным образом, так и с помощью наваждения чрез посредство ведьм. О первом роде случаев говорит Альберт Великий („О животных") и приводит несколько причин: 1) Голод волков, заставляющий их приближаться к людским поселениям и там искать добычи. 2) Их необузданность и свирепость, главным образом, в холодных странах. 3) Необходимость прокормить подрастающих волчат и т. д.

Но подобное происходит также чрез обман чувств с помощью демонов, если бог хочет наказать народ за грехи. В книге Левит, XVI, говорится: „Если вы (т. е. народные массы) не исполняете моих заповедей, то я нашлю на вас полевых зверей, которые будут пожирать вас и ваши стада".

Каким же образом это происходит? Настоящие ли это волки или демоны, принявшие на себе личину волков? Говорят, что это настоящие волки, одержимые демонами или побуждаемые к своим поступкам демонами же, и что это происходит также и без посредства ведьм, как напр. при растерзании 42 мальчиков двумя медведями за их насмешки над пророком Елисеем. Так же обстояло дело при растерзании одного пророка львом за непослушание божьему велению (1 кн. Царств, 13). Вспомним также историю одного венского епископа, назначившего перед вознесением господним день покаяния ради того что волки врывались в город и разрывали на улицах людей.

Подобные нападения волков считаются также и бесовским наваждением. Так, Вильгельм (в указанном месте) рассказывает об одном человеке, который время от времени утверждал, что он оборачивается волком и поэтому скрывался на это время в берлогах. Когда он там спокойно сидел, ему казалось, что он превращался в волка, который рыскал по окрестностям и разрывал детей. Его утверждение было ошибочным. Он не был оборотнем. Причина лежала в дьяволе, который вселился в волка. Этот человек так и остался помешанным. Его нашли однажды мертвым в лесу. При этих явлениях веселится демон, потому что ему удается вновь освежить заблуждения язычников, верящих в преобразование мужчин и старых женщин в зверей.

Ввиду того, что подобные волки, нападающие на людей и терзающие их, остаются безнаказанными, не попадают в западни и не подвергаются ранениям, можно с уверенностью сказать, что их напа-

дения происходят с божьего попущения при участии демонов. Так, Викентий (Зерцало истории VI, 40) рассказывает: „Еще до воплощения христа и до пунической войны, в Галлии один волк украл меч из ножен во время вигилий".

О повивальных бабках-ведьмах, предупреждающих различными способами зачатие во чреве матери, производящих аборты и посвящающих новорожденных демонам.

Десятый вопрос.

Вышеуказанные ужасающие преступления женщин еще раз доказывают, что женщины гораздо больше мужчин склонны к чародеяниям и к сотрудничеству с дьяволом.

Канонисты утверждают, говоря о помехах к продолжению рода, наведенных ведьмами, что колдовство влияет тут не только на половое бессилие мужчин, но и на неспособность женщины произвести потомство, будь то по причине отсутствия способности к зачатию или из-за преждевременных родов. Мы к этому прибавим, что ведьмы, сверх того, пожирают младенцев или посвящают их дьяволу.

Как половое бессилие мужчин, так и неспособность женщин к деторождению могут конечно происходить от естественных причин, вследствие принятия известных трав или других снадобий.

Мы же будем здесь говорить о неоспоримых данных пожирания ведьмами младенцев, чего даже и звери, за исключение волков, не делают. Инквизитор из Комо рассказывал нам, что он был раз приглашен жителями графства Барби для инквизиции вследствие следующего события. Некто, узнав о таинственном похищении своего ребенка из колыбели, стал искать преступников и напал ночью на собрание женщин, на котором он увидел, как убили мальчика и как присутствующие пили его кровь и пожирали его тело. Поэтому указанный инквизитор в прошедшем году предал костру 41 ведьму. Некоторым из них удалось скрыться в пределах земель Сигизмунда, эрцгерцога Австрии. Около десяти ведьм оставлены в живых. Также и Иоанн Нидер приводит подобные данные, в своем „Муравейнике",—эта книга, как и он сам, свежа еще в нашей памяти. Все это не может быть невероятным. Это не может быть невероятным и потому, что повивальные бабки подобными деяниями приносят величайший вред, столь приятный их серду. Кающиеся ведьмы часто признавались нам и другим инквизиторам в этом и говорили: „Никто не вредит католической вере больше, нежели повивальные бабки. Ведь если они тотчас же не умерщвляют детей, то выносят их под каким-либо предлогом из родильной комнаты и, подымая их вверх на руках, посвящают их демонам". Об этих ужасающих поступках мы скажем в седьмой главе второй части этой книги.

Необходимо ли божье попущение при колдовстве?

Одинадцатый вопрос.

Этот вопрос распадается на четыре вопроса, а именно: 1) Необходимо ли божье попущение для совершения колдовских деяний. 2) Справедливо ли, что греховные по своей природе создания совершают чародеяния и другие ужасные преступления. 3) Превышают ли позорные дела ведьм все то, что богом попускается. 4) Как надо проповедывать об этом народу.

При разборе вопроса о божьем попущении надо исследовать: представляется ли признание божьего попущения в этих деяниях ведьм настолько католичным, что отрицание его должно считать еретичным? Некоторые не считают такое отрицание еретичным и признают совершенно католичным, что чорту не дано власти вредить человеку. Доказательством этому служит им следующее: Утверждение противного способно как бы посрамить творца. Ведь в таком случае выходит, что не все подчиняется божьему провидению. Каждый мудрый провидец старается устранить недостатки и зло. Если же то, что творится ведьмами, разрешено создателем и им терпится, то бог представляется таким образом не мудрым провидцем и не все подчинено его провидению. Этого быть не может, а поэтому и не может быть тут божьего попущения.

Далее. Предположим следующее: с божьего попущения свершается то или иное злодеяние. Возникают две возможности. Или бог мог бы предупредить его, если хочет, или бог не может предупредить его даже при желании. Ни та ни другая возможность не могут быть совместимы с понятием о божестве. Первая отпадает потому, что бог в таком случае должен был бы быть назван завистливым к благу человека. Вторая же отпадает потому, что подобного бога надо признать бессильным. Следовательно, не подобает говорить, что чародеяния совершаются с божьего попущения.

Далее. Каждый, предоставленный самому себе, не подлежит опеке со стороны иных лиц. Согласно Притчам Соломона (гл. 15), бог создал человека самостоятельным в своих решениях. О злых говорится там, что бог и им дал известную свободу. Поэтому нельзя приписывать всю окружающую злобу божьему попущению.

К тому же Августин в Энхиридионе и Аристотель в Метафизике говорят, что лучше ничего не знать, чем знать малоценное. Все же, что есть лучшего, надо воздавать богу. Из этого мы можем заключить, что бог не заботится об этих низменных чародеяниях, попускает ли он их ли нет. Апостол в своем 2 послании к Коринфянам (9) утверждает: „Бог не заботится о волах (и следовательно и о других неразумных животных)". Поэтому бог не заботится о том, занимаются ли колдовством или нет. Это не подлежит его попущению, т. к. оно вытекает из его провидения.

Далее. То, что вытекает из необходимости, не нуждается в попущении и в благоразумии. Это видно из слов Аристотеля (Этика VI): „Благоразумие—это правильное рассудительное поведение в повседневных делах, где приходится советовать и выбирать". Некоторые же чародеяния происходят по необходимости, напр. болезни, происходящие под влиянием светил небесных. Собственно говоря, здесь нельзя и говорить о чародеяниях, раз все это протекает в силу необходимости.

Далее: Если люди околдовываются с божьего попущения, то возникает вопрос: почему один околдовывается больше другого? Если утверждать, что это зависит от величины греха, то это представляется ошибочным. Ведь в таком случае, чем больше греховность, тем больше и колдовская порча. А наблюдается скорее обратное. Ведь невинные дети и другие праведники подвержены большему околдованию.

Против этих утверждений надо возразить следующее: Бог позволяет совершаться злому, хотя бы он этого и не хотел. Это происходит вследствие совершенства вселенной. Дионисий (О божественных именах, 3) говорит: „Зло будет у всех. Оно будет способствовать о-

вершенству вселенной". А Августин (Энхиридион) утверждает: „Из совокупности добра и зла состоит удивительная красота вселенной. Даже и то, что называется скверным, находится в известном порядке, стоит на своем месте и помогает лучше выделяться добру. Добро больше нравится и представляется более похвальным, если его можно сравнить со злом".

А святой Фома высказывается против мнения тех, которые говорят: Если бог и не хочет зла (ведь никакое существо не стремится ко злу), то он все же хочет, чтобы зло было или совершалось. Фома утверждает неправильность этой точки зрения, потому что бог не хочет ни того, чтобы происходило зло, ни того, чтобы зло не происходило. Он хочет лишь позволять злу быть, т. к. это необходимо для совершенствования. Поэтому неверно утверждение, что бог хочет, чтобы зло было или творилось для совершенствования вселенной. Он прибавляет, что ничто нельзя считать добром, что не является добром самим по себе. А зло не становится добром самим по себе, но лишь благодаря случайным обстоятельствам, когда из зла, совершенного кем-либо, получается благое действие. Так случалось с поступками колдунов и тиранов при их преследовании праведников, которых укрепляло терпение мучеников.

Ответ. Сколь велика польза от проповедывания на тему о ведьмах, столь же велика трудность понимания. Среди возражений, высказываемых как учеными, так и простыми мирянами, главное место занимает утверждение, что столь ужасные чародеяния, как вышеперечисленные, не могут свершаться с божьего попущения. Но этим возражателям неизвестны основания этого божьего попущения. Вследствие этого же незнания рождается у людей представление, что ведьмы, не достаточно преследуемые инквизицией, приведут в запустение весь христианский мир. Займемся поэтому разбором этих трудностей и докажем следующее: 1) Мир подчинен божьему провидению так, что бог непосредственно все провидит. 2) Бог с полным правом попускает совершение всех зол, будь то зло преступления, наказания и вреда вследствие двух первых попущений: при падении ангелов и при падении прародителей.

При доказательстве правильности первого нашего пункта мы разберем прежде всего ошибочность точки зрения противников. Относительно слов книги Iова (гл. 22): „Облака—завеса его, а ходит только по небесному кругу и не смотрит на наши дела", некоторые думали, что лишь то, что не подвержено порче, подлежит божьему провидению, а именно—отдельные субстанции, тела небесные и подобное, а также и более низкие вещества, тогда как индивидуумы, как подлежащие порче, этому провидению не подчинены. Поэтому защитники этого учения и говорят: Провидению подчинено все низшее, но только в общем, а не в частном. А так как представляется неподходящим считать заботу бога о людях меньшей, чем о низших созданиях, то поэтому рабби Моисей и утверждал: Все то, что подвержено порче, как напр. отдельные создания, не подчинено божьему руководству. Этому руководству подчинено только общее. Человека он подчинил этому руководству из-за превосходства его разума, что делает его причастным миру отдельных субстанций. Делая логический вывод из этого заключения, мы можем сказать, что все чародеяния, которым подвержен человек, происходят с божьего попущения, тогда как околдование животных и полевых злаков не совершается с божьего попущения.

Хотя это учение и ближе стоит к истине, чем то, которое вообще отвергает божье провидение и считает мир созданным случайно, как это мы наблюдаем в построениях Демокрита[1]) и эпикурейцев,—однако оно не свободно от большого заблуждения касательно границ действия божьего попущения. Ведь все подчинено божьему промыслу не только в общем, но и в частном, и не только наведение чар на людей, но и на животных и злаки происходит с божьего попущения. Ведь промысл бога распространяется на все, что находится под властью причинности. Божий закон причинности распространяется на все существующее, как на общее, так и на частное, как на подверженное порче, так и не подверженное ей. Он провидел все, т. е. он все установил с известной целью. Так говорит апостол в послании к Римлянам (гл. XIII): „Все установлено от бога". Этим он хотел сказать: все идет от бога и подчинено его промыслу, ибо под промыслом божьим надо понимать нечто другое, как правильное соотношение, т. е. причину порядка вещей по отношению к цели. Значит, все существующее подчинено божьему промыслу.

Значит, бог знает все не только в общем, но и общее, не только в частном, но и частное.

Но это еще не об'ясняет того, почему бог с полным правом разрешает существование зла и колдовства в мире, хотя бы мы и знали, что все подчинено его промыслу. Ведь он желает добра и спасения людям и должен был бы устранить от них все зло. Как же случается, что бог попускает зло? Провидец-человек, видя зло, стремится тотчас же уничтожить его, так как он не может превратить зло в добро. Бог же, провидец вселенной, может из зла извлечь добро. Ведь преследованиями тиранов укреплялось терпение мучеников, а чародеяниями ведьм происходило совершенствование веры праведников. Поэтому богу не нужно предупреждать все зло. Иначе вселенная была бы лишена многого хорошего. Поэтому Августин в своем Энхиридионе говорит: „Бог настолько сострадателен, что он не допустил бы зла в своих твореннях, если бы он не был столь всемогущим и добрым, чтобы превращать зло в добро".

Примеры этому мы находим и в явлениях природы. Зло, случающееся с отдельными особями (напр., повешение вора или закалывание какого-нибудь животного для человеческого питания), не совершается в ущерб совокупности особей, а помогает людям сохранить жизнь и пребывать в благоприятных условиях жизни. Таким образом, и для вселенной происходит отсюда добро. Для того, чтобы виды сохранились на земле, уничтожение отдельных особей является подчас необходимым. Так, напр., смерть тех или иных животных сохраняет жизнь львам.

Об'яснение, почему божий промысл не сотворил безгрешной природу созданий.

Выше было высказано положение, что бог с полным правом попускает совершение зла. Прежде всего надо предпослать и доказать два утверждения: 1) Невозможно допустить, чтобы создания, как человек или ангелы, имели дар не грешить по существу своей природы. 2) Бог с полным правом позволяет человеку грешить или под-

[1]) Греческий философ, современник Сократа, представитель древнегреческого материализма, ум. в 350 г. до нашей эры.

вергаться искушениям. Если оба эти утверждения будут доказаны, то отсюда получится вывод, что бог не может не допустить колдовства через посредство демонов.

Первое из этих двух утверждений доказывается св. Фомой (II, 23, 12): Если бы можно было вложить в какое-нибудь создание дар безгрешности, то бог это во всяком случае сделал бы, ибо все другие возможные для сообщения созданиям совершенства сообщены им, как напр., личное единение двух природ во христе, личное единение материнства и девственности в Марии, благодатное единение у паломников, блаженное единение у избранных и т. д. Если нигде не говорится, что совершенство безгрешия не дано никакому созданию— ни человеку, ни ангелам, то отсюда явствует, что бог и не может сделать человека по природе его безгрешным, хотя по благодати человек и может стать таковым.

Если бы было возможно одарить природу человека безгрешием, что однако не исполнено, то вселенная не была бы совершенной. А совершенство ее заключается в том, что все возможные блага созданий даны им.

Неправильно приводить следущее возражение. Всемогущий бог, создавший людей и ангелов по своему образу и подобию, мог одарить их совершенством безгрешия по природе. Этот аргумент потому неправилен, что, хотя бог и всемогущ и всеблаг, он не может однако сообщить совершенство безгрешности. Это происходит не из-за несовершенства его власти, а из несовершенства созданий. Несовершенство это выявляется тем, что ни человек, ни ангел немогут и не могли получить дар безгрешности. Основание этому заключается в следующем: Так как человек—создание божие, то его бытие зависит от творца. Если человек будет предоставлен самому себе, он распадается. Если же он будет находиться под действием создавшей его причины, он сохранится. Возьмем, к примеру, свечу, которая светит столько времени, на сколько хватает воску. Создав человека, бог оставил его в руке его совета (Притчи Соломона XV) и дал ему свободную волю. Ему свойственно по желанию приступить к работе и оставлять ее, бояться падения или не бояться. Так как иметь возможность грешить—значит иметь возможность по своему желанию отдаляться от бога, то поэтому ни человек, ни ангел не могут приобрести по своей природе совершенство безгрешности. Бог не мог этого им дать вместе со свободой воли. Свободу воли и безгрешность по своей природе столь же трудно совместить человеку в его несовершенстве, как указать что-нибудь, что было бы и мертво, и живо в одно и то же время.

Не правилен и следующий аргумент: Бог должен был бы повести к тому, чтобы та ступень благодати, которая укрепляет в добре, являлась существенной частью природы ангелов и людей и помогала им пребывать без греха. Неправильность этой точки зрения вытекает из того, что создания не грешили бы не вследствие какого-либо приходящего явления или особой благодати, а вследствие совершенства их природы, что равняло бы их с богом. А это было бы абсурдно. Вообще же люди могут получить от бога благодать укрепления в добре, благодаря чему они становятся сынами божьими и до известной степени участниками божественной природы.

Раз'яснение вопроса об обоих попущениях бога, по всей справедливости совершенных им, а именно: дьявол, виновник всякого зла, впал в грех, прародители тоже пали, вследствие чего чародеяния ведьм с полным правом допускаются богом.

Двенадцатый вопрос

Справедливо ли то, что некоторые создания с божьего попущения согрешили, тогда как другие были им, по благодати, удержаны от этого, а именно—от явного искушения? Человека же он попустил искушать и согрешить.

По божьему провидению, каждое существо сохраняет полноту своего естества, и может беспрепятственно совершать свои поступки. Ведь Дионисий (О божественных именах4) говорит: „Провидение—не искажение естества, а его сохранение". Если мы это сочтем правильным, то нужно обратить внимание и на то, что если бы совершению греха была поставлена непреодолимая преграда, то этим были бы уничтожены многие степени совершенства. Ведь этим было б уничтожена разница между грешащими и негрешащими, и все были бы в этом смысле равны.

Если при каждом поползновении ко греху появлялось бы укрепление в добре, то оставалось бы скрытым то, в какой мере мы обязаны в добре богу, что смогла бы произвести власть греха над нами и многое другое. Все это, вместе взятое, лишило бы вселенную многого.

Чорт согрешил без всякого внешнего воздействия. Повод ко греху он взял из самого себя, т. к. он хотел быть равным богу, и исключительно из честолюбивых замыслов. В этом утверждении мы опираемся на авторитет пророка Исаии (гл. XIV), вкладывающего в уста сатаны следующие слова: „Взойду на небо и буду подобен всевышнему". Но обладая ограниченным и заблуждающимся рассудком, сатана не мог стремиться к тому, что для него было невозможно. Ведь он понимал, что он создание божие и что у него не было никакой возможности стать равным богу. Сатана не хотел также изменять порядка в природе. Видя, что от бога исходят блаженство и доброта на все творения, сатана, который сознавал свое высокое положение, стоя выше всех творений, стремился к тому, чтобы не от бога, а от него изливались на вселенную блаженство и доброта, и именно из его собственных природных сил. Он согласен был остаться во власти бога, если бы только он мог получить от него указанную силу.

Когда он сообщил свои намерения другим ангелам, то и у них появилось то же стремление. Но грех сатаны был значительнее, чем грех других ангелов. В Апокалипсисе (гл. 12) говорится: „Дракон, упавший с неба, увлек за собою третью часть звезд". Сатана представлен в виде Левиафана. Он царь над всеми сыновьями заносчивости, а царем философ Аристотель Метафизика 5) называет голову, поскольку она своей волей и своим господством руководит теми, кто ей подчиняется. Так грех сатаны был поводом для греха других. Не будучи сам искушаем он искушал других.

Если бог попустил грех честолюбия у благороднейших созданий, со сколь большим правом он может пропускать чародеяния ведьм вследствие их больших грехов. Нельзя отрицать того, что проступки ведьм превосходят во многих отношениях грех сатаны, а также и прародителей, как это будет показано во второй части.

Почему божье провидение по справедливости допустило искушение и грехопадение первого человека, может в достаточной степени быть понято из того, что сказано о падших ангелах. Ведь и сатана, и человек были созданы со свободной волей, чтобы они получили блаженство не без заслуг. Но, как сатана перед падением своим не был предупрежден о том, что власть греха с одной стороны и власть благодати с другой стороны преобразуются во славу вселенной, так и человек не знал об этом.

Святой Фома (II, 23, 2) говорит: „То, благодаря чему бог представляется заслуживающим славословия, не должно ни в коем случае быть умалено". Также и в грехах бог заслуживает славословия, так как он из сострадания щадит и по справедливости наказывает. Поэтому не надо препятствовать греху.

Сделаем вкратце заключение вышесказанному о грехе: Божье провидение допускает грех по многим основаниям: 1) Чтобы выявилась власть бога, единого непреходящего. Каждое же творение преходяще. 2) Чтобы проявилась мудрость всевышнего, могущая из злого извлечь добро. Это не случилось бы, если бы люди не грешили. 3) Чтобы видна была благодать божия. Ради этой благодати христос своей смертью освободил погибшего человека. 4) Чтобы бог мог показать свою справедливость, выражающуюся не только в вознаграждении добрых, но и в наказании злых. 5) Чтобы человек не был в более плохих условиях, чем другие создания, которыми бог руководит, позволяя им поступать по своим собственным побуждениям. Поэтому он должен был предоставить человеку свободную волю. 6) Это хвала человеку, а именно хвала праведному человеку, который мог преступить закон, но его все же не преступил. 7) Это украшение вселенной. Имеется троякое зло: преступление, наказание и вредительство, а в противовес ему—троякое добро: нравственность, радость и польза. Через преступление повышается нравственность, через наказание—наслаждение, а через вредительство—высшая польза.

Выводы из аргументов.

1) Когда говорят, что еретично утверждать наличие власти у чорта вредить людям, то скорее обратное правильно. Как еретично утверждение, что бог не допускает, чтобы человек грешил по свободной воле, если он этого хочет, так ошибочно и утверждение, что бог оставляет грехи не отомщенными.

Неверен аргумент о мудром провидце, пресекающем, елико возможно, зло. Несоизмерима разница между провидцем вселенной и им. Ведь бог может превратить зло в добро, а провидец-человек этого не может.

2) Власть, благость и справедливость бога приобретают больший ореол славы вследствие попущения им грехов. Бог не может желать зла, он не хочет свершения злых поступков, Он не хочет, чтобы зло не свершалось, но хочет только попустить его свершение для большего совершенствования вселенной.

3) Августин и Аристотель говорят о человеческом житейском познании, для которого по двум основаниям было бы лучше не углубляться в вопросы о зле. Во-первых, потому, что мы не всегда в состоянии познать его, а во-вторых, потому, что житейские, мирские разговоры о зле обращают волю человеческую ко злу.

4) Апостол хочет, чтобы бог не заботился о волах по следующим соображениям: Разумное создание имеет власть над своими поступками через свободу воли. Бог может поставить ему в заслугу или в вину тот или иной поступок и вознаградить или наказать его в зависимос-

ти от этого. Поэтому здесь необходимо особое провидение. А неразумные твари не подчинены провидению.

5) Человек не является устроителем природы. Он лишь пользуется ее силами. Поэтому человеческое провидение не распространяется на необходимые явления природы. Но даже природные недостатки и ошибки подчинены божьему провидению.

Наконец. Хотя все наказания за грехи определяются богом, однако те люди, которые подвергаются околдованию, не всегда являются самыми большими грешниками. Это происходит или потому, что чорт не хочет, чтобы бог наказывал тех, которых нечистый считает по полному праву своими, или потому, чтобы они не прибегли к богу за помощью.

Рассматривается ужас колдовства.

Весь материал заслуживает того, чтобы им пользовались в проповедях.

Тринадцатый вопрос

Спрашивается: не превосходят ли мерзости ведьм все то зло, что бог попускал с сотворения мира до наших дней, как в смысле преступления, так и в смысле наказания и нанесенного вреда? На этот вопрос некоторые хотят ответить отрицательно и главным образом относительно вины. Ведь совершаемый кем-либо грех, которого он может легко избежать, превосходит грех, совершаемый другим, которого он не может легко избежать. Это явствует из слов Августина (О граде божьем): „Велико неравенство в согрешении, тогда как столь велика легкость в несогрешении". Но Адам и многие другие, которые согрешили, находясь в известном состоянии совершенства, могли бы, вследствие поддержки благодати божьей, избежать согрешения, и в особенности Адам, созданный в состоянии благодати. Ему было легче избежать греха, чем ведьмам, которые не имели подобных даров от бога. Значит, грехи ведьм надо почитать меньшими, чем грехи Адама и иных.

За большую вину налагается и большее наказание. Грех Адама был тягчайшим образом наказан тем, что, как известно, его наказание вместе с виной передавалось через первородный грех на все поколения. Поэтому его грех тяжелее, чем все другие грехи.

Августин говорит относительно вреда следующее: „То или иное надо считать злым потому, что оно устраняет добро". Значит, там, где устраняется добро, совершается и большее преступление. Грех прародителей нанес много вреда как в видимой природе, так и в дарах божьей благодати, так как лишил нас чистоты и бессмертия, чего нельзя сказать ни о каком другом последующем грехе. Значит, и вред, пришедший в мир через Адама, больше, чем вред, наносимый ведьмами.

Против этого надо возразить следующее: То, что содержит больше видов зла, надо считать более значительным злом. Таковы грехи ведьм. Ведь они могут с божьего попущения причинить всяческое зло как благам природы, так и человеческому счастью. Это видно из папской буллы.

Адам согрешил только тем, что совершил запрещенное. Но он не был скверным сам по себе. А колдуны и другие грешники грешат, совершая то, что во всех отношениях скверно. Поэтому их грехи тяжелее других грехов.

Грех, вытекающий из определенной злобы, тяжелее, чем вытекающий из незнания. Ведьмы презирают из злобы веру и таинства веры, как это и было многими из них признано на процессах.

Ответ: Что зло, совершаемое ныне ведьмами, превосходит все зло, которое бог допускал когда-либо, это может быть доказано трояким образом: 1) Общим сравнением их деяний с другими пороками в мире. 2) Частным сравнением отдельных видов их деяний с другими суевериями, связанными с заключением договора с дьяволом. 3) Сравнением их деяний с грехами злых ангелов и прародителей.

Зло трояко и состоит из вины, наказания и вреда. Этому трояким злу противопоставляется троякое добро: нравственность, радость и польза. Вине противопоставляется нравственность, наказанию радость, вреду—польза. Что вина ведьм превосходит всякий другой грех, видно из следующего: по словам святого Фомы (11, 22, 2), при грехе многое взвешивается, вследствие чего можно узнать степень его тяжести. Отсюда вытекает, что один и тот же грех у одного надо считать более легким, а у другого более тяжким. Так, юноша, ведущий непотребный образ жизни, может быть назван грешащим, старик, совершающий то же сумасшедшим. Хотя грех Адама относительно некоторых обстоятельств и тяжелее всех других грехов, т. к. он ведь пал из за незначительного внутреннего искушения и мог бы оказать ему большее сопротивление вследствие той божьей благодати, с которой он был создан, однако, относительно вида и величины, а также отягчающих обстоятельств после Адама было совершено много великих грехов, превосходящих грех Адама. Среди этих грехов особенно выделяются грехи колдунов. Это ясно из следующего: Один грех может быть больше другого или по последствиям, как грех Люцифера, или по всеобщности, как грех Адама, или по гнусности, как грех Иуды, или по трудности прощения, как грех против святого духа, или по опасности, как грех незнания, или по страстности, как плотский грех, или по оскорблению божьего величия, как грех языческого богослужения и неверия, или по трудности преодоления, как грех гордости, или по духовной слепоте, как грех гнева. После греха Люцифера—грехи ведьм превосходят все иные грехи. Они гнусны, ибо ведьмы отвергают распятого. Они полны плотских вожделений, т. к. ведьмы творят плотскую скверну с бесами. Они полны духовной слепоты, т. к. ведьмы бросаются в дикой радости и злобе на каждое вредительство человеку и животным.

Грех тем тяжелее, чем больше грешащий отдаляется от бога. Человек отдаляется дальше всего от бога из-за неверия. Поэтому и колдовство сопровождается большим неверием, чем все другие грехи. Это об'ясняется и словом—ересь, обозначающим отпадение от веры и пребывание всю жизнь во грехе.

Грех неверия заключается в противлении вере. Это может происходить двояким образом: или противлением еще не принятой вере, или противлением уже принятой вере. В первом случае—это неверие язычников. Во втором случае мы имеем две возможности: противление вере, принятой лишь внешне, или противление вере, принятой внутренне. Евреи, принимающие христианство внешне, относятся к первой группе, а еретики—ко второй. Отсюда ясно, что ересь ведьм среди трех видов неверия является самой тяжкой. Это доказывается авторитетом святого Фомы (II, 2), утверждающего следующее: „Им было бы лучше не знать пути правды, чем опять отпасть после познания ее". К тому же, кто не исполняет обещанного, грешит тяжелее,

чем тот, кто не исполняет того, чего он не обещал. Тяжел грех еретиков потому, что они, исповедуя христианскую веру, все же противятся ей и ее уничтожают хуже евреев и язычников.

Ведьмы называются также отпавшими (апостатами). По словам святого Фомы (II, 2, 12) апостазия заключается в отпадении от бога и от религии. Это отпадение может происходить различными путями: чрез веру, чрез религию или чрез духовный сан. Раймунд и Гостиенсис говорят, что отпадение—это неразумное выступление из состояния веры, послушания или религии. Выступление из первого состояния неминуемо влечет за собой выступление и из второго. Но не наоборот. Поэтому выступление из первого состояния греховнее, чем оба других.

Отпадение ведьм является тем более тяжким грехом, что они заключают нарочитый договор с дьяволом. Мы, инквизиторы, находили таких женщин, которые отвергали весь символ веры, другие же отвергали только часть его, Но все отвергали таинство исповеди.

Возникает вопрос: как смотреть на грех тех ведьм, которые, сохраняя в сердце своем веру в бога, приносят черту внешние признаки почитания и повинуются ему? На это надо ответить следующим образом: Отступничество может быть двояким: 1) В форме внешних действий неверия без заключения нарочитого договора с дьяволом. Так поступает христианин, проживающий в магометанских странах и принимающий обряды ислама. 2) В форме внешних действий неверия с заключением нарочитого договора с дьяволом. Так поступают ведьмы. Первую группу нельзя назвать отступниками или еретиками, но их проступок нельзя не назвать смертным грехом. Так, Соломон поклонялся богам своих жен. Поклоняться дьяволу из страха-не служит оправданием. Ведь по словам Августина, лучше умереть от голода, чем поесть жертвенного мяса. Но, как бы ведьмы ни сохраняли в сердце своем веру, а на языке ее отрицали, они все сочтутся отступницами вследствие заключения договора с дьяволом и союза садом. Альберт Великий „О животных" 8) утверждает: „У колдунов всегда можно установить отступничество и словом, и делом. Когда они произносят свои заклинания, они заключают открытый договор с демоном. Это отступничество на словах. Если же это происходит через посредство простого деяния, то здесь мы имеем отступничество на деле. А так как при этом всегда позорится вера вследствие того, что от демона ожидают того, что надобно ожидать от бога, то поэтому договор с дьяволом требуется считать отступничеством".

Ученые признают, значит, двойное отступничество, но молчаливо признают и третий его вид, а именно отступничество в сердце. Если этого последнего вида и нет налицо, то и тогда ведьмы должны почитаться апостатами и нести наказания, предназначенные еретикам и апостатам.

Еще одна пагубная сторона свойственна преступлениям ведьм. Вследствие оказанного ими почитания дьявола—если только они не получили отпущения этого греха—все их поступки, будь то хорошие или дурные, надо считать греховными. Таково мнение святого Фомы (II, 2, 10) и Августина „О граде божьем" XXVIII, 1, 2) сказавшего: „Вся жизнь неверующих—грех".

Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания.

Позорные дела ведьм превосходят все другие преступления. Они подлежат наказанию вдвойне: как еретики и как апостаты. Согласно Раймунду, еретики наказываются четырьмя способами: отлучением, отрешением от должности, конфискацией имущества и телесной смертью.

Тяжкие наказания полагаются также сообщникам ведьм: укрывателям, пособникам и защитникам. Сверх отлучения, еретики с их споспешниками, до второго колена по отцовской линии и до первого колена по материнской линии, лишаются права пользования церковными бенефициями замещения церковных должностей. Если еретик, после накрытия, тотчас же не отречется от своего заблуждения, то он, будучи мирянином, должен быть тотчас сожжен. Ведь фальшивомонетчики тотчас же умерщвляются. А во сколько раз преступнее этих последних люди, фальшивящие веру! Если еретиком оказалось лицо духовного сана, то оно торжественно лишается сана и передается светской власти для казни. Если же еретик отречется от своих заблуждений, то он бросается в тюрьму на пожизненное заточение. Наказание им смягчается, если они клятвенно отрекутся от ереси. О различных видах судебной процедуры смотри третью часть настоящей книги.

Нельзя считать достаточными эти наказания для ведьм. Ведь они не простые еретики, а отступницы, которые не только отрекаются от веры, но отдаются и телом, и душою демонам, а также присягают ему на верность. Поэтому, если даже они раскаются и обратятся к вере, они не заточаются в пожизненную тюрьму, а предаются смерти.

Не меньше вина тех, кто обучает запрещенному и обучается ему. Законы назначают таким преступникам в наказание конфискацию имущества и лишение гражданских прав. Кто с помощью волхвования склонит женщину к блуду, тот бросается на с'едение зверям.

Об'ясняется, что ведьмы околдовывают как невинных, так и грешников.

Четырнадцатый вопрос.

С божьего попущения многие невинные околдовываются за чужие грехи, а именно за грехи ведьм. Это не представляется удивительным. Святой Фома (II, 2, 108) указывает, что бог совершенно справедливо допускает это. При этом Фома говорит о трех родах наказаний:

1) Наказания одних по вине других, т. к. один человек является как бы вещью другого. Сыновья представляются до известной степени вещами своих отцов, а рабы и скот—представляются вещами своего хозяина. Так, сыновья временами наказываются за вину своих отцов. Сын Давида, рожденный от прелюбодеяния, рано умер.

2) Грех одного переходит на другого (а соответственно с этим и наказание). Это происходит: а) Чрез подражание. Так, сыновья подражают грехам отцов, а рабы грехам господ и за это претерпевают наказания. б) Чрез грехи народа, т. е. когда грехи подчиненных приводят к тому, что у них скверные, грешные начальники. Ведь в книге Иова читаем: „Он позволяет лицемерам господствовать за

грехи народа". Грех передается также другим (а с ним вместе и наказание) путем сокрытия чужих грехов. Этот случай имеет место, когда начальники не наказывают виноватых подчиненных. Вот напр. один из нас, инквизиторов, нашел селение; которое, вследствие высокой смертности среди населения, почти вымерло. Там ходила молва, что одна похороненная женщина постепенно проглатывала свой саван в гробу и что чума до тех пор не прекратится, пока женщина эта полностью не проглотит указанного савана. После совещания местных властей могила женщины была разрыта. Присутствующие увидели, что почти половина савана была проглочена трупом. Когда староста это увидел, он вытащил, в возбуждении, меч, отрубил трупу голову и выбросил ее из могилы, после чего чума тотчас же прекратилась. При последовавшем инквизиционном процессе обнаружилось, что женщина эта в продолжение долгого времени была кудесницей и чародейкой. Власти не преследовали ее. Значит; с божьего попущения, грехи этой женщины пали на невинных, которые и понесли за нее наказание.

3) Бог попускает околдование невиновных также и для того, чтобы возбуждалась этим взаимопомощь в человеческом обществе и чтобы его члены больше заботились об уменьшении греха в своей среде. Примером этому—грех Ахора (Книга Иис. Навина, гл. VII).

Мы можем прибавить сюда еще два вида наказаний, когда искупают вину добрые за скверных или же скверные за скверных. У Грациана (XXIII, 5) читаем: „Случается, что бог наказывает скверных чрез тех, которые имеют законную власть исполнить это по его приказанию. Это происходит двояким образом: Временами на пользу наказывающих (вспомним, как он наказал чрез свой народ хананеян), а временами без этой пользы, но чтобы наказать и наказывающих (надо вспомнить, как бог наказал род Веньямина и уничтожил его почти полностью). Случается ему наказывать и свои народы, не желающие повиноваться ему, но стремящиеся следовать своим вожделениям и вредящие сами себе, как это происходит в данное время с его народом, страдающим под властью турок".

Каково бы ни было основание божьего наказания, наказуемый должен терпеливо выдержать его. Иначе оно становится бичом не для удовлетворения, но для мести, т. е. для дальнейшего наказания. Во Второзаконии (гл. XXXII) читаем: „Огонь (т. е. светское наказание) зажжен в моей ярости (т. е. в наказании, ибо иной ярости в боге нет), и он будет гореть до последнего предела преисподней" (т. е. месть начнется там и будет гореть до последнего осуждения). Толкование это принадлежит Августину и находится в De poenitdist 4 § Auctoritas. Если же искус вытерпен человеком до конца, то он заслужил искупления, хотя бы он и был наказан судьею за чародеяния или как колдун, и именно в зависимости от своего раскаяния и рода преступления. Естественная смерть, служа, правда, крайним устрашением, не является достаточной для полного искупления, т. к. она предназначена природой для наказания за первородный грех, хотя Скотт и утверждает, что она искупает грех, если она встречена с покорностью. Однако насильственная смерть, является ли она заслуженной или незаслуженной, всегда искупляет грех, если она встречена в терпении и с благодарностью. Здесь мы говорили о наказаниях, налагаемых за грехи других людей.

За собственные грехи бог бичует и в земной жизни и главным образом попущением околдований. В книге Товита (гл. VII) говорится: „Над теми, которые преданы похоти, дьявол взял власть".

Околдование происходит тут в первую очередь в виде наведения полового бессилия.

Народу надо об'яснить, что такое суд на небе: Бог наказывает двумя наказаниями—духовным и земным. Первое никогда не налагается без вины. Второе же налагается временами и без вины, но не без основания. Духовное наказание трояко: 1) Лишение благодати. 2) Лишение прославления. 3) Муки адского огня.

Земное наказание налагается богом вследствие следующих проступков: 1) за вины другого 2) без чужой и собственной вины, но не без основания. Основания наложения богом наказаний указаны у Петра Ломбардского (Книга сентенций IV, 15, 2) и заключаются в следующем:

1) Чтобы бог был прославлен. Это происходит, когда чудесным образом наказание или бич устраняются. Пример: Излечение слепорожденного (Ев. от Иоанна, гл. 9).

2) Чтобы увеличить заслуги чрез упражнение в терпении. Примеры: Иов (гл. 1) и Товит (гл. 2).

3) Чтобы сохранить добродетель чрез принижение бича. Пример: Павел, говорящий о себе самом следующее (2 Коринф, 12): „Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны". По мнению Ремигия, это была известная телесная слабость.—Вот основания для наказания без вины.

4) Чтобы вечное осуждение началось уже здесь и чтобы было показано, что нас ожидает в аду. Примеры: Ирод (Деяния XII) и Антиох (2 Маккавеев, 9).

5) Чтобы человек очистился или чрез изгнание вины (пример: Мариам пораженная проказой, Книга, XIII), или для искупления наказания (пример: Давид, лишенный престола после свершенного прелюбодеяния, 2 Кн. Царств).

Можно также сказать, что все наказания, налагаемые на нас, происходят за нашу вину, по крайней мере унаследованную, с которой мы родились.

Если же говорить о третьем наказании, а именно о наказании вечного осуждения, в котором будут находиться ведьмы, то пусть никто не сомневается в том, что ведьмы будут мучимы больше всех других осужденных и проклятых. Ведь во Второзаконии (XXV) говорится: „По размеру греха будет и род наказания".

Об'ясняется высказанная истина сравнением чародеяний с другими видами суеверий

Пятнадцатый вопрос.

Высказанная истина относительно гнусности преступлений при колдовстве должна быть доказана сравнением их с другими деяниями колдунов и кудесников. Имеется 14 видов суеверий согласно трояко рода прорицаний. Первый из них происходит путем явного призывания демонов. Второй—путем молчаливого созерцания положения или движения предметов, как напр. звезд, дней, часов и т. д. Третий—путем созерцания поступков человека для выявления чего-нибудь сокровенного. Это носит название: „жребий".

Виды первого рода прорицаний, происходящие путем явного призывания демонов, суть следующие: волшебство, гадание по снам, некромантия, пифонические пророчества, геомантия, гидромантия, аэромантия, пиромантия и почитание пернатых. Смотри у святого Фомы II, 2, 95, 26, 4 Igi Uur и 5 Nec mirum.

Ко второму роду прорицаний принадлежат: генетлиаки, гаруспицы, авгуры, хиромантия и спатуламантия.

Различны виды третьего рода прорицаний все относящиеся к так называемым жребиям, имеющим целью гадание по точкам, палочкам и фигуркам, вылитым из олова. Об этом говорит святой Фома (II, 2, 26, 4, pertotum).

Позорные поступки ведьм превосходят все эти преступления, что видно из вышеприведенного перечня их. О других, еще более мелких, видах суеверий и говорить не стоит.

Видами первого рода предсказаний волшебники морочат человека разными обманами чувств. Так, тело представляется органам зрения и осязания иным, чем оно есть в действительности. Однако ведьмам не довольно устранять половые органы путем обмана чувств, и они наводят на него половое бессилие, так что женщина не может зачать, а мужчина не способен произвести полового соития, хотя бы половой орган и не был у него удален ведьмами. Не прибегая к обману чувств, они производят также выкидыши, если зачатия не удалось им предотвратить. Они же наводят бесчисленное множество других зол и часто появляются в различных обликах зверей, как это и было показано выше.

Второй род предсказаний называется также некромантией, имеющей целью вызывание умерших и беседу с ними. Согласно Этимологии Исидора Севильского (гл. 3) слово некромантия происходит от греческого necros, что обозначает смерть, и от mantera, т. е. предсказание. Некроманты предсказывают будущее по крови человека или животного, наблюдая, как она скатывается или свертывается. Они знают, что демоны любят кровь, т. е. ее пролитие. Когда некроманты вызывают усопших, то демоны появляются вместо них и отвечают вместо них на вопросы. Некромантией занималась и та волшебница, которая по настоянию Саула якобы вызвала призрак Самуила (1 Кн. царств, 28). Но пусть никто не думает, что это допустимо, если об этом рассказано в священном писании. Ведь в послании к Симплициану Августин говорит: „Рассудку не противоречит утверждение, что с божьего разрешения, оставшегося сокрытым от волшебницы и от Саула, но без всякого вмешательства колдовской силы, дух праведника предстал пред очи царя, чтобы сообщить ему решение бога. Но дух Самуила не был потревожен в гробу. Предстал чуждый призрак, и был бесовский обман чувств. Этот призрак и назван в писании Самуилом".

В третьем роде предсказаний, называемом также предсказаниями по снам, надо различать двоякое: 1) Использование снов для раскрытия тайн с помощью злых духов, с которыми гадальщики по снам заключают нарочитые договоры. 2) Угадывание по снам будущего при толковании их как божьего наития или при об'яснении их из внутренних или внешних естественных причин. Такой род гаданий не является недозволенным. Смотри у святого Фомы, там же.

Чтобы слушатели могли это лучше понять, проповеднику надобно начинать свое об'яснение с ангелов и раз'яснить, что ангелы, обладая ограниченной силой, могут раскрыть будущее лучше всего тем, которые обладают особым предрасположением к такого рода сообщениям. Предрасположение же сильнее всего ночью, когда покоятся внутренние и внешние движения, когда прекращаются испарения и когда пищеварение совершилось. Это происходит на заре. Более же совершенные люди способны внимать голосу ангела во всякое время дня и ночи, как в бодрствующем состоянии, так и во сне.

Вещие сны зависят также от естественных причин, как утверждает Аристотель (О сне и бодрствовании.) Во сне природа ведь пока-

зывает душе различные предрасположения тела к тем или иным заболеваниям. Так, напр., если кто грезит об огне, то это признак того, что в нем преобладает холерический темперамент. Если кому снится нечто летающее по воздуху, как, напр., мухи, то это указывает на развитие сангвинистических свойств. Сновидения о воде или о водянистых жидкостях—признак флегмы, а сновидения о земле—признак меланхолии. Поэтому и врачи часто расспрашивают о снах, чтобы узнать, что происходит с телом, как это и указывается Аристотелем.

Иначе пользуются сновидениями ведьмы. Когда они не хотят телесно участвовать в полетах, то они, желая узнать, что происходит с их улетевшими единомышленницами, ложатся спать на левый бок, призывая при этом своего чорта и всех демонов. Тогда им в видении представляется все. Когда они хотят через демонов узнать что-нибудь сокровенное о людях, то для этого они пользуются снами же. Этого они достигают с помощью заключения нарочитого договора с дьяволом, отдавая ему самих себя и телом и душой, принося полное отречение от веры своим богохульственным языком и жертвуя своих или чужих детей демонам.

Есть еще другой способ предсказаний, идущий со времен Аполлона (Тианского), согласно утверждению Исидора Севильского. Здесь вещания производятся не толкованием снов и не вызыванием усопших, а получаются из уст бесноватых, каковой была та служанка, которая, как утверждают Деяния (гл. XVI), ходя за апостолом Павлом и за другими апостолами в продолжение многих дней, утверждала, что эти люди возвещают путь спасения, после чего Павел, вознегодовав, повелел духу выйти из нее. Излишне проводить здесь сравнение с ведьмами.

Не стоит подробно описывать все другие более мелкие виды суеверий. Из сказанного ясно, что даже наиболее значительные между ними уступают чародеяниям ведьм. Если же проповеднику захочется говорить о других видах предсказаний, то пусть укажет на геомантию, т. е. предсказания по земным телам, на гидромантию, т. е. предсказания по воде или льду, на аэромантию, т. е. предсказания по воздуху, на пиромантию, т. е. предсказания по огню, и т. д. С молчаливым призванием демонов и с молчаливым заключением договора с ними производят свои действия: 1) Генетлиаки, или астрологи, предсказывающие судьбу по расположению звезд при рождении человека. 2) Ауруспицы, предрекающие судьбу по разным признакам дней и часов. 3) Авгуры, вещающие события по полету и крику птиц. 4) Толкователи будущего по словам людей. 5) Хироманты, пророчествующие по линиям руки или по плечной лопатке животных. Об этом и о многом другом интересующиеся прочтут у Нидера, (Книга наставлений), где они найдут также указание, что разрешено и что не разрешено. Но чародеяния ведьм никогда не разрешаются.

Шестнадцатый вопрос об'ясняет четырнадцатый путем сравнения тяжести преступления ведьм с любым грехом демонов.

Преступность деяний ведьм превышает даже грехи и падение злых ангелов. Если их вина столь велика, то не меньше и предуготованное им наказание в аду. Тяжесть их вины явствует из следующих оснований:

1) Грех злых ангелов непростителен. Но тяжесть их преступления не столь велика, как у ведьм, которые, вступая в состояние благодати чрез святое крещение, самовольно покидают это состояние и отрицают веру.

2) Непростительность греха сатаны Августин выводит из того соображения, что сатану никто не искушал. Чем выше сознание, тем тяжелее сознательно совершенный грех. Раскаяние недоступно ему. Поэтому он не может получить и прощения. Все существо его отвращено от бога. Такого состояния у человека не бывает. У него тело всегда сопротивляется духу. Но грех сатаны во многих отношениях меньше греха ведьм. По словам Ансельма Кентерберийского, сатана согрешил из-за гордости, не имея перед тем никакого представления о наказании за какой-либо проступок. А ведьмы знают о наказаниях постигших уже многих за чародеяния. Они знают также преступления сатаны и его наказание. Несмотря на это, они продолжают совершать по глубочайшей злобе их сердца свои позорные дела. К тому же, сатана пал только из состояния невинности и более не мог в него возвратиться. Ведьма же, получившая благодаря таинству святого крещения состояние непорочности и снова покидающая его, тем самым грешит несравненно больше, чем сатана.

3) Сатана согрешил против творца, мы же, и прежде всего ведьмы, согрешаем против творца и против спасителя.

4) Сатана отстранился от бога, который допустил его согрешить и не опекал его при этом с любовью. Мы же, и прежде всего ведьмы, отстраняемся чрез наши грехи от бога с его попущения, хотя он и опекает нас любовью и осыпает нас доказательствами своей милости.

5) Сатана пребывает в своей злобе, так как бог отверг его и не дарит ему своей милости. Мы же, презренные, бросаемся к скверне чародеяний, хотя бог неустанно зовет нас обратно.

6) Сатана пребывает непреклонным против бога, наказывающего его, но и желающего ему добра. И сатана, и грешники борются одинаково против создателя. Но, тогда как сатана борется против того, кто его ищет, мы боремся против того, кто за нас умирает, которого, главным образом, и позорят, и поносят ведьмы.

Разбор возражений выясняет также правду путем сравнения.

1) В начале настоящего вопроса мы показали, почему один грех должен считаться тяжелее другого и почему грехи ведьм превосходят своей тяжестью все другие грехи. Относительно наказания надо сказать, что как вина Адама, так и его наказание должны быть рассмотрены двояко: или в отношении его личности, или в отношении его потомства. После Адама много гораздо более тяжких грехов было содеяно людьми. Он же согрешил лишь тем, что сделал нехороший поступок, каковой был нехорошим не сам по себе, а вследствие того, что он был запрещен. Блуд же, прелюбодеяние и убийство во всех отношениях сами по себе плохи и запрещены. Поэтому и наказания здесь должны быть тяжелее.

2) Хотя за первым грехом и последовало величайшее наказание, но это произошло не прямо, а косвенно. Ведь чрез Адама все его потомство получило первородный грех. И лишь единородный сын божий искупил его. Сам же Адам, принес покаяние и был спасен христом. Здесь и сравнения быть не может со скверной ведьм, которым недостаточно своих личных грехов и которые постоянно привлекают к своей скверне бесчисленное множество других людей.

3) Случай виноват в том, что грех Адама повлек за собой столь много вреда. Ведь природа в его время была неиспорченной, и ему пришлось, против своей воли, передать ей свой неискупленный грех из поколения в поколение. Из этого не следует, что его грех сам по себе тяжелее других грехов.

Указание, как надо проповедывать против пяти возражений мирян, которые пытаются доказать, что бог не дает дьяволу и ведьмам власти производить подобные чародеяния.

Семнадцатый вопрос.

Проповедник должен отнестись осторожно к некоторым возражениям противников из мирян, а также и нескольких ученых, отрицающих существование ведьм и, хотя и признающих за демоном власть совершать подобные скверны, но не считающих возможным, чтобы это свершалось с божьего попущения. Они не хотят верить, чтобы бог допускал столь ужасные поступки. Хотя эти возражения несостоятельны и сбивчивы, мы все же постараемся их выявить. Начнем разбор с возражения, будто бог не позволяет чорту свирепствовать с такой силой против людей.

Необходимо ли божье попущение при каждом совершении чародеяния демоном с помощью ведьмы? Возражатели пользуются тут пятью аргументами, из которых якобы должно явствовать, что бог подобного не попускает. Затем делается заключение, что колдовство не имеет никакого значения на земле. Первый аргумент касается бога, второй — чорта, третий — ведьмы, четвертый — болезни, пятый касается проповедников и судей, ратующих против ведьм и произносящих приговоры против них. Вот эти аргументы:

1) Бог может наказывать человека за грехи; он наказывает мечом, голодом, смертностью и многими болезнями, которым подвержена человеческая природа. Бог довольствуется этими наказаниями. Прибавлять еще другие наказания (и именно через колдовство) он не разрешает.

2) Если бы то, что проповедуется о чорте, было правдой, а именно, что он наводит половое бессилие, препятствует зачатию, производит преждевременные роды, умерщвляет новорожденных и т. д., то он мог бы уничтожить весь мир. В таком случае чорт сильнее бога, и именно, сильнее таинства брака, установленного создателем.

3) Говорят, что околдование происходит в наказание за грехи. Однако это не верно. Часто страдают от так называемого колдования не грешники, а праведники. Так, например, невинные дети больше от этого страдают, чем взрослые.

4) Если кто-нибудь может препятствовать злу, но ему все же не препятствует, а допускает, то можно сказать, что это зло совершается по воле этого лица. Бог всеблагий; он не может желать зла. Поэтому он и не может допускать совершение зла, которое он может предотвращать. То же и в отношении болезни. Болезни, будто бы являющиеся следствием колдовства, подобны естественным болезням, т. е. таким, которые происходят по естественным причинам. Если кто-нибудь охромеет, ослепнет, помешается или умрет, то это легко может произойти по естественным причинам. Поэтому нельзя, без дальнейшего, приписывать это ведьмам.

5) Никто из судей и проповедников не может быть уверенным в своей собственной безопасности в виду их нападок против так называемых ведьм и колдунов.

Возражения против этих аргументов мы найдем в первом и третьем вопросах первой части настоящей книги. Здесь мы лишь кратко коснемся их: 1) Если говорят, что бог достаточно наказывает естественными болезнями, а именно: смертью, мечом и голодом, то на это имеется троякое возражение: а) Бог не ограничил свою власть над природой естественными причинами и может действовать и без них. б) Бог дает свободу воли человеку и не мешает полностью проявлению злобы демонов и следит, чтобы из этих двух сил получилось возможно больше добра для вселенной. Поэтому бог и попускает ведьм творить скверну. в) Чорт весьма мучается, видя, как зло, творимое им через ведьм, переходит в добро и служит в прославление имени бога, в укрепление веры, в совершенствование избранных, в накопление заслуг перед всевышним. Значит, не без основания чародеяния допускаются им.

Ответ на второй аргумент вытекает из вышесказанного. Добавим следующее: Чорт не может считаться сильнее бога. Ведь он ничего не может достичь без божьего попущения. По сравнению с человеческой силой он, однако, превосходит человека. Ведь в книге Иова (гл. 41) говорится: „Нет такой власти, которая сравнилась бы с ним". Почему бог скорее попускает колдовство по отношению к способности деторождения, чем к какой-либо другой способности? Об этом мы сказали выше при разборе вопроса, почему ведьмы могут препятствовать способности деторождения и полового соития. Здесь добавим, что это происходит ради отвратительности акта и чтобы вошедший в мир вследствие вины прародителей первородный грех передался этим действием.

Против третьего аргумента следует возразить так: Чорт желает больше всего совратить добрых, хотя ему скорее всего удается совратить злых, вследствие их склонности слушаться нечистого. Так и светский владыка восстает скорее против того, кто оказывает ему сопротивление и вредит его власти, чем против того, кто этого не делает.

В-четвертых: Если кто-либо может чему-нибудь помешать, но этого не делает, то совершенно правильно говорят, что это произошло по его воле. Если утверждают, что бог всеблагий и что, следовательно, он не может желать совершения зла, то это конечно верно. Но он может допускать зло. Как различить болезнь, причиненную околдованием, от естественной болезни? Если не старый, здоровый человек сразу будет охвачен болезненным недугом, и врачи не найдут причины заболевания ни в крови, ни в желудке, ни в заразе, ни в отравлении ядовитыми веществами, то после достаточного осмотра они сочтут болезнь порчей, наведенной ведьмой.

Одному из нас, инквизиторов, стал известен такой случай: Один знатный из Шпейера имел жену с удивительно упрямым характером. Он охотно уступал ей во всем. Она же ни во что не ставила его желания и всячески поносила его. Однажды, когда он только что прибыл домой, жена по обыкновению стала осыпать его упреками. Он хотел рассердиться и уйти из дому. Жена подбежала к двери, через которую ему надлежало выйти, чтобы не пропустить его, и, крича, утверждала, что если он ее, жену свою, не ударит, то докажет, что у него нет прямодушия и чувства чести. В ответ на это, без всякого намерения причинить ей вред, он поднял руку и притронулся вытянутыми пальцами к ее плечу. Он тут же упал на пол, потерял сознание и пролежал долгое время больным. Здесь не могло быть

заболевания по естественным причинам. Здесь мы имеем дело с чародеянием его жены. Бесчисленное множество подобных событий стало известно повсюду.

Есть люди, которые, желая убедиться, является ли болезнь следствием околдования или нет, льют над больным в миску с водой расплавленный свинец. Если при этом образуется из свинца какая-либо фигура, то считают болезнь следствием околдования. На вопрос о том, происходит ли эта фигура влиянием демона или естественным путем, люди, пользующиеся этим средством, обыкновенно отвечают, что здесь проявляется действие планеты Сатурн на свинец. т. к. Сатурн обладает злыми свойствами и притягивает к себе колдовство. Правильны ли эти исследования, это мы увидим в третьей части настоящей книги. Канонисты считают такие испытания дозволенными, хотя богословы придерживаются противоположного мнения.

Под конец разрешим еще несколько вопросов: 1) Почему ведьмы не богатеют? 2) Почему ведьмы, в случае благоволения со стороны светских владык, не уничтожают всех своих врагов? 3) Почему ведьмы не в состоянии вредить проповедникам и иным людям, преследующим их? На это надо ответить так:

К первому: Ведьмы не богатеют, во-первых потому, что они, по воле демона, готовы за самую незначительную мзду осрамить и опозорить творца, а во-вторых, чтобы своим богатством не обращать на себя внимания.

Ко второму: Они лишены возможности уничтожать всех своих врагов потому, что добрый ангел препятствует им в этом, согласно слову Даниила: „Князь персов сопротивлялся мне двадцать один день". Смотри также у св. Фомы о том, происходят ли битвы между добрыми ангелами и как они протекают.

К третьему: Ведьмы не могут вредить инквизиторам и другим должностным лицам потому, что последние отправляют обязанности по общественному правосудию.

Недостаток времени не позволяет нам приводить еще другие примеры.

Вторая часть „Молота ведьм" трактует о способах околдовывания и о том, как таковое можно снять. Она содержит только два главных вопроса, которые однако обсуждаются в нескольких главах.

Первый вопрос.

Кому колдун не может вредить?

Вторая часть этого труда—главная часть, потому что трактует о способе, каким ведьмы выполняют свое колдовство; она разделена на восемнадцать глав; имеет только два затруднения, из которых одно имеется вначале, где говорится, кто не может быть околдован, т. е. где говорится о предохранительных средствах; второе—в конце, где говорится о средствах исцеления от колдовства, которыми околдованный может излечиться; так как, согласно философу (Аристотелю), удаляемое и задерживаемое совпадают и по акциденции бывают причинами, то здесь и находится вся основа этой ужасной ереси.

Особое внимание нужно обратить на следующие моменты: во-первых, на вступление ведьм в ремесло, или их богохульную профес-

сию; во-вторых, на дальнейший успех в их деле и ужасное в нем пребывание, в-третьих, на целебные против их колдовства противоядия и предохранительные средства. А так как теперь мы заняты обработкой материала морального порядка, то нет необходимости слишком подробно останавливаться на различных доказательствах и об'яснениях; и так как то, что излагается в следующих главах, достаточно выяснено в предшествующих вопросах, мы просим благочестивого читателя, чтобы он не домогался об'яснений во всех случаях, где достаточно одного лишь доверия к истине, установленной или собственным опытом через зрение или слух, или донесением заслуживающих доверия лиц.

Что касается первого момента, то здесь будут затронуты главным образом два вопроса: первый о различных средствах привлечения демона, второй о различных способах занятия ведьм ересью; относительно же второго момента, выполнения колдовства и исцелений от него, коснемся сразу шести вопросов: во-первых, о том, что делают ведьмы с собой и своим телом; во вторых, что они совершают против других людей; в-третьих, против животных и в-четвертых, о порче полевых злаков; в-пятых, о колдовстве только мужчин, т. е. о колдовстве, которым занимаются только мужчины, но не женщины; в-шестых, следует вопрос о снятии колдовства и о том, как излечить околдованных. Но первый вопрос делится на восемнадцать глав, так как ведьмы в своей деятельности прибегают к весьма различным и многообразным средствам.

Может ли кто-либо быть настолько охраняем ангелом-хранителем, что не бывает околдован ведьмами ни одним из ниже приведенных средств?

Повидимому нет, потому что, как это было выяснено ранее, бесы поражают часто также безгрешных, невинных и праведных, как Иова, и многих невинных детей, которых видят околдованными, и многих других праведников, хотя и не настолько, как грешников, потому что первые поражаются не до погибели их душ, а лишь до потери жизненных благ.

Этому противоречит признание ведьм, что они именно не всем могут вредить, но лишь тем, которые, как это они узнают из указаний бесов, лишены божественной помощи.

Ответ: Три рода людей пользуются настолько милостью божией, что с ними ничего не может поделать это отвратительное отродье своим колдовством: 1) кто выполняет обязанности общественного суда против ведьм или выполняет какую-либо другую общественную службу против них; 2) кто охраняет себя, согласно принятым священным обрядам, как-то: окроплением святой водой, принятием освященной соли или посредством освященной в день сретения господня свечи и освященных в вербное воскресение ветвей (чем и церковь изгоняет бесов), чтобы ослабить власть бесов, о чем еще будет суждение; 3) кто различными и бесчисленными средствами пользуется милостью через святых ангелов.

Относительно первого вопроса будет приведено одно основание а для подтверждения несколько фактов и случаев. Так как именно всякая власть от бога и, согласно апостолу, меч для отмщения злым и для воздаяния добрым, то нет ничего удивительного в том, что бесы удерживаются силою ангелов, если правосудие воздает отмще-

ние за то ужасное преступление. Ученые при этом замечают, что власть дьявола удерживается совершенно или отчасти 5 способами:

Во-первых, целью, которая поставлена его власти богом, о чем говорится в кн. Иова гл. I и II; здесь можно привести доказательство того человека, о котором говорится в „Муравейнике" Нидера: некто призвал его с тем, чтобы он убил его врага или причинил вред его телу, или поразил его ударом молнии: „Когда я,—так признавался он судье,—призвал демона, чтобы выполнить это при его помощи, он ответил мне, что ничего этого он сделать не может: „тот имеет,—ответил он мне,—добрую веру и охраняет себя усердно знамением креста, поэтому я могу причинить вред не телу его, но, если ты хочешь, одиннадцатой части его урожая в поле".

Во-вторых, демон удерживается внешним препятствием, как в случае с ослицей Валаама, кн. Чисел 22. В-третьих, посредством возможного чуда. Так бывает с людьми, охраняемыми особой милостью; об этом третьем роде людей, которые не могут быть околдованы, будет сказано дальше; в-четвертых, божественным постановлением, устраняющим препятствия посредством добрых ангелов, как в случае с Асмодеем, который убивал женихов девицы Сарры, но не Товию; в-пятых, иногда собственною осторожностью, потому что иной раз дьявол не хочет вредить, дабы из этого последовало нечто худшее. Поэтому мы можем сказать, что если демоны не удерживаются божественной властью, если общественное правосудие действует, то они добровольно часто лишают ведьм своего покровительства, так как боятся или их обращения или хотят и ускоряют их осуждение.

Это доказывается также фактами и случаями. Упомянутый ученый рассказывает, что ведьмы, как известно из рассказов и опыта, дают показания, что, взятые под стражу представителями государственного правосудия, теряют искусство своего колдовства. Был судья, по имени Петр, о котором упоминалось выше. Когда он хотел через своих слуг задержать известного колдуна по имени Стадлина, их руки начали так дрожать и в их носы пахнуло столь ужасным зловонием, что они начали уже сомневаться, в состоянии ли они броситься на колдуна. Тогда судья приказал им: „Спокойно набросьтесь на несчастного, потому что он, настигнутый общественным судом, тотчас потеряет все силы своей злобы". Конец истории и подтвердил это: он был пойман и сожжен за весьма многие колдовские деяния, которые он всюду расточал и применял к различным вещам.

Но есть еще много других случаев, которые встречаются нам, инквизиторам, при исполнении службы инквизиции; если бы мы осмелились их рассказать, то конечно увлекли бы читателя до удивления. Но так как самохвальство воняет, то полезно будет обойти это молчанием, чтобы не навлечь на себя упрека в пустом тщеславии. Однако мы хотим рассказать только то, что стало настолько известным, что не может быть скрыто.

Когда в городе Равенсбурге впоследствии сожженные ведьмы были спрошены городскими советниками, почему к инквизиторам они не применяют своего колдовства, как к прочим людям, они ответили, что не раз пытались, но это им не удавалось. Когда же их спросили о причинах, они ответили, что этого не знают, но что так им сообщили бесы. Как часто они днем и ночью нападают на нас, мы не в силах рассказать: то как обезьяны, то как псы и козы, беспокоят они нас своим криком и шумом, особенно ночью, когда мы встаем на усердную молитву; они производят сильнейшие удары по окну комнаты, несмотря на то, что она находится на такой высоте,

что к нему можно подняться только по очень высокой лестнице; иногда кажется, стучат над головой, ударяют простыней, которой покрыта голова; если же мы встаем, то находим их в таком виде, как будто они хотят ударить нас по голове. Но благодарение создателю, который по своей любви, без наших заслуг, охранил нас как общественных недостойных слуг божественного правосудия.

Относительно второго вопроса основание ясно само по себе. Подобными же средствами и церковь изгоняет бесов, и вообще они самые действительные средства для охранения себя от нападения ведьм. Если кто-нибудь спросит, каким способом должно охранять себя, то следует, во-первых, сказать, что рекомендуется каждое приличное место, на человеке и животном, с призыванием святейшей троицы и чтением молитвы господней, окропить святой водой во спасение людей и животных. Так именно говорится в церковых заклинаниях; место, окропленное святой водой, становится свободным от всякой нечистоты, освобождается от вины, там не остается никакая нечистая сила и т. д; так, согласно словам пророка, господь спасает людей и животных, каждого по его состоянию.

Во-вторых, кроме окропления, при необходимости, следует пользоваться и освященной свечой, которая соответствует окроплению, особенно при освещении жилищ. В-третьих, очень полезно бывает привязывать освященные травы или окуривать ими или класть их в какое-либо потайное место.

В городе Шпейере в тот год, когда начата была эта книга, некая благочестивая женщина, по женскому обычаю, сильно поспорила с другою, заподозренною в колдовстве; ночью, когда она клала грудного младенца в колыбель, то вспомнила, что произошло у нее днем с заподозренной ведьмой; опасаясь за ребенка, она положила на него священные травы, окропила его также святою водой, положила ему в рот немного освященной соли, оградила его крестным знамением и заботливо привязала колыбель. И вот около полуночи она услышала плач ребенка и по обыкновению хотела ощупать его и покачать колыбель, находившуюся около ее кровати на той же высоте; колыбель она действительно покачала, но ребенка ощупать не могла, потому что его там не было; дрожа и громко рыдая, бедная зажгла свет и нашла плачущего ребенка в углу под кроватью невредимым. Отсюда можно судить, какая сила заключается в церковных заклинаниях против козней дьявола. Больше того, становится очевидным также, что благость и мудрость всемогущего бога, проявление коих бесконечно, направляют также и злодеяния дурных людей и демонов ко благу; там, где они стремятся уменьшить и ослабить веру, они во многих сердцах ее сильнее укрепляют и внедряют. Даже величайшая польза получается для верующих от такого рода зол, так как злобой дьявола укрепляется вера, проявляется милосердие божие, открывается божие всемогущество, люди прибегают к покрову божиему и воспламеняются преклонением страстям христовым и церковным обрядам.

В те дни также был околдован староста одной деревни под названием Визенталь на страшные телесные страдания и мучения. Что это приключилось с ним от колдовства, он знал не от других ведьм, а только из собственного опыта. Он сказал, что имел обыкновение каждое воскресенье охранять себя принятием соли и святой водой, но однажды, по случаю празднования какой-то свадьбы, пренебрег этим и в тот же день был околдован.

Наконец, что было с тем человеком в Ревенбурге, которого дьявол в образе женщины побуждал к плотскому совокуплению? Он был сильно обеспокоен, и так как дьявол не хотел отстать, бедному пришло на мысль оградить себя принятием соли, о чем он слышал раньше в проповеди. Поэтому, когда он при входе в комнату принял освященной соли, женщина посмотрела на него диким взглядом и тотчас исчезла по указанию беса. Здесь дьявол находился или в образе ведьмы, или в ее телесном присутствии, так как с божьего дозволения он может делать то и другое.

А также ее три товарища, которые шли гулять по дороге; двое из них были убиты молнией, третий в испуге услышал в воздухе голоса, кричавшие: „убьем и его", на что другой голос отвечал: „не можем, потому что он сегодня слышал слово плоть бысть"; тогда он понял, что спасся потому, что слушал обедню и в конце ее евангелие от Иоанна „в начале бе слово" и т. д.

Но и амулеты с священными словами, подвязанные к телу, имеют удивительную предохранительную силу, если только при этом соблюдается семь условий, о чем будет речь в последнем вопросе этой второй частн, где обсуждаются средства целицельные, как здесь средства предохранительные. И те священные слова полезны не только для предохранения, но и для исцеления околдованных.

Еще больше предохранительную силу для мест, людей и животных имеют слова победного титула, нашего спасителя, если они на четырех частях какого-либо места в форме креста написаны: Иисус + Назарянин + царь + иудейский +; с присоединением имени девы Марии, евангелистов или слов Иоанна: „слово плоть бысть".

Третий род людей, которым не могут вредить бесы, исключительный, так как он охраняется чрезвычайными внутренними и внешними средствами ангелов; внутренними—чрез излияние благодати, внешними—покровительством небесных сил, то-есть движением небесных тел; этот род делится на два вида избранных, так как они или охраняются от всякого рода колдовства, т. е. им не могут ни в чем повредить, или же только охраняется в отношении детородной силы, когда целомудрие охраняется добрыми ангелами, так же, как злые духи своими чародействами воспламеняют к одной женщине или охлаждают к другой.

Первое утверждение о внутреннем и внешнем охранении, т. е. о блогодати и о влиянии небесных тел, об'ясняется так. Хотя бог сам по себе изливает благодать в наш дух, так что никакая тварь не в силах стремиться к этому излиянию, согласно словам „благодать и славу даст господь", однако при предрасположении, как говорит св. Фома в одном месте коммент. на 3 кн. сентенций: когда бог хочет излить особую благодать, то содействует добрый ангел; то же хочет сказать и Дионисий в соч. „Об именах божьих" (4 гл.): „Это непоколебимо установленный закон божества, что низшие от высших через посредствующие совершенствуются", так что все благое изливается в нас из источника всякой благости при посредстве добрых ангелов. Мы имеем к тому основания и примеры. Ибо хотя для зачатия бога слова преблаженной деве, через которую бог стал человеком, достаточно было одной божественной силы, однако с помощью ангела дух девы был сильно возбужден приветствием, укреплением и просвещением разума и тем предрасположен ко благу. Основание: мнение упомянутого ученого таково, что в человеке, как мы видим, три способности, именно: воля, разум и иные силы, внешние и внутренние,

заключенные в телесных членах и органах. На первую (волю) воздействует один бог, потому что „сердце царево в руке господа"; при предрасположении добрый ангел просвещает разум к большему познанию истины и добра, так что на вторую способность могут воздействовать через просветление и бог и добрый ангел. На третью способность добрый ангел может влиять к добру, а злой ангел, хотя и с дозволения бога, оказывать дурные влияния. Однако зависит от силы человеческой воли—воспринимать такие влияния или отражать, так как при помощи благодати божией человек всегда может отвергнуть таковые.

Что касается внешнего охранения, которое пере ается богом через движущие силы миров, всеобщее и совершенно согласное предание как священного писания, так и философии природы,—то, что небесные тела движутся ангельскою силою и христом названы движущими силами мира, а церковь называет их небесными силами; и следовательно все телесное в этом мире зависит от небесных влияний, как доказывает и Философ, („Метафизика 1"). Поэтому и мы можем сказать: так как бог имеет особый промысл о своих избранных, то хотя некоторых подвергает несчастиям этой жизни, т. е. наказаниям, однако иных он охраняет так, что они не терпят никакого вреда; и этот дар они принимают или от добрых ангелов, стражей божьих, или чрез влияние небесных тел, т. е. движущих сил вселенной.

К этому нужно еще заметить, что некоторые ограждены от всякого колдовства, другие не от всякого, но только от некоторого; иные же особенно ограждаются добрыми ангелами в отношении силы деторождения и становятся настолько целомудренными, что никоим образом не могут быть околдованы злыми в отношении этой силы. Но об этом писать кажется и излишне и необходимо. Кто околдован в отношении силы деторождения, тот покинут ангелом-хранителем или потому, что постоянно находится в смертном грехе или потому, что его влечет к этой мерзости слишком страстная похоть. Поэтому, как уже было установлено в первой части этого труда, бог широко допускает околдовывать эту силу и не только ради постыдности полового акта, но также и потому, что тление через первородный грех праотца передается всему человеческому роду.

Однако поговорим немного о том, как иногда добрый ангел покровительствует мужам праведным и святым главным образом в отношении половой силы. Так случилось с аввой св. Сереном, о котором рассказывает Кассиан[1]) в „Собеседованиях отцов" и именно в первом собеседовании аввы Серена: „он для внутренней чистоты сердца и души неутомимо пребывал в ночных и дневных молитвах, посте и бдении и наконец увидел, что по благодати божией он погасил в своем сердце весь жар плотской похоти; воспламеняемый еще большей ревностью к целомудрию после того, как он использовал названные средства, он умолял бога, чтобы он, даровавший ему чистоту внутреннего человека, ниспослал также и чистоту тела. Затем пришедший к нему в ночном видении ангел, как бы раскрыв его чрево, вырвал из его чресл какой-то огненный кусок мяса и все внутренности, снова уложив на свои места, как были, сказал: вот похотник твоей плоти отсечен. Знай, что с этого дня ты достиг постоянного целомудрия, которого ты просил в твоей молитве; отныне тебя не может волно-

---

[1]) Иоанн Кассиан, святой, пресвитер в Марсели, ум. в 435 г., был в Египте и по возвращении на Запад основал монастыри по восточному образцу, автор „Собеседования отцов", „О воплощении христа", переведенных на русский язык.

вать и то естественное движение похоти, которое возбуждает даже детей и младенцев".

Св. Григорий в 1 диалоге так рассказывает об авве Эквиции: „в юных летах сильно мучила его тяжкая борьба с вожделениями плоти; но самая тяжесть искушения заставила его быть тем более прилежным к молитве; и так как в непрестанной молитве он испрашивал у всемогущего бога врачевства против искушения, то в одну ночь он увидел, как пред ним предстал ангел и как бы оскопил его, и в том же видении ему показалось, что всякое движение в половых органах исчезло, и с этого времени он был так далек от искушения, что как будто не имел больше в теле полового признака. Вот каков дар целомудрия. Укрепившись же помощью благодати божией добродетели, Эквиций, как дотоле управлял только мужскими монастырями, так отселе начал управлять и женскими".

В житиях святых отцов, которые собрал св. Гереклид, муж благочестивейший, в своей книге, которую он называет „Рай" (Paradisus) упоминается один святой отец и монах, по имени Илия. Илия, движимый чувством милосердия, собрал в монастыре триста женщин и руководил ими. По прошествии двух лет, имея 35 лет жизни, он испытал искушение плоти и бежал в пустыню, где два дня постился и молился, говоря: „господи, или убей меня, или освободи меня от этого искушения". Вечером на него нашел сон, и он видит, к нему подошли три ангела и спрашивают, почему он бежал из девичьего монастыря; так как по стыдливости он не осмелился ответить, ангелы сказали: если ты будешь освобожден от искушения, вернешься ли ты обратно и возьмешь заботу о женщинах?. Он ответил: охотно. Тогда они взяли с него клятву и оскопили его. Ему казалось, что один ангел взял его за руки, другой за ноги, третий взял нож и вырезал его яйца; это не было действительно, но так ему показалось; и когда они спросили, чувствует ли он облегчение, он ответил: весьма большое облегчение. На пятый день он вернулся к опечаленным женщинам; в течение сорока лет, которые он затем прожил, он не чувствовал никакого признака искушения.

Не меньшая милость дана была и блаженному Фоме, ученому нашего ордена; за свое вступление в названный орден он был взят под охрану своими родственниками, которые плотски искушали его к мирской жизни, подослав ему в великолепном наряде и украшении блудницу; когда ученый увидел ее, он подбежал к действительному огню, схватил горящую головню и изгнал соблазнительницу огненной страсти из кельи. Простершись на молитву, прося дара целомудрия, он заснул. Тогда явились к нему два ангела и сказали: Вот мы опоясываем тебя, по божьему повелению, поясом целомудрия, который не может быть развязан никаким последующим искусом; чего нельзя достичь усилием человеческих заслуг, то дается милостью бога, как дар" Таким образом он почувствовал пояс, то-есть ощущение пояса, и с криком проснулся. После этого он почувствовал себя одаренным такой силой целомудрия что с этого времени получил отвращение ко всякому удовольствию, так что без необходимости он не мог говорить с женщинами и приобрел совершенное целомудрие. —Это из „Муравейника" Нидера.

Таким образом, исключая эти три рода людей, никто не застрахован от колдовства, и каждый может быть околдован восемнадцатью ниже описанными способами, или быть соблазняем и побуждаем к колдовству, о чем будет еще речь. Чтоб потом яснее можно было

определить, какими средствами исцелять околдованных, и чтобы тем яснее раскрыть самые восемнадцать способов, мы должны обсудить это также в восемнадцати главах. Во-первых, относительно вступления в ведьмы, необходимо яснее раскрыть различные способы, какими они, для увеличения нечестия, привлекают невинных девушек; во-вторых, о средствах их нечестивой профессии, где также дано будет некоторое об'яснение относительно присяги, приносимой ими дьяволу; в-третьих, о средстве, коим они с места на место переносятся телом или душой; в-четвертых, каким образом они подчиняются демонам-инкубам; в-пятых, в общем как они пользуются церковными таинствами для своего колдовства и, в особом смысле, как они околдовывают каждое существо, при попущении божием, без участия небесных тел; в-шестых, каким способом они могут задерживать силу деторождения; в-седьмых, каким образом они могут чародейским искусством удалять мужской член; в-восьмых, как они могут превращать людей в животных, в-девятых, о способе, каким демоны могут проникать в головы, не повреждая их, когда они производят свои чародейские действия; в-десятых, о способе, каким демоны через колдовство ведьм иногда субстанциально вселяются в людей; в-одиннадцатых, вообще, как всякого рода болезни могут они насылать; в-двенадцатых, о некоторых болезнях в особенности; в-тринадцатых, о способе, коим причиняют величайший вред ведьмы-повитухи, когда они или убивают детей или через проклятие предают их демонам; в-четырнадцатых, о способе, каким они наносят различный вред животным; в-пятнадцатых, о способе, каким они могут вызывать град и бури и метать молнии на людей и животных; в-шестнадцатых, семнадцатых и восемнадцатых о трех способах, к которым прибегают в колдовстве только мужчины, но не женщины. Потом следует вопрос о средствах, какими снимается подобного рода колдовство.

Но пусть никто не думает получить отсюда основательное знание, потому что здесь перечисляются различные способы различного колдовства. Так как это мало полезно и даже может быть вредным, поэтому здесь не приводятся запрещенные книги черной магии, хотя этот род суеверия не в книгах и практикуется не учеными, но исключительно только невеждами. Это суеверие имеет одно и то же основание, как и колдовство.

Но здесь способы колдовства указаны лишь поверхностно, дабы дела ведьм не казались невероятными, как это до сих пор случалось, к величайшему посрамлению веры и к умножению самих ведьм. Если кто-либо, на основании вышесказанного, полагал бы, что некоторые охраняются влиянием небесных тел, вследствие чего никоим образом не могут быть околдованы, а также хотел бы приписывать тем влияниям случай околдования, подобно тому, как если бы существовала определенная необходимость ограждения от ведьм и содействия колдовству, то таковой понял бы мысль ученых неправильно в различных отношениях. Во-первых, потому что существуют три рода действий, которые могут быть направляемы тремя небесными причинами: акты воли, разума и тела. Первые, как уже говорилось выше, направляются только и непосредственно богом, вторые—ангелом, третьи—небесными телами, хотя только направляются, но не вынуждаются.

Во-вторых, из сказанного ясно, что решения и воля направляются непосредственно богом, по словам апостола: „бог производит в нас и хотение и действие по своему благоволению (ап. Павел, послан. к Филипп. II, 13); интеллектуальное человеческое познание устроится

богом при посредстве ангелов; поэтому все телесное, будь то внутреннее как добродетели и знания, приобретенные через внешние телесные способности, будь то внешнее, как здоровье и болезни, управляются при посредстве ангелов небесными телами. Этого касается и Дионисий в гл. 4 соч. „Об именах божиих": небесные тела — причины того, что происходит в этом мире; однако это следует понимать в отношении здоровья и болезней естественных; болезни же сверхъестественные насылаются, при попущении божьем, силою демонов. Поэтому мы не можем сказать, в случае если кто-либо околдован, что это произошло по влиянию небесных тел, тогда как вполне возможно сказать, если кто-либо не может быть околдован, то это происходит по влиянию небесных тел.

Если будет сказано, что при этом может случиться противоположное, то можно ответить: если кто-либо охраняется от таких сверхъестественных болезней силою небесных тел, то это происходит не силою небесных тел непосредственно, но силою ангельскою, которая может это влияние усилить, так что враг не может преодолеть его своим колдовством; и эта ангельская сила может исходить от движущих сил небесных тел; так если кто-нибудь должен умереть скоропостижно, потому что время его истекло, то бог своей силой, действующей в таких случаях всегда через посредствующие причины, может изменить разрушительную силу природы, заменив созидательной. То же мы должны сказать и о том, кто может быть околдован; он таким же образом охраняется, или же такое охранение поручается ангелу-хранителю; таковое охранение—одно из самых важных.

Если в кн. пророка Иеремии гл. 22, ст. 30 говорится: „запишите человека сего лишенным детей, человеком злополучным во дни свои", то здесь следует иметь в виду решения воли, в которых один человек имеет счастье, другой нет; что может происходить также и от влияний небесных тел. Так, например один, вследствие влияния небесных тел, имеет склонность к каким-либо полезным решениям воли, как вступление в монашество и подобное; и если его разум будет просветлен ангельским светом поступать так, а его воля, вследствие воздействия бога, склоняется к тому, чтобы достичь подобного, то о нем говорится, что он имеет хорошее счастье. Наоборот, тот называется несчастным, кто, по высочайшим причинам, склоняет решения воли к противному.

Об этих взглядах и многих других говорит св. Фома в сочинении „Сумма против язычников". Но здесь не место распространяться об этих решениях воли, так как мы намерены рассуждать не о них, а об охранении от колдовства. Поэтому теперь необходимо перейти к деятельности ведьм, и прежде всего к способам, какими они привлекают невинных к своему нечестию.

О различных способах, коими демоны чрез посредство ведьм привлекают и соблазняют невинных для умножения нечестия.

ГЛАВА 1.

Прежде всего имеется три способа, коими демоны при посредстве ведьм совращают невинных и вследствие чего это нечестие посто-

янно растет. Первый—посредством тоски из-за тяжких временных несчастий; св. Григорий говорит: „дьявол часто стремится к тому, чтобы овладела тоска". Однако разумей в пределах сил испытуемого; и относительно божеского попущения уясни себе, что бог попускает, чтобы люди не пребывали в оцепенелом малодушии. В этом смысле говорится в кн. судей, гл II „господь не уничтожил эти народы, дабы искушать через них Израиля", т. е. говорится о соседних народностях хананеев, иевусеев и других. Он попускает также существование гуситов и других еретиков, которые не уничтожены. И демоны поэтому при посредстве ведьм поражают соседей и невинных такими же временными несчастиями, так что те принуждены бывают сперва обращаться к ведьмам за советом, а под конец подчиняются их планам, как часто показывал нам опыт. Мы знаем одного хозяина в Аугсбурской епархии, у которого в течение одного года были околдованы одна за другой 44 лошади; жена, охваченная тоской, посоветовалась с ведьмами и, по их совету, который конечно не мог вернуть здоровье, она охранила потом купленных лошадей (потому что хозяин был извозчиком) от колдовства.

Сколько женщин жаловалось нам, при исполнении нами обязанностей инквизиции, что когда при порче коров (лишением их молока) и других животных они обращались за советом к известным ведьмам, то получали различные средства, если только они соглашались дать некоторое обещание одному духу; когда их спрашивали, что же нужно обещать, то им отвечали: немного, нужно только слушаться указаний того духа в отношении некоторых обрядов во время богослужения в церкви или во время исповеди перед священником кое-что замалчивать.

Здесь нужно заметить, на что уже мы указывали выше, что этот искусник начинает с малого и незначительного, как, например, во время возношения тела христова плюнуть на землю или закрыть глаза или произнести какие-либо пустые слова; мы знаем одну ведьму, которая еще жива, так как ее защищала мирская власть; во время литургии, когда священник приветствует молящихся словами: „господь да будет с вами", она при этом всегда произносит вульгарное выражение: „поверни мне язык в заднице". Во время исповеди, после уже отпущения грехов, ведьмы также должны выполнить что-либо подобное, никогда чистосердечно не исповедываться, особливо в смертных грехах; так мало-помалу они приводятся к полному отрицанию веры и богомерзкому занятию.

Это средство, как и многие другие, также применяется ведьмами и к почтенным женщинам менее преданным телесным порокам, но жадно домогающимся земных благ. В отношении молодых, преданных более тщеславию и телесным удовольствиям, они пользуются другим средством, а именно их склонностью к телесным желаниям и плотским удовольствиям.

Здесь следует заметить, что стремление и желание дьявола больше искушать добрых, чем злых, хотя в отношении искушенных более искушает злых, чем добрых, потому что именно в злых находит большую пригодность к восприятию бесовских искушений, чем в добрых. Таким образом, дьявол стремится соблазнить более святых дев и девочек, к чему имеются основания и примеры опыта. Злыми он уже владеет и потому тем более тщится совратить в свою власть праведных, которыми не владеет; так и земной владыка скорее восстает против того, кто нарушает его права, чем против тех, кто не противится ему.

Примеры из опыта: в городе Равенсбурге из двух, впоследствии сожженных, ведьм (как это будет видно потом, где будет речь о способах, какими ведьмы вызывают бури) одна банщица, между прочими признаниями, рассказала также, сколько бед она претерпела от дьявола ради того, что она должна была соблазнить одну благочестивую девицу, дочь некоего очень богатого человека (называть коего не следует, так как сама она уже божиею милостью скончалась, дабы злоба не отравила сердца ее); ведьма должна была пригласить ее в один праздничный день, чтобы сам демон, в образе юноши, мог иметь с ней разговор; она рассказывала, что хотя очень часто она пыталась это сделать, однако каждый раз, как с девицей заговаривали, она ограждала себя крестным знамением. Никто не сомневается конечно, что это происходило по побуждению святого ангела для устранения дьявольского дела.

Другая девица, проживающая в Страсбургской епархии, каясь одному из нас, уверяла, что в одно из воскресений, когда она одиноко проводила время в отцовском доме, пришла навестить ее одна старая женщина из того же города и, после нескольких льстивых слов, под конец предложила ей пойти с ней в одно место, где остановились юноши, неизвестные ни одному человеку в городе „И когда я,—говорила девица,—дала согласие и, следуя за ней подошла к дому, старуха проговорила: вот лестница, поднимемся наверх в комнату, где остановились юноши, но берегись, не ограждай себя крестным знамением. Я пообещала, и когда она шла впереди, я, следуя за ней по лестнице, тайно перекрестилась. Поэтому произошло так, что, когда мы вместе остановились на верхней ступеньке перед комнатой, старуха с ужасным видом, полная яростного гнева, обернулась и, смотря на меня, проговорила: „Ну, будь же ты проклята; зачем ты перекрестилась? Вон отсюда, во имя дьявола, уходи обратно", и я невредима вернулась домой".

Отсюда можно притти к заключению, с какою изворотливостью этот старый враг нападает при искушении душ. Упомянутая, впоследствии сожженная банщица рассказала, каким образом она сама была соблазнена другой старухой: по дороге она встретила демона в человеческом образе, шла она с намерением посетить своего любовника с целью блуда; когда она была демоном-инкубом опознана и спрошена, узнала ли она его, и она ответила, что совсем его не знает, он сказал: „Я дьявол, и если ты хочешь, я всегда буду готов к твоим услугам и не оставлю тебя ни в какой нужде". Так как она согласилась на это, то в течение восемнадцати лет, то есть до конца жизни, она предавалась этим дьявольским мерзостям, при полном, конечно, отрицании веры.

Третий способ привлечения и соблазна бывают путем печали и бедности. Падшие девицы, покинутые своими любовниками, которым они отдавались ради обещания жениться на них, потеряв всякую надежду и отовсюду встречая только позор и стыд, обращаются к помощи дьявола или с целью мести, околдовать своего бывшего любовника или ту, с которой он связался, или чтобы просто заняться всеми мерзостями колдовства. И так как подобным девицам нет числа, как к сожалению учит опыт, то нет числа и ведьмам, вышедшим из них. Из множества расскажем о немногих.

В Бриксенской епархии есть одно местечко, где один молодой человек рассказал такой случай о своей жене которая у него была околдована: „В юности, сказал он, я любил одну девушку, и она

твердо настаивала на том, чтобы я женился на ней, но я опозорил ее и женился на другой из другого округа; желая однако ради дружбы угодить ей, я пригласил ее на свадьбу. Она пришла, и в то время, как другие почтенные женщины принесли подарки, она подняла руку и сказала моей жене так, что окружающие женщины могли слышать: „после этого дня ты будешь здорова лишь несколько дней". И когда моя жена, не знавшая ее, потому что, как сказано, было взята из другого округа, испуганная спросила присутствующих, кто та, что ей грозила так, ей ответили другие, что это бродячая распутная женщина. Ее предсказание сбылось через несколько дней жена была так околдована и расслаблена во всех членах, что даже до настоящего времени, после более десяти лет, она ощущает в своем теле колдовство".

Если бы только то, что раскрыто в одном городе этой епархии относительно колдовства, было полностью изложено, то составилась бы целая книга.

Думаю, что не должен обойти молчанием следующую удивительную и неслыханную историю. Некий граф из округа Вестерих, женился на девушке столь же славного рода, с которой он не мог соединиться плотски после свадьбы даже до третьего года, будучи околдован, как покажет конец истории. Он был полон печали, не зная, что он должен делать, усердно призывая святителей божиих Случилось так, что, для выполнения некоторых дел, он прибыл в город Метц; там, бродя по улицам и переулкам, окруженный слугами и семьей, он встретил женщину, которая за три года до этого была его наложницей; увидя ее и нисколько не думая о причиненном ему колдовстве, он неожиданно, по старой дружбе, ласково с ней заговорил и спросил, здорова ли она. Когда она заметила любезность графа, то внимательно осведомилась о его здоровьи и самочувствии. Когда он ответил, что все хорошо, она удивленная несколько помолчала. Граф, заметив ее удивление, снова обратился к ней с любезными словами, вызывая ее на разговор. Когда она справилась о самочувствии его жены, то получила такой же ответ: она чувствует себя во всем хорошо; после этого она спросила, родились ли дети, на что граф ответил: „У меня трое детей, мальчики, каждый год по одному". После этого она еще более поразилась и замолчала. Граф спросил: „Почему, милая, однако, ты так внимательно об этом расспрашиваешь?. Я не сомневаюсь, ты сочувствуешь моему счастью". Тогда та ответила: „Конечно, сочувствую, но пусть будет проклята та старуха, которая взялась околдовать ваше тело, чтобы вы не могли никоим образом иметь полового акта с вашей женой. Доказательство этого: на дне колодца, который находится среди вашего двора, имеется горшок с известными колдовскими средствами, который положен туда затем, чтобы, пока он будет там лежать, вы были импотентом, но вот все напрасно, чему я радуюсь и т д." К к только граф вернулся домой, немедленно он приказал вычерпать колодец и нашел там горшок; когда все содержимое было сожжено, тотчас к нему снова вернулась утерянная сила. Поэтому графиня снова пригласила знатных гостей на новую свадьбу, заявив, что теперь она действительно госпожа замка и поместья, а до сих пор столько времени она оставалась еще девицей. Называть по имени замок и поместье не следует ради высокого положения графа; должна быть указана только сущность факта чтобы заклеймить позором такие преступления.

Отсюда ясно, к каким разнообразным средствам прибегают ведьмы для умножения нечестия.

О средствах выполнения святотатственной профессии ведьм.

ГЛАВА II.

Средства выполнения святотатственного ремесла, на основании заключенного с демонами договора, различны. Надо обратить внимание на следующее: как установлено в первой части, ведьмы бывают трех родов: такие, которые вредят, но не могут излечить, которые вылечивают, но, в силу особого договора с дьяволом, не вредят, и такие, которые вредят и лечат, среди же вредящих имеется один высший разряд; находящиеся в этом разряде способны выполнить все прочие чародейства, которые другие совершают только частично: поэтому, когда описываются приемы их действий, становятся достаточно ясными и способы более низшего порядка. Сюда относятся те ведьмы, которые, вопреки инстинкту человеческой природы, больше того - вопреки инстинкту диких зверей, имеют обыкновение особым образом пожирать детей.

И это—высший род среди занимающихся колдовством; это они именно насылают всякого рода порчу: они насылают град, бури и дурную погоду, причиняют бесплодие людям и животным, посвящают детей, которых они не пожрали, демонам, как об этом говорилось выше, или же убивают их, что однако случается только с детьми, которые не возрождены водою крещения, если же, как выяснится, они пожирают и возрожденных, то только с божьего попущения. Они, умеют детей, гуляющих возле воды, на глазах родителей, бросать в воду, но так, что никто этого не заметит, приводить лошадей под всадником в бешенство, перелетать с места на место по воздуху телесно или только в воображении; затуманивать души судей и председателей, дабы последние не могли им вредить; внушать себе и другим молчание во время пыток; поражать руки и сердца арестовавших их сильной дрожью; скрытое от других обнаруживать, предсказывать также будущее по указанию дьявола, что однако может иметь и естественные причины (смотри вопрос: могут ли демоны предвидеть будущее? Сентенция 2, разд. VII); видеть отсутствующих, как присутствующих; сердца людей склонять к необыкновенной любви или ненависти; когда хотят, убивать ударом молнии известных людей или животных; лишать силы деторождения или даже способности к совокуплению; вызывать преждевременные роды, убивать детей во чреве матери одним внешним прикосновением, даже иногда одним взглядом без прикосновения; околдовывать людей и животных и наносить им смерть, собственных детей посвящать демонам; одним словом, как указано выше, все зловредное, что другие ведьмы способны выполнять отчасти, эти могут совершить в том случае, конечно, если подобное допускает правосудие божие. Ведьмы, принадлежащие к этому высшему разряду, умеют все это выполнять, но не обратно (т. е. принадлежащие к низшему разряду не способны на все). Однако, общее всем им—совершать плотские непотребства с демонами. Из способа, каким они выполняют свою профессию, поскольку они принадлежат к высшему разряду, легко понять и способы других ведьм.

Прежде, тридцать лет тому назад, таковые были по соседству с Савоей, по направлению к Бернскому округу, как рассказывает Нидер в своем Муравейнике; теперь в Ломбардии, по направлению к Австрийскому герцогству, где инквизитор Куманус в течение одного года приказал сжечь сорок одну ведьму; это было в 1485 г.; он и до сих пор усердно занят инквизицией.

Способ же заключения союза с дьяволом двоякий: один торжественный, с торжественным обетом, другой частный, который может быть заключен с дьяволом в какое угодно время. Торжественный бывает тогда, когда ведьмы, в установленный день, приходят на определенное сборное место, где видят демона в образе человека; и в то время, как он побуждает их к сохранению верности по отношению к себе, ради временного благополучия и продолжительной жизни, присутствующие дают обет принятого ими на себя послушания. Если демон находит, что послушница или добровольный ученик склонны к отрицанию веры и христианского богослужения, и отказываются больше почитать толстую женщину (ибо так они именуют преблаженную деву Марию) и святые таинства, тогда демон простирает руку, то же делают послушницы или ученик и с клятвенно поднятой рукой обещают соблюдать это. После того как демон примет эти обеты, он тотчас прибавит: „но этого еше недостаточно", и когда ученик спросит, что же еще надо делать, демон пробует присяги, которая состоит в обещании принадлежать ему навеки душой и телом и всеми силами привлекать к нему и других лиц обоего пола. Наконец демон потребует, чтобы приготовили себе мазь из костей и членов детей, преимущественно тех, которые не возрождены водою крещения; посредством этой мази они могут, с его помощью, исполнить все свои желания.

Об этом способе мы инквизиторы (опыт—свидетель) узнали в городе Брейзахе, Базельской епархии; о нем нам полностью сообщила одна молодая, но обращенная, ведьма, тетка которой была сожженна в Страсбургской епархии; она прибавила к этому также, что способ, которым тетка пыталась соблазнить ее вначале, был следующий. Однажды она приказала ей следовать за собой по лестнице и, по ее приказу, войти в камнату. Там она увидала пятнадцать молодых людей в одеждах зеленого цвета, какие обычно носят рыцари; тетка сказала ей, „выбери одного из этих юношей; кого ты хочешь, того я тебе дам, и он сделает тебя своей невестой"; когда та ответила, что не хочет ни одного, то жестоко была побита теткой, но потом согласилась и заключила союз указанным способом. Она уверяла также, что по ночам часто улетала с ней на большие расстояния, даже из Страсбурга в Кельн.

Между прочим это та, по поводу которой в первой части мы обещали выяснить, в телесном ли виде ведьмы переносятся демонами с места на место; это было по поводу слов канона Episkopi, где текст полагает, что это бывает только в воображении, между тем как они действительно и в телесном виде переносятся. Когда спросили ведьму, не в воображении ли и фантазии, при обмане демонами так бывает, она ответила, что бывает тем и другим образом: но истина выяснится потом, когда ниже будем об'яснять способ перелета с места на место.

Эта ведьма уверяет также, что очень большое зло причиняют повитухи, так как они большей частью убивают или передают детей демонам. Она сказала, что жестоко была избита своей теткой за то,

что открыла спрятанный горшок, в котором нашла много детских голов. И еще многое другое рассказала она после того, как дала клятву, что будет говорить правду. Ее рассказам о способах заключения союза с дьяволом следует безусловно верить. Упомянутый Иоганн Нидер, выдающийся ученый, который и в наше еще время славится своими творениями, рассказывает со слов инквизитора Эдуэнской епархии, который именно в этой епархии за колдовские дела многих допрашивал и приказал сжечь, говорит: „Из сообщения упомянутого инквизитора я узнал, что в Лозанском герцогстве некоторые ведьмы варят собственных детей и пожирают". По его словам, ведьмы приходят на определенное сборище и, как бы в действительности, видят демона в принятом им образе человека. Ученик должен дать ему обет—отречься от христианства, никогда не принимать причастия, попирать ногами крест, где это втайне возможно.

Далее следует другой пример. Был общий слух, рассказывает Петр, судья в Болтинге, что в Бернском округе тринадцать детей были с'едены ведьмами; за такое злодеяние общественное правосудие расправляется довольно жестоко. Когда Петр спросил одну арестованную ведьму, каким образом они пожирают детей, она ответила: „Таким образом: преимущественно мы подстерегаем детей некрещеных, но также и крещеных, особенно если они не ограждены крестным знамением и молитвами. (Читатель, обрати внимание, подстерегают, по внушению дьявола, главным образом некрещеных, чтобы они не были крещены.) Мы убиваем их, согласно нашим обрядам, когда они лежат в колыбели или с родителями; после их смерти, когда думают, что они задавлены во время сна или умерли от иной причины, мы украдкой похищаем их из могилы и варим их в кастрюле до тех пор, пока не размякнут кости и все тело не сделается жидким и годным для питья; из более густой масы мы делаем мазь, применяя ее для выполнения наших желаний, волшебства и перелетов; более же жидкой массой мы наполняем пузатую бутыль; тот, кто из нее выпьет, с соответствующими при этом обрядами, становится соучастником и учителем нашей секты".

Следует привести другой, еще более разительный и яркий пример. Один молодой человек был схвачен вместе со своей женой ведьмой и был заключен отдельно от нее в особой башне; он сказал бернскому суду: „Если бы я мог получить прощение за мои преступления, то я бы охотно открыл все, что знаю о колдовстве, так как вижу, что мне должно умереть". Когда он услышал от присутствующих ученых, что он может получить прощение, если он искренно покается, то радостно пошел на смерть и рассказал о средствах первичной заразы. Он сказал: „Порядок, в каком также и я был совращен, следующий: прежде всего будущий ученик должен совместно с наставниками в воскресный день пойти в церковь до того, как бывает освящена святая вода, и там перед ними отречься от христа, веры, крещения и вселенской церкви. После этого ученик должен принести присягу наставничку (Magisterulus), то-есть маленькому наставнику (потому что так и не иначе называют они демона). (Здесь нужно заметить, что этот порядок совпадает с другими упомянутыми.) Препятствия не делает то, что демон, когда ему приносят присягу, иногда присутствует, а иногда нет, так как в этом случае он поступает хитро: он хорошо замечает настроение будущего ученика, который может быть, в его присутствии как испытуемый из-за страха может отступить; демон полагает, что с помощью друзей и знакомых его легче можно понудить к соглашению. Поэтому-то они и называют

его, в его отсутствии, маленький наставник, дабы испытуемый получил незначительное впечатление о наставнике и потому менее был напуган. Наконец он пьет из вышеупомянутой пузатой бутыли, после чего тотчас чувствует внутри себя, как он воспринимает образы нашего искусства и удерживает в памяти главнейший ритуал этой секты. Таким образом были совращены я и моя жена, которая, я думаю, будет столь упорна, что скорее вынесет огненную смерть, чем сознается в малейшей истине. Но, увы, мы оба виновны". Все, что рассказал молодой человек, оправдалось; было видно, в каком большом сокрушении умирал раскаявшийся юноша; жена же его, несмотря на показания свидетелей, не хотела сознаться ни в чем, даже на пытке, даже перед лицом смерти; а когда палач зажег костер, она хулила его сквернейшими словами и так была сожжена.

Вот в чем состоит торжественный способ заключения союза с дьяволом; другой—частный—происходит различным образом. Именно: иногда демон является к мужчинам или жещинам, которые переживают телесное или временное огорчение; иногда—видимо, иногда он говорит с ними через посредников; если они выражают желание поступать согласно его совету, то он обещает, что все будет к их желанию и удовольствию. Как уже говорилось в первой главе, он начинает с малого, чтобы постепенно привести их к большему. В подтверждение этого мы могли бы привести многочисленные дела и случаи из нашего опыта инквизиции, но так как этот вопрос не вызывает никаких затруднений, то, стараясь быть краткими, мы переходим к дальнейшему об'яснению.

При об'яснении приносимой демону присяги нужно принять еще нечто во внимание.

Относительно того, что дьявол принимает присягу, нужно иметь в виду еще кое-что, а именно: по какой причине и как различно он это делает.

Во-первых: хотя дьявол делает это главным образом для того, чтобы еще более оскорбить божеское величие, присваивая себе творение божие в целях большей уверенности, что оно впоследствии будет осуждено, к чему он стремится более всего, однако мы часто находили, что подобную клятву он принимал с обетом на известный ряд лет, а иногда лишь обет, клятву же на определенные годы отменял.

Мы должны сказать, что обет состоит в полном или частичном отрицании веры. Полное отрицание, как сказано выше, когда вера отрицается в целом; частичное—когда в силу заключенного договора, приходится соблюдать некоторые обряды, противные правилам церкви, например по воскресным дням поститься, по пятницам есть мясо, скрывать некоторые преступления на исповеди и тому подобное. Клятва же состоит, мы можем сказать, в том, чтобы предать ему тело и душу.

Почему подобное делается, на это мы можем указать четыре причины со стороны дьявола. Если, как выяснено в первой части, очевидно, что в глубину сердец проникнуть он не может потому что это доступно одному богу, предположительно однако, он добивается познания их, как это будет скоро выяснено ниже; поэтому коль скоро он замечает, что испытуемая им послушница с трудом поддается соглашению с ним, он ласково приступает к ней, требуя немногого, чтобы постепенно довести ее до большего.

Вторая причина: так как между отрекающимися от веры имеется различие, потому что одни отрекаются устами, другие—устами и

сердцем, то дьявол, желая испытать, предаются ли ему столько же сердцем, сколько на устах, определяет известный ряд лет, чтобы за это время испытать их на словах и на деле.

Третья причина: если через известный промежуток времени он узнает, что она добровольно не готова к выполнению какого-либо, поступка и принадлежит ему только устами, но не сердцем, охраняемая по божию милосердию добрым ангелом, о чем демон может знать по многим признакам, тогда он старается понудить ее к падению, подвергая временным огорчениям, дабы так или иначе, путем отчаяния, иметь возможность извлечь пользу для себя. Истинность сказанного ясна, если спросить, что за причина, что некоторые ведьмы, несмотря на какие угодно, даже самые мучительные пытки, не сознаются ни в чем, тогда как другие при допросе легко признают какие угодно свои преступления. Равно также, почему некоторые, после того как сознались стараются покончить жизнь самоубийством. На это можно сказать: если не содействует через посредство святых ангелов божеское внушение тому, чтобы ведьмы были принуждены сознаться в истине и избежать преступного молчания, то тогда это происходит при помощи дьявола, что обычно и бывает: или, молчание, или признание преступлений. Первое случается с теми, которые, как дьявол знает, отреклись от веры сердцем и устами, и таким же образом дали ему клятву в верности; в их постоянстве он уверен, тогда как, наоборот, других он оставляет без защиты, так как знает, что они ему очень мало полезны.

Опыт часто нас учил и из признания всех тех, которых мы сжигали, ясно было, что они не добровольно совершали колдовские поступки; в этом они признавались не в надежде освобождения, так как истина обнаруживалась, благодаря ударам и побоям, полученным ими от демонов, когда они не слушались их указаний; очень часто лица их можно было видеть опухшими и синеватыми.

Наша практика также установила ту истину, что после того, как под пыткой они сознавались в преступлениях, они всегда стремились покончить свою жизнь в петле. Поэтому, как только они сознаются, каждый час к ним посылаются сторожа, наблюдающие за ними; иногда по небрежности охраны находят ведьм повесившимися на ремне или на платье. Этому содействует, как сказано, враг, дабы они не могли сокрушением или через таинство исповеди получить прощения; тех же, которых он никогда не мог привлечь к себе сердцем, так что они легко могли бы получить у бога прощение, он старается под конец в отчаянии привести во временное замешательство и к ужасной смерти; хотя, благодаря великой милости божией, мы свято должны верить, что истинным сокрушением и искренним сознанием они получили бы прощение, если они не добровольно предавались тем мерзостям.

После этого ясно, что произошло почти три года тому назад в Страсбургской и Констанцской епархиях и в городах Гагенау и Равенсбурге. В первом городе одна ведьма повесилась на изодранном платье. Другая, по имени Вальпургия, была широко известна благодаря колдовскому искусству молчания; она и других женщин учила, каким средством они должны достичь такого молчания, а именно: нужно сварить в печи перворожденного мальчика.

Имеется еще и четвертая причина, почему демоны некоторым ведьмам срок принесения присяги отлагают, а другим нет; потому что они точнее знают продолжительность жизни людей, чем астро-

номы, и могут легко определить им срок жизни или неожиданно, способом описанным выше, ускорить его.

Это легко выясняется из дел и поступков ведьм, при этом в таких делах прежде всего обнаруживается хитрость демонов. Августин в книге „О природе демонов" указывает семь причин, на основании которых демоны довольно хорошо предсказывают будущее; наверное конечно они его знать не могут. Во-первых, они сильны природною остротою ума, потому что они мыслят без суждений (не дискуссивно), что необходимо для нашего мышления. Во-вторых, потому что они, вследствие продолжительного опыта и откровения высших духов, знают больше чем мы. Поэтому ученые часто ссылаются на Исидора, что демоны сильны троякою способностью ума: естественной проницательностью, продолжительным опытом и откровением высших духов. В-третьих, благодаря быстроте их передвижения, так что они на востоке могут сказать, что случилось на западе. В-четвертых, так как они, при попущении божьем, своею властью могут насылать болезни, отравлять воздух, посылать голод, то могут и предсказывать. В-пятых, потому что, по некоторым признакам, они могут точнее предсказать, чем врач на основании мочи и пульса. Если врач судит о состоянии больного по некоторым признакам, которых обыкновенный человек не замечает, то и демон видит то, чего ни один человек естественно не видит. В-шестых, потому что по признакам, исходящим из души человека, демоны заключают о том, что есть или будет в душе, искуснее, чем умный человек. Они знают именно, какие имеются побуждения, следовательно, какие будут поступки. В-седьмых, они лучше знают пророков и их писания, чем люди, а ведь от этого зависит многое в будущем; поэтому, на основании пророков, демоны могут предсказывать многое из будущего. Об этом говорится также в декрете XXIV, 4 Sciendum. Поэтому нет ничего удивительного, если демон знает естественный срок жизни; хотя бывает иначе, когда наступает случайный конец, например через сожжение, которому демон в конце концов даже содействует, если он, как сказано, обнаруживает в ведьмах противление его воле, боясь их отречения от него и обращения к вере; тех, которые идут ему навстречу, он защищает даже до естественного конца, до их смерти.

Теперь мы приведем примеры тех и других случаев из нашей практики.

В Базельской епархии, в деревне, расположенной на берегу Рейна, по имени Обервейлер, был почтенный приходский священник, имевший взгляд или, вернее, заблуждение, что на свете нет никаких ведьм, что они существуют только в человеческом воображении, которое подобного рода чародейства приписывает слабым женщинам. Бог восхотел излечить его от этого заблуждения, чтобы ему ясно стало, что демоны могут через посредство ведьм оказывать влияние на продолжительность жизни. Однажды, когда он спешил по делам, он, переходя через мост, встретил к несчастию одну старуху, которой при входе на мост не хотел дать возможность пройти вперед; случилось так, что к несчастью он толкнул ее в грязь; возмутившись, она стала выкрикивать ругательства и сказала: „Берегись, поп, это тебе безнаказанно не пройдет". Хотя он мало обратил внимания на эти слова однако ночью, когда он хотел встать, то почувствовал, что околдован, ниже поясницы и принужден был пользоваться услугами других людей, когда хотел пойти в церковь. Так в течение трех лет он находился на попечении его родной матери. После этого времени старуха, которую он за ругательства подозревал, что она околдовала его, за-

болела и обратилась к нему с просьбой исповедать ее. Хотя священник грубо ответил, чтобы она исповедовалась дьяволу, своему учителю, однако по настоянию своей матери, опираясь на руки двух крестьян, он пошел к ней на дом и сел у изголовья кровати, на которой лежала ведьма. Оба крестьянина снаружи, возле окна, так как изба стояла невысоко, прислушивались, сознается ли она в совершенном ею колдовстве. Во время исповеди она ни одним словом не упомянула о своем колдовском поступке; по окончании исповеди однако она сказала: „Знаешь ли ты, поп кто тебя околдовал?" И когда он ласково ответил, что не знает, она продолжала: „Ты подозреваешь меня, и правильно; знай, что это я тебя околдовала (по той-то и той-то причине, как рассказано выше)". И когда священник стал просить об освобождении от колдовства, она сказала: „Вот пришло время, мне нужно умирать, и я так сделаю, что через несколько дней по моей смерти, ты будеш здоров". Так и случилось. Она умерла в установленный ей дьяволом срок, а священник после тридцати дней снова почувствовал себя совершенно здоровым. Имя священника поп Гесслин, теперь в Страсбургской епархии.

Нечто подобное случилось в Базельской епархии, в деревне Бухель, возле города Гевиль. Некая женщина, впоследствии пойманная и сожженная, в течение шести лет сожительствовала с инкубом, даже под боком ее спящего мужа; это бывало три раза в неделю: субботу, среду и пятницу, или же в другие праздничные ночи. Она дала дьяволу клятву, что по истечении семи лет она посвятит себя ему телом и душою. Однако иначе рассудил бог: на шестой год, будучи схвачена и предана огню, она искренно и полностью созналась, веря, что она получила от бога прощение; она охотно шла на смерть, уверяя, что если бы она была освобождена, то предпочла бы смерть, чем быть во власти демона.

О способе, коим ведьмы переносятся с места на место.

ГЛАВА III.

Тепер мы должны перейти к приемам и средствам, коим ведьмы пользуются в своем деле; прежде всего к тому, что они делают с собой и своей личностью; так как телесно переноситься с места на место, а также иметь плотские непотребства с инкубами относится к их поступкам, то мы будем иметь суждения о каждом отдельно и прежде всего об их телесных перелетах.

Здесь следует заметить, что об'яснение этих перелетов представляет некоторое затруднение в связи с неоднократно упомянутым каноном Episkopi, в котором сказано: „Не должно также оставлять без внимания и того, что некоторые преступные женщины, совратившиеся сатаной, становясь жертвами демонского мороченья, верят и утверждают, будто они ночною порой скачут на разных зверях с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и с бесчисленным множеством других женщин, и будто они проносятся таким образом в ночном безмолвии через необозримые пространства, повинуясь во всем велениям богини и т. д. А поэтому служители божии должны проповедывать народу, что это сущая ложь и что подобные видения вселяются в души верующих не силою божественного духа, но злого. Если же это и бывает, то сам сатана превращается в лица и образы различных людей и плененные им души во время сна посредством своих чар уносит в некоторые отдаленные местности" и т. д.

И в этом смысле многие иногда открыто проповедывают, как св. Герман и еще другой человек, который в этом наблюдал свою дочь, что подобное совершенно невозможно, и что это, как и вредительство людям, животным и хлебным злакам являются игрою воображения.

Это мнение уже в первом вопросе доказано как еретическое, потому что оно противоречит божескому попущению по отношению к власти дьявола и смыслу священного писания; оно служит несоизмеримому вреду святой церкви, так как, вот уже несколько лет, как ведьмы благодаря этому преступному мнению остаются безнаказанными, лишая возможности наказания их и светскую власть; поэтому и число их выросло до такой степени, что теперь нет возможности их искоренить. Пусть усердный читатель рассмотрит то, что приведено в опровержение этого мнения, а теперь примет во внимание, каким образом они летают и какими средствами возможно это делать, и ответы на примеры, которые приводятся противниками.

Итак, что ведьмы телесно могут летать, доказывается различными способами, прежде всего другими действиями чародеев. Ибо, если они не могут перелетать, это было бы потому, что или этого не допускает бог, или этого дьявол не в состоянии сделать, или это не свойственно живому существу. Первое невозможно, так как, если с божьего попущения может случаться большее, тем более—меньшее; но большее очень часто случается как с мальчиками, так и со взрослыми, как это ясно из случаев с праведниками и в благодати находящимися. Если спросят, случаются ли при помощи демонов подмены детей и может ли демон переносить с места на место людей, даже против их воли, то на первый вопрос нужно ответить утвердительно, ибо и Вильгельм Парижский, в последней части сочинения „О вселенной", говорит, что при попущении божием демон может подменить ребенка и перенести с места на место. Такие дети всегда ужасно плачут, и молока четырех или пяти матерей едва ли бы хватило накормить их; они нисколько не толстеют, но делаются необычайно тяжелыми. Из-за чрезмерного ужаса, какой они могут испытать, матерям этого не следует ни утверждать, ни отрицать, но указывать, чтобы они искали совета у сведущих людей. Бог же допускает подобное за грехи родителей, когда например мужья проклинают своих беременных жен, говоря: „Хотел бы, чтобы ты чорта носила" и подобное; нечто подобное иногда произносят и несдержанные женщины. Очень много примеров также имеется и о других даже праведных людях. Так, Викентий в „Зерцале истории" кн. XXVI, гл. 43, рассказывает, со слов Петра Дамиана, о пятилетнем сыне одного очень знатного человека; мальчик, тогда помещенный в монастырь, ночью перенесен был в закрытую мельницу; когда на следующее утро его нашли здесь и спросили, он ответил, что кем-то был перенесен на великолепный пир, где от него потребовали есть, а затем сверху спустили его на мельницу.

Наконец, что сказать о тех чародеях, которых мы обычно называем чернокнижниками, которые переносятся по воздуху демонами часто в отдаленные местности? Они иногда уговаривают и других к тому, чтобы ехали с ними на лошади, которая в действительности не лошадь, а чорт в ее образе, при этом предупреждают, что не следует разговаривать и ограждать себя крестным знамением.

Из нас двоих, пишущих этот трактат, по крайней мере один очень часто видел и встречал подобных людей. Так, в то время бывший учеником, а теперь священник Фрейзингской епархии, который

вероятно жив и до сего времени, обычно рассказывал, как он однажды телесно был поднят демоном на воздух и доставлен в отдаленную местность. Жив и другой священник из селения Обердорф, возле Ландсгута, бывший в то время его товарищем; он собственными глазами видел полет, как тот, с вытянутыми руками, взлетел на воздух, крича, но не плача. Причина этого была следующая, как он сам рассказал. Несколько учеников отправились в питейное заведение и уговорились, что тот, кто принесет пиво, не платит. И когда один из них хотел выйти, чтобы принести пиво, то, открыв дверь, увидел перед ней густой туман: перепуганный он вернулся и сообщил товарищам, почему он не мог принести пиво. Тогда тот, который летал по воздуху, возмущенно сказал: „Да если бы там чорт был, я все-таки принес бы пиво". Он вышел и на глазах у всех полетел по воздуху.

Конечно нужно признать, что подобное может случиться не только с бодрствующими, но также и со спящими, то-есть, что они могут телесно перелетать с места на место. Это становится ясным из примера людей, которые в сонном состоянии бродят по крышам домов и самых высоких зданий; во время их переходов ничто не может им противостать ни наверху ни внизу; если же кто-либо из присутствующих окликнет их по имени, они тотчас падают на землю, как будто их столкнул кто.

Многие полагают, что это совершается силою демонов, и не без основания. Демоны между собой весьма различны; некоторые, из низшего хора ангелов, кроме наказания осуждения, которое они несут вечно, терпят еще набольшие наказания, как бы за малые проступки; они никому не могут вредить, по крайней мере—тяжко, но главным образом занимаются мороченьем, тогда как другие, инкубы и суккубы, по ночам наказывают людей или сквернят их грехом разврата. Поэтому нет ничего удивительного, если они занимаются и такими шутками.

Истину можно вывести из слов Кассиана в его VII Собеседовании, гл. 32, где он говорит: „У нечистых духов, без сомнения, столько же занятий, сколько и у людей Некоторые из них, которых простой народ называет фавнами, лесными богами, а мы призраками, которыми изобилует Норвегия, и привидениями, бывают обольстители и шутники; постоянно занимая известные места или пути, они увеселяются мучением мимо проходящих, которых могли бы уловить в сеть, но, довольствуясь только насмешкою и озорством, стараются скорее обеспокоить их, нежели повредить; некоторые только производят ночью безвредные навалы на людей (кошмары); иные бывают столь яростны и свирепы, что не довольствуются тем, чтобы жестоким терзанием мучить только тела тех, в коих вошли, но спешат еще напасть на проходящих вдали и поражать их жестокими ударами, каковые описаны в евангелии (Матф. VIII, 28)".

Отсюда мы можем сделать вывод: нельзя говорить, что ведьмы не перелетают с места на место потому, что этого не допускает бог; если он допускает это по отношению к праведным и невинным или к волшебникам, почему он не должен этого допустить по отношению к тем, кто всецело предался дьяволу? И с священным трепетом скажем: разве, как утверждает это евангелие, дьявол не возносил нашего спасителя, не переносил и не ставил его всюду?[1]).

Далее: не имеет силы и утверждение противников, что дьявол не может делать что-либо подобное; как было уже доказано

[1]) Еванг. Матфея, гл. IV, ст. 5—10.

предыдущим, он имеет такую естественную силу, которая превосходит все телесное, и никакая земная сила не идет с ней в сравнение согласно слов: „нет на земле подобного ему“[1]) и т. д. Люциферу присуща такая естественная власть и сила, каковых нет даже среди добрых ангелов на небе; ибо он превосходит естественными силами всех ангелов; естественные силы через падение в нем не уменьшились, он лишился лишь дарованных по благодати; первые до сих пор в нем остаются, хотя помраченные и связанные; поэтому и Глосса, по поводу указанных слов: „нет иной власти на земле“ и т. д, говорит: „Если он все превосходит, покоряется однако заслугам святых“.

Не имеют силы и два других возражения. Первое: что душа человека может противоборствовать и что св. писание, повидимому, говорит об одном, именно Люцифере, в единственном числе; это он искушал спасителя в пустыне и соблазнил также первого человека, но теперь он связан, другие же демоны не имеют такой силы, так как он превосходит всех, а следовательно они не могут переносить дурных людей с места на место.

Возражение не имеет силы. Прежде всего поговорим об ангелах. Низший ангел, вне всякого сравнения, превосходит все человеческие силы. Основания для этого можно черпать из многого: во-первых, духовная мощь сильнее телесной, как мощь ангела или даже души выше телесной силы. Во-вторых, относительно души. Каждая форма индивидуализируется материей и ею определяется; в таком положении теперь находится и душа; нематериальные же формы абсолютны и интеллигибельны, вследствие чего они имеют абсолютную и более общую силу; поэтому душа, связанная материей, не может быстро ни перенести свое тело с места на место, ни поднять его вверх; с божьего дозволения она могла бы это сделать, если бы отделилась от материи; но все это вполне может нематериальный дух, как например ангел, добрый или злой. Так, добрый ангел во мгновение ока перенес Аваккума из Иудеи в Халдею. На этом основании можно сделать вывод: люди, которые во сне по ночам ходят по высоким зданиям, делают это не благодаря силам их душ, ни влиянию небесных тел, но благодаря какой-то высшей силе, как это было выяснено выше. В-третьих, поскольку телесная природа создана так, что в отношении места она движется непосредственно природой духовной, так как локальное движение есть первое из движений (Физика VIII), то все тела (включая и небесные) движутся духовными субстанциями, сообразно их природе и воле.

Способ же полета таков. Ведьмы приготовляют мазь из сваренных частей детского тела, особенно тех детей, которых они убивают до крещения; по указанию демона намазывают ею какое-либо седалище или палку, после чего тотчас же поднимаются на воздух; это бывает и днем и ночью, видимо и невидимо, так как демон может посредством одного тела скрыть другое тело. И хотя демон пользуется такою мазью и многим другим в этом роде с целью лишить детей благодати крещения и спасения, однако он может действовать и без мази, когда он переносит ведьм на животных, которые на самом деле не животные, а демоны в их лице; иногда же ведьмы перелетают без всякой внешней помощи, невидимо действующей силой демонов.

Расскажем здесь об одном видимом дневном полете.

---

[1]) Кн. Иова, гл. 41, ст. 25.

В городе Вальдсгут на Рейне, в Констанцской епархии, некая ведьма, сильно ненавидимая всеми горожанами, не была приглашена на празднование одной свадьбы, тогда как почти все горожане присутствовали на ней. Возмущенная ведьма решила отомстить; призвала демона и рассказала ему причину своего горя, прося его, чтобы он наслал град и таким путем рассеял всех участников свадебного поезда. Демон согласился и поднял ее на воздух; она полетела по воздуху к горе, находившейся вблизи города; ее полет видели некоторые пастухи; и так как потом она созналась, не было воды, чтобы налить в яму (таким средством они пользуются, как потом будет доказано, чтобы вызвать град), то, вырыв яму, она налила туда собственной мочи вместо воды, и в присутствии демона, по принятому обычаю, размешала пальцем. Тогда вдруг демон бросил эту влажную массу в воздух и наслал град необычайной силы, но только на празднующих свадьбу горожан. Когда горожане были рассеяны таким образом и затем начали взаимно обсуждать причины такого явления, ведьма возвратилась в город, вследствие чего подозрение еще более усилилось. Когда же пастухи рассказали, что они видели, подозрение выросло до крайних пределов. Она была схвачена и сожжена.

Так как слух о такого рода полетах доходит даже до простого народа, то нет необходимости приводить здесь другие такие случаи: достаточно этого одного — против тех, которые подобного рода полеты совсем отрицают или пытаются утверждать, что они бывают лишь в воображении и фантазии. Если бы только они оставались в своем заблуждении, это был бы пустяк, и не стоило бы обращать внимания, если бы их заблуждение не шло в ущерб вере. Но они, не довольствуясь одним заблуждением, не боятся внушать его и проповедывать к умножению ведьм и поруганию веры; уверяют что всякое колдовство, которое принято считать по праву как дело демонов, только воображаемо и иллюзорно и должно считатся безвредным. В силу этого, к величайшему посрамлению творца ведьмы пребывают по большей части безнаказанными и число их необычайно растет. Если ссылаются на главу канона Episcopi, что ведьмы делают перелеты только в воображении и фантазии, то кто будет так неразумен, что станет отсюда делать вывод, что они не могут перелетать и телесно? Как можно из конца этого канона, где утверждается, что кто верит, что человек может превращаться в лучшее или худшее состояние или переменять свое лицо, тот должен считаться за язычника и неверного, как можно из этого делать вывод, что люди чародейством не могут превращаться в животных или из здорового состояния быть превращены в больное, из лучшего—в худшее? Человек, считающийся лишь с оболочкой слов канона, идет против духа всех святых отцов и даже против духа и смысла священного писания.

Отсюда вытекает многократно противоположное, как то показано во многих местах этого трактата. Поэтому надо обращать внимание на внутренний смысл этих слов и внушать священникам необходимость проповедывать народу, что ведьмы именно летают так же и телесно, как и в фантазии, что открывается из их собственных признаний, и не только тех, которые были сожжены, но также и тех, которые, раскаявшись, обратились к вере.

Среди таковых была ведьма из Брейзаха; когда мы спросили ее, только ли в воображении они могут перелетать или также и телесно, она ответила: тем и другим способом. Если же почему-либо они не хотят лететь телесно, то все-таки они могут знать, что делается их

подругами на собрании ведьм; тогда ими применяется такой способ: ведьма, призывая имя всех чертей, ложится спать на левый бок, из ее рта тогда исходит нечто в виде голубоватого пара, и она совершенно ясно видит все, что творится на собрании. Если же ведьмы хотят перелететь телесно, то тогда они применяют вышеуказанный способ.

Далее, если кто-либо понял бы этот канон буквально, без всякого выяснения, неужели он будет столь глуп, что будет утверждать, что все колдовские действия и порчи существуют лишь в фантазии, тогда как всем ясно, что они воспринимаются чувствами? Имеются многие виды суеверий, именно до четырнадцати, и между ними колдовство по своему лиходейству и вредительству занимает высшую степень; пифоны[1]) принадлежат к низшему виду, почему они и проносятся только в фантазии.

Наконец совершенно непригодны и примеры из легенды о св Германе и других, так как весьма возможно, что демоны сами легли со спящими мужьями (в то время, когда искали их жен), чтобы показать, что жены спали с мужьями. Чтобы не оскорбить честь святого, факт не утверждается, но случай приведен затем, дабы противоположное тому, что рассказано в легенде, не считать невозможным.

Подобным же образом можно ответить и на все другие возражения, которые обычно приводят в пользу того, что ведьмы перелетают только в воображении; в сочинениях ученых можно найти, что многие ведьмы перелетают также и телесно. Кто имеет желание, тот может найти в книге Фомы Брабантского „О пчелах" много удивительного о перелетах людей не только в воображении, но и телесно.

О способе, коим ведьмы предаются демонам и инкубам

ГЛАВА IV.

Что касается способа, каким ведьмы предаются инкубам, то необходимо иметь в виду шесть условий: первое—относительно демона и принятого им тела, т. е. из каких элементов оно образуется; второе—относительно самого акта, всегда ли он сопровождается излиянием семени, воспринятого от другого; третье—относительно времени и места, происходит ли акт преимущественно в то или другое время; четвертое—бывает ли демон во время акта видим женщинам, и только ли те женщины посещаются демонами, которые произошли от подобного блудодеяния; пятое—происходит ли это также и с теми, которые во время рождения предаются повитухами демонам; шестое—бывает ли во время акта слабое или сильное половое наслаждение.

Прежде всего, следовательно, о материи и свойствах воспринимаемого демоном тела. Нужно сказать, что он принимает воздушное тело, но оно в тоже время некоторым образом и земное, поскольку оно через уплотнение получает свойство земли, что объясняется таким образом. Так как воздух сам по себе не способен принимать форму, а принимает форму лишь другого тела, в которое он заключается, поэтому он совершенно не может определяться своими

[1]) Греки называли питонами или пифонами духов, которые помогали предсказывать будущее, и людей, одержимых этими духами. Латинская библия („Вульгата") пользуется этим термином для наименования волшебников, некромантов (см. Кн. царств, гл. 28, ст. 7).

границами, а только чужими, одна часть воздуха непрерывно продолжает другую; поэтому демон так просто не может принять воздушного тела. Обратите внимание, что воздух весьма изменчив и подвижен, признаком чего может служить то обстоятельство, что некоторые пытались тело, принятое демоном, разрубить или пронзить мечом, но это им не удавалось, потому что разделенные частицы воздуха снова смыкались; отсюда ясно, что воздух сам по себе весьма подходящая материя; но так как он не может принимать формы, если к нему не присоединяется что-либо другое, земное, то поэтому необходимо, чтобы воздух некоторым образом был уплотнен и, приобретая свойства земли, сохранял бы в то же время сущность настоящего воздуха. Такое уплотнение могут делать демоны и души, отделившиеся от тела, через густой пар, поднимающийся от земли; движением в пространстве, уплотняя и образуя его, они пребывают в нем только как движущие силы, но не как создатели, вливая в это тело жизнь формально, как жизнь вливается из души в тело, с которым она соединена. В таких телах демоны подобны морякам на корабле, который движется ветром.

В воспринятых телах демоны разговаривают с ведьмами, видят, слышат, едят и порождают. Как это следует понимать? Здесь вторая часть того первого затруднения. Чтобы действительно разговаривать, требуются три вещи, именно: во-первых, легкое с втягиванием в себя воздуха; легкое необходимо не только для голоса, но и для охлаждения сердца, поэтому также и немые нуждаются в дыхании. Во-вторых, требуется удар некоего тела в воздухе, как получается звук, большой или малый, когда ударяют палкой по воздуху или колоколу. Так как материя сама по себе способна к звучанию, то она, если ее ударять каким-либо звучащим инструментом, издает звук, сообразный величине тела, который отражается в воздухе, умножается и доходит быстро до ушей слушающего, хотя бы он и был на отдаленном расстоянии. В-третьих, требуется голос; можно сказать, что звук неодушевленных тел у одушевленных называется голосом: язык при вдыхании и выдыхании воздуха ударяет в инструмент и сосуд, данный от бога и живой от природы, чего нет в колоколе; поэтому-то, что здесь называется звуком, там—голосом. Это третье условие, как ясно само по себе, может быть изложено и во втором, но я изложил его здесь, чтобы проповедники имели возможность об'яснять это народу. В-четвертых, требуется, чтобы тот, кто издает голос, умел им выразить свои мысли другому; поэтому один понимает другого, что человек расчленяет свой голос, то-есть последовательно и разделено во рту ударяет языком о зубы, сжимает и открывает губы и собранный во рту воздух выпускает наружу, так что голос, усиливаясь последовательно, доходит до ушей слушающего, который и воспринимает мысли другого.

Вернемся к теме. Демоны лишены легких и языка, однако они могут иметь искусственные, согласно особенности тела, а также зубы и губы; поэтому они могут говорит не настоящим образом и не в собственном смысле. Но так как они имеют разум и если хотят выразить мысли, то издают не голос, но звуки, имеющие известное сходство с голосом и не так, как у людей, чрез вдыхание и выдыхание воздуха, но выпускают заключенный в принятом ими теле воздух наружу членораздельно, что доходит до ушей слушающего. А что без вдыхания и выдыхания воздуха может происходить некоторое подобие звука, доказывается на примере известных животных, не имеющих дыхания, и на известных инструментах, которые изда-

ют голос, как говорит Философ в соч. „О душе". Именно: галекс, извлеченный из воды, немедленно издает звук и умирает.

Сказанное можно приложить и ко всему дальнейшему вплоть до силы деторождения, не прилагая однако этого к добрым ангелам. Если же кто-либо пожелает подробнее ознакомиться с речью демонов в одержимых ими телах, то следует иметь в виду, что они пользуются телесными органами действительного тела бесноватого. Они проникают в тела, или так сказать в пределы телесной оболочки, но не сущности тела или души; нужно различать сущность или основное качество от акциденции или внешнего свойства. Впрочем это совсем не относится к теме. Но кто желает, может об этом почитать у св. Фомы, 2 сентенция, разд. 8, ст. 5.

Что касается того, как они видят и слышат, следует сказать, что видение может быть двояко: духовное и телесное; первое бесконечно превосходит второе как потому, что оно проникает насквозь, так и потому, что его не ослабляет расстояние, в силу способности освещения, которым оно пользуется. Поэтому надо сказать, что ангел как добрый, так и злой нисколько не пользуется глазами воспринимаемого им тела и не пользуется чем-либо телесным, как это бывает при разговоре, когда он пользуется воздухом и ударом в воздух для произведения звука и дальше для усиления его, чтобы он дошел до уха слушающего. Их глаза только воображаемые глаза. Но они охотнее являются людям в таких обликах, чтобы показать им подобного рода действиями, говоря духовно, их собственные свойства, которые люди имеют от природы. Поэтому святые ангелы в таком же виде являются часто и святым отцам, по божьему устроению и его же попущению. Дурным людям они открываются, чтобы эти познали их свойства и присоединились к ним. Поэтому также и Дионисий в конце „Небесной иерархии" говорит: „Из всех частей человеческого тела ангел поучается узнавать свои свойства". В заключение скажем: так как телесное видение есть действие живого тела посредством телесного органа, которого демоны лишены, то они в принятых ими телах имеют как бы подобие органов, равно как и подобие действий.

То же можем мы сказать и о слухе демонов, который гораздо тоньше, чем телесный, потому что демон мысли разума и язык души тоньше может познавать, чем человек, который выслушивает мысли только благодаря выражению их словами. См. св. Фома. 2 сентенция, 8. Если тайная воля человека распознается по выражению его лица и если врач по биению сердца и количеству ударов пульса может распознавать болезни души, то тем более это доступно демонам.

Что касается еды, то для полного процесса еды требуются четыре условия: раздробление пищи во рту и поступление ее в тело; затем способность ее переваривать и, в-третьих, необходимые для питания вещества усвоивать, а ненужные отбрасывать. Все ангелы во время еды, в воспринятых ими телах, первое и второе совершают; третьего же и четвертого не могут; вместо переваривающей и отбрасывающей способности у них имеется иная, которая моментально претворяет пищу в иную материю.

У христа была также действительная способность к еде; он обладал силами питания и пищеварения, но он употреблял пищу не для питания своего тела, так как его силы и тело были прославлены; пища в его теле поглощалась так, как вода, вылитая в огонь.

Каким образом в наше время ведьмы с демонами инкубами учиняют плотские акты и как они благодаря этому размножаются.

Что касается плотских актов, то сначало скажем о предшествующих ведьмах, т. е. приблизительно за 1400 лет до воплощения господа, т. е. занимались ли они в те времена такими же непотребствами, как современные ведьмы; это неизвестно, так как история никогда не передает того, чему теперь учит опыт. Что колдуны всегда существовали и что благодаря их вредительским действиям много было порчи людям, скоту и полевым растениям, и что были инкубы и суккубы,—в этом не может сомневаться тот, кто внимательно изучает историю, так как предания канонов и святых отцов очень многое об этом на протяжении столетий оставили и передали потомству, хотя также имеется и разница в том отношении, что инкубы в стародавние времена преследовали женщин против их воли, как о том очень много рассказывают Нидер в своем „Муравейнике" и Фома Брабантский в своей книге „О всеобщем благе", а также „О пчелах".

С положением, утверждающим, что современные ведьмы заражены подобными дьявольскими непотребствами, согласно не только наше мнение, но также испытанные свидетельства самих ведьм, которые все это сделали заслуживающим доверия; именно они не так, как раньше, недобровольно, но охотно и с удовольствием предаются этому позорному рабству. Сколько было нами передано их для наказания светской власти в различных епархиях, особенно в Констанцской, и городе Равенсбурге. Подобным непотребствам они предавались многие годы, некоторые—двенадцать, другие—двадцать, а иные—тридцать лет, и всегда или с полным или частичным отрицанием веры; свидетели тому—все жители. Исключая тех, что тайно покаялись и вернулись к вере, не менее 48 ведьм в течение пяти лет были нами преданы огню. Не потому им доверяли, что они раскаялись и обратились, но потому, что все они были согласны в том, что, к увеличению нечестия, имели подобные непотребства. Об этом будет особое суждение в третьей части, где будут описаны их отдельные поступки.

Все это установлено на основании собственного опыта, на основании виденного или слышанного и на донесениях лиц, заслуживающих доверия.

Что касается второго сомнения, получают ли ведьмы свое происхождение из этих непотребств, мы можем сказать согласно Августину: безусловно истинно, что все суеверные чародейства получили происхождение от тлетворного общения людей с демонами. Так именно говорит он в сочинении „О христианском учении" (гл. 26, вопр. 2): все подобного рода искусства пустого или вредного суеверия, возникшие из некоторого тлетворного общения людей с демонами и как бы установленного ими договора безбожной и коварной дружбы, должны быть совершенно избегаемы. Если принять это во внимание, то становится ясно, что как бывают различны суеверия или волшебства, точно также различны и общения с демонами; а так как колдовство худшее из всех четырнадцати родов суеверий, потому что оно представляет собой не молчаливое соглашение, а нарочито заключенный договор, даже больше, потому что ведьмы, отрицая веру, самим демонам воздают поклонение, то они поддерживают с ними самое худшее общение наподобие женщин, находящих удовольствие в тщетном. Обратите внимание на слова св. Фомы, Сентенция II, разд. 4, ст. 4, при разрешении одного доказательства, где он спрашивает, обладают ли рожденные таким образом от демонов большею силою, чем прочие люди, и

отвечает, что это действительно так и не только на основании текстов священного писания, кн. Бытия VI, 4: „ В то время были на земле исполины" и т. д., но также и на том основании, что демоны могут знать силу излитого семени; во-первых, по свойству того, из кого семя излилось; во-вторых, лучше знают женщину, способную к восприятию этого семени: в-третьих, знают созвездие, благоприятствующее плотскому действию; и в-четвертых, мы можем добавить, что, по их собственным словам, они знают лучшее сложение рожденного, приспособленное для их действий. Принимая во внимание все эти данные, можно заключить, что рожденные таким образом бывают рослые и сильные телом.

Но вернемся к теме. Если спросят, получили ли ведьмы происхождение от подобных непотребств, то мы скажем: свое происхождение они получили безусловно от плотворного взаимообщения, как это ясно из первого замечания; но размножились они не от этих непотребств, ибо никто не станет отрицать после второго замечания, что демоны стремятся к ним не ради любострастия, но ради греха. Бывает, следовательно такой порядок: суккуб принимает от преступного мужчины семя, если демон приставлен собственно к этому человеку и не хочет быть инкубом при ведьме; передает семя демону, приставленному к женщине или ведьме, и этот, пользуясь известным благоприятным созвездием, чтобы рожденный или рожденная были сильными для выполнения чародейств, становится инкубом при ведьме.

Здесь нет противоречия тексту св. писания, где говорится не о колдунах, но только исполинах и известных могучих людях, потому что, как сказано выше, колдовства не было во времена естественного закона, конечно по причине еще свежего воспоминания о сотворении мира. Поэтому и идолопоклонство не могло иметь места. Но так как дурные свойства людей росли, дьявол находил удобные случаи сеять такого рода нечестие. Однако эти выражения не могут быть понимаемы в хорошем смысле добродетели, там говорится только, что они были „люди известные".

Всегда ли демон инкуб посещает ведьм с излиянием семени? Следует ответить: так как он имеет тысячи средств и способов вредить, так как он ведь с самого падения стремится уничтожить единство церкви и удалить от нее всеми средствами человеческий род, XVI, вопр. 2, то поэтому не могут быть на это даны безошибочные указания, но только предположительные возможности, именно: пожилая ли и бесплодная ведьма или нет; если да, в таком случае—без излияния семени, так как это ни к чему бы не привело, а демон в своих деяниях поскольку возможно, избегает излишнего, как будто он имеет влечение к ней по природе. Если же она не бесплодна, то он подходит к ней, чтобы доставить ей удовольствие; если же она способна к зачатию, и он может легко достать излитое каким-либо мужчиной семя, то он немедля отправляется к ней, чтобы передать ей плод.

Если кто-либо спросит, может ли демон собрать излитое во время ночных поллюций семя так же, как и полученное путем плотского сношения, то может быть дано ясное соображение, что это невозможно, хотя другим кажется наоборот. Следует принять во внимание, что демоны, как было уже сказано, считаются с производящей силой семени, а такая сила в семени лучше пригодна и лучше сохраняется от плотского сношения, тогда как семя, полученное им от поллюции, слабеет и испускается от излишка жизненных соков и не имеет достаточной производящей силы. Поэтому полагают, что демон менее пользуется им для произведения потомства; нужно до

нако заметить, что таковая сила все-таки присуща этому семени. Не можем мы ни в коем случае отрицать и того, что если замужняя ведьма забеременела от мужа, инкуб может также посредством смешения другого семени отравить зачатый ею плод.

Действует ли инкуб предпочтительнее в то или другое время и место.

На вопрос, принимает ли инкуб в соображение время и место, следует сказать: кроме того, что он наблюдает за временем созвездий, когда дело идет о произведении потомства, он считается также с известным временем, когда дело идет не о произведении, но о доставлении ведьме плотского удовольствия; и это бывает в святые дни целого года, как то в праздник рождества христова, пасхи, троицы и другие священные дни. И это инкубы делают по трем причинам: во-первых, чтобы ведьмы оказались таким образом нечестивыми не только через отпадение от веры, но и через совершение преступления святотатства, благодаря чему демон наносит большее оскорбление творцу, а ведьмы заслуживают еще большего осуждения. Вторая причина: так как бог таким образом особенно тяжко оскорбляется, то он дает им еще большую силу неистовствовать против людей, и если даже последние остаются невинными—вредит им как в их делах, так и относительно их дел. Если и говорится: „сын не должен нести ответственности за грехи отца", то это нужно понимать в отношении вечного наказания; временными же наказаниями очень часто наказываются за преступления других, посему бог в ином месте взывает: „Я—бог крепкий и ревнивый, взыскующий грехи отцов даже до третьего и четвертого рода". Подобное наказание постигло детей содомитян, потопленных за преступления отцов. Третья причина: многие, особенно молодые девушки, бывают застигнуты в наиболее удобный момент, когда они в праздничные дни предаются безделию и любопытству и легко поддаются соблазну со стороны ведьм, как это и случилось на родине одного из нас, двух инквизиторов. Именно: одну молодую, благочестивую девицу, в праздничный день, позвала с собой одна старуха подняться с ней по лестнице в комнату, где находились красивые молодые люди; когда та дала согласие и они обе поднимались, то старуха, шедшая впереди, предупредила молодую, чтобы та не ограждала себя крестным знаменем; и хотя та обещала ей, но тайно перекрестилась; благодаря чему случилось так, что когда они поднялись, девица никого не увидела, потому что демоны, находившиеся там в принятых ими телах, не в состоянии были показать ей свое присутствие. Тогда старуха в злобе проговорила: во имя всех чертей убирайся отсюда, зачем ты перекрестилась?

Это я узнал из чистосердечного признания самой девицы.

Можно указать еще четвертую причину: они легче соблазняют тех людей, которые, хотя и полагают, что бог допускает им подобное делать в священные дни, тем не менее не считают возможным, чтобы они осмелились сделать в эти дни что-либо серьезное.

Что касается места, т. е. совершают ли они непотребства преимущественно в определенных местах, следует сказать: на основании слов и поступков ведьм установлено, что в священных местах они вообще не могут совершать подобные мерзости. Здесь явно проявляется действие ангела-хранителя ради святости этого места. Больше того—они уверяют, что никогда, за исключением господних дней, не имеют покоя; если они бывают в церкви, то быстро входят и медленно выходят, иначе они должны, по указанию демонов, вы-

полнять самые дурные обряды, именно: во время возношения тела христова плевать на землю или иметь в уме и словах или без слов самые нечестивые мысли, как то: о, если бы ты был там-то и там-то, как об этом сказано во второй главе.

Видимо ли действуют инкубы и суккубы для ведьм и для окружающих

На вопрос следует ответить, поскольку нас научил опыт, что демон-инкуб для ведьмы действует всегда видимо, так как вследствие нарочито заключенного между ними договора ему нет небходимости приближаться к ней невидимо. Что касается окружающих, то часто многие видели на полях и в лесах, как ведьмы лежали на спине оголенные выше пупка и, придав членам соответствующее непотребству положение, двигали бедрами и голенями, в то время как демоны-инкубы действовали невидимо для окружающих, хотя в конце акта от ведьмы поднимался в воздух совершенно черный пар, протяжением в рост человека; но это очень редко, потому что этот искусник знает, как привлекать или изменять чувства девиц или других людей. Такие случаи бывали во многих местах; об этом будет рассказано далее.

Но известно, что случается и так: мужья видят инкубов, которых они однако принимают не за демонов, но за мужчин, проделывающих непотребство с их женами, схватывают оружие и хотят проколоть их, но демон исчезает, сделавшись невидимым. В таких случаях женщины, хотя и бывали иногда оскорбляемы, высмеивали своих мужей и ругали, говоря, что глаз у них нет или в них вселился бес.

Инкубы преследуют не только женщин, происшедших от подобных непотребств, но и всех безразлично

Со всей силой демоны влекутся к каждой женщине, особенно к святым девственницам. Так учит опыт, великий учитель, именно: в городе Ревенсбурге, некоторые, впоследствии сожженные, ведьмы перед окончательным приговором высказали нечто подобное, говоря, что им внушено их наставниками, чтобы они всеми силами содействовали падению святых девственниц и вдов.

На вопрос, бывает ли половое наслаждение с демонами-инкубами, принявшими телесный вид, больше или меньше, чем с соответствующими мужчинами, имеющими природные тела, следует сказать: хотя естественный порядок не говорит за то, чтобы оно было большим, так как каждое существо ищет лишь себе подобного, но, по-видимому, этот искусник, если он известной пассивности придает должную активность, хотя бы и не по природе, но в признаках пыла и известного темперамента, то, кажется, он может возбуждать немалое сладострастие. Но это будет выяснено в дальнейшем, когда будет речь о свойствах женского пола.

Об общем способе, коим ведьмы посредством церковных таинств выполняют свои лиходейства, и о способе коим они имеют обыкновение задерживать производящую силу и насылать другие лишения на все твари, за исключением небесных тел.

ГЛАВА V.

Теперь нужно обратить внимание на многочисленные средства, коими ведьмы околдовывают живые существа обоего пола и земные

плоды; сначала—как околдовывают людей, потом—животных и наконец земныя плоды. Относительно людей: во-первых, как они задерживают силу деторождения или препятствуют половому акту, так что женщина не может зачать, а мужчина становится неспособным к акту; во-вторых, как иногда неспособность к акту бывает только в отношении одной женщины, в-третьих, как удаляют мужской член, как будто вырывая его совершенно из тела; в-четвертых, как решается вопрос, если что-либо из вышесказанного случится, то произошло ли это только силою демона, а не ведьмы: в-пятых, каким образом ведьмы чародейскими приемами могут превращать людей обоего пола в животных; в-шестых, как ведьмы-повитухи различными средствами убивают плод во чреве матери, а когда этого не делают, то посвящают детей демонам. В первой части этого труда уже дано решение; сомневающийся читатель может вернуться обратно и исследовать этот вопрос.

Теперь должны быть приведены только акты и деяния, чтобы предыдущие вопросы, если они окажутся некоторым трудными для понимания, стали достойными веры, и чтобы тот, кто полагает, что на свете нет никаких ведьм и не бывает никаких колдовских деяний оставил свое заблуждение. Прежде всего нужно заметить, что ведьмы могут вредить людям шестью способами, исключая те способы, которыми они вредят другим существам. Во-первых, они внушают мужчине порочную любовь к какой-либо женщине, либо женщине к мужчине; во-вторых, они стараются посеять ненависть или зависть; в-третьих, так называемые „околдованные" мужчины не могут сожительствовать с женщинами или, наоборот, женщины с мужчинами, или также, как сказано выше, вызывают выкидыши; в-четвертых, причиняют болезнь человеку в каком-либо члене; в-пятых, отнимают у людей жизнь; в-шестых лишают возможности пользоваться разумом.

Во-вторых, нужно заметить, что демоны во всех видах колдовства учат ведьм насколько возможно больше пользоваться, как средствами в их колдовских приемах, таинствами и священными обрядами церкви и вообще всем божественным или посвященным божеству; так, иногда они кладут восковое изображение под алтарное покрывало или вытягивают нитку через священное миро, а также пользуются и другими священными предметами. Чтобы показать, как они совершают свои колдовские деяния посредством таинств и священных обрядов, мы расскажем несколько случаев, недавно происшедших, чему мы были свидетели, как инквизиторы.

В одном городе, называть который, как то внушают нам любовь и разумение, нет необходимости, ведьма приняла тело христово и вдруг, по отвратительной женской привычке, нагнулась и захватила в рот подол, затем вынула изо рта тело христово, завернула его в платок и по указанию дьявола положила его в горшок, в котором находилась жаба, и спрятала его в землю в конюшне, рядом с амбаром, недалеко от своего дома, присоединив туда несколько других вещей, посредством которых она совершала свои ведовские деяния; по милости божией такое преступление открылось и вышло на свет. На следующий день мимо конюшни на свою работу проходил один поденщик и услышал голос как бы плачущего ребенка; когда он подошел к месту, где был спрятан горшок, то услышал еще яснее голос; полагая, что это дитя, зарытое матерью, он обратился к городским властям и рассказал этот случай, высказав свое мнение, что здесь имеется убийство. Тотчас были посланы слуги, которые нашли все так, как тот рассказал. Ребенка они не хотели сразу выкапывать, но в

отдалении поставили сторожа, который зорко следил за тем, не подойдет ли туда какая-либо женщина. Они не знали, что там скрыто тело христово. Ведьма подошла, взяла горшок и скрыла его под плащем, что наблюдавшие и увидели. Ведьма, будучи схвачена и допрошена, созналась в преступлении, сказав, что она спрятала тело христово в горшок с жабой, чтобы посредством полученного таким образом из жабы порошка можно было, по желанию, насылать вред людям и животным.

Затем нужно обратить внимание на то, что ведьмы во время причащения имеют обычай, если это можно сделать незаметно, полагать тело христово под язык, из тех соображений, как нужно полагать, чтобы никогда не пользоваться средствами против отрицания веры ни путем исповеди, ни через принятие таинства причащения; во-вторых, чтобы легче можно было изо рта вынуть тело христово в целях их колдовства и для вящшего оскорбления творца. Поэтому руководители церкви и причащающий народ всегда должны проявлять сугубую бдительность, когда женщины принимают причастие со слишком открытым ртом, вытянутым языком и поднятым платьем; чем большее внимание будет уделяться при этом, тем больше ведьм таким способом будет разоблачено.

Пользуются они бесконечно и другими священными обрядами в своих суеверных целях. Иногда кладут восковые изображения, иногда ароматические предметы под алтарное покрывало, как сказано выше, скрывают их затем под порогом дома, чтобы прошедший через него был околдован.

Можно бы было еще многое рассказать, но менее значительное будет доказано более серьезными колдовскими деяниями.

О способе, коим ведьмы имеют обыкновение задерживать силу деторождения

ГЛАВА VI

Что касается способа, коим ведьмы обычно задерживают силу деторождения как у людей, так и у животных, того и другого пола читатель может знать из того, что было сказано по поводу вопроса могут ли демоны чрез посредство ведьм обращать человеческие чувства к любви или ненависти, где после разрешения вопроса дано специальное об'яснение способу, коим они, при божьем попущении, в состоянии задерживать половую силу. Здесь следует принять во внимание, что подобная задержка производится изнутри и извне; изнутри она бывает двояко: во-первых, когда они непосредственно приостанавливают эрекцию члена, необходимую для оплодотворения, и в этом нет ничего невозможного, так как они могут задерживать естественное движение в каком-либо члене; во-вторых, когда задерживают духовные импульсы, в которых заключается двигательная сила, как бы заграждая семенной проход, так что семя не доходит до сосуда деторождения или не выделяется и не выпускается. Задержку извне они производят посредством колдовских изображений, травами или другими внешними предметами, например половыми органами петухов. Однако не следует думать, что силою таких средств мужчина становится импотентом; но тайною силою демонов, которые таким образом морочат ведьм, последние могут так околдовывать, что мужчины не могут сочетаться, а женщины получать оплодотворение.

Основание к этому то, что бог попускает при этом акте, через который распространился первородный грех, больше, чем при других человеческих действиях; то же бывает и с змеями, которыми пользуются для волшебства больше, чем другими животными. Поэтому нам и другим инквизиторам часто приходилось узнавать, что ведьмы насылают подобного рода задержки посредством змей. Так, один захваченный колдун признался, что он в течение нескольких лет посредством колдовства сделал людей и животных одного дома бесплодными. Об этом говорит и Нидер, что упоминалось уже выше; известный колдун по имени Стадлин в Лозаннской епархии, будучи захвачен, признался, что в одном известном доме, где жили муж со своей женой, он посредством своего колдовства последовательно убил семь младенцев в утробе матери, так что женщина несколько лет имела выкидыши. То же он проделал в этом доме с мелким и крупным скотом, среди которого в течение нескольких лет не было ни одного живого приплода; когда колдуна спросили, как это он делал или ради чего он мог стать подсудимым, он открыл преступление, сказав: „Я положил под порог входа в дом змею, если ее удалить, то обитатели снова получат способность к деторождению".

Как он предсказал, так и случилось. Хотя змея не была найдена, потому что она превратилась в пыль, но совершенно выгребли землю, и в тот же год способность к деторожденню вернулась к жене и ко всем животным.

Другой случай произошел недавно, года четыре тому назад, в Риксгофене. Там была знаменитая ведьма, которая одним прикосновением в любое время умела околдовать и вызвать выкидыш. Там забеременела жена одного магната; для ухода за собой она пригласила повивальную бабку. Бабка предупредила ее, чтобы она не выходила из замка, в особенности не разговаривала с вышеназванной ведьмой. По прошествии нескольких недель беременная, забыв предупреждение, вышла из замка, чтобы навестить нескольких собравшихся в гости женщин. Вскоре туда явилась ведьма и коснулась госпожи, как бы для приветствия, взяв ее обеими руками за живот. Моментально госпожа почувствовала, как ребенок мучительно задвигался. В страхе она вернулась домой и рассказала о случившемся повитухе; та воскликнула: „Ах, потеряла ты своего ребенка". И тут же начались роды. Это не был полный выкидыш, но постепенно появлялись куски то головы, то рук, то ног. Жестокое испытание, по божьему попущению, для наказания родителей, а именно мужа, который обязан наказывать таких ведьм и мстить за причиненные творцу оскорбления.

В городе Мерзебурге Констанцской епархии один юноша был настолько околдован, что не мог иметь полового акта ни с какой женщиной, кроме одной. В присутствии нескольких лиц он рассказывал, что хотел бы избавиться от нее, бежать и поселиться в других странах, но ночью вскакивал и поспешно, самым быстрым бегом, то по земле, то как бы летя по воздуху, возвращался к ней.

О способе, коим ведьмы лишают мужчин полового члена.

ГЛАВА VII

Расскажем несколько случаев о том, как ведьмы лишают мужчин полового члена; следует иметь, однако, в виду, что не в действитель-

ности они отнимают у человеческого тела член, но чародейским искусством только скрывают его, как установлено выше в соответствующем месте.

В городе Равенсбурге один юноша был привязан к девушке, но когда захотел бросить ее, то чародейственным образом потерял мужской член, так что не мог видеть его и чувствовал лишь гладкое тело. Он опечалился. Однажды он пошел в погребок купить вина; пока он там задержался, пришла туда одна женщина, которой он подробно рассказал причину своего горя и показал ей, что стало с его телом. Эта хитрая женщина спросила, не подозревает ли он кого-либо. Он назвал и рассказал всю историю. Тогда женщина сказала: „Необходимо, чтобы ты силою, так как любезность не поможет, принудил ее вернуть тебе здоровье". Юноша темной ночью стал выжидать ведьму на дороге, по которой она обычно проходила; когда он увидел ее, то стал просить вернуть ему здоровье; та ответила, что она не повинна и ничего не знает; тогда он набросился на нее и стал душить полотенцем, крича: „Если ты не вернешь мне здоровья, то умрешь от моей руки". Так как она не могла кричать и лицо ее уже распухло и посинело, то она сказала: „Хорошо, отпусти меня и я тебя вылечу". Когда юноша ослабил узел петли, ведьма коснулась рукой до его бедер у лобка и проговорила: „Теперь имеешь, чего хотел". Юноша, как он рассказывал потом, прежде чем убедиться глазами и осязанием, явственно почувствовал, что одним прикосновением ведьмы член его был восстановлен. Подобное же рассказывал один уважаемый священник, честной жизни и известный в ордене своими познаниями, из Шпейерского монастыря. „Однажды,—говорил он,—когда я принимал исповедь, пришел юноша и во время исповеди горько жаловался, что, он потерял половой член. Удивившись, я не хотел верить его словам; „Тот легок сердцем, кто легко верит",—говорит премудрый. Но я убедился своими глазами, когда юноша, сняв платье, показал то место, и я ничего не увидел. Будучи совершенно в здравом уме, я спросил не подозревает ли он кого-нибудь, кто его так околдовал; юноша ответил, что подозревает, но что ее здесь нет,—она живет в Вормсе; „Тогда я тебе советую: немедля иди к ней и постарайся, насколько возможно, обещаниями и ласковыми словами умилостивить ее". Он так и сделал. Через несколько дней он вернулся и благодарил меня, рассказав, что он здоров и все получил обратно; я поверил его словам, но снова так же проверил и своими глазами".

Чтобы яснее понять то, о чем уже говорилось выше, следует принять во внимание одно обстоятельство. Никоим образом не должно верить, что подобные члены вырываются или отделяются от тела благодаря чародейству, они скрываются демочами, так что нельзя их ни видеть, ни осязать. За это мнение авторитеты и разумные основания, как о том уже было сказано; Александр Альский[1]) говорит „чародейство, в собственном смысле, есть обман чувств со стороны демона: этот обман имеет причину не в изменении вещи, но только в изменении способности восприятия, которая обманывается то в отношении внутренних чувств, то в отношении внешних". Относительно этих слов следует заметить, что в таких случаях обманываются два внешних чувства: зрение и осязание, но не внутренние, как-то: общее чувство, фантазия, воображение, суждение и память: хотя, как сказано

[1]) А. Альский или Гальский, ум. в 1245 г., профессор в Париже. Первый схоластический философ, знавший всего Аристотеля и арабских комментаторов. Главное сочин.—„Сумма универсальной теологии".

выше, св. Фома принимает только четыре, потому что фантазию и воображение считает за одно и то же, и правильно, ибо небольшое различие между фантазией и воображением. Фома (Сумма теологии, 1 вопр. 79).

Нет ничего удивительного в том, что демоны могут это делать так как это происходит и при нездоровой природе, как то обнаруживается у сумасшедших, меланхоликов, маниаков и пьяниц, которые не могут правильно распознавать вещи: сумасшедшие полагают, что они видят удивительные вещи—видят зверей и ужасные явления, чего в действительности совершенно нет. Смотри выше вопрос: могут ли ведьмы сердца людей склонять к любви или ненависти, где довольно много говорится об этом.

Наконец и основания для этого ясны сами по себе. Так как демон имеет некоторую власть над известными низшими вещами, исключая душу, то, конечно, он может также делать и некоторые превращения, если дозволяет то бог, когда предметы кажутся иными, чем они на самом деле. Это случается, как я сказал, благодаря искажению или обману зрения, так что ясные вещи кажутся затуманенными, как после слез; когда скопляется влага, свет кажется иным, чем раньше. Или, как сказано, это бывает чрез воздействие на способность воображения посредством перемещения чувственных образов или посредством передвижения различных соков, когда видишь огонь или воду, а на самом деле это земля и суша. Случалось так, что все обитатели одного дома снимали с себя одежду и обнажались,—полагая, что они плавают в воде.

Но если кто-либо спросит, случаются ли подобные обманы чувств безразлично с добрыми и злыми людьми точно так, как, о чем будет сказано ниже, ведьмы насылают болезни на людей облагодатствованных, нужно сказать, опираясь на слова Кассиана (собеседование 2-е аввы Серена): нет. Поэтому предполагается, что все, кого постигают обманы чувств, совершили смертные грехи. Из слов Антония становится очевидным, что демоны ни в коем случае не могут овладеть чьим-либо духом или телом и не имеют никакой власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишают ее святых помышлений и не сделают ее пустою и лишенною духовных созерцаний.

С ним согласна и философия, как об этом говорится у Боэция в 1 кн. „Об утешении“: „Мы вручили тебе такое оружие, что оно должно ограждать тебя непобедимым покровом, если ты его заранее не отбросишь“.

Поэтому и Кассиан в том же собеседовании рассказывает о двух языческих волшебниках, которые, будучи различны в своем лиходействе, последовательно насылали посредством своего волшебства демонов в келью блаженного Антония, чтобы через их искушения изгнать его из нее, потому что они были полны ненависти против святого человека за то, что к нему ежедневно стекалось множество народа.

И хотя бесы поражали его мысли мучительнейшими уколами, однако он изгонял их знамением креста, которое он запечатлевал на лбу и груди, и усердною непрестанною молитвою.

Таким образом, мы можем сказать, что все те, которые вводятся бесами в обман (исключая лишь некоторые телесные недуги), лишены пребывающей божественной благодати [illegible] ворится: „Кто предается сладостра[illegible]

С этим согласуется и то, что было сказано в первой части, в вопросе, превращают ли ведьмы людей в животных; там говорилось об одной девице, которая превращена была в кобылу, как то думала она сама и многие другие, видевшие ее, за исключением св. Макария, чувства которого дьявол не мог обмануть. Когда ее привели к нему, с целью излечения, и он увидел ее, как настоящую женщину, а не кобылу, тогда как другие, наоборот, восклицали, что она им представляется в виде кобылы, святой силою своих молитв освободил ее и других от наваждения, прибавив, что это с ней приключилось потому, что она пренебрегла божественным и не пользовалась, сколько следует, таинствами исповеди и причастия. Превращение это произошло так. Один юноша сильно желал совратить ее к непристойности, а так как она из-за целомудрия сопротивлялась, то один еврейский колдун, к которому обратился юноша, околдовал девицу и силою демона превратил ее в кобылу.

Сделаем общий вывод. Хотя демоны и их слуги могут причинять добрым людям вред в благах земных, имуществе, временном счастье, славе, здоровье, для испытания и их заслуг, как это открывается в истории Иова, который таким образом пострадал из-за демонов, однако своим чародейством они не могут против воли человека ввести в грех и принудить к нему. Хотя демоны и искушали Иова как изнутри, так и снаружи через тело, но не могли ввести его в фантастические обманы чувств, ни активные, ни пассивные, активные, когда демоны обманывают чувства, как у тех, которые не живут в благодати; пассивные, когда они посредством чародейских средств удаляют члены. Ни того ни другого дьявол не мог причинить благочестивому Иову, особенно пассивного вредительства в отношении полового акта, ему, который был столь воздержан, что мог сказать: „Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице“ (31,1), тем более о чужой жене, так как дьявол, как известно, имеет большую власть над грешниками, согласно словам евангелиста Луки: „Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение“.

Наконец, что нужно думать о тех ведьмах, которые такие члены в большом количестве, до двадцати или тридцати членов зараз, скрывают в птичьем гнезде или ящике, где они движутся, как живые, и принимают пищу, что многие видели и что известно, как распространенное мнение? На это следует сказать, что все это делается дьявольским наваждением и действием, так как чувства зрителей обманываются вышеуказанными способами. Некто рассказывал, что когда он потерял член и обратился за восстановлением своего здоровья к ведьме, та приказала ему подняться на дерево и из находившегося там гнезда, в котором лежало большое количество членов, взять себе один. Когда тот хотел взять из них один большой, ведьма сказала: „Нет, этот не тронь“,—и при этом добавила:—он принадлежит одному попу“.

Что касается вопроса, бывает ли так, что демон без помощи ведьмы удаляет мужской член и имеется ли различие между тем и другим удалением, то можно сказать, кроме того, что сказано в первой части трактата в вопросе, могут ли ведьмы удалять мужской член: во-первых, когда демон сам по себе удаляет член, тогда он действительно и реально удаляет и действительно и реально восстановляет его, если он должен восстановить: во-вторых, он может удалить не без вреда и не без боли; в третьих, он никогда этого не делает, разве только при содействии доброго ангела, потому что он удалял бы орудие своего успеха: он может при посредстве

акта совокупления гораздо больше наделать злодеяний, чем через посредство других человеческих поступков, так как бог более попускает околдовывать этот акт, чем другие человеческие поступки, как это установлено было выше; и все это не имело бы места, если бы он не действовал, при попущении божием, при посредстве ведьм.

Если кто-либо сомневается, стремится ли демон вредить людям и животным больше сам по себе, чем при посредстве ведьм, то можно сказать, что здесь не может быть никакого сравнения. Именно бесконечно более он стремится вредить через ведьм, потому что, во-первых, наносит большее оскорбление богу, овладевая его творениями; во-вторых, чем больше наносится оскорбления богу, тем более попускается власть дьявола вредить людям; в-третьих, он делает это ради своей собственной пользы, которую он находит в погибели душ.

Каким образом ведьмы придают людям облики зверей?

ГЛАВА VIII

Хотя в первой части мы достаточно разобрали этот вопрос, но, так как иному читателю высказанные там аргументы могут показаться несколько неясными, тем более, что мы не приводили фактов и событий, подтверждающих наши утверждения, и не сообщили, как ведьмы сами себя превращают в зверей, мы в данной главе осветим ряд относящихся сюда вопросов. Во-первых, неверно толкование многих ученых (о, если бы это были действительные ученые) канона Episcopi (XXVI, 5) относительно указанного превращения. Эти неправильные толкователи доводят дело до того, что некоторые не стесняются утверждать в своих публичных докладах, что подобные превращения ни в коем случае не могут иметь места, будь то с помощью демона или без оного. Это очень вредит правильности веры. Это способствует также укреплению положения ведьм, которые очень радуются, слыша эти речи. Эти проповедники делают ошибки, потому что касаются только слов указанного канона, а не его содержания. В каноне сказано: „Кто верит в возможность создания какого-либо существа или... придания ему другого облика... тот без сомнения—неверующий". Пусть благочестивый читатель обратит внимание на слова: „создание существа" и „придание ему другого облика". Под „созданием какого либо существа" можно понимать двоякое: или создание существа из ничего, что доступно только богу, или естественное порождение. В этом последнем случае нужно различать в свою очередь двоякое: порождение совершенных существ, как. напр. человека, осла и т. п., или порождение несовершенных существ, как напр. змеи, лягушки, мыши и т. п. Эти существа называются несовершенными, потаму что они могут происходить из гнили. Канон говорит всегда о первых, о совершенных существах, а не о вторых. Ведь Альберт Великий в книге „О животных" отвечает утвердительно на вопрос о том, мугут ли демоны производить настоящих животных, но прибавляет, что это относится только к несовершенным видам, и что здесь порождение совершается не внезапно, как это свойственно богу, а в известный промежуток времени, что видно из кн. Исход (гл. 7). Кто хочет, пусть посмотрит указанный вопрос в первой части книги, разбор первого аргумента. Относительно изменения облика надо сказать следующее: имеется превращение по существу и случайное или привходящее превращение. Последнее имеет в свою очередь два вида: естественное, существу соответствующее, или же существу не свойственное превращение, которое совершается лишь в восприятии

смотрящего. О первом из них, об изменении по существу, и говорится в каноне. Такое изменение доступно только богу, так как только он может превратить одну субстанцию в другую. Канон говорит также и о привходящем превращении, которое может совершить также и демон, постольку поскольку бог допускает чрез посредство насланной болезни производить привходящее, случайное или, вернее говоря, непостоянное преобразование тела. Так напр. лицо может представиться пораженным проказой и т. п.

Мы собственно говоря не хотим подробно разбирать этого вопроса, так как нас интересуют в первую очередь явления обмана чувств, вследствие которого существа представляются изменившими свой облик. И мы говорим, что указанный канон не может не признавать существования подобных изменений. Ведь они доказываются авторитетом отцов церкви, умозаключениями и наблюдением. Смотри напр. у Августина („О граде божьем", XVIII, 7), где он говорит об этом на основании верного опыта и умозаключений. Между прочими явлениями обмана чувств он приводит случай волшебницы Цирцеи, которая, как говорят, превратила спутников Одиссея в животных, и рассказывает также о скотницах, придавших своим гостям облик вьючных животных. Августин сообщает также, что спутники Диомеда были превращены в птиц и что они еще долгое время после этого летали вокруг капища Диомеда. Августин же повествует об отце Престанции, превращенном в лошадь и принужденном вместе с другими лошадьми перевозить зерновой хлеб. Что касается превращения спутников Одиссея в животных, то надо сказать, что это был подлинный обман чувств. Облик этих животных подымался из хранилища образов или памяти до способности воображения. Это обусловливало представление облика в восприятии. Впечатление, оказываемое этим духовным обликом на все способности и органы, заставляло видеть животных, а не человека, как это и было указано в предшествующем. Каким образом демоны могут производить это, не причиняя рэнения человеку, будет об'яснено потом.

Относительно гостей скотниц, обернувшихся во вьючных животных, и относительно превращения отца Престанция в лошадь, занимавшуюся перевозкой мешков с зерновым хлебом, следует заметить, что здесь мы имеем дело с трояким обманом. Во-первых, обман, заключающийся в том, что люди были превращены в животных, что этот случай роднит с предыдущим случаем превращения спутников Одиссея. Во-вторых, обман, будто люди, обернувшиеся в животных, могли возить тяжести, превосходящие их силы. Не подлежит сомнению, что здесь им помогал дьявол. В-третьих, обман превращения распространялся не только на посторонних, но заставлял и самих превращенных видеть себя животными. Так случилось с Навуходоносором, который даже пожирал сено, как вол.

Касательно спутников Диомеда, превращенных в птиц и летавших в продолжение долгого времени вокруг его капища, должно сказать, что этот Диомед, участвовавший в выступлении греков в походе против Трои, утонул в море со своими спутниками, когда он собирался возвратиться. Когда же по предложению одного идола ему было поставлено капище как будто бы он стал богом, демоны долго еще летали вокруг этого капища, чтобы укрепить заблуждение, и принимались язычниками за спутников Диомеда. Здесь мы встречаемся еще с одним видом суеверия из числа вышеназванных обманов чувств и именно с тем, что демоны представляются в ином облике глазу наблюдателя не вследствие того, что образы, подымаясь из

хранилища образов и достигая способности воображения действуют на восприятие, а вследствие того, что они принимают на себя тела летающих птиц и таким образом представляются человеку. По мнению святого Фомы (Сентенции II, 8, 2), некоторые ученые ложно утверждают, что ни добрые ни злые ангелы никогда не принимают на себя действительных тел, и что все их появления происходят путем обмана наших чувств или путем измененного представления. При этом Фома указывает на действительное различие между понятием обмана чувств и понятием воображаемого представления. Обман чувств—это когда предмет, существующий в действительности, рисуется нам совсем иным. Воображаемое представление—это когда отсутствует предмет, попадающий в наше восприятие, и когда представление зарождается исключительно внутри нас, без всякого посредства внешнего предмета.

Ученые, о которых говорил Фома, полагают, что спутники Диомеда явились только в воображаемом представлении, а не в принятом на себя теле птиц. Указанный святой считает толкование упомянутых ученых лжеучением, хотя и не называет его прямо еретичным. Ведь согласно его утверждению, все святые сходятся на том, что ангелы являются людям не только в воображаемом представлении, а принимают на себя телесную оболочку. Также и текст священного писания клонится к этому утверждению. Поэтому мы можем теперь говорить обо всех явлениях, как и о спутниках Диомеда, что, хотя они и могут быть зримы чрез посредство демонов в воображаемом представлении, однако лучше принять об'яснение, что они были представлены демонами в принятых на себя телах, полученных из воздушной стихии. Можно дать и такое об'яснение, что настоящие птицы, гонимые демонами, представляли бесов.

Как демоны проникают в тела и головы, не причиняя им поранений, когда они производят обманы чувств.

ГЛАВА IX.

Когда спрашивается о том, как происходит обман чувств, как демоны проникают и обитают в телах и головах, надо ли считать одержимыми тех, в которых проникла нечистая сила, как она может пребывать там, не причиняя ранения внутренним способностям и силам и нельзя ли считать все это за чудо, то надо ответить следующее:

Что касается обмана чувств, то ясно из предыдущего, что здесь имеем дело временами с чистым обманом чувств, а временами с полностью воображаемым лишь, внутри человека образуемым, представлением. В первом случае демоны не проникают во внутренние чувства, а воздействуют внешним образом. Так происходит тогда, когда они скрывают одно тело другим или когда бес принимает на себя телесную оболочку и является людям. Второй обман происходит вследствие проникновения бесов в голову и в способности человека. Доказательством могут служить авторитет отцов церкви и рассуждения их. Этому не противоречит факт, что два созданных духа не могут находиться в одном и том же месте в одно и то же время, но что душа пребывает в каждом органе нашего тела. Здесь мы опираемся на авторитет Иоанна Дамаскина, сказавшего: „Ангел там, где он действует". Умозаключение или рассуждение находим у святого Фомы (Сентенции II 7, 5): „Все добрые и злые ангелы обладают силой преобразовывать наши тела. Их сила значительнее всякой телесной

силы". Это вытекает не только из совершенства их природы, но и из того обстоятельства, что механика вселенной и все сотворенные богом тела приводятся в движение ангелами (Григорий Великий,—„Диалоги" IV). Видимый мир может только управляться невидимыми существами. Посему все тела руководятся ангелами, в чем согласны не только святые ученые церкви, но и все философы, называющие ангелов двигательными силами миров. Тогда как человеческие тела приводятся в движение душами, все другое приводится в движение небесными светилами и им присущими силами. Смотри по этому поводу у святого Фомы, в „Сумме" теологии, (1, 90, 1).

Посему можно заключить что там, где демоны действуют, там они и пребывают. Раз они производят влияние на фантазию и на внутренние силы человека, значит, они там и пребывают.

Хотя проникнуть в душу может только тот, кто ее создал, однако демоны тоже могут с божьего попущения проникать в наши тела. Так как они в состоянии воздействовать на наши внутренние способности то они могут и производить изменения в наших восприятиях. Это происходит следующим образом: демон возбуждает в памяти, находящейся в задней части головы, представление, напр. лошади, ведет это представление с помощью перемещения его в пространстве в среднюю часть головы, где находится клетка силы воображения, а затем подводит его до общего чувства, обретающегося в передней части головы. Это перемещение демон может совершать столь внезапно и вызывать столь правдоподобные представления, что невольно рождается уверенность в действительности их в соответствии их телесным, внележащим предметам. Примером такого разительного подобия игры воображения действительности могут служить галлюцинации страдающих болезнью мозга и других помешанных. Но здесь дело может обходиться и без участия дьявола.

Если спрашивается, каким образом дьявол может производить такую иллюзию чувств, не причиняя боли в голове, то ответ легок. во-первых, дьявол не дробит органов и не изменяет их сущности, а приводит лишь в движение образы. Во-вторых, при этом действии он не пользуется активными свойствами духа, а лишь пассивными, что, ясное дело, и не производит болезненных явлений. Не обладая телесными свойствами, дьявол может поэтому действовать тут безболезненно. В-третьих, иллюзия производится лишь перемещением образов в пространстве и именно в голове человека. Это не может причинить никакого ранения.

Затруднение заключается в том, каким образом два духа—дух человека и дух демона—могут одновременно пребывать в одном и том же месте. Ведь душа человека обитает в голове. Как демон может пребывать там же? На это можно ответить, что основное местопребывание души—в середине сердца, откуда она сообщает жизнь всем членам тела. Примером служит паук, который, сидя на паутине, чувствует прикосновение со всех сторон. Августин в своей книге „О духе и душе" говорит, что душа полностью находится во всякой части тела. Несмотря на это, демон может действовать в то же время и в голове человека, так как его действия иные, чем действия души. Ведь действия этой последней распространяются на тело. Душа образует тело и дает ему жизнь. Она подобна форме, в которую выливается материя. Дьявол же находится в голове для того, чтобы производить воздействие на образы и силы воображения. Смешения действий души и демона произойти не может. Посему они могут пребывать одновременно в той же самой части тела.

Надо ли считать людей, в голове которых дьявол производит указанные действия, одержимыми? Возможно ли, чтобы кто-либо чрез посредство влияния колдунов стал одержимым, т. е. чтобы демон действительно овладел бы им телесно? Об этом будем говорить в следующей главе. Здесь возникает другое затруднение, а именно: может ли это происходить посредством чародеяний?

На вопрос о том, надо ли считать подобные действия граничащими с чудодеяниями,—следует ответить утвердительно постольку, поскольку они совершаются вне пределов созданной природы силами нам неизвестного существа, хотя бы они и не были в полном смысле слов чудесами, как напр. то, что совершается вне порядка всей созданной природы, а именно чудеса святых и господа. Смотри, что говорится об этом в пятом вопросе первой части при разборе третьего заблуждения. Это место было вставлено нами для опровержения тех, которые придерживаются иного мнения и считают эти чудодеяния не за чудеса, а просто за дела чорта и именно потому, что чудеса, совершаемые для укрепления веры, не могут быть приписываемы противнику веры, и что знамения, творимые антихристом, называются апостолом ложными знамениями.

На первое надо сказать, что творить чудеса есть дар благодати, рожденным в благодати. Как злые люди могут совершать чудеса, так и злые духи могут совершать их, если это позволяет им сила. Есть троякое различие между чудесами, совершаемыми добрыми и злыми Во-первых, по признаку значительности чудотворной силы тауматурга. Ведь знамения, творимые добрыми людьми с помощью бога, выявляются в таких деяниях, на которые сила активной природы ни в коем случае не может распространяться, как напр. воскрешение мертвых. Этого демоны совершить не могут. Они могут лишь достигнуть кажущегося воскрешения мертвых через посредство обмана чувств. Примером этому служит Симон Маг. Ему удалось достигнуть того, что умерший стал поворачивать голову. Этого, конечно, недостаточно для приравнения подобного поступка к чуду. Во-вторых, различие между чудесами, совершаемыми добрыми и злыми, заключается в полезности знамений. Добрые творят полезные чудесные знамения, как исцеление болезни и тому подобное. Знамения же, творимые ведьмами, относятся к вредительским и пустым поступкам, как летание по воздуху или наведение паралича. Об этом различии говорит святой Петр в „Путеводителе Климента". Третье различие касается веры. Знамения добрых служат укреплению веры и добрых нравов, тогда как знамения злых вредят чистоте веры и благопристойности жизни.

Относительно призывания чуда имеется также разница между добрыми и злыми. Добрые действуют усердными молитвами и благоговейным произнесением имени господа. А колдуны и злые употребляют глупое бормотание и призывают демона. Апостол называл знамения дьявола и антихриста лживыми чудесами, совершаемыми с божьего попущения, причем истинными чудесами дьявола он называл такие, которые творятся в соответствии с его силами, ложными же чудесами такие, которые он не может произвести своими силами, как то: воскресить из мертвых, дать зрение слепым и т. п. В первом случае для достижения действия дьявол проникает в тело умершего или убирает его прочь, а на его место ложится сам во взятом на себя из воздуха человеческом образе. Во втором случае, он наводит на человека с помощью обмана чувств видимость разных болезней и как бы лечит их, внезапно прекращая свое воздей-

ствие на органы чувств. При этом он не создает никакого изменения внутренних качеств.

Все чудодеяния антихриста и ведьм могут быть названы ложными, поскольку они совершаются для обмана людей. Так говорит святой Фома в восьмом разделе его труда „Сумма теологии" относительно силы дьявола при его поступках.

Здесь может быть изложено различие между чудесным и чудом по данным „Краткого изложения богословской истины"[1]). Чудо обусловлено четырьмя требованиями для своего осуществления: во-первых, оно должно быть от бога. Во-вторых, оно должно стоять вне пределов действия обычных естественных сил и являться нарушением их порядка. В-третьих, оно должно происходить явно. В-четвертых, оно должно служить на благо веры. В чудодеяниях ведьм отсутствует выполнение первого и четвертого требования. Посему эти поступки могут быть названы чудесными, но их нельзя назвать чудесами. Их можно назвать чудесами, поскольку они сверх'естественны, совершаются вопреки естественному порядку и лежат вне пределов действия естественных сил. Они сверх'естественны, так как им нет ничего подобного в природе, как напр. разрешение от бремени девственницы. Они совершаются вопреки естественному порядку, но в пределах естественных границ, как возвращение зрения слепому. Они лежат вне пределов действия естественных сил, но происходят в порядке, подобном естественному порядку, как превращение посохов в змей. В последнем случае природа могла бы достигнуть такого же действия, но лишь чрез продолжительное гниение, ведущее к постепенному образованию семени. Поэтому деяния ведьм можно назвать только чудесными.

Не является излишним привести один случай и разобрать его надлежащим образом. В страсбургской епархии имеется город, назвать который нам запрещает чувство долга. Находясь в одном доме, один рабочий пилил дрова. К нему приблизилась большая кошка, которая хотела на него прыгнуть и помешать ему работать. Он отогнал ее. Но появилась другая кошка, еще больших размеров и вместе с первой бросилась на него. Когда он их стал гнать, стало вдруг три кошки, которые с яростью напали на него и начали кусать его и в лицо и в чресла. Рабочий, испуганный этими тварями, осенил себя крестным знаменем, бросил работу и, обороняясь поленом от наседающих кошек, ударил одну по голове, другую по ногам, третью по спине и наконец их с трудом прогнал.

По прошествии одного часа, во время дальнейшей работы по распилке дров, к нему подошли два служителя городского совета, взяли его под арест как колдуна и хотели вести его к окружному начальнику или к судье. Когда судья заметил его приближение еще издали, он приказал, не выслушав его, бросить воображаемого колдуна в тюрьму на пожизненное заключение. Рабочий в продолжение трех дней слезно просил тюремных надзирателей об'яснить ему, почему с ним так обращаются,—Ведь он не чувствует никакой вины.

Когда надзиратели сообщили о просьбах заключенного судье, последний разгневался, и чем более его просили выслушать рабочего, тем больше распалялся гнев начальника. Он кричал, что не понимает, как подобный колдун осмеливается не признавать своей вины, тогда как его преступления очевидны. Наконец по просьбам других

[1]) Это сочинение принадлежит Ульриху Страсбургскому (ум. в 1277 г.), профессор сначала в Страсбурге, а затем в Париже.

членов городского совета он согласился выслушать заключенного. Его вывели из темницы. Когда он стоял перед судьей, который даже не хотел на него глядеть, несчастный упал на колени перед присутствующими и умолял сообщить причину наказания. Тогда судья закричал: „Как ты осмеливаешься, негодяй, отрицать свои позорные поступки? В такой и такой-то день, в такой и такой-то час, ты ранил трех почтенных женщин нашего города. Они все еще лежат в постели, не могут встать и двигаться". Рабочий подумал об указанном дне и часе и ответил: „По совести сказать, за всю свою жизнь я никогда не ударил женщины. Я докажу законными свидетелями, что я в указанное время пилил дрова. Ваши служители также видели меня час спустя за этой работой". Взбешенный судья крикнул: „Посмотрите, как он старается скрыть свое преступление. Женщины жалуются на удары, показывают следы их и публично обвиняют этого негодяя как виновника". Подумав еще над этой историей, рабочий сказал: „В указанный час, как мне вспоминается, я побил животных, а не женщин". Удивленные присутствующие спросили, что это были за животные. Тогда рабочий рассказал всю историю, как мы привели ее выше. Присутствующие заметили участие здесь нечистой силы, освободили несчастного и приказали ему никому не говорить об этой истории с кошками.

Но от ревнителей веры, присутствовавших при допросе, это не могло остаться скрытым.

Здесь возникает вопрос: явились ли рабочему демоны в принятых на себя обликах кошек без участия ведьм? Или, может быть, эти последние явились ему телесно, но представлялись ему кошками вследствие обмана чувств? Ответ: надо признать, что и то и другое возможно произвести дьяволу. Но вероятнее всего, что имело место второе: ведь с помощью перемещения материи в пространстве демоны могли бы, представившись рабочему в виде кошек, перенести внезапно по воздуху на пребывающих дома женщин те удары, которыми осыпал распиловщик нападавших на него демонов в виде кошек. Это могло бы произойти в силу двухстороннего договора, заключенного между ведьмами и дьяволом. В этом никто не может сомневаться. Подобное перенесение удара производится обыкновенно ведьмами с помощью нарисованного ими вылитого изображения того лица, которое они хотят околдовать. Собственно говоря, удар или рана, наносимая ведьмой указанному изображению, ранит не изображение, но того, кого оно должно представлять. Можно привести много подобных происшествий. Неосновательно возражение, что, может быть, раненые женщины были невиновны, так как известны случаи, когда и невиновным причинялись ранения, напр. если кто-нибудь по незнанию ведьмы получал ранения чрез удар по своему изображению. Возражение это неосновательно потому, что надо различать между ранением, произведенным демоном с помощью ведьмы, и ранением, нанесенным одним демоном без посредства ведьмы. Когда демон действует без ведьмы, то удары, полученные им, он на ведьму перевести не может. Иначе обстоит дело, когда он орудует с помощью ведьмы. Тогда в силу договора он переносит удары на ведьму, если нападение на человека произошло по взаимному соглашению между ним и ведьмой и когда было условлено между ними, в каком облике и каким образом это нападение произойдет. Значит, он может перенести удары лишь виновному и связанному с ним договором, но ни в коем случае не невинному. Когда же демоны хотят ранить чрез посредство ведьм, то тогда часто случается, что с божьего

попущения поражаются невинные для того, чтобы зло было отомщено. Надо считать за правду и то, что демоны временами с божьего попущения самостоятельно вредят невинным, Так, они вредили блаженному Иову. Но ведьм там не было и чорт не пользовался там призраком кошки, как в вышеприведенном случае. Изображение этого животного—постоянный символ неверных, тогда как символ доминиканцев—собака. Поэтому они всегда преследуют один другого. А орден доминиканцев изображался в виде лающей на еретиков собаки, находящейся у ног основателя ордена.

Следует думать, что вышеприведенные три ведьмы воспользовались вторым из указанных способов, а именно, они лично напали на рабочего, приняв на себя вид кошек. Это лучше подходит к их странностям. При этом заметим следующее. Во-первых, надо полагать, что они были побуждаемы к этому нападению демонами, а не наоборот. Об этом часто говорится в показаниях ведьм. Они признаются, что бес их постоянно подбивает к дурным поступкам. Указанные три ведьмы, пожалуй, и не подумали бы напасть на бедняка, если бы бес не указал им на это. Основание же к подобному подстреканию демоном надо искать в том, что они, очевидно, знают, что если открыто совершенные преступления останутся безнаказанными, бога будут еще больше хулить, вера католическая будет обесчещена, а число ведьм увеличится. Во-вторых, при достижении взаимного соглашения к определенному вредительству демоны приводят в движение свои тела с легкостью, указывающей на все превосходство духовной силы над телесной. В-третьих, взяв на себя облик кошек, они стали выполнять план нападения на рабочего, не будучи однако защищенными от ударов, хотя они и могли бы быть защищены от них, принимая во внимание, что защита от ударов потребовала бы меньше усилий, чем полет в воздухе. Демоны допустили нанести ведьмам удары, чтобы мог пострадать рабочий. Ведь они знали, что подобные позорные поступки, как заточение невинного, остаются безнаказанными, если дело разбирается обабившимися мужчинами, потерявшими рвение к вере. Подобное же повествуется и в другом рассказе: один святой муж увидел раз в церкви чорта, который в облике священника держал проповедь собравшимся верующим. Что проповедник был чорт, об этом святой муж узнал по наитию святого духа. Внимая словам этого проповедника-дьявола, он нашел, что чорт говорил безупречно и даже ратовал против преступлений. После проповеди святой муж пригласил к себе чорта и спросил о причине такого его поведения. Чорт ответил: „Я говорю в проповеди правду, так как я знаю, что внимающие мне воспринимают только слова, но не выполняют сказанного. Это очень вредит делу создателя, а моя выгода увеличивается".

О способе, коим демоны с помощью чародейств телесно берут человека в обладание.

ГЛАВА X

Может возникнуть вопрос, могут ли демоны по наущению ведьм взять человека полностью в обладание? Могут ли они исполнить то же сами без указанного наущения? При разборе этого надо рассматривать троякое. Во-первых, следует поговорить о различных видах обладания. Во-вторых, рассказать о том, что демоны с божьего попущения могут по наущению ведьм пользоваться всеми видами об-

ладания. В-третьих, привести относящиеся сюда факты и события. При рассмотрении первого пункта мы не будем касаться той общей формы дьявольского обладания, которая сопутствует всякому смертному греху, совершаемому человеком, и о которой говорит святой Фома при разборе вопроса, обитает ли чорт в человеке, совершившем смертный грех? Затруднение заключается здесь в том, что если дух святой всегда пребывает в находящихся в благодати, согласно I посл. к Коринфянам, 3: „Вы храм божий и дух господень обитает в вас", и благодати противопоставляется вина, то здесь должно было бы произойти обратное.

Святой Фома об'ясняет в указанном месте, что понятие „обретаться в человеке" имеет двоякое значение, а именно: относительно души и относительно тела. В душе человека дьявол обитать не может, так как это возможно тольку богу. К тому же дьявол не является причиной вины, подобно тому как дух святой является причиной поступков. Поэтому сравнение не является доказательным.

Относительно тела мы можем сказать, что чорт может обитать в нем двояко, сообразно с тем, живет-ли человек в грехе или в благодати. Что касается первого, то следует заметить, что человек вследствие всякого смертного греха попадает в рабство к чорту и находится в его власти так же, как корабль, несущийся по волнам без кормчего. Чорт может также войти и обитать полностью в человеке, как это мы видим на примере бесноватых. Одержимость эта касается более наказания, чем вины, как это мы увидим впоследствии. Телесные наказания не всегда являются следствием вины. Наказания насылаются то на виновного, то на невинного. И демоны могут обитать по неисповедимому промыслу бога как в людях, которые находятся в божьей благодати, так и в таких, которые стоят вне ее. Этот вид обладания не относится к разбираемому нами предмету. Но он приводится нами для того, чтобы показать возможность для демона обитать полностью в человеке, с божьего попущения и по наущению ведьм.

Мы можем поэтому сказать, что демоны сами по себе, т. е. без посредства ведьм, так и с их помощью могут пятью способами причинять людям ранения и обладать ими. Когда это происходит с помощью ведьмы, то это более оскорбляет всевышнего. К тому же ему дается большая власть, когда он действует чрез ведьму на людей. Вот пять способов нанесения ранений человеку демоном и обладания человеком: 1) ранения тел, 2) ранения тел и внутренних сил, 3) искушения внешние и внутренние, 4) лишение рассудка на некоторое время, 5) превращения людей в подобие неразумных животных. Прибавим здесь вскользь, что временами демоны причиняют людям беспокойства и чрез внешние мирские блага.

Прежде чем мы будем говорить подробнее об этих пяти видах, мы рассмотрим пять оснований попущения богом одержимости, а именно: 1) большая личная заслуга, 2) чужой легкий проступок, 3) личный простительный проступок, 4) чужой тяжкий грех, 5) личный большой проступок. Эти же основания служат причинами одержимости с помощью ведьм. Не будет бесполезным привести примеры из писания и из происшествий прошедшего времени—ведь новое находит свою опору в старом. Относительно первого вида говорится в „Диалогах" Севера, знаменитейшего ученика святого Мартина. Там мы читаем об одном священнике набожнейшего образа жизни, который обладал даром изгнания бесов в такой степени, что они спасались бегством не только от его слова, но и от его писем и его голодви-

жений. В миру он обладал большой известностью и стал искушаем тщеславием. Хотя он и оказывал этому пороку мужественное сопротивление, однако он все просил у бога для достижения большего смирения вселить в него на 5 месяцев беса, что и случилось. Его надо было тотчас же связать и пользоваться всеми теми средствами, которые употреблялись против одержимых. По истечении пяти месяцев он освободился как от демона, так и от тщеславия.

Ни в коем случае нельзя себе представить, чтобы по указанному основанию кто-либо чрез околдование ведьмой стал бы одержим нечистым духом. Нигде мы не читали, чтобы подобное когда-либо произошло. Однако пути господа неисповедимы.

Что касается второго вида одержимости из-за чужих мелких проступков, то у Григория Великого имеется пример из жизни святого аввы Елевферия, простого скромного человека. Однажды он остановился переночевать вблизи женского монастыря. В его келью поместили без его ведома маленького мальчика, которого беспокоил бес каждую ночь. После ночи, проведенной в келии святого, демон покинул мальчика. Когда указанный авва узнал об этом, то поместил мальчика в свой монастырь. Некоторое время спустя авва сказал своей братии, неумеренно радуясь освобождению мальчика от злого духа: „Чорт только подшутил над сестрами того монастыря, около которого жил мальчик. Он вряд ли был одержимым". Когда авва отправился на богослужение, то он заметил, что указанный мальчик не пришел. Мальчика снова стал мучить бес. Лишь слезами и молитвою аввы и братии удалось в тот же день вновь изгнать нечистого из ребенка.

Если невинный становится одержимым вследствие легкого чужого проступка, то нет ничего удивительного в том, что и из-за собственного простительного или из-за чужого тяжкого греха люди становятся одержимыми бесами по насущению ведьм.

Относительно одержимости, возникшей из-за своей собственной вины, нам сообщает Кассиан (Собеседование аввы Серена 1) следующее: „Авва Моисей, единственный и несравнимый ни с кем муж, был наказан за свою резкую речь, произнесенную им в пустыне в споре против аввы Макария. В него вселился свирепый бес, под влиянием которого одержимый клал себе в рот человеческие испражнения. Надо думать, что это наказание бог потому наложил на авву Моисея, чтобы в нем не осталось и следа греха одного мгновения. Это явствует из его чудесного исцеления. Непрестанной молитвой в смирении, которую творил Макарий, он был скоро освобожден от беса". Подобное сообщается также Григорием Великим в его первом „Диалоге", где он говорит об одной монахине, поевшей салату, предварительно не перекрестившись, и ставшей поэтому одержимой, но излеченной святым отцом Эквицием.

Относительно четвертого вида одержимости, а именно насланной за чужой тяжкий грех, святой Григорий Великий повествует там же следующее: однажды святой епископ Фортунат изгнал беса из больного. Изгнанный бес этот начал затем ходить по улицам города в образе паломника и кричать: „О, святой муж, о, епископ Фортунат. Смотрите, меня, паломника, он выгнал из странноприимного дома, и я не знаю, куда голову преклонить". Один человек, сидевший за столом с женой и сыном, пригласил паломника разделить с ним трапезу. Когда он спросил о причине изгнания и услышал всякую ложь, взводимую на епископа, он радовался оклеветанию святого человека. Тогда чорт вселился в сына этого злого отца, бросил его на горящие

угли и изгнал его душу. Лишь тогда понял бедный отец, кого он пригласил к себе за стол.

Что касается пятого вида одержимости, то мы черпаем данные из священного писания и из житий святых, Так Саул, оказавший богу неповиновение, стал одержимым (I кн. Царств, 15).

Обо всем этом мы говорили для того, чтобы никому не представлялось невозможным, что некоторые могут чрез ведьм и по их наущению становиться одержимыми. Мы приведем один пример. Во времена папы Пия II, перед поступлением на должность инквизитора, с одним из инквизиторов, пишущих эту книгу, произошел следующий случай: Некий чех из города Дахова привез своего сына, священника, одержимого злым духом, в Рим для излечения. Один из пишущих эту книгу встретился с ними обоими за трапезой в гостинице. Во время трапезы, разговаривая с соседями, отец часто вздыхал и выражал свое желание, чтобы бог помог ему добиться успеха в излечении сына. Полный сострадания к отцу, я начал допытываться о причине поездки и его печали. На это отец отвечал, говоря через голову своего сына, сидевшего между мною и им: „Ах, мой сын одержим. Я привез его сюда для излечения, невзирая на все затруднения и издержки". Я спросил тогда, где же этот сын, отец указал мне на моего соседа по столу. Я внимательно посмотрел на него. Он чинно и скромно вкушал пищу и быстро отвечал на все вопросы. Я начал сомневаться и выразил мнение, что он совсем не одержим, но страдает последствиями какой-либо болезни. Тогда сын сам рассказал о своей болезни и о том, как и когда он стал одержимым: „Некая женщина, некая ведьма", начал он, „навела на меня эту порчу. Когда я как-то стал ее бранить за ее возражения по поводу церковных распорядков и обошелся с ней слишком резко, так как она была очень упряма, она мне ответила, что я через несколько дней увижу, что со мною станет. Бес, вселившийся в меня, говорит, что ведьма положила какой-то околдованный предмет под неким деревом, и что пока этот предмет не будет удален, я не смогу оправиться. Но бес не хочет указать этого дерева". Я не отнесся бы с доверием к его словам, если бы у меня не было опыта. Я его спросил, при каких обстоятельствах наступает одержимость. Он ответил: „Я лишаюсь способности здраво мыслить лишь тогда, когда я начинаю думать о божественных вещах или посещаю святые места. Бес, вселившийся в меня, сказал мне, что он никоим образом не допустит меня проповедывать народу, так как мои проповеди бесу очень не нравятся". Его отец утверждал, что он был хорошим проповедником. Будучи инквизитором, я решил сопровождать его, в течение пятнадцати дней и больше, по всем святым местам, чтобы узнать болезнь подробнее. Когда мы посетили церковь святой девственницы Пракседии, где находится часть мраморной колонны, к которой был привязан спаситель во время бичевания, и то место, на котором был распят апостол Петр, то, при произнесении там церковных заклинаний, бес испускал ужасные крики и уверял, что он выйдет, но упорно продолжал оставаться. Одержимый оставался образованным, скромным священником, когда его не подвергали экзорцизмам. Одержимость в нем можно было наблюдать и тогда, когда он проходил мимо церкви и преклонял колени для приветствия славнейшей девы. В этот миг дьявол высовывал свой язык изо рта одержимого и на вопрос, поставленный больному, не может ли он от этого воздержаться, он отвечал: „Я никак не могу противиться этому. Бес вла-

деет всеми моими членами и органами—горлом, языком и грудью чтобы говорить и кричать, когда ему захочется. Я слышу слова, которые он чрез меня говорит. Но я не могу ему сопротивляться. И чем благоговейнее прислушиваюсь я к проповеди, тем упрямее мучит он меня и при этом высовывает язык".

В церкви святого Петра имеется одна колонна, доставленная туда из храма Соломона. Чудодейственная сила этой колонны давала неоднократно исцеления от одержимости, так как христос при проповеди в храме Соломона опирался на нее. Я хотел испытать, не удастся ли помочь больному там, но и это не помогло. Неисповедимые пути господни указали другой путь исцеления. Несмотря на то, что одержимый пробыл весь день и всю ночь привязанным к указанной колонне, злой дух ни за что не хотел его покинуть. На следующий день, после прочтения разных экзорцизмов в присутствии столпившегося массами народа, нечистый был спрошен, на какую часть колонны облокотился христос. В ответ на это, он ухватился зубами за нее и, завывая, воскликнул: „Здесь стоял он! Здесь стоял он!" Но выходить из больного он упорно отказывался. На вопрос, почему он отказывается, им был дан ответ: „Из-за Ломбардов". Спрошенный о причине этого заявления, он ответил по-итальянски: „Все делают так и так", причем он назвал отвратительнейший порок распутства. После этого священник спросил меня: „Отче, что обозначают те итальянские слова, которые бес только что произнес моим ртом?" Когда я ему дал об'ясненье, он сказал: „Слова я слышал, но не мог их понять". Как потом оказалось, этот вид одержимости мог быть излечен только постом и молитвою, согласно словам спасителя в евангелии: „Этот вид бесов не чем иным не изгонится, кроме как постом и молитвою". Один епископ святой жизни, который был изгнан турками из своей епархии, избавил его, божьей милостью, от недуга и отпустил его радостным на родину, после того как провел с ним всю четыредесятницу на воде и на хлебе, в посте и молитве.

Хотя без чуда ни одно исцеление не совершается — однако мы можем все же ответить на вопрос о том, какими видами одержимости бес вредит человеку. Таких видов пять. Одни испытывают страдания, причиняемые их собственному телу, другие страдают и телом и духом, иные—только духом, некоторые временно лишаются рассудка, а бывают и такие, которые превращаются как бы в неразумные твари. Случается также, что бес вредит человеку, причиняя урон его имуществу.

Вышеуказанный священник был одержим так, как это указано в четвертом виде. Ведь он не пострадал телесно, как это было с Иовом. Священное писание ведь сообщает, что бог вначале дал власть бесу и сказал: „Все, что у него имеется, находится в твоей руке; но только против него самого не простирай руки своей". Другими словами, бес мог вредить, нанося урон владению Иова. Потом он дал бесу власть и над телом, сказав: „Он в твоей власти, но не трогай души его". Это значит, что бог запретил бесу лишить Иова жизни. До известной степени будет правильным сказать, что указанный священник был одержим так, как это указано в третьем виде одержимости. Ведь он страдал от беса и телесно и духовно. Он мог сказать, как и Иов (гл. VII): „Когда я говорю: „Утешит меня постель моя, унесет горесть мою ложе мое", „ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня". По словам Николая Лирского и святого Фомы, эти сны навеваются бесом. Он устрашает человека снами;

когда он спит, и пугает его видениями, когда человек бодрствует. Ночью бес страшит человека искаженными образами того, что человек видел в бодрствующем состоянии. С Иовом это случилось из-за слабости тела. Поэтому Иов и видел только в смерти выход из своего тяжкого положения. Никто и не сомневается в том, что все вышесказанное доступно совершить бесу в сообществе с ведьмой. В нижеследующем мы приведем примеры этому; укажем на градобитие и на нанесение ран скоту и людям.

Но без участия ведьм происходит временами и вредительство, причиняемое телу и духу человека, но не сопровождаемое помешательством. Ведь они могут, как это и было в свое время указано, возбуждать в мужчинах такую исступленную любовь, что они, несмотря ни на какую погоду и на дальность расстояния, ночью отправляются к своим возлюбленным. Можно привести поучительный случай, происшедший в Марбурге с неким одержимым священником. Когда бес, при экзорцизмах был спрошен, сколько времени прошло с тех пор, как он вселился в священника, он ответил: „Уже семь лет". Экзорцист возразил: „Ты его беспокоишь около трех месяцев. Где же ты был остальное время?" На это бес: „В его теле скрывался я". „В какой части тела", допытывался экзорцист. „Главным образом в голове", утверждал нечистый. Когда же беса спросили, в какой части тела он пребывал, когда священник совершал богослужение и принимал святое причастие, то бес об'яснил: „Я скрывался под его языком". Экзорцист: „Презренный! Что это за дерзость не обращаться в бегство в присутствии своего создателя?" На это бес: „Разве я, ни к чему не годный, не могу спрятаться под мост, когда по нему проходит святой муж, не останавливаясь на нем?" По милости бога священник был освобожден от своего недуга. Сказал ли бес правду или ложь? Мы не знаем этого. Ведь бес такой же лжец, как и его отец.

Четвертый вид одержимости, а именно лишение рассудка на некоторое время, приложим также к случаю одержимости вышепомянутого священника, которого экзорцировали в Риме. Не подлежит сомнению, что бес может пролезть в тело человека. В душу же он пролезть не может. Проникнуть в душу может только бог. Пролезая в тело, бесы не затрагивают его сущности. Ведь тело имеет двоякие границы: границы количественные и границы по сущности. Когда добрый или злой ангел действует в пределах человеческого тела, то он действует в пределах количественных границ тела и оказывает влияние на количественные силы. Так добрые ангелы производят у добрых людей разные приятные видения. Никогда не говорится, что ангелы проникают в сущность тела. Ведь они не могут проникнуть туда, как часть тела или как сила его. Сущность же тела создана богом. Поэтому он один охраняет деятельность сущности тела, как он того захочет. Духи же проникают в тело промеж границ количественного тела и щусности тела. Что касается души, то они воздействуют на нее извне: они рисуют рассудку облики и образы без отношения к образам, возникающим нормальным путем извне. Этим пользуются злые духи, чтобы производить искушения человеку и возбуждать в нем скверные наклонности и помыслы. Добрые же духи просвещают душу человека и помогают ему воспринять те истины, которые они ему хотят открыть. Но это не значит, что добрые ангелы могут проникать в душу. Это так же невозможно, как выше стоящему ангелу проникнуть в ниже стоящего.

Таким образом дьявол вселился в вышеуказанного священника в Риме трояко: Во-первых, он проник в его тело, в пределы телес-

ного количества. Он вселился в его голову и жил там. Во-вторых, он затемнял его разум и беспокоил его всячески, хотя священник, по милости неба, и не испытывал беспрерывного беспокойства от козней нечистого. В-третьих, он лишал священника пользования его органами и членами, даром речи и образования слов, хотя священник и мог воспринимать то, что делал с его членами дьявол. Этот вид одержимости весьма отличается от других видов ее тем, что здесь одержимость не беспрерывна. Вообще же подобное явление при одержимости не замечается. Это явствует из евангелия. Ведь отец лунатика сказал Иисусу: „Господи, сжалься над сыном моим; он лунатик и тяжко страдает" (Мф. XVII). То же мы наблюдаем в случае излечения христом женщины, которую сатана связал 18 лет до того. Она ходила согбенной и вообще не могла стоять прямо (Лк. XIII). Эти беспокойства демоны могут, ясное дело, причинять также по наущению ведьм, если на то есть божье попущение.

О способах, коими ведьмы могут наслать всякого рода болезни с помощью колдовства.

ГЛАВА XI

Нет такой болезни, которой не могли бы ведьмы наслать на человека с божьего попущения. Они могут наслать даже проказу и эпилепсию, что подтверждается учеными. Если поразмыслить о силе демона и о злостности ведьм, то не верить в эти вредительства нет никакого основания. Нидер в своем „Руководстве" и в своем „Муравейнике", ставя вопрос о том, могут ли ведьмы с помощью чар вредить человеку, наносить ему ранения и наводить всяческие болезни, отвечает утвердительно и приводит основания. Затем он ставит вопрос, каким образом это происходит и какие средства употребляются для этого. Относительно первого он говорит то, что мы приводили в первой части. Исидор Севильский в своей „Этимологии" (VIII, 9) сообщает следующее: „Колдунами и ведьмами они называются вследствие огромности их преступлений. Ведь они приводят в беспорядок стихии с помощью демонов и этим производят бури и приводят в смущение дух человеческий, причем они особыми приемами или полностью препятствуют человеку пользоваться своим разумом или затемняют его". Далее он говорит: „И без капли яду, только силой заклинания, они уничтожают души", т. е. лишают человека жизни. Святой Фома („Комментарии к сентенциям", II, раздел 7 и 8; IV, раздел 34) вместе со всеми богословами, писавшими комментарии к этим сентенциям, утверждает, что колдуны различными способами с помощью демонов вредят людям и их имуществу, а именно: вещам, доброй славе, рассудку, жизни. То, что демон может совершить один, ему возможно достичь и с помощью ведьм. Когда он работает с ведьмами сообща, то это еще больше оскорбляет величие бога, а к этому бес и стремится. Об этом мы уже говорили.

Что касается вредительства, причиняемого вещам человека, то мы имеем пример из жизни Иова (I и II). Подробности смотри раньше. Относительно вреда, наносимого доброй славе, мы черпаем сведения из жития святого Иеронима. Эти сведения приводятся Иоанном Андреэ в его сборнике об Иерониме. Их содержание следующее: Некий бес взял на себя образ святого Сильвана, епископа из Назарета, который был другом святого Иеронима. Этот бес начал с того, что

стал ночью побуждать и манить к прелюбодеянию одну знатную женщину, лежавшую в постели, а затем стал действиями возбуждать ее к скверне. Когда она закричала, бес, во образе святого епископа, спрятался под ее постель. Найденный там, он стал лгать, называя себя епископом Сильваном. На следующий день дурная слава распространилась о святом муже. Чорт же исчез. Клевета обнаружилась лишь тогда, когда чорт на могиле святого Иеронима через одного одержимого сознался в содеянном.

Относительно того, что демоны могут вредить телесно, явствует из жизни блаженного Иова, пораженного злокачественными язвами, которые надо считать проказой. Сигиберт и Викентий в „Зерцале истории" (XXI, 37) сообщают, что во времена короля Людовика II в приходе города Майнца бес бросался камнями, занимался воровством и сеял раздоры. Затем он возбудил неприязнь всех против одного содержателя постоялого двора. Каждый раз, когда этот человек снимал новый постоялый двор, бес поджигал его. Все стали думать, что причина этих непрекращающихся пожаров, от которых все соседи страдали, кроется в грехах этого содержателя постоялых дворов. Наконец, постоялый двор пришлось построить на открытом поле. Когда же пресвитеры читали литию, то бес ранил многих из них камнями. Временами он успокаивался, временами свирепствовал. Три года продолжались эти беспокойства, пока все здания не стали жертвою пламени.

На примере одержимых видно, как бесы способны вредить людям, лишая их разума и смущая их внутренние чувства. О том же мы читаем в евангелиях. Относительно смерти от дьявола смотри книгу Тавита (гл. VI), где говорится о семи умерщвленных мужах девицы Сарры. Эти мужья, влекомые плотскими вожделениями и безудержной страстью, не были достойны брака с Саррой.

Отсюда можно заключить, что раз демоны без помощи ведьм могут совершать подобное, то они чрез совместную вредительскую работу с ними могут достичь того же или даже большего.

Если же поставить вопрос, кто больше виноват при совместном вредительстве чорта и ведьмы, то надо сказать, что главная вина падает на чорта. Пусть ветвь, опускаемая в воду женщиной, с помощью которой она, брызгая воду высоко вверх, не приносит дождя. Пусть женщина не несет за это деяние вины. Но она заключила договор с демоном и производит эти действия как ведьма, хотя и не она, а демон вызывает дождь С полным правом она ставится под обвинение, так как она служит чорту. Если ведьма лепит из воска фигуры или с помощью расплавленного свинца, выливаемого в воду, получает некие изображения, то те ранения, которые наносятся ведьмами этим фигурам, передаются живым людям чортом, а не ведьмой. Ведь бог никогда не допустил бы чорту без посредства ведьмы причинить кому-либо ранение. Чорт же сам по себе никогда не решился бы нанести ранение человеку.

Выше у нас шла речь о распространении дурной молвы дьяволом. Это, как сказано, бесы могут совершать без помощи ведьм. Здесь может возникнуть вопрос, могут ли бесы без помощи ведьм пронести дурную молву про уважаемую женщину, наводя на нее подозрение в том, что она ведьма, и пользуясь ее обликом при околдовании людей. Прежде всего, этому надо предпослать следующее: Дьявол ничего не может свершить без божьего попущения, как это было уже указано в последнем вопросе первой части настоящей книги.

Заметим, что попущение божье по отношению к праведным меньше чем по отношению ко грешникам. Над последними дьяволу дано больше власти, и он может больше мучить их. Хотя демоны и знают, что они могут с божьего попущения вредить доброй славе и здоровью праведных, однако они не особенно любят производить эти вредительства, так как они знают, что это служит к увеличению заслуг праведников.

Так как мы имеем здесь дело с поступками, которые в действительности никогда не были совершены, то никто не может сомневаться в том, что бог никогда не позволит совершению их в будущем. Кроме того, ангел хранитель не допустит, чтобы невиновные страдали за преступления других людей, и будет охранять их от совершения подобных дел.

Что ведьмы с помощью дьявола с божьего попущения могут насылать всяческие болезни, считается нами доказанным предыдущими рассуждениями. Все ученые без исключения разделяют это мнение. К тому же естественная сила дьявола гораздо значительнее силы человека. Об этом говорилось выше. Наконец, разбор происшествий и событий подтверждает это. Имеется известное затруднение в том, считать или не считать возможным наслание ведьмами проказы и эпилепсии. Ведь эти болезни обычно возникают из-за предрасположения к ним и из-за недостатков внутренних органов. Однако, мы нашли, что эти болезни временами насылаются и чародеяниями. Так, в Базельской епархии некий почтенный рабочий сделал одной сварливой женщине резкое замечание. В ответ женщина стала ему угрожать и сказала, что она вскоре ему отомстит. Он не придал ее угрозам значения, но очень скоро заметил, что у него на шее образовался прыщ. Когда он начал его тереть и дотронулся до лица, то почувствовал, что все лицо и вся шея распухли. Присмотревшись, он увидел, что ужасающая проказа покрыла все его тело. Не долго думая, он призвал друзей и представителей городского совета и рассказал им историю ссоры с указанной женщиной и указал на ее угрозы. Он высказал свою непоколебимую уверенность в том, что проказа наслана ему чародеяниями этой женщины.

Ее вскоре взяли под стражу. Подвергнутая пыткам, она созналась в преступлении. Когда судья стал расспрашивать о причинах, побудивших ее на околдование, она ответила: „Когда этот мужчина сделал мне резкое замечание и я вернулась домой в большом гневе, злой дух стал допытываться о причине моей печали. Я рассказала подробности и настаивала на том, чтобы эта резкость была отомщена. Демон спросил: „Как же я должен ему отомстить“? Я ответила: „Хочу, чтобы у него распухло лицо“. Тогда демон удалился и навел на человека болезнь, которая оказалась значительно серьезнее, чем та, о которой я просила. Я никогда не думала, что он поразит его такой проказой“. Ведьма эта была сожжена.

В Констанцской епархии, между городом Брейзахом и Фрейбургом, некая пораженная проказой женщина рассказывала многим о том, что она по приблизительно такой же причине стала прокаженной. Порча эта была наслана при следующих обстоятельствах. Однажды указанная женщина вышла ночью из своего дома, чтобы совершить естественную потребность. Вдруг подул теплый ветер из дома той женщины, с которой у ней была размолвка. Этот дом лежал напротив. Ветер попал ей на лицо. По ее утверждению, с тех пор у нее появилась проказа. В той же епархии (в Шварцвальде) ведьма, приговоренная к сожжению за поджог, когда ее втаскивали на костер, сказала

палачу: „Я дам тебе награду.“ При этом она подула ему в лицо. Тотчас же у него появилась проказа по всему телу, и он умер через несколько дней. Об ее ужасающих преступлениях мы умолчим по недостатку времени. Мы можем привести бесчисленное количество подобных случаев. Мы нашли также, что падучая болезнь, или эпилепсия, передается людям с помощью яиц, которые кладутся с телами умерших в могилы и главным образом с телами таких, которые тоже занимались чародеяниями. Такие яйца, вынутые спустя некоторое время из гроба, давались с исполнением известного ритуала в питье или в еде. После этого вкусивший становился эпилептиком.

О способе, коим ведьмы насылают другие болезни, и главным образом на людей

ГЛАВА XII

Кто может перечислить все те различные болезни, насылаемые ведьмами на людей? Не имея возможности перечислить все эти болезни, мы здесь обнародуем кое-что из этой области, пользуясь данными, почерпнутыми из нашего личного опыта и из того, что нам рассказывали другие инквизиторы.

В те времена, когда в городе Инсбруке производилась инквизиция против ведьм, среди многих чародеяний было выявлено и следующее. Некая уважаемая женщина, состоявшая в законном браке с одним из служителей эрцгерцога, сообщила в присутствии нотариуса и законных свидетелей следующее происшествие: „В то время, когда я до брака служила у некоего горожанина, жена этого последнего стала жаловаться на сильные головные боли. К ней приходила знахарка и производила лечение с помощью наговоров и других подобных средств. Наблюдая за ее поступками, я заметила, что вопреки своему естественному свойству течь вниз, вода, которая была налита знахаркой с соблюдением некоторых церемоний на блюдо, сама собой перелилась, подымаясь в другой сосуд. Полагая, что от этих поступков головная боль госпожи не пройдет, я, недовольная этим, резко заметила ведьме: „Не знаю, что вы здесь вытворяете. Это какие-то суеверные глупости, совершаемые вами для вашего собственного обогащения“. Тотчас же ведьма возразила мне: „Через три дня ты узнаешь, суеверные ли это глупости или нет“. На третий день, поутру, внезапно мое тело было охвачено ужасной болью, появившейся вначале внутри. Не было ни одного места на теле, которое осталось бы пощаженным от сильных уколов. Затем мне казалось, что как будто горящие угли высыпались на мою голову:— столь невыносима была боль ее. Все мое тело от головы до пят покрылось прыщами, наполненными гноем. В таком состоянии я пролежала три дня, плача и желая себе смерти. На четвертый день муж моей госпожи предложил мне пройти в коровник. Он шел впереди, я—за ним. Когда мы подошли к коровнику, он сказал мне: „Видишь над воротами кусок белой ткани?“ Я ответила: „Да, я ее вижу“. Он посоветовал: „Постарайся снять ее. Может быть, ты почувствуешь себя лучше“. Придерживаясь одной рукой за косяк, я сняла ткань другой рукой. „Разверни“, посоветовал он: „и посмотри внимательно, что находится внутри“. Развернув ткань, я нашла, между многим другим, белые зерна, схожие по виду с прыщами, семена и стручки, которые

во мне всегда вызывали отвращение. Там же я нашла змеиные и иные кости. Когда я, в удивлении, спросила господина, что с этим делать, он приказал мне бросить это в огонь. Я поступила так, как он сказал. И вот в то мгновение, как я бросила это в огонь, мое прежнее здоровье вернулось ко мне".

Против бывшей госпожи этой пострадавшей нашлись тяжкие обвинения в колдовстве, производимом ею в сообществе с другими ведьмами. Надо полагать, что она призналась своему мужу в околдовании служанки и указала ему на то, чем было оно наведено. Муж, в свою очередь, сообщил об этом служанке, которая и обрела, указанным способом, свое здоровье.

Не является излишним сообщить здесь о другом околдовании, происшедшем там же, от которого пострадала другая жительница указанного города. Одна замужняя и всеми уважаемая женщина явилась к инквизиторам и дала следующее показание: „Позади моего дома", сказала она, у меня имеется сад, прилегающий к саду моей соседки. Однажды я заметила, что кто-то истоптал мои грядки с овощами. Следы шли из сада соседки. Стоя перед калиткой к овощным грядкам, я, досадуя про себя на убытки и на то, что кто-то проходит из соседнего сада, заметила приближение соседки, которая спросила, не подозреваю ли я ее в совершении этих проступков. Зная, что о ней идет дурная молва, я ничего другого не сказала, как следующее: „Следы в траве указывают, откуда убытки". В раздражении она удалилась. Она, видимо, думала, что я вступлю с ней в пререкания. Уходя, она произносила какие-то слова. Их я слышала, но разобрать их не могла. По прошествии нескольких дней я заболела тяжкой резью в желудке и сильным колотьем с левой стороны на правую и наоборот. Боли были таковы, что мне казалось, будто два меча или два ножа воткнуты в мою грудь. Так я пострадала целые сутки, мешая соседям своим криком. Среди людей, пришедших проведать меня и утешить, явился и некий горшечник, который был любовником моей соседки. Сказав несколько сочувствующих слов, он удалился. На следующий день он пришел снова и сказал: „Я хочу сделать опыт, чтобы узнать, не происходит ли ваше заболевание от чародеяния. Если это так, то я вам верну здоровье." Он взял свинец, растопил и вылил его в сосуд с водой, поставленный мне на живот. Заметив в воде различные изображения и фигуры, получившиеся из застывшегося свинца, он сказал: „Вас поразила болезнь от околдования. А под порогом входных дверей находится часть орудий околдования. Мы их найдем и устраним, после чего вы почувствуете себя лучше". Он пошел с моим мужем, поднял порог и предложил моему мужу просунуть руку в образовавшееся углубление и вытащить, что он там найдет. Муж так и сделал: вытащил восковую фигурку длиной с тарелку. Она была со всех сторон просверлена насквозь, а с боков в нее были воткнуты две иглы, идущие слева направо и справа налево. Там же находились узелки с различными предметами, как-то: зернами, семенами и костями. Когда все это было брошено в огонь, я выздоровела, но не совсем. Хотя боли и колотье прекратились, появился и аппетит, я все же по сей день не совсем оправилась. Задавая горшечнику вопросы, как все это могло причинить мне болезнь, я хотела побудить его на дальнейшую помощь. Он мне сказал: „Где-нибудь в ином месте спрятаны другие орудия околдования. Но я не могу их отыскать". На мой вопрос, каким образом он в свое время нашел спрятанные орудия околдования, он ответил: „Я узнал это благодаря люб-

ви, с помощью которой один человек от другого узнает тайны". Этим он указал на свою любовницу. В ней я узнала свою соседку". Таково было показание пострадавшей.

Мне не представляется возможным перечислить все случаи, которые были разобраны в Инсбруке. На это ушла бы целая книга. Скольким слепым, хромым и пораженным сухоткой было об'явлено ведьмами наперед, что они заболеют. Сколько смертей было ими предсказано. Та страна переполнена вассалами и военными, а праздность начало всех пороков. Эти военные соблазняют одних женщин и женятся на других. Отринутая любовь стремится к мести. Так некий повар эрцгерцога женился на девице из другого города, отказавшись от своей возлюбленной, которая была ведьмой. Последняя предсказала на улице, в присутствии многих свидетелей, заслуживающих доверия, смерть своей соперницы: „Не долго ты будешь радоваться супругу"— произнесла она, угрожая своей рукой. На следующий день околдованная слегла и через несколько дней умерла. Пред смертью она утверждала: „Я умираю, потому что другая меня околдовала с божьего попущения". Это во всяком случае было в ее пользу, так как бог предуготовил ей на небе другую свадьбу.

Через околдование погиб также один солдат, как утверждается народной молвой. Обо всех этих многочисленных случаях я говорить не стану. Скажу только о следующем. Один молодой мужчина имел любовницу. Он сообщил ей раз, через своего слугу, что не может прийти к ней в следующую ночь, так как занят делами. Раздосадованная любовница сказала слуге: „Передай твоему господину, что он уже не долго будет мне причинять неприятности". И вот, на следующий день молодой человек заболел и был, несколько дней спустя, опущен в могилу. Бывают и такие ведьмы, которые могут одним взглядом околдовать судью. Наблюдаются и такие, которые публично хвастаются, что никто не может причинить им беспокойства. Они могут также придать уголовным преступникам столько выдержки, что они, несмотря ни на какие пытки, не сознаются в своих преступлениях.

Случалось встречать также таких ведьм, которые бесчестили ударами кнута и ножа изображение распятого с целью достичь чрез это больших успехов при околдовании. Совершая эти постыднейшие действия, они произносили ужаснейшую хулу на непорочность преславной девы Марии и на рождение господа нашего Иисуса христа. Не стоит приводить этих слов и отдельных поступков их, так как они слишком оскорбительны для ушей набожных Это все однако записано и сохранено в архивах.

Так одна крещеная еврейка совратила на этот путь скверны других девиц. Одна из них, по имени Вальпургия, лежа на смертном одре, была увещеваема окружающими исповедать грехи свои. Но она воскликнула: „Тело и душу отдала я чорту. Нет больше никакой надежды у меня на прощение". Произнеся эти слова, она умерла. Эти подробности приведены мною не для порицания, но для хвалы и прославления сиятельного эрцгерцога, не мало постаравшегося для искоренения ведьм и действовавшего при этом, как католический князь и выдающийся ревнитель веры, с помощью высокопреподобного ординария из Бриксена. Все, о чем мы здесь рассказали, должно служить нам поводом для проклятия преступления людей, стремящихся отомстить за оскорбления, нанесенные людям, но спокойно смотрящих на то, как ведьмы оскорбляют творца и ругают веру, не обращая внимания на кары. Основа всех этих проступков— отрицание веры.

О способе, коим повивальные бабки причиняют величайшие вредительства, убивая детей или посвящая их демонам.

ГЛАВА XIII.

Нельзя обойти молчанием вредительства, причиняемого повивальными бабками новорожденным. Так в Страсбургской епархии в городе Цаберне некая почтенная, в высшей степени, пресвятой деве Марии преданная женщина, состоящая содержательницей постоялого двора, на котором висит изображение черного орла, рассказывает часто о следующем случае из своей жизни: „Я была беременна", повествует она. „Мой муж жил еще в то время. Когда приблизился день родов, одна женщина стала назойливо приставать ко мне с просьбой взять ее в повивальные бабки. Еще заранее я решила взять другую, так как об указанной назойливой бабке ходила дурная молва. На словах же я приняла ее услуги. При моем разрешении от бремени я пользовалась все же услугами желательной мне бабки. Не прошло и восьми дней со дня разрешения от бремени, как не приглашенная бабка вошла ночью ко мне в сопровождении двух женщин. Все три приблизились к моей постели. Я хотела позвать своего мужа, спавшего в соседней комнате, но была столь слаба телом, что не могла и пальцем пошевельнуть. Я могла только видеть и слышать. Ведьма, стоя между обеими спутницами, воскликнула: „Эта сквернейшая женщина не должна остаться безнаказанной, так как она не хотела взять меня в повивальные бабки". Обе спутницы стали говорить в мою пользу: „Она ведь", вспоминали они „никогда нам не вредила". Но ведьма возразила: „За то, что она меня не пригласила, я кое-что вложу в ее кишки, но так, что она в продолжение полугода не будет испытывать никаких болей. Потом же она достаточно пострадает". Она подошла ко мне поближе и дотронулась до моего живота своей рукой. Мне показалась, что она, вынув кишки, вложила на их место некие предметы, рассмотреть которые я не могла. Когда все три женщины удалились, ко мне вернулись силы закричать своему мужу и рассказать ему происшедшее. Он хотел приписать виденное мною моему болезненному состоянию после родов. На это я сказал: „Она дала мне полугодовой срок. Если по прошествии этого срока боли не появятся, то я тебе поверю". Об этом околдовании она сообщила своему сыну, священнику, который пришел на следующий день справиться о здоровье своей матери. По прошествии шести месяцев она почувствовала такие боли в желудке, что и днем и ночью кричала не переставая. Относясь с великим благоговением к святой деве и царице милосердия, она полагала, что пост по воскресеньям позволит ей заслужить заступничество владычицы. Вскоре после того, как она начала поститься, она, отправляя естественные потребности, увидела, что нечистота удаляется из ее тела. Призвав мужа и сына, она сказала: „Разве это воображаемые вещи? Разве я не сказала, что по прошествии полугода правда выявится? Видел ли кто-нибудь, чтобы я когда-либо ела шипы, кости и куски дерева? Среди вышедшей нечистоты были найдены шипы шиповника длиной в четыре пальца и множество других предметов.

Вот другой случай. В Базельской епархии одна приговоренная к сожжению ведьма призналась в умерщвлении более сорока новорожденных. Она пользовалась для этого иглой, которую втыкала в

темя детей, только что появившихся на свет. В Страсбургской епархии другая ведьма призналась в умерщвлении бесчисленного множества детей. Она была поймана с поличным при следующих обстоятельствах. Однажды она была вызвана из одного города в другой, как повивальная бабка. По исполнении своей обязанности она отправилась обратно. При выходе из городских ворот у ней выпал сверток холста, в который была завернута рука новорожденного. Это было замечено сидящими при воротах. Они подняли руку, считая это за кусок мяса. При ближайшем рассмотрении они увидели, что это рука новорожденного мальчика. На собрании городских представителей было выяснено, что в городе действительно умер новорожденный до крещения, и что у этого новорожденного нехватало руки. Ведьма была схвачена, подвергнута пытке и призналась, что умертвила ребенка. При этом она сказала, что на ее совести смерть бесчисленного множества детей. Почему она умерщвляла их? Надо во всяком случае видеть здесь понуждение со стороны злых духов, может быть, временами и против воли ведьм. Ведь чорт знает, что такие дети, вследствие первородного греха, не войдут в царствие небесное. С другой стороны, чем медленнее будет расти количество избранных, тем более будет замедляться наступление судного дня. Убиение некрещенных младенцев, лишая мир многих избранных, отдаляет судный день. Когда число избранных достигнет своей полноты мир прекратит свое существование.

По советам демонов, ведьмы приготовляют из рук и других, членов убиенных новорожденных особые мази для своего употребления. Замалчивать эти ужасающие преступления нельзя ни в коем случае. Когда ведьмы не убивают новорожденных, они посвящают их демону. Это происходит следующим образом. При рождении ребенка повивальная бабка выносит его под каким-либо предлогом из родильной комнаты и, подымая его на руках, посвящает его князю демонов, т. е. Люциферу, и всем демонам.

Приводим поучительный случай подобного посвящения. Кто-то обратил внимание на то, что его жена, при разрешении от бремени, не обратилась к повивальной бабке, а прибегла к помощи своей собственной дочери. Отец спрятался и из укромного места начал наблюдать за поступками женщин. Он увидел ритуал богохульства и бесовского жертвоприношения, а также и то, что демон помогал при появлении ребенка на свет. Отец решил как можно скорее совершить над ребенком обряд таинства крещения. Церковь находилась в соседнем местечке. Чтобы пройти туда, надо было миновать один мост. Когда к нему подошли отец, дочь, несущая новорожденного, и другие, то отец крикнул дочери: „Я не хочу, чтобы ты перенесла ребенка по мосту. Или он перейдет один или ты упадешь в реку". Дочь испугалась и спросила его, в своем ли он уме. Но он воскликнул: „Презренная женщина. Через твое чародейство ребенок появился на свет. Сделай же так, чтобы он перешел самостоятельно на другую сторону моста, иначе я тебя утоплю". Она положила ребенка у моста и призвала демона, который невидимо перенес новорожденного на другую сторону моста. После его крещения все возвратились домой. Отец, присутствовавший при богохульствах и имевший свидетелей при чародейском переносе ребенка через мост, обвинил и жену и дочь в колдовстве. Их постигла заслуженная кара — сожжение на костре.

Чего же достигают ведьмы богохульными посвящениями ребенка демону? Это имеет троякую цель. Во-первых, этим ритуалом удо-

влетворяется их гордость и желание быть почитаемыми. Во-вторых, они делают вид, что им особенно нравится невинность, посвящаемая им. В-третьих, посвящением ребенка увеличивается число будущих помощников демонов. Все дети, посвященные ведьмами демону, склоняются всю свою жизнь к чародеяниям. Дети же, посвященные богу, влекутся к божественному. Весь ветхий и новый завет полны подобными данными. Так, многие патриархи и пророки, как Исаак, Самуил, Самсон, были с малолетства посвящены богу. Опыт показывает, что дочери ведьм известны усердным подражанием своим матерям. Как можно иначе об'яснить то явление, что девочки от восьми до десяти лет успешно вызывают бурю и градобитие? Ведь дети сами по себе этого узнать не могут. Они не могут также сознательно заключить договор с дьяволом. Значит, посвящение этих детей демону, совершаемое матерями-ведьмами, уже связывает их с демоном.

Вот некоторые примеры. В одной местности Швабии крестьянин, проходя по полям посмотреть, как растут злаки, сказал сопровождавшей его восьмилетней дочери, что для урожая необходим в самом скором времени дождь. Дочь его простодушно сказала тогда: „Отец, если ты желаешь дождя, то я сделаю так, что он скоро выпадет". Отец ответил: „Откуда ты это знаешь? Как ты это можешь"? Девочка утверждала: „Конечно. И не только дождь могу я вызвать, но и градобитие и грозу". Отец: „Кто тебя этому научил?" Дочь ответила: „Моя мать. Но она запретила мне говорить кому-либо об этом". Тогда отец захотел узнать, как это делается. Девочка об'яснила: „Мать передала меня одному магистру, я могу по желанию тотчас же вызвать его".

Отец: „Видела ли ты его?" Она отвечала: „Временами я видела, как к матери входили и как от нее уходили какие-то мужчины. Когда я спросила, кто они, она ответила, что это наши магистры, которым, я тебя отдала. Они могучи и богаты". Испуганный отец захотел узнать может ли она в данный миг вызвать дождь. Дочь ответила утвердительно, но прибавила, что ей для этого необходимо немного воды. Отец подвел девочку к протекавшему по близости ручью и предложил вызвать дождь, но только над их полем. Девочка опустила руку в воду, замутила ее во имя своего магистра и, действительно, выпал дождь на их полосу. Увидев это, отец сказал: „Вызови град, но только над одной из наших полос". Девочка выполнила и это. Тогда отец обвинил свою жену в колдовстве. Она была схвачена и предана сожжению. Девочку вновь крестили и посвятили богу. С тех пор она потеряла дар вызывания дождя и градобития.

Как ведьмы наводят различную порчу на домашний скот

ГЛАВА XIV

Апостол говорит: „Разве бог заботится о волах?" Этим он хочет сказать, что хотя все и совершается по божьему провидению как в мире людей, так и в мире животных, но он мерит оба этих мира двумя мерами, больше всего заботясь о людях. Люди беспокоятся колдунами с божьего попущения как лично, так и через посредство вреда, наносимого их близким. Отцы страдают от бед, наносимых ведьмами их детям. Ведь дети до известной степени являются владением отцов. Никто не должен сомневаться в том, что и в имуществе своем люди могут быть поражаемы чрез посредство ведьм и демонов с божьего попущения. Так Иов, пораженный дьяволом, потерял

весь свой домашний скот. Нет почти ни одного селения, где бы женщины не околдовывали друг у друга коров, лишая их молока, а иногда и жизни. Многие ведьмы собираются ночью, в дни великих праздников, в углах своих домов, держа подойник между ног. Втыкая в стену нож или другой какой-либо инструмент, складывая пальцы рук как бы для доения этого предмета и призывая своего демона, они требуют от него молока от такой и такой-то коровы, приносящей соседу или иному жителю селения большое количество молока. Чорт берет из сосков указанной коровы молоко и приносит его туда, где сидит ведьма. Выходит так, как будто бы она получает молоко через нож, воткнутый в стену. Нечего бояться указывать эти обычаи в проповедях народу. Как бы простые женщины ни старались, они при вышеуказанном доении молока не получат, так как им нехватает главного: почитания демона и отрицания веры.

О том, как колдуны умерщвляют животных и домашний скот, надо сказать, что это происходит или чрез прикосновение, сопровождаемое взглядом, или только взглядом; иногда колдуны подкладывают какое-либо чародейское орудие под порог ворот коровника или зарывают его в землю в такие места, где имеется водопой для скота. Так поступали ведьмы из Равенсбурга, которые умерщвляли самых лучших домашних животных. Когда их спросили, как это они совершали, одна из них, по имени Агнеса, ответила, что орудия околдования были спрятаны под порогом коровника. На вопрос о том, что это были за орудия, она ответила: „Кости от различных животных". Спрошенная, во имя кого совершали они это, она утверждала: „Во имя чорта и всех других демонов". Другая же ведьма из того же сообщества ведьм, а именно Анна, умертвила у одного горожанина одну за другой двадцать три лошади. Когда он купил 24-ую лошадь и впал в большую бедность, то сказал ведьме, стоявшей невдалеке: „Вот я купил еще одну лошадь. Я обещаю богу и его матери, что если эта лошадь околеет, то убью тебя своими собственными руками". Испугавшись этого, ведьма не тронула лошади порчей. Спрошенная на допросе, каким образом она умерщвляла этих лошадей, она ответила, что вырыла только яму, чорт же положил туда ей неизвестные предметы. Отсюда можно заключить, что ведьмам для поражения скота достаточно лишь прикоснуться или бросить взгляд, а все остальное производит демон. Если бы ведьма не участвовала, то демон не мог бы производить никакого вредительства против созданий, как об этом и было сказано выше.

Неоднократно пастухи наблюдают, что те или иные домашние животные, пасущиеся на лугу, делают три или четыре скачка, а затем падают на землю и издыхают. Это происходит всегда по наущению демонов чрез вредительскую силу ведьм. В Страсбургской епархии, около города Флисена, проживал очень богатый мужчина, который утверждал, что у него и у соседей сорок голов домашнего скота было околдовано в прилежащих горах. Скот этот издох в продолжение одного года. Ни чумы, никакой другой болезни среди скота не было замечено. Указанный собственник животных утверждал, что при всякой болезни они околевают не сразу, а чахнут постепенно. При упомянутом же околдовании погибали сразу. Все придерживались того мнения, что это была не болезнь естественная, а наведенная чарами. Хотя я и указал, что погибло сорок голов скота, однако мне теперь вспоминается, что он назвал большее количество. В гористых местностях часто случаются подобные околдования. Вообще такое околдование распространено повсеместно.

Как ведьмы производят градобитие и грозу и направляют молнию на людей и животных

ГЛАВА XV.

Бесы и их ученики могут вызывать градобитие, грозы и направлять молнии на людей и животных. Бесы имеют возможность совершать это, получив на это власть от бога. Для учеников же беса необходимо божье попущение. Смотри об этом книгу Иова (I и II), откуда видно, что дьявол, получив власть от бога вредить Иову, помог Савеянам увести пятьсот волов и пятьсот ослиц, молнией умертвил семь тысяч верблюдов, а затем произвел обвал дома, в котором погибли дети Иова. Бес же навел на сего святого мужа болезнь, покрывшую его тело злокачественными нарывами. Бес же устроил так, что жена Иова и друзья его пришли смущать его душевный покой.

Святой Фома в своей постилле на кн. Иова говорит: „Надо признать, что с божьего попущения бесы производят бури, возбуждают ветры и наводят молнии с неба. Телесная природа не слушается ни добрых, ни злых ангелов и не принимает других форм по их указанию. Она повинуется исключительно богу творцу. Что же касается перемещения материи в пространстве, то телесная природа создана для того, чтобы повиноваться духовной природе. Примером этому служит человек: ведь только по приказу воли, находящейся в душе, приводятся в движение члены человеческого тела, чтобы исполнить предписанное волей. Перемещать материю в пространстве может не только доброе, но и злое начало чрез посредство своей природной силы, если нет препятствия со стороны бога. Ветры, дождь и другие подобные явления в воздухе могут производиться и подымающимися с земли и воды испарениями. Поэтому для этого достаточно и участия природной силы демона. Таково мнение святого Фомы.

Зло, встречаемое нами на нашем жизненном пути, насылается на нас богом через бесов, являющихся как бы палачами. Поэтому глосса к 115 псалму, где говорится о казнях, насылаемых на людей, раз'ясняет: „Это зло совершается с божьего попущения злыми ангелами, которые к этому приставлены. Голод вызывается ангелом, приставленным наблюдать за голодом".

В „Муравейнике" Нидер рассказывает об одном колдуне, которого судья спросил, как колдуны вызывают градобитие и грозы, и трудно ли это; колдун ответил: „Нам не трудно вызвать градобития, но мы не можем по нашему усмотрению причинять ранения". (Думай об ангелах хранителях.) Затем колдун прибавил: „Мы можем ранить только тех, которые лишены божьей помощи. Тех, которые защищают себя знамением креста, мы не можем ранить. Мы поступаем таким образом. Прежде всего мы призываем демонов на поля, употребляя определенные слова и обращаясь к князю всех демонов. Мы просим прислать нам кого-нибудь из своих. Когда демон появляется, мы приносим ему в жертву черного цыпленка, высоко выбрасывая его в воздух. Когда демон принимает нашу жертву, то повинуется и приводит в смятение воздух. Но не всегда бросает он градины и молнии на нами обозначенные места. Он действует здесь с божьего попущения". Там же, в „Муравейнике", говорится о князе ведьм по имени Штауфер, проживавшем в Бернской округе. Он публично хвалился, что на глазах своих соперников может превратиться в мышь и избежать рук своих врагов. Говорят, что он часто таким именно образом скрывался от своих злейших врагов. Когда же божеская справед-

ливость решила положить конец его злодеяниям, то он был пронзен мечами и копьями врагов и погиб презренной смертью. Один ученик его пережил его. Имя ему Гоппо. У него был и другой ученик по имени Сталин. Градобитие и бури вызывали они часто. Они могли также причинять людям и скоту бесплодие и поражать их молниями.

Расскажем о событии, известном нам по личным переживаниям. В Констанцской епархии, на расстоянии двадцати восьми немецких миль от города Равенсбурга в сторону Зальцбурга, произошло великое градобитие. Все полевые злаки, весь сев, а также и виноградники были побиты градом. Виноградники так пострадали, что все думали о возможности его урожая не раньше, чем через три года. Когда об этом градобитии узнал нотариус инквизиции и народ стал требовать вмешательства ее, считая это несчастие следствием чародеяния, тогда в продолжение четырнадцати дней инквизиция занималась допросами и снятием показаний. Две женщины были приговорены к наказанию. О многих других шла дурная молва относительно их колдовских деяний. Имя одной из осужденных было Агнеса, а другой— Анна. Они были родом из Миндельгейма. Когда они были схвачены, их посадили в одиночные камеры. На следующее утро Агнеса была пытаема, но не сильно, в присутствии городского головы Гельре, большого ревнителя веры, и других городских уполномоченных. Не подлежит сомнению, что она обладала колдовским даром выдерживать пытки. Ведь она не с женским, а с чисто мужским терпением утверждала в начале пыток, что ни в чем не виновата. Наконец, она призналась. Освобожденная из пут, хотя и не выведенная из камеры пыток, она добровольно подтвердила все возводимые на нее обвинения. Милость неба была с нами, и ее преступления не остались безнаказанными. Допрошенная нотариусом инквизиции на основании обвинений, взятых из показаний свидетелей, о вреде, причиненном ею людям и скоту, она рассказала все подробности. Спрошенная о своем отречении от веры, о половом соитии с инкубом, она созналась и в этом. Из ее признаний выяснилось, что она в продолжение восемнадцати лет находилась в указанных сношениях с инкубом и отреклась от веры. Относительно причинения градобития она указала на себя, как на виновную. При этом она сказала: „Я была дома. Около полудня ко мне явился демон и сказал мне, чтобы я отправилась в долину Куппель, захватив с собой немного воды. Я спросила, что он хочет сделать. Он ответил, что намеревается причинить дождь. Выходя из городских ворот, я увидела демона, стоящим под деревом". На вопрос судьи, под каким деревом стоял демон, она указала на одно из деревьев, видимых из камеры, и сказала: „Вот под этим, которое находится напротив той башни". Спрошенная, что они делали под деревом, она сказала: „Демон приказал мне выкопать маленькую яму и налить туда воды". На вопрос, не сидели ли они вместе, ведьма ответила: „Демон стоял, я же сидела". О том, как она мешала воду и что она при этом говорила, она призналась в следующем: „Я мешала воду пальцем и призывала имя того чорта, который был со мной, а также призывала имена и всех других демонов". Судья: „Что произошло с водой?" Она ответила: „Вода ушла, и чорт поднял ее в воздух". Спрошенная о сотрудницах, она призналась: „Под деревом напротив у меня была союзница". При этом она указала на ведьму Анну и прибавила: „Но я не знаю, что она делала". О времени, протекшем между поднятием воды демоном в воздух и началом градобития, Агнеса утверждала: „Град начался, когда мы пришли домой",

Удивительно, что вторая ведьма, подвергнутая слабым пыткам на следующий день и поднятая на дыбу на палец высоты от земли, тотчас же созналась, когда была освобождена от пут, и дала тождественные показания, как и Агнеса. Даже относительно места и времени совершения чародеяния расхождения между их показаниями не было.

На третий день они обе были сожжены. Агнеса очень сокрушалась и предавалась на милость творцу. Она говорила, что охотно умирает, чтобы избежать оскорблений со стороны демона. Она держала крест в руках и целовала его. Анна же отстранила от себя распятие. У этой последней было знакомство с инкубом в продолжение 20 лет. Она совершила больше околдований, чем Агнеса, и много вреда причинила людям, домашнему скоту и полевым злакам.

Относительно вызывания грозы ведьмами мы можем сказать, что этот вред наносится весьма часто и выражается в поражении молнией людей, скота, домов и амбаров. Грозы производятся так же и без вмешательства ведьм. Однако добровольные признания ведьм доказывают, что они действительно приносят часто этот вред. Это видно и из той легкости, с какой производится ими градобитие. Если же они могут вызывать градобитие, почему же им нельзя вызывать и грозу.

О трех видах колдовства, свойственного мужчинам, разбираемых в трех разделах и в последнем из них—о стрелках из луков

ГЛАВА XVI

Говоря о видах колдовства, практикуемого мужчинами, мы коснемся их семи ужасающих преступлений. Во-первых, в день смертных страданий христа, а именно на шестой день праздника Параскевы во время торжественной мессы, они брали святейшее изображение распятого как мишень и стреляли в него стрелами. О, какая жестокость и оскорбление спасителя! Во вторых, хотя и является сомнительным, что они отрицали и на словах веру в бога, однако, принимая во внимание, что они стреляли в изображение его, мы считаем, что они отрицают веру в бога действием. Стрелять в христа—значит нанести своей вере ни с чем не сравнимый позор. В-третьих, такой стрелок должен произвести три или четыре выстрела в христа, употребляя соответствующее количество стрел. Следствием будет то, что он в любой день сможет убить столько же людей. В-четвертых, демон дает им твердый прицел. Но они должны до стрельбы посмотреть убиваемому в глаза и иметь в себе желание убить. Убиваемый никаким способом не может. защитить себя В-пятых, такие стрелки имеют удивительную меткость. Они могут попасть в мелкую монету, поставленную на голову человека, не причиняя последнему никакого вреда. Та же меткость присуща им и при стрельбе из ружья. В-шестых, чтобы достичь такой меткости, они должны принести чорту почитание и отдать ему на служение тело и душу.

Приведем некоторые примеры. Некий князь с берегов Рейна, носивший прозвище „Бородатый", так как носил бороду, осадил однажды замок Ландсбруннен за разбойные набеги, совершаемые его владетелями. В свите этого князя находился стрелок-колдун по имени Пункер, перестрелявший всех осажденных кроме одного. Он поступал следующим образом. Прежде чем стрелять, он смотрел в глаза убиваемому. Ежедневно он мог произвести три подобных выстрела, так как он производил соответствующее количество выстрелов в

изображение распятого. Число три выбрал чорт потому, что этим совершается отрицание пресвятой троицы. Пустив три смертоносных стрелы, указанный колдун стрелял затем в тот день нисколько не лучше, чем другие. Однажды один из осажденных крикнул ему: „Пункер, не оставишь ли ты неповрежденным кольцо на воротах?" Это было ночью. Пункер ответил: „Нет. Теперь я его оставлю, а возьму его прочь в день взятия замка". Как он сказал, так и сделал. Когда все осажденные были убиты, за исключением одного, Пункер снял кольцо с ворот и повесил на свой дом в Рорбахе, находящемся в Вормской епархии. Он был убит крестьянами, которым он стал в тяготу, не успев исповедью очиститься от своих грехов. Об этом Пункере говорят, что он однажды показал одному знатному человеку следующий пример искусства стрельбы. Знатный поставил маленького сына Пункера к колонне, положил ему на берет мелкую монету и предложил стрелку, не причиняя вреда берету, сбить эту мелкую монету. Вначале Пункер не хотел стрелять, чтобы не ставить на слишком опасную пробу помогавшего ему дьявола. Наконец, он согласился, вынул две стрелы из колчана, засунул одну из них за пазуху, другую вложил в арбалет и сбил монету с головы сына, не нанеся ему никакого поранения. Спрошенный знатным человеком, почему он засунул одну стрелу за пазуху, Пункер ответил: „Если бы я был обманут чортом и убил бы свое дитя, за что и мне грозила бы смерть, то я пронзил бы вас оставшейся стрелой, чтобы отомстить за свою смерть.

С помощью чорта достигается бесспорно большое искусство в стрельбе, однако благодать спасителя производит еще большие чудеса. В Констанцской епархии, недалеко от замка Гогенцорн и от одного женского монастыря, видна вновь построенная церковь, где хранится изображение спасителя с торчащей в нем стрелой и со следами запекшейся крови. Это чудо произошло следующим образом. Один презренный, желая иметь непромахивающиеся стрелы, выстрелил на перекрестке дорог в изображение спасителя и пронзил его стрелой. Издавая крик, презренный упал с простреленной ногой. Спрошенный проходящим человеком, что с ним стряслось, презренный не мог издать и звука. Он двигал головой и руками и дрожал всем телом. Прохожий, посмотрев наконец на распятие и увидев стрелу и кровь из раны, воскликнул: „О, ты негодяй. Ты пронзил изображение нашего господа". Он подозвал других и сказал им: „Смотрите за ним, чтобы он не убежал", хотя в действительности стрелок этот совсем и встать-то не мог. Прибежав в замок, прохожий рассказал о случившемся обитателям замка, которые тоже подошли к презренному, который признался в своем преступлении. Он был затем поднят с земли, судим и умер презренной смертью.

Выше мы перечислили шесть ужасающих преступлений колдунов-стрелков. Теперь скажем о седьмом. Это преступление совершают те, которые, несмотря на весь ужас этих проступков, принимают колдунов, защищают их и всячески покровительствуют им. Подобным покровительством они отлучают себя от церкви. Духовные лица, оказывающие это покровительство, лишаются сана и бенефиций навсегда. Если же отлученные, в продолжение года, не покорятся и не испросят прощения, с ними надо поступать, как с еретиками.

В каноне Ut inpuisitionis, prohibemus, lib. II, предписывается светской власти не препятствовать епископам и инквизиторам при исполнении ими служебных обязанностей, когда они ведут следствие

и выносят приговоры против указанных лиц, носящих более года тяжесть отлучения. Колдуны и их покровители подлежат отлучению также в силу канона „Ad abolendam", в силу канона „Excommunice" mus" I, а также „Excommunicemus" II, где говорится: „Мы отлучаем и произносим анафему над всеми еретиками, катарами, патеринами, а также и над теми, какие бы названия они ни носили". Под выражением „какие бы названия они ни носили" надо понимать покровителей колдунов. Кроме того в каноне „Excommunicamus" I, § credentes, читаем: „Кроме того те, которые им верят, их принимают, защищают и покровительствуют, должны быть отлучаемы". А в каноне „Excommunicemus" II указываются многие наказания для тех, кто в продолжение года остался под отлучением. Там говорится: „Мы предписываем, чтобы произносилось отлучение над теми, кто принимает (колдунов), покровительствует им и защищает их. Каждый отлученный предается бесчестию, если он в продолжение года не принесет раскаяния. Такие покровители не допускаются к общественным должностям, их нельзя выбирать на эти должности; они не допускаются также как свидетели; нельзя по завещанию оставлять им что-либо; они не имеют права передавать наследство; они лишаются права наследования; никто в деловых сношениях не ответствует перед ними. Если такой отлученный—судья, то его приговоры теряют силу; он не может заниматься судебными разбирательствами. Если отлученный—адвокат, то он ни в коем случае не может защищать интересов своих клиентов. Если он—писарь, то общественные акты, составленные им, лишаются своей силы. Если он—священник, то он лишается своего сана и бенефиций. Чем больше вина, тем большее наказание присуждается такому покровителю. Если же отлученные не принесут раскаяния, то над ними произносится торжественное отлучение. Священники обязаны отказываться от погребения этих отлученных и при смерти их отказать им в исповеди и причастии. От них нельзя принимать дарений и милостыни для церкви. Священники, не исполняющие этого предписания, лишаются должности. Восстановить их в должности может только апостольский престол".

Есть еще много иных наказаний для покровителей колдунов, хотя бы они и не пробыли года в отлучении. Их сыновья и внуки могут быть об'явлены лишенными их звания, личных прав и всевозможных церковных почетных должностей и бенефиций. Так утверждает канон.

Может случиться, что светская власть в праведной борьбе против недругов пригласит к себе на службу подобных стрелков-колдунов и с их помощью разрушит владычество злых тиранов. Все ли войско или только те, кто их принял и им покровительствовал, должны быть наказаны? На это надо ответить, что, вследствие большого количества людей, строгость суда должна быть смягчена (Смотри dist. 40, constituetur). Князь, его помощники и советники, оказавшие покровительство стрелкам-колдунам, заслужили указанные наказания, если были предупреждены их главным священником, но не послушали его увещаний. Все же войско не подлежит отлучению, так как принятие на службу колдуна происходит без совета этого войска. Войско, готовое пожертвовать жизнью на защиту государства и находящее удовольствие в меткой стрельбе колдуна, не должно ни в коем случае пострадать из-за покровительства, оказываемого властями колдуну. Войску надо посоветовать исповедаться. Когда духовник убедится, что все воины отвращаются от этой колдовской скверны, то

пусть им дастся отпущение грехов. Стрелков-колдунов надо во всяком случае изгнать из страны. Кем же дается отпущение грехов главным воеводам, когда они образумятся? Отпущение грехов они могут получить как от своего главного священника, так и от инквизитора. Смотри в каноне „Ut officium".

Теперь скажем о двух других видах колдовства, свойственного мужчинам. Прежде всего укажем на тех, которые заговаривают богохульными словами всевозможное оружие, чтобы враги этим оружием не могли причинять ранений. Среди этих колдунов надо различать таких, которые имеют известное сходство со стрелками-колдунами, так как они также производят отвратительнейшие действия над изображением распятого. Так, если кто-нибудь хочет быть предохраненным от ранений или ударов в голову, тот снимает с изображения христа голову. Кто хочет защитить от ранения шею, тот устраняет с распятия эту же часть тела Кто желает иметь защищенным руку, тот отрывает изображение руки распятого и т. д. Временами они уродуют распятие повыше пояса или место, скрываемое поясом. Таким образом из десяти изображений христа, стоящих на перекрестках, не найдется ни одного совершенно целого. Имеются и такие люди, которые носят на себе разные амулеты. Эти амулеты представляются предназначенными не для открытого причинения вреда ближним, но скорее для предохранения своего собственного тела. Носители их должны считаться кающимися, а не впавшими в лжеучение еретиками, когда их колдовство доказано и их раскаяние очевидно. Что же касается тех, которые, заговаривая оружие, могут ходить по его лезвию голыми ногами и проделывать другие подобные действия, то надо различать одних, которые заговаривают святыми словесами, от других, которые заговаривают, употребляя неизвестные имена, значки и росчерки. Заговор первых нельзя считать предосудительным. Заговор же вторых должен быть караем, если производящие наговор продолжают подобные действия. Можно часто заметить, что вассалы и купцы носят амулеты. Необходимо противиться этому чрез посредство церковного или светского суда. Ведь с помощью этих неизвестных слов и знаков заключается молчаливый договор с бесом. Что касается стрелков колдунов и других заговаривающих оружие, то их в случае изобличения в совершении этих деяний надо считать уличенными в ереси и в заключении договора с чортом. Их покровители и защитники должны быть наказываемы в соответствии с существующими канонами. Ведь они сильно грешат против веры и часто наказываются богом не христианской смертью. Однажды некий князь, покровительствовавший подобным колдунам, обложил один из своих городов несправедливыми налогами. Его советник указал ему на это. Но князь ответил: „Пусть бог накажет меня смертью на этом самом месте, если мое обложение несправедливо". Тотчас последовало божье мщение. Он упал на земь мертвым. Его смерть была наказанием за несправедливое обложение и за покровительство еретикам. Если же прелаты и иные пастыри не оказывают достаточного противодействия этим колдунам и их покровителям, то и они должны нести заслуженную кару.

Второй главный вопрос этой второй части: о способах устранения или излечения околдования, чему предпосылается разрешение одного затруднения

Дозволяется ли устранять околдование с помощью другого, встречного околдования, или с помощью иных недозволенных дейс-

твий? На это дается отрицательный ответ, так как не дозволяется пользоваться помощью демонов, что вытекает из предыдущего, и что раз'яснено учеными (смотри „Сентенции" II, раздел 7). Ведь иначе это обозначало бы отступничество от веры. Защитники противного возрения рассуждают следующим образом. Околдование может быть устранено или человеческим искусством, или дьявольским искусством, или властью бога. Но нельзя себе представить, чтобы человеческое искусство оказало здесь пользу. Ведь оно несравненно слабее искусства дьявола. Власть бога также не сломит околдования, ибо это было бы чудом, а бог совершает подобные поступки по своему собственному решению, а не по настоянию людей. Так христос ответил своей матери, просившей его совершить чудо над вином в Кане Галилейской: „Что мне и тебе, жено?" Это значит: „Что имеем мы общего при совершении чуда?" Мы наблюдаем лишь очень редкие случаи избавления от околдования при призывании людьми помощи божьей и святых его. Значит, околдованные могут освободиться от порчи только с помощью демонов. Но не дозволено искать этой помощи.

Несмотря на это, ее часто ищут. Околдованные отправляются к знахаркам и часто освобождаются там от порчи, не прибегая к знаниям священников и экзорцистов. Значит, практика подтверждает, что околдования устраняются с помощью демонов. Раз искать их помощи возбраняется, то и устранять околдования еще менее разрешается Надо переносить их в терпении. Сверх того, по словам Фомы и Бонавентуры в „Комментариях" к „Сентенциям", кн.IV, раздел 34 „de impedimento maleficiali", „околдование столь глубоко, что против него не существует никакого человеческого средства. Если же таковое и существует, то оно людям неизвестно или же его употребление не дозволено". Этими словами оба указанных святых дают понять, что околдование—почти что неизлечимая болезнь. Посему они присовокупляют: „Если бы бог и даровал средство против околдования и заставил демона отступить от своей жертвы, то исцеление все же не было бы делом человеческих рук". Значит, если бог сам не вступится, то недопустимо никаким образом самим искать избавления от чар.

В том же самом разделе и вопросе своих „Комментариев" указанные ученые высказываются против того, чтобы околдование устранялось встречным околдованием. Посему они и говорят: „Если даже с помощью встречного околдования можно было бы найти действительное средство против чар, то и в этом случае вытекающее отсюда призывание демонов никак недопустимо". К тому же, экзорцизмы церкви с божьего попущения не при всех телесных порчах достаточно сильны для оттеснения демонов. Но экзорцизмы успешны против тех дьявольских напастей, против которых они главным образом направлены, например против бесноватости и при заклинании детей. Сверх того не является необходимым следствием, чтобы, если из-за грехов дьяволу дана над кем-нибудь власть, то с прекращением греха прекращалась и власть дьявола. Ведь случается, что наказание остается несмотря на прекращение вины. Все эти рассуждения, высказанные упомянутыми учеными, говорят за то, что не дозволено устранять околдования, что надобно переносить их в терпении, как и иные неизлечимые болезни, и что следует предоставить богу по его усмотрению вылечить от них.

Против этой точки зрения выставляются следующие возражения. Как бог, так и природа не обладают ни в чем излишком: у них также

нет недостатка ни в чем необходимом. Посему против подобных козней дьявола даны не только средства предупреждения, о которых говорилось в начале второй части, но и средства врачевания. Ведь в противном случае бог не в достаточной степени позаботился бы о верующих, и дела чорта представились бы более значительными чем дела бога.

Далее, глосса в том месте книги Иова (гл. XI), где говорится: „Нет на земле подобного ему" и т. д. дает следующее раз'яснение: „Несмотря на это, заслуги святых сильнее дьявола". Поэтому и в нашей жизни его сила уступает заслугам святых. Августин в своем сочинении „О нравах церкви" утверждает: „Если мы прилепимся к богу, никакой ангел не будет могущественнее нашего духа. Ведь если добродетель—сила, то дух, прилепившийся к богу, возвышеннее, чем весь мир". Посему таким духом возможно побороть козни дьявола. Ответ: здесь пред нами два воззрения, которые представляются как бы противоположными. Имеются такие богословы и канонисты, которые утверждают, что является дозволенным устранять околдование даже с помощью встречных околдований. Это воззрение разделяют: Скот[1]), Гостиенсис и Гоффред и вообще большинство канонистов. Противоположного воззрения придерживаются такие богословы, как Фома, Бонавентура, Альберт Великий, Петр Палуданус и многие другие, которые выступают противниками встречных колдований и которые считают, что лучше человеку умереть, чем заниматься подобными вещами. Рассмотрим оба воззрения.

Скот в своей книге „Комментарии на сентенции Петра Ломбардского" (IV, раздел 34) считает заблуждением не прибегать ко встречным колдованиям и считает заслугой бороться с их помощью для разрушения козней дьявола. Нам известны различные виды встречных колдований. Так, знахарки вешают над огнем ведро с молоком от околдованной и поэтому дающей мало молока коровы и, наговаривая, бьют по этому ведру палкой. Эти удары передаются дьяволу, который вымещает их на ведьме, что досаждает им обоим. Из чувства мести дьявол может запутать в свои тенета женщину, занимающуюся подобными встречными колдованиями.

В своей „Summa copiosa de frigidis et maleficiatis", а именно в главе о половом бессилии Гостиенсис советует прибегать к врачебной помощи, хотя бы те или иные предписанные средства и казались отзывающими суеверием. Церковь же может относиться терпимо к тому, что зло изгоняется злом. Убертин в своих „Комментариях к сентенциям" (IV, 34) утверждает: „Околдования могут быть разрушены или молитвами или искусством тех, которые эти околдования наслали". Гоффред в своей „Сумме" в главе под тем же названием говорит: „Околдование не всегда может быть устранено тем, кто его наслал. Случается, что околдовавший умер или не понимает, как уничтожить порчу, или же чародейское средство им утеряно. Когда же колдун знает, как помочь, то можно прибегать к его „врачеванию".

Те ученые, которые утверждают, что никакое околдование не является постоянным, убеждены в возможности устранения порчи или экзорцизмами или встречным колдованием или действительным раскаянием, так как чорт имеет власть лишь над грешниками.

---

[1]) Скот Иоанн Дунс (1266—1308), последний представитель золотого века средневековой схоластики, профессор богословия в Оксфорде, а затем в Париже. Гл. соч.: „Комментарии на сентенции Петра Ломбардского". Дунс Скот полемизировал с Фомой Аквинатом и Альбертом Великим. Чем Фома Аквинат был для доминиканцев, тем был Дунс Скот для францисканцев, т. е. высшим авторитетом.

Противоположное мнение высказывается святым Фомой в его Комментариях (IV, 34). Он полагает, что, если околдование может быть устранено только встречным колдованием, то его надобно считать постоянным, хотя бы и было известно, что уничтожить порчу эту возможно недозволенными средствами, применение которых недопустимо.

Это мнение разделяется Бонавентурой, Петром Ломбардским, Альбертом Великим и большинством богословов, которые признают разрешенными средствами устранения околдований только экзорцизмы или полное покаяние, причем они опираются на авторитет канонического права и именно на главу „si per sortiarias".

Оба высказанных мнения сходятся, что околдование может быть устранено или встречным колдованием колдуна чрез другое чародеяние, или такими людьми, которые, не будучи колдунами в полном смысле этого слова, но пользуясь колдовским наговором, колдовским ритуалом, снимают порчу, наведя ее, случается, на других, или такими людьми, которые при снятии порчи ни на кого ее не наводят, но молчаливо или громогласно призывают дьявола. Все эти три возможные случая считаются указанными богословами недозволенными. Они полагают, что лучше итти на смерть, чем свершить подобную скверну. Канонисты же считают два последних случая недопустимыми, если церковные экзорцизмы, молитвенное призывание заступничества святых и полное покаяние не оказали желаемого действия.

Для лучшего понимания сущности вопроса приведем несколько фактов. Во времена папы Николая прибыл в Рим из немецких стран один епископ по делам своей епархии. Его имени мы не назовем, хотя он уже и умер. Он влюбился там в одну молодую женщину и намеревался отправить ее в свою епархию в сопровождении двух слуг вместе со своими вещами и драгоценностями. Эта женщина решила навести на епископа смертельную порчу, чтобы присвоить себе драгоценности. Вскоре он опасно заболел, и врачи потеряли надежду на его выздоровление. Тогда пришла к нему одна старуха, открыла ему колдовскую причину его болезни и предложила ему свои услуги для встречного околдования. Не видя другой возможности вернуть себе здоровье, епископ обратился к папе с просьбой разрешить ему прибегнуть к помощи старухи, указав на то, что подобное чародеяние, снимая с него порчу, наведет ее на ведьму, околдовавшую его. Папа согласился. И вот следующей ночью епископ внезапно выздоровел, молодая же женщина, околдовавшая его, и старуха, ответившая встречным чародеянием, столь же внезапно были поражены той же самой болезнью, которой до того страдал епископ. Можно предположить, что в этих двух околдованиях участвовал не один, а два демона, из которых один служил молодой ведьме, а другой—старухе. Молодая ведьма умерла вскоре в ужасных страданиях, а епископ радостно вернулся в свою епархию.

К этому надо прибавить, что привилегия одного не является законом для всех и что разрешение папы в вышеприведенном случае не служит доказательством тому, что все могут пользоваться встречными околдованиями.

Подобный случай приводится Нидером в его „Муравейнике". Однажды пришел к ведьме человек, искавший вредителя своего имущества, и просил указать ему преступника. Ведьма вылила расплавленный свинец на воду, отчего на ее поверхности, с помощью демона, образовалось подобие очертаний человеческой фигуры, и предложи-

ла просителю указать те части тела, которые у вредителя должны быть поражены, чтобы по этим признакам пострадавший мог узнать и затем уличить его. Следуя указаниям пострадавшего, ведьма нанесла на определенных частях свинцовой фигуре в воде несколько ударов ножом. Но вместо вредителя, эти удары отпечатлились на теле самой ведьмы, совершавшей встречное колдование. Я утверждаю, что все, подобные встречные колдования никак не допустимы.

Теперь поговорим о втором роде указанных случаев, о знахарках, которые хвалятся тем, что совершают удивительные врачевания. Они открывают просителям причины их несчастий, указывая при этом на тех лиц, с которыми у них были столкновения. Для сокрытия своих колдовских поступков они советуют потерпевшим совершать те или иные паломничества. Люди, прибегающие к помощи подобных знахарок и знахарей, часто сокращают тем самым года своей жизни. Так Саул, вначале изгнавший из своей страны магов, а затем начавший искать их помощи, был убит вместе с сыновьями на войне (I Царств, 28). Поэтому и Охозия должен был умереть (II Царств, I).

Несмотря на это, просители толпами идут к этим ведьмам—советчицам. Так вышеупомянутая ведьма из Рейхсгофена столь часто и постоянно посещалась околдованными, искавшими у нее помощи, что граф замка Телон, в пределах земли которого обреталась эта ведьма, устроил для себя из этого значительный доход, требуя от каждого просителя ведьмы уплаты одного динера. По нашим сведениям, в Констанцской епархии имеется много подобных знахарей. Там нам известен знахарь Генгст, из деревни Энинген, который ежедневно осаждается такими толпами людей, страдающих от колдовской порчи, что без сомнения ко всем святым местам богородицы, будь то в Аахене или в Эйнзидельне, подобного стечения паломников не наблюдается.

Третий возможный случай встречного околдования совершается, как указано, без наведений порчи на ведьму, виновную в чародеянии. О таких колдунах рассказывал один купец из Шпейера приблизительно следующее. Однажды он шел недалеко от замка Адлинген, в Швабии, с двумя молодыми людьми. Им повстречалась некая женщина, считавшаяся за ведьму. Оба молодых человека посоветовали купцу осенить себя крестным знамением, чтобы защитить себя от возможной порчи. Он не послушался и тотчас же почувствовал невыносимые боли в ноге. Приглашенный для врачевания местный крестьянин, сведущий в деле устранения околдований, с помощью расплавленного свинца, вылитого в сосуд с водою, подтвердил наличие околдования и совершенно вылечил болевшую ногу тем, что приходил к купцу в продолжение трех дней, возлагал на ногу руки и шептал что то невнятное, давая окружающим понять, что он действует с помощью бога. Но все же нам остается непонятным, каким собственно говоря, образом он устранил околдование и узнал по свинцу признаки чар. По всей вероятности, у него был молчаливый договор с дьяволом.

Но есть еще четвертый возможный случай, который согласно утверждению некоторых канонистов и богословов, может считаться дозволенным видом встречного колдовства. Он совершается без призывания демона и без заключения какого бы то ни было договора с дьяволом. Этот четвертый возможный случай имеет место при обстоятельствах, подобных вышеописанному, когда женщины бьют подвешанное над огнем ведро с молоком, чтобы ведьма, которая украла удой молока коровы, получила от дьявола удары по подвешанному ведру. Сюда же относятся обычаи распознавания ведьм

уменьшающих удой молока, производимый следующим образом: на голову или на спину коровы прикрепляются штаны мужчины или что либо другое нечистое. Это делается в особенности по большим праздникам. Выпуская корову на улицу, ее бьют, приговаривая, может быть, те же слова, как и при ударах молочного ведра. Корова тогда скачет прямо к дому ведьмы и, громко мыча, рогами своими бодает дверь этого дома. Чорт действует таким образом через корову столь долго, пока он не отвлечется другими чародеяниями.

Хотя подобные средства и не являются запрещенными, согласно мнению некоторых ученых, однако их нельзя назвать и похвальными. Ведь апостол говорит, что все нами совершаемое должно происходить во имя господа нашего Иисуса христа, а люди, производящие эти встречные колдования, показывают отсутствие подобающего страха божия, несмотря на то, что они и не призывают дьявола. Таких людей надо увещевать к покаянию и советовать прибегать к святой воде и к экзорцизмам, как это раньше нами указывалось.

Неправильно поступают и те, которые тащат домой внутренности трупов своего издохшего скота, вносят их в кухню, проволакивая их над порогом двери в кухню, кладут внутренности на сковороду и поджаривают их на огне, полагая, что от этого мучаются ведьмы наславшие смертельную порчу на скот.

Из вышеприведенного ясно, что два первых способа встречного околдования никоим образом не могут быть разрешаемы. Третий же способ, хотя и допустим по законам, является до известной степени сомнительным по своей католичности, и судья должен внимательно присматриваться к нему. А законы как бы благоприятствуют этим поступкам. Ведь в главе „de maleficiis, 1 eorum" говорится: „Те же, которые подобное совершают, чтобы труды человека не пострадали от урагана или от града, заслуживают не наказания, а вознаграждения". Антоний в своей Сумме, где приводятся канонические и гражданские законы, придерживается того же мнения. Если судья, исследовав подобное встречное колдование, найдет, что оно не является соблазном для верующих, он может допустить его совершение.

Церковные средства против инкубов и суккубов.

ГЛАВА I.

Здесь мы будем говорить о церковных средствах борьбы против околдований, производимых ведьмами. Надо прежде всего сказать, что здесь следует различать три рода людей: 1) Люди, отдающиеся добровольно инкубам, как это совершается ведьмами. Мужчины вследствие большей силы рассудка не столь подвержены соблазнам со стороны суккубов и скорее отталкиваются от этой скверны. 2) Люди, приневоливаемые ведьмами к соитию с инкубами и суккубами. 3) Девственницы, которые совершенно против своей воли приводятся в беспокойство инкубами. Приведем примеры.

В городе Кобленце проживает человек, околдованный таким образом, что он в присутствии своей жены, но не с нею, совершает весь любовный акт, как это полагается между мужчиной и женщиной. Это он совершает несколько раз под ряд. Несмотря на настоятельные слезные просьбы своей жены, он не может отстать от этих поступков и, случается, после нескольких следующих один за другим актов вскрикивает: „Начнем сначала". Однако телесное зрение не позволяет различить никакого лица, могущего служить ему суккубом.

Бывает, что после ежедневных подобных соблазнов этот человек падает в полном бессилии на пол. Когда же, после приведения его в чувство, ему ставится вопрос, как это все произошло и предстал ли ему суккуб под видом женщины, он обыкновенно отвечает, что он ничего не видит, но лишен настолько сознания, что не в силах воздержаться. Одна женщина была сильно заподозрена в наведении этой порчи, так как она однажды ему угрожала наказанием за его отказ исполнить ее желание. Не нашлось подходящих законов и судей осудить ее. Дурной молвы и сильного подозрения было для этого недостаточно. Говорили, что без собственного признания или без явки трех законных свидетелей никто не может быть осужден. Как будто признаки преступления и очевидность, основанная на тяжелом или тягчайшем подозрении, не достаточны для наказания.

Относительно второго рода людей, а именно приневоливаемых ведьмами к соитию с демонами, приведем следующий случай, рассказанный Фомой из Брабанта в его сочинении „О пчелах". Одна ему лично известная скромная набожная девушка на исповеди стала утверждать, что никогда не соглашалась на половое соитие. Это заставило подозревать, что она с ним все же знакома. Под угрозой божьего наказания за сокрытие греха она со слезами призналась своему исповеднику, что она скорее испорчена в помыслах, чем телесно действиями инкуба. Искушения инкуба длились у ней несколько лет и не могли быть рассеяны ни крестным знамением, ни святой водой, ни даже таинством тела христова, пока молитвой и постом чары не были наконец уничтожены.

Нидер в своем „Муравейнике" сообщает, что девушки и мужчины могут быть освобождены от соблазнов инкубов и суккубов пятью способами: 1) Таинство исповеди. 2) Святыми упражнениями в виде положения крестного знамения и повторением молитвы „Богородице дево, радуйся". 3) Экзорцизмами. 4) Изменением местожительства. 5) Осторожным отлучением, произнесенным святыми людьми.

Цезарий Гейстербахский[1] („Диалоги") приводит рассказ о любовнице одного повесившегося священника, которая, после своего вступления в монастырь, постоянно соблазнялась одним инкубом к скверне. Крестным знамением и окроплением святой водой ей удавалось отгонять его от себя, но лишь на короткое время. Когда же она произносила „богородицу", то он исчезал, как стрела, но затем снова появлялся, не рискуя однако подходить к ней поближе.

Относительно третьего способа, а именно таинства исповеди, Цезарий Гейстербахский говорит, что вышеуказанная бывшая любовница священника лишь после полной исповеди окончательно была избавлена от преследований инкуба. Так же было с одним мужчиной из Люттиха, который освободился от искушений суккуба через полную покаянную исповедь. Тот же Цезарий приводит пример одной затворницы, спасшейся от козней инкуба произнесением „Благослови" („Benedicite"). А до того ни молитва, ни исповедь, ни иные духовные упражнения не могли остановить его влезания к ней на постель.

Цезарий же приводит пример, как изменение местопребывания спасает от инкубов, и рассказывает о несчастной дочери священника, обесчещенной таким демоном, от боли помешавшейся и перевезенной ее отцом в другую местность, после чего демон-искуситель покинул

---

[1]) Цезарий Гейстербахский, ученый монах (ум. 1240 г.), автор „Dialogus miaculorum"—собрание легенд о святых; незаменимый памятник при изучении истории культуры XIII века.

ее, но убил из мести ее заботливого отца. У Цезария говорится также о той женщине, к которой часто являлся по ночам инкуб и беспокоил ее своим соблазном, и которая из-за этого предложила одной набожной подруге лечь в постель вместо нее. Эта подруга провела ночь, полную известного беспокойства, тогда как другая, раньше упорно искушаемая, проспала совершенно спокойно. Вильгельм замечает, что инкубы являются чаще всего женщинам и девушкам, обладающим красивыми волосами. Это происходит потому, что такие женщины больше заняты тщетой заботы о своих волосах.

Касательно вышеупомянутого отлучения надобно вспомнить житие святого Бернарда, в котором рассказано следующее: в Аквитании одна женщина в продолжение шести лет была мучима инкубом, разжигавшим ее страсти. Инкуб под угрозой еще пущих мучений запретил ей прибегать к помощи святого Бернарда. Она однако его не послушала, и этот святой, выслушав ее жалобы, далей свой посох, чтобы она положила этот последний к себе в постель. После этого демон не решался входить в комнату, но грозил отомстить ей самым ужасным образом в будущем. Тогда святой собрал народ, приказал всем взять зажженные свечи и произнес вместе со всем народом отлучение над демоном. Этим он избавил женщину от власти инкуба. Кажется удивительным, что это отлучение, предназначенное для людей, оказалось действительным и для дьявола. Однако, это об'ясняется просто: люди, преследуемые инкубами и суккубами, находятся под юрисдикцией церкви, и папа может, в силу своей власти обладания над ключами, освобождать души людей от наказаний чистилища и обуздывать демонов, препятствующих ему в этом.

Власть ключей дана, правда, заместителю христа на земле, но это не препятствует тому, что она может быть дана и какому-либо святому церкви в виду пользы, получающейся отсюда для всей церкви. Можно разделять то мнение, что если-бы ведьмы и демоны были отлучены и если-бы употреблялись еще другие экзорцизмы, то освобождение от их козней протекало бы успешнее.

В области Эч, а также и в других местностях распространено убеждение, что, если, с божьего попущения, саранча уничтожает виноградники, листья, посевы и всю зелень, то эта напасть устраняется отлучением и проклятием. Если это освобождение приписывают какому-либо святому человеку, то исключительно во имя божье.

Ежели никакое иное средство не помогает, то надобно прибегнуть к дозволенным экзорцизмам. О них мы скажем ниже. Если и экзорцизмы не помогают, то следует считать соблазн инкубов и суккубов наказанием, соответствующим греху; это наказание следует принимать в терпении и покорности и искать защиты бога.

Не надо забывать и того, что некоторые женщины тревожатся инкубами не в действительности. Им только кажется, что инкубы их беспокоят. С мужчинами это случается значительно реже. Ведь женщины трусливее и восприимчивее к фантастическим образам. Посему Вильгельм и говорит: „Многие фантастические явления обусловлены меланхолией, в особености у женщин. Основание этому надобно искать в женской натуре, т. к. женщины значительно восприимчивее мужчин". И он добавляет: „Я видел раз одну женщину, которая была убеждена, что чорт познает ее изнутри, и сказал, что подобное чувство невероятно".

Вильгельм не считает возможным, чтобы женщины могли забеременеть от инкуба, хотя и утверждает, что их животы увеличиваются в об'еме. Когда же приближается время разрешения от родов,

то они лишь уменьшаются в об'еме, испуская значительное количество ветров. Ведь с помощью муравьиных яиц, принятых в каком-либо напитке, можно развить много ветров и смятения во чреве человека. То же получается от принятия травы не тронь-меня. Дьяволу не трудно произвести подобные и еще более изумительные явления во чреве человека. Это прибавлено потому, чтобы не особенно верили женщинам, но чтобы верили только тому человеку, вероятность показаний которого не подлежит сомнению, а также и тому, кто действительно убедился в этом на опыте в своей собственной кровати и наблюдал подобные явления у спящих с ним вместе.

Средства врачевания для тех, чья способность к соитию околдована.

ГЛАВА II.

Хотя количество ведьм и больше количества колдунов, однако мужчины чаще околдовываются, нежели женщины. Более частое околдование способности к половому соитию происходит по следующим основаниям: прежде всего бог попускает здесь большие чародеяния. Ведь чрез посредство соития, как известно, распространился первый грех. Затем это происходит и из-за змей, повинующихся заклинаниям скорее, нежели все другие животные. Ведь змей была первым орудием чорта. К тому же половое соитие легче всего околдовать как у мужчины, так и у женщины. Как говорит Петр Палуданус в его Комментариях к сентенциям Петра Ломбардского (IV, 34), имеется пять видов околдования способности к половому соитию.

1) Демон может помешать сближению тел мужчины и женщины. Это происходит от того, что демон, будучи духом, имеет, с божьего попущения, власть над телесными созданиями и может оказывать влияние на их перемещение в пространстве, благоприятствуя или мешая их сближению. Демон может это произвести непосредственно или посредственно. Непосредственно—когда он отдаляет или сближает тела по своему усмотрению. Посредственно—когда он полагает между ними какое-либо препятствие. Так, один языческий юноша, женившись на идоле, а затем взяв себе в супруги девушку, никак не мог ее познать, ибо демон, взяв на себя личину человеческого тела, каждый раз ложился между ними. 2) Демон может воспламенить сердце мужчины к одной женщине и отвратить его от другой. Произвести это может он тайно, употребляя зелия, которые он хорошо знает. 3) Демон может возбудить ненависть между супругами, т. к. ему доступно влиять на силу воображения. 4) Демон может вызвать половое бессилие мужчины так же, как парализовать движение каждого органа тела. 5) Демон может помешать истечению или выделению или образованию семени.

Ежели кто-нибудь скажет: „Я не знаю, к какому виду околдования принадлежит наведенная на меня порча. Я знаю только, что по отношению к моей жене я страдаю половым бессилием“, то на это надо ответить: если такой мужчина не страдает половым бессилием в сношениях с другими женщинами, то его околдование относится ко второму виду. Если же такой супруг при этом ненавидит свою жену, то его околдование относится ко второму и третьему виду. Когда ненависти к ней у него нет, и он хотел бы познать ее, но не обладает необходимой силой полового органа, то такой

случай подходит под четвертый вид околдования. В случае достаточной силы органа, но при отсутствии выделения семени, следует отнести околдование к пятому виду.

Здесь мы говорим конечно об околдовании полового соития между супругами. Когда такое околдование случается, то это указывает на то, что или оба супруга, или один из них стоит вне христианской любви. Ведь ангел сказал Товии: „Над теми, которые предаются похоти, демон приобретает власть". Так он умертвил семь мужей девицы Сарры. Блаженный Антоний считает невозможным, чтобы дьявол мог завладеть духом или телом такого человека, который перед тем не был бы лишен нечистым всех святых мыслей и духовных сил. Эти слова могут быть приурочены и к околдованию тела. Дадим общее заключение. Как было уже указано, бог попускает из-за отвратительности полового акта и из-за того, что через него размножился первый грех, чтобы этот акт чаще, чем все остальные поступки, подвергался околдованию. Если супруги, вследствие греха одной из сторон, лишаются божьей помощи, то и они, с божьего попущения, больше всего подвергаются околдованию в области плотского соития.

Если спрашивают, какого рода эти грехи, то надо ответить, что это грехи невоздержания. И так как невоздержание между родственниками различно, согласно словам Иеронима, утверждающего, что „прелюбодей в отношении к своей жене одновременно особенно горячий любовник", то подобные любовники и бывают чаще всего околдованы в своих половых органах.

Церковные врачевания двояки. Одни из них находятся в области суда, другие же в области совести. Первые из них устанавливаются судебным разбирательством при рассмотрении вопроса о причинах полового бессилия и о продолжительности его. Если оно временно, то оно считается не мешающим браку. Временным бессилие считается тогда, когда брачущиеся стороны, в продолжение трех лет, смогли добиться полового соития, будь то вследствие участия в таинствах церкви, будь то вследствие пользования иными средствами. Если же ничто не помогло, то половое бессилие считается постоянным. Если бессилие предшествует заключению и совершению брака, то оно ведет к тому, что заключаемый брак считается недействительным, а уже заключенный брак признается нарушенным. Случается и так, что половое бессилие обнаруживается после заключения, но до совершения брака. Это является следствием чародеяний покинутых любовниц, не желающих допустить, чтобы человек, отвергший их, познал соперницу. Если супруги добровольно решают жить в воздержании, то тогда подобное половое бессилие не разрушает заключенного брака. Некоторыми может быть задан вопрос, почему половое бессилие мужчины может выявляться только по отношению к одной определенной женщине, а по отношению к другим может и не выявляться. По словам Бонавентуры, это происходит потому, что ведьма указала чорту одну определенную женщину, долженствующую вызывать у определенного мужчины половое бессилие, или потому, что бог не попускает полностью лишить человека способности к соитию. Неисповедимы пути господни!

Церковное средство врачевания, идущее через область совести, указано в каноне XXXIII, d. 8 „Si per sortiarias" в следующих выражениях: „Если через посредство жребиев и колдования и с божьего

попущения, а также при участии дьявола половое соитие не может совершиться, то те, с кем это произошло, должны быть увещеваемы. Они должны исповедать в полном раскаянии и в слезах все свои грехи, давая щедрую милостыню, и в посте и молитве умилостивить господа". Отсюда видно, что подобные околдования происходят из-за греха и именно из за греха тех, которые пребывают вне христианской любви. Отсюда следует также, что экзорцизмами и другими подобными средствами церковного врачевания служители алтаря стараются излечить околдованных с божьей помощью. Так, молитвы Авраама излечили Авимелеха и дом его.

Всего имеется пять разрешенных средств врачевания подобного околдования. 1. Паломничество ко святым местам. 2. Полная исповедь своих прегрешений. 3) Молитвенные упражнения в виде многократного осенения себя крестным знамением и набожных размышлений. 4) Экзорцизмы церкви. 5) Праведные обеты.

Средства врачевания для обуреваемых чрезвычайной любовью или чрезвычайной ненавистью из-за околдования

ГЛАВА III.

Как околдование полового соития, так и околдование чувства любви и ненависти лежит в околдовании воли.

Любовное исступление или чрезвычайная любовь одного пола к другому может происходить из трех причин. 1) Из простой зрительной неосторожности. 2) Из-за искушения одним лишь дьяволом. 3) Из-за околдования некромантами и ведьмами с помощью нечистого. О первой причине говорит послание Якова, гл. 1: „Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью. Похоть же, зачавши, рождает грех, а содеянный грех рождает смерть". Так влюбился Сихем в Дину, вышедшую посмотреть на дочерей той земли. Он взял ее и спал с ней и сделал ей насилие, и прилепилась душа его к Дине (Бытие, гл. XXXIV).

2) Примером искушения одним лишь дьяволом может служить любовь Амона к своей красавице сестре Фамари. Он любил ее так, что из-за этого даже заболел (II кн. Царств, 13). Если бы он не был соблазнен дьяволом, то он никогда бы не решился на подобную скверну. О таких соблазнах говорит и апостол (II Коринф. 12): „Дано мне жало в плоть, ангел, сатаны, удручать меня".

3) В первой части настоящей книги был разобран вопрос о возбуждении в людях любовного исступления дьяволом чрез посредство ведьм. Там же были приведены соответствующие доказательства.

Если кто-либо спросит: „Петр бешено влюблен в ту или иную женщину. Как определить, какая из трех вышеуказанных причин повлекла за собой околдование Петра?", то на это надо ответить: если ни увещания, ни удары, ни другие меры не способны отвратить человека от предмета его вожделений, если он отвращается от своей привлекательной жены и прилепляется к безобразной женщине, если он, несмотря на поздний час и на непогоду, бросает все и несется к посторонней женщине, то здесь мы можем, во всяком случае, видеть дело рук дьявола.

Средства врачевания, указанные в предыдущей главе, подойдут и к врачеванию любовного исступления. В особенности подойдут сю-

да экзорцизмы священными словами, которые околдованный может сам произнести над собой. Пусть он ежедневно призывает святого ангела, приставленного к нему богом, пусть посещает святые места и в особенности места поклонения благодатной Девы. Он без сомнения получит исцеление.

Достойны порицания те бородатые мужчины, которые откидывают от себя оружие добродетелей в то время, как слабые девушки, с помощью этого оружия, разрушают подобные колдования. Так, недалеко от города Линдау, в Констанцской епархии, жила одна девушка красивой наружности и приятного обращения. В нее влюбился один человек духовного сана и хотел, чтобы она ответила взаимностью на его чувства. Предупрежденная наитием с неба, она отвергла его любовь. Он стал ей грозить околдованием. Она присоединилась тогда к паломникам и совершила хождение по святым местам, где принесла полную исповедь, чтобы злой дух не мог ей повредить. И когда она обратилась к матери любви со своей просьбой, тотчас прекратились все козни врага.

Мужественно вел себя также тот весьма богатый юноша из Инсбрука, когда он был осыпаем ударами ведьм. Поэтому и он с помощью указанных врачеваний остался победителем.

Что действительно при врачевании любовного исступления, то действительно и при врачевании чрезвычайной ненависти, т. к. для противоположностей имеет значение то же самое правило.

Средства врачевания для тех, у которых, вследствие обмана чувств, устранены детородные органы, а равно и для тех случаев, когда людям придаются личины зверей.

ГЛАВА IV.

Из предыдущего видно, какие средства врачевания надо использовать тем, у которых, вследствие обмана чувств, устранены детородные органы. Прежде всего они должны принести полное покаяние во всех своих грехах. Как было уже раньше указано, никогда ведьмами в действительности не отрываются эти органы. Они лишь скрываются обманом чувств от лицезрения и осязания. Люди, находящиеся под благодатью, не столь легко подвергаются этим обманам как на самих себе, так и на других. При описании этой болезни в настоящей главе мы укажем также и средство врачевания.

Относительно тех, которые мнят себя принявшими звериные облики, надо сказать, что этот вид околдования менее распространен в западных государствах, чем в восточных. От рыцарей ордена иоаннитов из Иерусалима мы узнали многое об этих околдованиях и, между прочим, следующее. В городе Саламисе, находящемся в Кипрском королевстве, одна женщина продала некоторое количество яиц иностранному юноше, который закупал себе провизию для дальнейшего путешествия на корабле. На берегу около корабля он с'ел несколько штук этих яиц. Некоторое время спустя, он почувствовал, что потерял дар речи. Когда он захотел взойти на корабль, то матросы палками прогнали его и кричали при этом: „Смотрите что случилось с ослом? Будь ты проклят, скотина! Не хочешь ли ты путешествовать на корабле?" Тогда юноше стало ясно, что его околдовала продавщица яиц. Он поплелся к ней в надежде на то, что она снимет с него околдование. Вместо этого, он принужден был ею к тяжелой

работе, которую он не исполнял руками, за исключением приноски дров и зерна на потребности обитателей дома. Все же остальное он носил на спине, как вьючное животное. Все окружающие принимали его за таковое, но ведьмы, являвшиеся в дом, признавали в нем человека и разговаривали с ним, как с таковым. Он все понимал, но отвечать им не мог. По его собственному признанию, такую жизнь вел он в продолжение трех лет.

Августин (О граде божьем XVIII, 17) рассказывает о скотницах, превративших гостей во вьючных животных, а также об отце Престанции, принявшем облик лошади и носившем мешки вместе с настоящими лошадьми. Мы видим аналогию между этими превращениями и тем, которое нами приведено выше, и полагаем, что, в нашем случае, мы имеем дело с трояким обманом чувств: 1) По отношению к окружающим, видевшим в юноше осла. 2) По отношению к тяжестям, которые ему пришлось носить. Ведь не он, а лишь демон мог их нести, раз они превосходили силы человеческого тела. 3) По отношению к самому юноше, который считал себя за вьючное животное. Это происходило по крайней мере в его воображении и в его суждении, хотя и не в рассудке. Ведь он понимал, что он обманут в своих восприятиях с помощью чародейской силы.

На четвертый год подобной жизни указанный юноша, в виде осла, шел вслед за ведьмой в город. По пути ему повстречался храм, где в это время происходило поднятие тела христова. Он сел на задние копыта и сложил передние, как-бы для молитвы на паперти, стремясь получить исцеление, но боясь ударов в случае своего появления в церкви. Генуэзские купцы, видевшие это, направили в суд и осла и ведьму, которая созналась в околдовании юноши и вернула ему его настоящий облик, после чего потерпела заслуженную кару.

Средства врачевания тех, которые стали одержимыми вследствие околдования

ГЛАВА V.

Мы уже доказали, что демоны, вследствие околдования, могут субстанционально обитать в человеке. Это происходит не из-за собственных преступлений одержимых, но вследствие их больших заслуг или вследствие легких и тяжелых чужих проступков, или вследствие чужих позорных поступков. В зависимости от этих проступков меняется и вид одержимости. Об этом повествует Нидер в своем „Муравейнике". Выше, при описании одержимости одного чешского священника, были указаны соответствующие средства врачевания. Но имеется еще три средства, а именно: 1) Причащение. 2)Паломничество по святым местам или предстательство праведников. 3) Снятие отлучения.

Кассиан в первом из своих „Собеседований" утверждает, что употребление святого причащения в защиту от козней демонов никогда не воспрещалось. Скорее наоборот, наши предки советовали прибегать к нему по возможности ежедневно. Это ведь служит для защиты тела и души. Принятое святое причащение обращает в бегство всякого духа, стремящегося обитать в теле человека. Таким способом был излечен от бесов авва Андроник. Таково мнение Кассиана.

Апостол говорит: „Да исследует человек самого себя и затем лишь вкусит от того хлеба" (т. е. причастия). Как же можно одержимым, лишенным способности пользоваться своим разумом, давать святое причащение? Ответ дается святым Фомой (III, вопр. 80). Он советует различать людей с помраченным разумом по следующим признакам: 1) Люди с несильным разумом. Их можно причащать. 2) Люди от рождения лишенные разума. Им причащения давать не надо. 3) Люди со слабыми признаками разума, у которых не исчезло благоговение к таинству. Они достойны причаститься на смертном одре, если нет основания опасаться, что их вырвет или что они станут выплевывать тело господне. Поэтому в каноне XXVI, вопр. 6 говорится: „Если больной захочет раскаяться, но при появлении священника потеряет дар слова или впадет в беспамятство, надлежит за него свидетельствовать тем, которые слышали его слова. И если думают, что он стоит пред самой смертью, то пусть он будет примерен руковозложением, а евхаристия пусть будет вложена ему в уста". В Комментариях к сентенциям Петра Ломбардского (IV, 9) святой Фома однако советует не причащать одержимых, если есть уверенность в том, что они мучимы бесом за какое-либо свое преступление. Петр Палуданус прибавляет в своих Комментариях, что, в этих случаях, таких больных надобно считать за отлученных, преданных сатане.

Относительно излечения одержимых с помощью предстательства праведников или с помощью усердной молитвы много говорят жития святых. Ведь заслуги святых мучеников, исповедников и девственниц требуют того, чтобы злые духи были побеждены молитвою и предстательством святых, пребывающих в лоне отца. Также и молитвы праведных людей на земле ведут к исцелению одержимых. Об этом говорит Кассиан в вышеуказанном „Собеседовании".

Что касается снятия с одержимого отлучения, то надо сказать, что оно не общепринято и может применяться лишь в том случае, когда есть уверенность, что одержимость произошла вследствие церковного отлучения.

Святой Фома (Комментарии, IV, 8) учит, что принятие в члены церкви ведет к преумножению благодати, укрепляет в добродетели и защищает от врага, тогда как отлучение лишает благодати и защиты и предоставляет больше власти демону над человеком. В первоначальной церкви отлученный был телесно мучим бесом. Отлучение служит не к проклятию, а к улучшению. Ведь церковь обладает властью принять отлученного обратно в свою среду и вырвать его из когтей дьявола, когда она этого захочет. Таково мнение Фомы.

Если экзорцист примет отлученного в лоно церкви, то это не является неуместным. Нидер дает понять, что экзорцист не должен переоценить своих сил и остерегаться примешивать к этому возвышенному делу остроту или шутку или употреблять при этом суеверные или похожие на колдовство ритуалы.

Что касается переоценки экзорцистом своих сил, то Григорий Великий в своих „Диалогах" рассказывает следующее: Одна женщина, по настоянию своего мужа, должна была согласиться на половое соитие с ним во время заутрени при освящении церкви святого Севастьяна. Сознавая греховность участвования, вслед за тем, в церковной процессии, она все же к ней примкнула. Тогда в нее вошел злой дух, и она начала бесноваться на улице. Увидев это, священник, желая ей помочь, взял с престола покрывало и осенил ее им. Тотчас же демон вошел и в него, и он в свою очередь стал бесноваться, доказав этим, что и он согрешил. Таково сообщение Григория.

Что остроты при экзорцизмах недопустимы, об этом сообщает Нидер следующее. В Кельнской епархии священствовал один монах, бывший острым на язык и отличавшийся даром изгнания бесов. При одном таком изгнании сильно теснимый бес просил монаха указать ему, куда он может скрыться, когда он покинет тело больного. На это монах ответил: „Иди в мое отхожее место". Когда же он ночью захотел опростать свой желудок, бес столь сильно начал мучить его возле отхожего места, что он с трудом спас свою жизнь.

Надо особенно остерегаться того, чтобы ставшие одержимыми чрез посредство ведьм не ставились под надзор ведьм же. Повествуя дальше о вышеупомянутой женщине, начавшей бесноваться во время церковного хода, Григорий Великий сообщает следующее: „Когда ее близкие передали ее на излечение ведьмам и те повели ее к реке, окунули в воду и стали творить наговор, то миллион бесов вторгся в нее, тогда как ведь лишь один подлежал изгнанию. Посему родственники отвели ее к святому епископу Фортунату, который ее полностью излечил ежедневными молитвами и постом". Экзорцист, пользующийся при исполнении своих обязанностей травами, должен следить за тем, чтобы они были освящены. Вообще же применение при экзорцизмах музыкальных мелодий, трав и других средств не является предосудительным. В книге Товита (VI) приводится пример тому, что сердцем и печенью рыбы возможно изгонять бесов. Ведь Рафаил сказал Товии: „Если кого мучит демон, то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиною или женщиною и более не будет мучиться".

Средства врачевания экзорцизмом против насланных болезней и указания, как экзорцировать одержимых.

ГЛАВА VI.

Как было сказано выше, ведьмы могут наслать всевозможные телесные болезни. Поэтому можно сделать вывод, что любое средство врачевания, будь оно на словах или совершено посредством поступков, применяемых при перечисленных болезнях, может подходить и для излечения других нами не упомянутых болезней, напр. при наведении колдовскими способами эпилепсии или проказы. К средствам врачевания на словах надо относить дозволенные экзорцизмы. Здесь мы разберем следующие положения: 1) Может ли лицо, не принадлежащее к должностным экзорцистам, напр. мирянин или светское лицо, производить дозволенные экзорцизмы? 2) Что надо предпринять при неуспешности экзорцизмов? 3) Какие имеются средства врачевания не словами, а поступками, а также предметами?

К первому вопросу: Святой Фома в своих комментариях (IV, 23) говорит: „В цехе экзорцистов, как в других цехах, члены его берут на себя обязанность совершать то-то и то-то по должности (и именно экзорцировать). Эта должность может быть исполняема и такими людьми, которые не состоят в цехе. Ведь обедня может быть отслужена и в не нарочито для этого предназначенном здании". На основании этих слов можно сказать: если для излечения одержимого полезно участие экзорциста, имеющего власть лечить болезни, наведенные чарами, то временами могут и набожные люди без помощи нарочитых экзорцизмов или с их помощью устранять подобные заболевания. Рассказывают об одной весьма бедной и поэтому весьма набожной девуш-

ке, знакомый которой получил чрез колдование серьезное повреждение ноги, что выяснилось врачебным осмотром, а также тем, что никакое лекарство не помогало. Девушка посетила как-то больного, который ее просил помолиться за него. Она это исполнила, прочитав про себя молитву господню и символ веры и осенила себя двойным животворным крестным знамением. Тотчас больной почувствовал себя здоровым и захотел досконально узнать, в чем заключались целительные приемы девушки, чтобы воспользоваться этим на всякий случай для будущего. На это она ответила: „Вы, с вашей слабой верой, мало придерживаетесь божественных упражнений церкви и часто употребляете запрещенные заговоры и средства врачевания при ваших заболеваниях. Поэтому вы редко телесно исцеляетесь. Ведь ваша душа всегда ранена. Если же вы возложите упование ваше на молитвы, то вы легко излечитесь. Для вашего излечения я воспользовалась лишь молитвой господней и символом веры, и вот вы выздоровели".

Спрашивается, нельзя ли с помощью дозволенных наговоров или даже заклинаний, произнесенных как экзорцизмы, достигнуть также благоприятных результатов. Ведь указанная девушка отвергала лишь недозволенные наговоры, заклинания и экзорцизмы. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо выяснить происхождение этих наговоров и их постепенное изменение. Их происхождение освящено спасителем, но со временем, при участии дьявола и с помощью злых людей, эти наговоры были извращены, а святые имена изменены. Вначале апостолы и святые мужи посещали больных и изливали на них молитвы, полные святых слов. Потом совершали тоже такие молитвы набожные священники. Посему святые экзорцизмы были общераспространены во всех случаях заболевания, а не только при околдовании. Но, увы, суеверные люди выдумали много недозволенных наговоров, употребляемых ими по сей день при попытках излечения людей и животных. И духовенство, по лености, не пользуется дозволенными словами при посещении больных. Вышеуказанной девушкой порицались именно суеверные люди, пользующиеся недозволенными наговорами и обладающие слабой верой.

В чем же заключается различие между дозволенным и и недозволенными экзорцизмами? Как надо ими пользоваться? Надо ли заклинать дьявола при экзорцизмах над больным? Относительно различия между дозволенными и недозволенными экзорцизмами надо сказать, что в христианской церкви дозволенными экзорцизмами считаются такие, которые не пропитаны суеверием. Суеверным же называется то, что почитается больше, чем предписано религией. Суеверие—это религия, выражающаяся в скверной и недостаточной обрядности и в соответствующих этому приемах. Ежели какой-либо поступок совершается в силу христианской религии, например, ежели кто-нибудь приходит на помощь больному с какой-либо молитвой или благословением, выраженным в святых словах, то такой экзорцист должен выполнить семь условий. При их выполнении экзорцизм должен считаться дозволенным, если бы даже он и происходил в виде заклинания с произнесением его во имя бога или во имя страданий христа. Те, которые пользуются этими экзорцизмами, считаются действующими на дозволенном основании.

Первое из указанных условий состоит, по словам святого Фомы (II, 2, 93), в том, чтобы в экзорцизмах не употреблялось громогласное или молчаливое призывание дьявола. Второе условие — это отсутствие в экзорцизмах неизвестных имен, так как, согласно Иоанну

Златоусту, есть возможность опасаться, что под ними скрываются какие-либо суеверия. Третье условие — чтобы в произнесенных словах отсутствовало всякое искажение, так как в таком случае нельзя рассчитывать на божью помощь. Ведь бог не свидетель ложного. Четвертое условие —чтобы при произнесении экзорцизмов не применялись никакие знамения, за исключением знамения креста. Поэтому подлежат порицанию и значки, которые носятся солдатами. Пятое условие — чтобы не верили в чудодейственность того или иного вида надписаний и вообще в подобные внешние признаки. Это не соответствует благоговению перед господом. Шестое условие — чтобы при произнесении божественных слов или при чтении священного писания обращалось внимание исключительно на святые слова, на их смысл, на благоговение пред господом или на божественную силу, от которой ожидается помощь. Седьмое условие — чтобы ожидаемый успех экзорцизма всецело предавался на волю господню. Ведь бог знает, что полезнее больному, здоровье или испытание. Так думает святой Фома (II, 1 и в „Комментариях", IV, 15).

Как надо употреблять или носить написанные экзорцизмы? Надевать ли их на шею или вшивать в одежду? И то и другое представляет собою нечто недозволенное. Августин („О христианской доктрине", II) говорит: „К суеверию относятся тысячи магических искусств и лекарств, которые и врачами осуждаются, будь то чародеяния, значки или талисманы". Того же мнения Иоанн Златоуст: „Многие носят,—говорит он,—часть написанного евангелия на шее. Однако разве евангелие ежедневно не читается и не слушается всеми в церкви? Если прочитанные евангелия не приносят пользы, как могут они спасти того, кто их носит на шее? Где же обретается сила евангелия,—в очертаниях букв или в понимании его значения?" Однако святой Фома полагает, что раз позволено произносить над больным те или иные экзорцизмы, то можно и написанное содержание их носить при себе. Осуждать можно только то, когда кто-либо приписывает написанным словам большее значение, чем их смыслу.

Надо ли вначале заклинать дьявола и потом экзорцировать болезнь или вначале изгонять болезнь, а потом дьявола? Или возможно произвести одно без другого? На это надо ответить: болезнь не экзорцируется, а лишь сам заболевший человек. Вначале следует произнести экзорцизм над больным и лишь затем приказать дьяволу покинуть одержимого. Как соль с водой может быть экзорцирована, так и другие потребляемые больным кушанья и питье могут быть подвержены такому же благословению, что послужит на пользу больному.

Как совершается экзорцизм? Прежде всего околдованный должен исповедаться. После этого надо произвести подробный осмотр дома, где больной помещается, не пропуская никакого уголка. Следует также поискать, не спрятаны ли в кроватях, в мягкой мебели или под порогом какие-либо орудия околдования. Найденные орудия бросаются тотчас в огонь. Лучше всего, если больной вообще перейдет в другое помещение. Если ничего подозрительного не было найдено, то больной должен пойти рано утром в церковь. Также и священник-экзорцист, если он исповедался и не осквернился во сне, будет иметь больший успех. Больной держит в руках свечу, сидя или стоя, а присутствующие в церкви молятся громко за него. После литии священник окропляет больного святой водой, кладет ему вокруг шеи епитрахиль. Следует лития о больных, а затем священник произносит экзорцизмы, как например следующий: „Я экзорцирую тебя,

(Петра или Варвару), больного, но возрожденного чрез святой источник крещения именем бога живого + именем бога правого + именем бога святого + именем бога, искупившего тебя своей драгоценной кровью, чтобы ты стал экзорцированным человеком. Да удалится от тебя всякое зло дьявольского обмана и всякий нечистый дух, заклинаемый тем, который придет судить живых и мертвых. Аминь. Помолимся. Бог милосердия, допускающий по милости щедрот своих претерпеть порчу тем, кого ты любишь, кого ты в любви принимаешь, для исправления наказуешь; тебя призываем мы, чтобы ты своему слуге, страдающему слабостью членов тела, оказал свою милость и чтобы ты то, что ради земной слабости гибнет, что осквернено дьявольским наваждением, воссоединил в единство тела церкви. Смилуйся, господи, над нашими воздыханиями; смилуйся над слезами этого больного, полного веры в твое милосердие. Допусти его к таинству примирения с тобой чрез христа, нашего господа. Аминь. Проклятый дьявол, признай свой приговор, воздай честь богу правому и живому, воздай честь господу Иисусу христу и отойди от этого раба божьего со своими кознями, от слуги бога, искупленного господом нашим Иисусом христом, его драгоценной кровью". Этот экзорцизм повторяют 2 3 раза. Под конец больного причащают. Большую силу изгнания бесов имеет чтение страстей господних. Напиши также слова из евангелия Иоанна: „В начале бе слово", надень на шею больного и ожидай от бога благодати выздоровления.

Второй главный вопрос, поставленный в начале главы, касается того, что делать, если благодать выздоровления с помощью экзорцизмов не достигнута? Прежде всего надо сказать, что это происходит по шести основаниям: или из-за превратных верований присутствующих, или из-за того, что порча возникла из-за греха больного, или из-за тото, что им в свое время были использованы неподходящие средства врачевания или, вследствие неправильности веры экзорциста, или вследствие большой боязни беса пред другим экзорцистом, или вследствие того, что больной страдает для своего последующего духовного просветления или совершенствования.

Относительно первых четырех оснований нас поучают евангелия: от Матвея (гл. XVII) и от Марка (гл. IX), повествуя о том, как ученики христа не могли излечить беснующегося по своему неверию, а также и по неверию отца заболевшего юноши. Поэтому отец и сказал Иисусу: „Я верую, господи. Помоги моему неверию". А к толпе христос обратился со словами: „О, род неверный и развращенный. Доколе буду с вами?" А Иероним, толкуя это место, утверждает, что юноша заболел из-за своего греха. Иоанн же Златоуст, разбирая это место евангелия, утверждает: „Опоры веры, а именно Петр Яков и Иоанн, не присутствовали". Молитвы и пост не были применяемы. А без подобных средств, по свидетельству христа, этот вид демонов не мог быть изгнан. Поэтому Ориген и говорит: „Если будет нужно при излечении больного остаться при нем, то не надо ни удивляться, ни расспрашивать, ни говорить, ибо нечистый дух все слышит. Но мы изгоним злого духа постом и молитвою".

Что неправильность верования влечет за собой недействительность врачевания, об этом сказал сам христос, отвечая ученикам своим на вопрос, почему они не смогли излечить указанного юношу: „По неверию вашему, —утверждал он,—ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей" „Перейди отсюда туда" и т. д. Иларий замечает: „Апостолы верили, но не были еще совершенны в вере. Ведь когда господь пребывал

на горе с тремя из них и они сидели среди толпы, некоторая безучастность их ослабила их веру".

Касательно недействительности некоторых экзорцизмов, вследствие большего уважения дьявола пред иным экзорцистом, чем тем, который изгнание проводит, надо сказать, что об этом основании мы находим кое-что в житиях святых. Так, случалось, что бесноватые не могли быть изгнаны святым Антонием, а лишь его учеником Павлом.

Что касается последнего, шестого основания, то из вышесказанного ясно, что если кто и избавляется от вины, то этим он еще не избавляется от наказания. Случается, что наказание остается для искупления содеянного проступка.

А теперь скажем о другом средстве, о котором говорят, что многие благодаря ему избавились от околдования. Это средство заключается в повторном, хотя и условном, крещении больного. О нем мы не решаемся высказать какое-либо совершенно определенное суждение. Во всяком случае ясно, что если человек не достаточно был экзорцирован пред своим первым крещением, то дьявол с божьего попущения получает над таким большую власть. Не подлежит сомнению, что подобные ошибки при крещении всегда возможны. Этим я не хочу сказать, что таинства могут быть недействительны, если они совершаются недостойными священниками. Ведь даже совсем плохой священник может совершать действительное крещение, если только он исполняет обряды, произносит соответствующие слова и стремится, как посвященный, дать таинству действительное завершение. Рассказывают о таких больных, которые ночью во сне блуждают по крышам высоких зданий, не падая и не разбиваясь. Врачующие их считают этих больных стоящими под влиянием злых духов. Когда эти больные получают повторное крещение, замечается улучшение их состояния. Удивительно то обстоятельство, что, когда эти больные во время их блуждания по высоким зданиям окликиваются по их имени, они падают с высоты вниз, как будто это их имя, данное им при крещении, дано им не надлежащим образом.

Разберемся теперь в третьем, главном вопросе, в вопросе о средствах врачевания с помощью предметов и соблюдения известных действий. Такое врачевание может быть двояким: разрешенным или не полностью разрешенным и подозрительным. О разрешенном подобном врачевании говорилось в предыдущей, пятой главе. Здесь же мы коснемся его не полностью разрешенной, несколько подозрительной формы. Мы, инквизиторы, следуя мнению ученых церкви, считаем, что, если дозволенные экзорцизмы не помогли, то надо больного увещевать к терпению и не искать других средств. Августин в своей проповеди против прорицателей и ясновидящих (sermo de auguriis) говорит: „Братья! Вы знаете, что я часто просил вас не следовать обычаям язычников и колдунов. Но многие не слушаются. Так как я на чудном дне должен буду дать ответ за себя и за вас и с вами вместе должен буду претерпевать вечное наказание, поэтому я не прекращаю вас увещевать и заклинать отказаться от посещения ясновидящих, или прорицателей, и не советоваться с ними о разных делах или о врачевании болезней. Ведь тот, кто совершает подобное зло, тотчас же теряет таинство крещения и тотчас же превращается в богохульника или язычника. Ежели у него не появится раскаяния, то он погибнет во веки вечные". Далее он прибавляет: „Да никто не блюдет за приметами при выходе и при возвращении домой. Когда же надобно вам что-нибудь сделать или куда-либо выйти, то осени

те себя крестным знамением во имя христа и, произнося с верою символ веры или молитву господню, действуйте спокойно с божьей помощью".

Если естественные предметы употребляются для достижения каких-либо свойственных им действий, то это не является запрещенным. Если же при пользовании ими исполняют какой-либо ритуал, не имеющий, ясное дело, никакого естественного действия, то это надо считать запрещенным. А Августин („О граде божьем", XXI) говорит: „Демоны привлекаются предметами и существами, созданными не силой нечистого, но богом. Демоны привлекаются не кушаньями, приятными на вкус, как это происходит с животными, а различными знамениями, камнями, животными, словами, обрядами".

Средства против градобития и при лечении околдованных домашних животных

ГЛАВА VII.

Говоря о средствах против градобития и при лечении околдованных домашних животных, мы скажем прежде всего о недозволенных средствах, которыми пользуются некоторые люди и которые сопровождаются суеверными наговорами и обрядами. Например одни лечат от червей на пальцах, произнося недозволенные наговоры, а другие не кропят скота святой водой, а вливают ее ему в рот. Желающие защитить такие способы врачевания говорят: „Бог одарил слово силою, так же как и травы и камни особыми свойствами". Но ведь священные слова или сакраменталии, а также благословение и дозволенные наговоры обладают известными свойствами потому, что так предписано богом и что на это имеется договор с создателем. И вот слова таинств производят то действие, которое они обозначают.

Относительно других слов и наговоров надо сказать, что они не обладают скрытыми силами; но призывание имени бога и заклинания, которые являются известным свидетельством тому, что люди уповают на бога, могут быть полезными.

В Швабии имеется следующий обычай: 1 мая, до восхода солнца, крестьянки отправляются в лес, срывают ветви деревьев и другие растения, плетут венки и вешают их над входом в стойла скота. Они утверждают, что этим они охраняют на весь год скот от порчи ведьм. По мнению тех, которые говорят, что суетность изгоняется суетностью же, выходит так, что указанный обычай надо считать допустимым. На том же основании говорят о допустимости лечения болезней при помощи наговора, при котором употребляют общепонятные слова. На это мы ответим так. Если 1 мая кто-либо пойдет собирать зелень, не обращая внимания на то, восходит ли или заходит солнце, и повесит ее над входом в стойло, произнося молитву господню или символ веры и надеясь на волю божью, для защиты скота, то такой человек не заслуживает порицания. То же надо сказать об обычае ставить в виноградниках или на полях изображения креста и освященные в день вербного воскресенья ветви и утверждать, что благодаря этому плоды не пострадают от градобития. То же надо сказать о поступках тех женщин, которые для сохранения коровьего молока от околдования всем олоко, надоенное в субботу вечером, раздают бедным и полагают, что из-за этого увеличится ой.

Нидер в своем „Наставлении“ (I, II) говорит, что не считается недозволенным благословлять как скот, так и людей написанными священными изречениями. Дозволенным считает он и наговоры, если только они отвечают семи (в 6-ой главе этой части указанным) условиям успешности экзорцизма. Он рассказывает далее о слышанном от набожных людей, что при положении крестного знамении и при произнесении молитвы господней и „богородицы“ околдованная корова по прошествии трех дней снова начинала давать молоко. А в своем „Муравейнике“ Нидер сообщает о признаниях ведьм, что их околдования находят помеху в исполнении людьми обрядов церкви, например, окроплении святой водой, взятии освященной соли, возжигании свечей в вербное воскресенье и т. п.

Против градобития и грозы употребляется, кроме положения крестного знамении, также и следующее средство: призывая святую троицу, бросают три градины в огонь. Прибавляют сюда молитву господню вместе с „богородицей“. Это повторяют два—три раза, а затем обращают евангелие от Иоанна на все четыре стороны света и совершают им при этом крестное знамение для защиты от грозы. Экзорцист трижды произносит: „Слово плоть бысть“ и „По слову евангелия, эта гроза должна отступить“. Тотчас же гроза прекращается. Это происходит в том случае, если гроза была вызвана чарами. Этот способ надо счесть за правильный и неподозрительный. Если же три градины бросаются в огонь без призывания святой троицы, то это средство будет суеверным. Если спросят, можно ли остановить грозу, не бросая градин в огонь, то надо ответить: Конечно. Главное значение имеют священные слова. Бросая же градины в огонь, человек стремится досадить чорту и в то же время пробует разрушить его козни призыванием святой троицы. Успех же своего экзорцизма он отдает на волю божью.

Многие ведьмы признаются—одни добровольно, другие на пытке,—что пять сил мешают им в их околдованиях: 1) Люди, с глубокой верой, исполняющие заповедь бога. 2) Люди, кладущие крестное знамение и произносящие молитвы. 3) Люди, исполняющие обряды и церемонии церкви. 4) Люди, прилежно исполняющие свои судебные обязанности. 5) Люди, повторяющие на словах историю крестных страданий христа и размышляющие над этим. Поэтому Нидер в указанном месте говорит: „На этом основании во всем приходе звонят в колокола, чтобы демоны скрывались от звона, как от богу посвященных труб, и чтобы народ собирался и молил бога о предотвращении грозы. На этом основании совершается и церковный ход с дарами. Так поступают по старому обычаю во Франции и Германии“.

Некоторые сокровенные средства против некоторых тайных искушений дьявола

ГЛАВА VIII.

Здесь мы снова возвращаемся к разбору вопроса о вреде, наносимом плодам и злакам червями, муравьями и саранчей, носящейся по воздуху, тучами своих тел покрывающей поверхность земли и пожирающей всю зелень виноградников, полей и лугов вплоть до корней. Поговорим о способах борьбы против обмена д[illegible] совершаемого с помощью демонов.

Святой Фома (II, 2, 90) утверждает допустимость заклинания неразумной твари, но добавляет, что такое заклинание должно носить характер принуждения, который должен относиться к дьяволу, пользующемуся для нанесения нам вреда этой тварью. С помощью соответствующих экзорцизмов дьявол лишается власти над нею. А употреблять заклинания против неразумных созданий было бы тщетным. Поэтому считается целесообразным возлагать на народ пост, церковные ходы и другие благочестивые упражнения, сопровождая это дозволенными экзорцизмами и заклинаниями. Благочестивые упражнения возлагаются потому, что эти напасти насылаются вследствие блуда и многих других преступлений. Людям надо советовать исповедываться.

В некоторых областях практикуется также отлучение. Но тогда они принимают силу заклинания против демонов.

Бывают еще другие ужасные попущения господни: у матерей отнимаются родные дети и подкидываются чужие. Некоторые из этих подкидышей всегда остаются тощими и плачут. Четыре мамки не в состоянии утолить голода этих детей. Другие дети появляются на свет чрез посредство демонов-инкубов. Эти демоны, как известно, не являются их отцами. Их отцы—это те, чье семя получили демоны в облике суккубов. Таких детей демоны подкидывают матерям, унося родных детей этих последних. Случается также, что демоны появляются мамкам во сне и, принимая облик грудных детей, совершают с ними половое соитие.

Почему все это допускается божьей любовью? На это имеется два основания: 1) Потому что родители слишком сильно любят детей. На пользу таких родителей и совершается подобное. 2) Потому что женщины, с которыми это происходит, в большинстве случаев суеверны и совращались уже демонами до того много раз. Так же как ревнивый муж не может терпеть даже признаков прелюбодеяния, так и христос, искупивший таких суеверных женщин своей драгоценной кровью и обручившийся с ними чрез веру, не может терпеть даже признаков их прелюбодеяний с демоном, с противником спасения. Нет поэтому ничего удивительного в том, что у таких женщин выкрадываются собственные дети и подкидываются дети, зачатые в прелюбодеянии.

В ветхом завете видно, как бог заботится о душе и не терпит даже признаков, могущих вызвать подозрение в неверии. Чтобы охранить свой народ от язычества, он воспретил не только служение богам, но запретил и многое другое, что дало бы повод к идолопоклонству. Поэтому бог не только сказал (Исход, XXII): „Ты не должен оставить колдунов в стране", но и присовокупил: „Они не должны жить в твоей стране, чтобы они тебя не совратили во грех". А в книге Левит (гл. XIX) говорится: „Не стригите головы вашей кругом и не брейте бороды вашей". Так делали идолослужители для умножения идолов. Во Второзаконии же (гл. XXII) читаем: „Мужчина не должен одеваться в женское платье и наоборот". Ведь так поступали одни для почитания богини Венеры, а другие—для почитания бога Марса и Приапа. На том же основании бог приказал разрушать алтари идолов. А Езекия уничтожил медного змея, которого народ хотел ему вручить. На том же основании бог запретил толковать сны и прорицать будущее по птичьему полету, а также предписал, чтобы мужчина или женщина, в которых обитает пифонический дух, были умерщвляемы. Такие же люди имеются и по сие время. Они называются кудесниками. Все это воспрещено богом, т. к. подобное возбуждает подозрение в духовном блуде. Поэтому и мы,

проповедники и пастыри душ, должны указывать на то, что нет жертвы более приятной богу, чем усердие в заботе о душах. Вот почему, в третьей части книги, будет итти речь об искоренении ведьм. Это искоренение—последнее средство церкви, к которому она обязана прибегнуть, согласно заповеди божьей, гласящей: „Ты не должен оставить колдунов жить в стране".

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Следует третья часть всего сочинения, рассматривающая способы искоренения или по крайней мере наказания ереси подлежащим духовным или светским судом и содержащая тридцать пять вопросов; общий вступительный вопрос предшествует им

Надо ли ставить процессы против ведьм, их покровителей и защитников под юрисдикцию духовного епархиального и светского суда и освободить от ведения этих дел инквизиторов еретических заблуждений? Некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно, опираясь на те или иные отдельные места из канонов. Так, канон „Accusatus § sane" (шестая книга) утверждает, что инквизиторы могут лишь в том случае разбирать процессы о прорицателях, если проступки этих последних носят определенно еретический характер. Значит, процессы ведьм только тогда относятся к юрисдикции инквизиторов, когда ведьмы преследуются за ересь. Преступления ведьм могут и не носить характера ереси; например топтание тела христова в грязи, что ведь представляет собой ужаснейший грех, может совершить и человек, не исповедывающий лжеучений, а полагающий, что с помощью этого деяния он может, опираясь на благоволение беса, найти какой-нибудь клад. Таким образом эти деяния не должны быть подсудны инквизиторам.

Далее, Соломон, совершавший жертвоприношения пред богами своих жен, все же не может быть сочтен за вероотступника, так как в сердце своем он остался преданным истинной вере. Также и ведьмы, заключившие договор с демоном, но сохранившие веру в своем сердце, не должны подлежать суду инквизиторов.

Далее, если бы кто-нибудь и сказал, что все ведьмы отступили от веры, то это еще не значит, что они впали в ересь, а стали отступницами, а отступничество инквизиторам не подсудно. Значит, и ведьмы им не подсудны.

Если утверждается, что отступничество и ересь—тожественны, то и в таком случае должен вмешаться не духовный, а светский судья. Ведь при разборе вопроса о ереси никто не имеет права волновать народ, и светский судья может лучше всех не допустить такого волнения. Смотри „Autent, de manda, princip. coll. III, § necque occasione"

Против этих утверждений и в защиту истины надо сказать: правоведы могут предоставить ведение дел против ведьм духовному суду вместе с представителем светской власти. При каноническом преступлении приговор выносит не представитель светской власти, а епископ, который согласует свое решение с указанным представителем. Это вытекает из „Autent de manda princip, § si vero". Глосса к этой норме указывает, что епископ действует один, когда идет процесс о вере. Когда же к этому присоединяются еще другие обвинения, то должны действовать оба. Кроме того, хотя бы светский князь и наказывал

смертной казнью за преступление, этим не исключается необходимость духовного суда и приговора. Даже как раз наоборот. Необходимость такого суда вытекает из канон „De summa trinit et fide cathol" (книга I) и „Eztra de haer, c. ad abolendam", а также „c.wergentis" и „c. excommunicamus I и II.

Преступление ведьм должно быть подсудно отчасти светскому, отчасти церковному праву, так как такое преступление вредит как мирским благам, так и вере. Посему оно и подсудно как светской, так и духовной власти. Смотри „Autent ut clerici apud proprios indicesd, coll. VI.

Ответ: Цель настоящего труда заключается в том, чтобы мы, инквизиторы Верхней Германии, по мере сил и с помощью бога искоренили ведьм нашей области. Этого мы достигнем тем, что мы выясним затруднения, связанные с вопросом о ведьмах. Мы не собираемся вмешиваться в процедуру. Но мы раз'ясним, в каких случаях епископы могут без участия инквизиторов вести процессы против ведьм. При этом мы разберем мнения различных инквизиторов.

Эти инквизиторы говорят, что все колдуны, гадальщики, некроманты, т. е. все прорицатели, отрекшиеся от принятого в свое время святого верования, подлежат суду инквизитора и епископа, согласно канону „Multorum querela" в „Princip de haeret" в Клементинах.

К юрисдикции этого суда они относят богохульников, вызывателей демонов и тех, которые пробыли более года в отлучении. Сюда они относят еще другие виды преступлений, возлагая на нас, инквизиторов, еще большее количество обязанностей. Для доказательства правоты своей точки зрения они ссылаются на святых: Фому, Альберта Великого и Бонавентру в их „Комментариях" на „Сентенции" Петра Ломбардского (II, раздел 7). Из разбора ими этого места мы извлекаем следующее: инквизиторы обязаны вмешиваться в процессы прорицателей и гадальщиков в том случае, когда их преступления носят характер ереси. Есть два вида прорицателей и гадальщиков. Первый вид—это просто прорицатели, работающие без помощи дьявола. Так, пресвитер Удальрих, искавший виновника одной кражи и обратившийся для этого к некоемому гадальщику, пользовавшемуся при своих изысканиях астролябией, не имел дела с прорицателем-еретиком.

Второй вид прорицателей—это такие ведуны, которые при выполнении своих деяний прибегают к помощи дьявола и призывают его. Такие преступники подлежат суду инквизиторов.

В каноне „Multorum" (Princip de haeret) из Клементин разграничивается власть и полномочия епископа и инквизитора при процедуре против еретиков следующим образом: „... Для более успешной инквизиции, а именно для более ревностного, внимательного и осторожного искоренения этой заразы, мы предписываем, чтобы эта процедура совершалась епархиальными епископами совместно с назначенными апостольским престолом инквизиторами. Все они должны при этом воздерживаться от всякой плотской ненависти или страха, или стремления к какой-либо мирской выгоде. Как епископ, так и инквизитор имеют право независимо друг от друга призывать или арестовывать или сажать под арест обвиняемых, накладывая на них ручные и ножные кандалы, если это представляется необходимым. В применении мер этих они отвечают перед своей собственной совестью. Заключать же людей, находящихся под следствием, в такие камеры, которые служат более для наказания, чем для подследственного заключения, или предавать их пыткам, или об'являть им приговор

может только епископ совместно с инквизитором. Епископ же без инквизитора или без его заместителя или инквизитор без епископа или без его заместителя сомостоятельно действовать не могут, если они имеют возможность в продолжение восьми дней встретиться и совместно обсудить дело. В случае нарушения ими этого постановления их одиночные решения считаются недействительными. В случае невозможности личного присутствия они или их заместители могут выразить в письменной форме свое согласие или свое мнение по поводу того или иного дела присутствующему на суде инквизитору или епископу, а также их заместителям". Это решение мы считаем совершенно правильным.

При процессах против ереси ведьм епископы могут передавать светскому судье свои полномочия вести следствия и произносить приговоры. Ведь преступления ведьм касаются не только вопросов веры, но и влекут за собою телесные вредительства. К тому же имеются особые светские законы, карающие ведьм за это. Светские законы против ведьм принесли большую пользу при искоренении ведьм Они значительно облегчили также работу инквизиторов.

* * *

Процедуру духовного и светского судьи в процессах против ведьм можно разбить на три главных отдела: 1) Как надо начать такой процесс. 2) Как надо его вести. 3) Как надо закончить процесс и произнести приговор. С этим связан целый ряд вопросов, который будет нами рассмотрен в нижеследующем.

Первый вопрос о том, как начинать процесс.

Процесс по делам веры, как указано в „Extravagantia de accusatione, denuntiatione et inquisitione", может начаться по троякому основанию: 1) Если кто-либо пред'явит пред судьей кому-либо обвинение в совершении преступления ереси или в покровительстве еретикам. При этом такой обвинитель обязан быть готовым к представлению доказательств. Если он таких доказательств не сможет представить, то он может претерпеть наказание за ложные сведения. 2) Если обвинение пред'является денунциантом (доносителем), который не ручается за достоверность своих показаний и не берется их доказывать. Он утверждает лишь, что доносит на еретика, движимый рвением к вере или желая избегнуть отлучения за сокрытие ереси или наказания, которым грозит светский судья. 3) Если до слуха инквизиторов дошла молва, что в таком и таком-то городе имеются ведьмы, занимающиеся тем-то и тем-то. Это—обвинение путем инквизиции. В этом случае инквизитор начинает действовать не по указанию какого-либо обвинителя, а по своему собственному почину.

Касательно первого пункта надо сказать, что такое начало религиозного процесса не употребительно, в особенности в делах против ведьм, которые ведь наводят порчу скрытно. К тому же такой открытый обвинитель опасается наказания, если ему не удастся доказать правоты своего обвинения. Сверх того, такое обвинение вызывает многие пререкания.

Пусть судья начнет процесс с общего вызова свидетелей, вывешенного на дверях церквей или ратуши и имеющего следующее содержание: „Мы, викарий такого-то инквизитора (или судья такого-то владыки), желаем всем сердцем того, чтобы врученный нашему попечению христианский народ воспитывался в единстве и чистоте католической веры и держался вдали от чумы еретической извращенности.

Во славу и честь досточтимого имени Иисуса христа и для возвеличения святой ортодоксальной веры, а также и для искоренения еретической извращенности, свойственной ведьмам, мы, указанный судья, предписываем, приказываем и увещеваем всех и каждого заметь, что если воззвание идет от духовного судьи, то надо прибавить: а также и монашествующее или светское духовенство), какое положение они бы ни занимали в этом городе или в этом селении в двух милях в окружности, исполняя добродетель святого послушания и под страхом отлучения, явиться в течение следующих двенадцати дней (светский судья требует при этом явки, угрожая обычными у него наказаниями в случае неисполнения предписания) и разоблачить перед нами женщин, о которых идет молва, как о еретичках или ведьмах или вредительницах здоровья людей, домашнего скота и полевых злаков или приносящих вред государству. Первые четыре дня—это первый срок, следующие четыре дня—второй срок, а последние четыре дня—третий срок. Ежели те, которые знают о существовании женщин, подозреваемых в этих преступлениях, не явятся и их не укажут, то они будут пронзены кинжалом отлучения (так скажет в своем обращении духовный судья) или претерпят вытекающие из норм закона наказания (так прибавит светский судья). Мы произносим отлучение против всех тех, которые упорно не повинуются. Право обратного принятия их в лоно церкви остается за нами (таково заключение духовного судьи), и отмена светского наказания предоставляется на усмотрение светской власти (так заключает светский судья). Дано..., такого-то числа и т. д.

Таково начало процесса путем денунциации. Пусть светский судья в своем вызове свидетелей укажет, что никто не должен считать себя подсудным, если его доказательства при доносе недостаточны. Духовный же судья обязан при этом сказать, что денунцианту не нужно приводить доказательств виновности подозреваемых, ему нужно только указать последние. Явившиеся денунцианты дают свои показания судье в присутствии нотариуса и двух понятых, будь то духовные лица или миряне. При отсутствии нотариуса его обязанность исполняется двумя подходящими людьми. Денунциации записываются подробно. Смотри канон „Ut officium, § werum", кн. VI и соответствующую глоссу Архидиакона.

Судья или нотариус открывают заседание следующим образом: „Во имя господа. Аминь. В год от рождества христова и т. д. такого-то дня и такого-то месяца, в моем присутствии, в присутствии нотариуса и нижеподписавшихся свидетелей, явился к судье такой-то из такого-то города такой-то епархии и представил ему лист бумаги следующего содержания". (Следует текст этого писания. Ежели такое писание не представлено, а донос произведен устно, то так и указывается в протоколе и перечисляются указанные денунциантом лица и приписываемые им преступления).

После этого денунциант приводится к присяге на четырех евангелиях господних или на кресте. Присягающий подымает правую руку с тремя вытянутыми и двумя согнутыми пальцами. Это — символ святой троицы и символ проклятия тела и души, если денунциант скажет неправду. После присяги судья спрашивает, откуда свидетель знает о случившемся и видел ли он сам все это. Если он говорит, что он сам видел, что например, подозреваемый в таком-то месте и в такое-то время произвел грозу или дотронулся до скота, который после этого пострадал от порчи, то судья расспрашивает, кто еще это видел.

Ежели денунциант говорит, что сам он этого не видел, но слышал от других, то судья обязан спросить, от кого получено это сведение и в чьем присутствии. Все подобные данные отмечаются в процессуальных актах вслед за изложением доноса данного лица. Затем в актах пишется следующее: „Когда эта денунциация была записана, инквизитор тотчас же предложил денунцианту вновь поклясться на четырех евангелиях господних в том, что он сказал сущую правду". Наконец его спрашивают, не донес ли он по злой воле, из ненависти или по злобе и не скрыл ли он чего-нибудь из чувства расположения к подозреваемому. Вслед за тем ему предписывается хранить обо всем полное молчание. В конце акта пишется: „Эти данные получены в таком-то городе, такого-то дня, месяца и года, в моем присутствии, в присутствии такого-то нотариуса или писца и таких-то свидетелей".

Третий вид возбуждения процесса является самым обычным и наиболее распространенным и происходит без вызова денунциантов или обвинителей. Для этого достаточно того, чтобы до слуха инквизитора достиг упорный слух о колдовских деяниях какой-либо ведьмы. В присутствии указанных нотариуса, писца и двух свидетелей судья начинает процесс следующим образом: „Во имя господне. Аминь. В год от рождества христова, такого-то дня и месяца или в такие-то и такие месяцы до слуха судьи такого-то города дошло, что такой-то из такого-то города или селения совершил то-то и то-то для околдования, что идет против веры и служит во вред государству. Это занесено тогда-то в присутствии таких-то свидетелей и прочее".

Второй вопрос о том, каково должно быть число свидетелей

Может ли судья, на основании показаний двух законных, согласных в своих показаниях свидетелей, осудить женщину за колдовскую ересь? Не нужно ли большее количество свидетелей? По букве закона, двух свидетелей довольно. Но принимая во внимание тяжесть колдовского преступления, для осуждения нельзя ограничиться этим количеством свидетелей. Ведь обвиняемый не видит присяги свидетелей, могущих дать весьма отягчающие вину показания, хотя инквизитор и отводит свидетелей, питающих, неприязнь или ненависть к обвиняемым. Даже в том случае, когда имеются налицо двое законных и согласных в своих показаниях свидетелей, при наличии дурной молвы об обвиняемом, осудить такого обвиняемого нельзя. Ведь доказательства должны быть яснее дня. Совесть судьи должна подсказать ему, как ему надлежит поступить, и именно допустить ли подозреваемого к очищению снятием с него клятвенного утверждения о невиновности или действовать по букве закона.

Третий вопрос о том, можно ли требовать от кого-либо обязательную дачу показаний и вызывать свидетелей по нескольку раз

На этот вопрос надо ответить утвердительно. Ведь в „Extra de haeret, can. Excommunicamus, § addicimus" говорится, что архиепископу или епископу предписывается найти трех и более достоверных свидетелей в таких приходах, в которых, по слухам, находятся еретики, и снять с них клятвенные показания. Далее текст гласит: „Ежели некоторые из них с преступным упорством отказываются от присяги, то они должны по этому одному уже считаться еретиками". Архидиакон же в своей глоссе к канону „Ut officium, § verum", и именно

к слову „свидетели", говорит: „Судья, производящий следствие, должен принять во внимание то, что если свидетели дали сбивчивые показания и недостаточно подробно допрошены, то он может допрашивать их много раз".

Четвертый вопрос о том, каким требованиям должны удовлетворять свидетели

Отлученные, а также участники в колдовских преступлениях, лишенные прав, преступники и крепостные против своих владетелей могут допускаться к свидетельству во всех религиозных процессах. Еретики могут свидетельствовать против еретиков, а ведьмы против ведьм. Допустимы к свидетельству также: супруга, сыновья, домочадцы. Канон „In fidei, de haer." гласит: „Для пользы веры мы разрешаем, чтобы в инквизиционном процессе были допущены свидетели отлученные и соучастники преступления, если нет других свидетелей против еретиков, и те, которые их принимают, в них верят, им покровительствуют и защищают, если есть основание полагать, что эти свидетели не будут говорить лжи". Относительно клятвопреступников в каноне „Accusatus, § licet" говорится: „Если ясно, что клятвопреступники хотят исправить свои прежние прегрешения и из ревности в вере изменят данные показания и скажут то, что они раньше умолчали, то надо, если этому ничто не препятствует, принять их свидетельства к сведению". Что касается людей, лишенных прав, и крепостных, то Архидиакон в глоссе к канону „Accusatus, § licet" сообщает: „Позорное пятно ереси столь велико, что для разбора этого преступления допускаются также крепостные для свидетельства против своих господ, а также и всяческие преступники и люди, лишенные прав".

Пятый вопрос. Допустимы ли к свидетельству и смертельные враги

На этот вопрос надо ответить отрицательно. Поэтому Архидиакон в указанном месте и говорит: „Это решение нельзя понять в том смысле, что здесь могут свидетельствовать и смертельные враги". Кто же называется смертельным врагом? Прежде всего не всякая вражда считается смертельной враждой. Только тот человек, который намеревается причинить смерть или тяжкое ранение или же, что тожественно, лишить человека его доброго имени, считается смертельным врагом.

Иные тяжкие формы неприязни, как например, свойственные женщинам враждования, хотя и не лишают возможности свидетельствовать, однако уменьшают, до известной степени, доказательность таких свидетельств. В связи с показаниями других свидетелей они приобретают полную достоверность, если совпадают. Это имеет место в особенности тогда, когда подсудимый на вопрос судьи о врагах, которые могут против него говорить из ненависти, не указывает на лицо, дающее обличающие показания и признающее существование ненависти к обвиняемому. Отвод таких свидетелей допустим в том случае, когда обвиняемый этих свидетелей называет своими врагами.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КАКОВО ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОЦЕССА

Шестой вопрос. Как выслушиваются показания свидетелей при четырех других лицах и как обвиняемая допрашивается два раза

В религиозных процессах должно быть сокращенное судопроизводство, лишенное излишних формальностей. Судья не должен требовать обвинительного акта и формального введения в процесс. Он обязан прекращать возникающее во время суда излишнее словопрение, тормозящее разбор дела апелляции, пререкания защитников и вызывания излишних свидетелей. Это сокращенное судопроизводство предписывается каноном „Extra de verbsig n." и „c. saepe contigit" из „Клементин".

Вследствие того, что частному обвинителю грозят большие опасности со стороны обвиняемых и от их приспешников, надо прибегать или ко второму или к третьему способу открытия процесса, а именно или через посредство денунциации, или через инквизицию; при этих способах имена свидетелей остаются скрытыми от обвиняемых. Судья должен спросить денунцианта, какие свидетели ему еще известны, и вызвать их и допросить. Писец заносит в протокол следующее: „Принимая во внимание, что денунцированная ересь по своей природе столь тяжка, столь оскорбляет божье величие и столь вредит католической вере и государству, то судья решил допросить свидетелей следующим образом".

Вопросы свидетелям

„Такой-то свидетель из такого-то города, будучи вызван, приведен к присяге и спрошен о том, знает ли он такого-то (при этом называется имя обвиняемого), ответил утвердительно. Будучи спрошен о причинах знакомства, он ответил, что его видел и часто с ним разговаривал. При этом указываются обстоятельства знакомства и время его возникновения. Будучи спрошен о репутации обвиняемого, свидетель сказал, что о нем идет худая молва (или хорошая). Что же касается его веры, то говорят, что он занимается колдовством. Утверждается это тем-то и тем-то. Среди родственников обвиняемого было сожжено за колдовство столько-то, а в общении с женщинами, подозреваемыми в колдовстве, состоит или состоял тогда-то. Спрошенный о том, не утаивает ли он чего-либо из расположения к обвиняемому, свидетель ответил отрицательно". „Свидетелю было предписано держать свою денунциацию в тайне. Показания сняты там-то и тогда-то в присутствии таких-то лиц".

При таком допросе необходимо присутствие по крайней мере пяти лиц: судьи, свидетеля, денунцианта или обвиняемого, нотариуса или писца с помощником и двух понятых. Ежели судья из этих показаний заключает о наличии преступного деяния или сильного подозрения в совершении подобного деяния, то при наличии опасности бегства судья дает распоряжение о взятии обвиняемого под стражу, а перед тем—об обыске в доме обвиняемого, причем просматриваются все лари и конфискуется все оружие и инструменты. Затем судья собирает воедино все обвинения и показания свидетелей и вызывает самого обвиняемого к допросу. Обвиняемый приводится к присяге, как и свидетели, а затем ему ставятся вопросы.

Общие вопросы ведьме или колдуну. Первый акт судьи.

Такой-то обвиняемый из такого-то города, приведенный к присяге и спрошенный о своем происхождении, местожительстве, родителях, их смерти, своем воспитании и своем круге знакомых, ответил так-то Будучи спрошен, в случае перемены местожительства, о причинах к этому, он дал такой-то ответ. На вопрос о том, верит ли он в существование ведьм и их способность производить грозы и наводить порчу на животных и на людей, он ответил так-то. Да будет известно судье, что обычно ведьмы отрицают во время первого допроса всякую вину, что еще больше возбуждает против них подозрения.

Частные вопросы ведьме или колдуну. Второй акт судьи.

Спрошенная, почему народ ее боится и почему она бросила такой-то и такому-то слова: „Это тебе даром не пройдет", обвиняемая ответила так-то. На вопрос о том, знает ли она, что о ней идет худая молва и что ее ненавидят, она ответила . . . О причинах, побудивших ее угрожать тому-то, она сказала . . . На вопрос о том, почему порча последовала столь скоро после произнесения угрозы, обвиняемою был дан ответ . . О причинах ее прикосновения к мальчику, который вскоре заболел, она сказала . . . А о том, что она делала на поле во время грозы, она дала следующее об'яснение . . .

Седьмой вопрос, в котором выясняются различные сомнения, возникшие в предыдущих вопросах. Надо ли держать обвиняемую под арестом, и при каких обстоятельствах следует считать ее явно уличенной в ереси

Ежели обвиняемая все отрицает, то судья должен принять во внимание следующее: ее опороченность, признаки чародеяния и показания свидетелей. Может случиться, что все это ведет лишь к возбуждению подозрения в преступлении, но не позволяет считать его доказанным. В таком случае при наличии многих допрошенных свидетелей, не питающих к обвиняемой неприязни, согласно канону „Ad abolendam, § praesenti, de haeret", обвиняемая осуждается и без признания ею своей вины.

Бернард в ординарной глоссе к канону „Ad abolendam, §praesenti" утверждает, что для доказательства вины необходимо одно из трех: 1) очевидность проступка. Так например, открытая проповедь ереси, открытая угроза: „Ты больше не выздоровеешь", после которой наступила порча. 2) Закономерные доказательства свидетелей. 3) Личное признание вины. Ежели каждое из этих условий само по себе достаточно для того, чтобы считать обвиняемую явно подозрительной, то сколь очевиднее вина при совпадении худой молвы с уликами чародеяния и со сходящимися между собой показаниями свидетелей.

Ежели уличенная не сознается в преступлении, то она передается светской власти для сожжения. Ежели она признается, то она или передается названной власти для смерти, или пожизненно заточается. Если судья будет действовать вышеуказанным способом при судопроизводстве и обвиняемую заключит в тюрьму на некоторое время, при отсутствии очевидных улик, но при наличии сильного подозрения, то она, сломленная тяжким заключением, признается. Такое поведение судьи можно лишь назвать справедливым.

Восьмой вопрос, связанный с предыдущим. О содержании обвиняемой под стражей и о том, как следует арестовать ее. Третий акт судьи

Некоторые канонисты и юристы полагают возможным, при наличии худой молвы, улик и обличающих показаний свидетелей, считать обвиняемых, упорно отрицающих свою вину, заслуживающими немедленного заключения до тех пор, пока они не признаются. Другие канонисты считают возможным отпустить такую ведьму на поруки до суда. В случае ее бегства ее преступление должно считаться доказанным. Некоторые юристы признают возможным применения и первого и второго способа, смотря по обстоятельствам. Судья должен решить, чего следует держаться. Если имеется достойный уважения человек, согласный поручиться за такую женщину, она может быть до суда отпущена. Если же подобного поручителя нет, и если есть возможность подозревать ее в том, что она скроется, лучше тотчас заключить ее в темницу. Это наиболее разумная мера. Не мешает при этом произвести самый тщательный обыск в том доме, где обвиняемая живет. Если она—известная ведьма, то у нее без сомнения найдутся многие орудия колдовства в случае захвата ее врасплох. Если у нее имеется служанка или имеются подруги, то и их полезно подвергнуть лишению свободы даже в случае отсутствия доноса на них. При взятии ведьмы под стражу не надобно давать ей времени оставаться одной в комнате. Этим она лишается возможности принять известные колдовские снадобия, дающие ей возможность молчать и не сознаваться, несмотря на пытки.

Следует ли, при взятии ведьм под стражу, внезапно подымать их на руки, не допуская того, чтобы они прикасались к земле, и уносить их в корзине или на плечах в камеру заключения? По мнению канонистов и некоторых богословов, это допустимо. Следуя утверждению таких ученых, как Гостиенсис и Гофферд, надо изгонять суетное суетным. Опыт показывает, а признания ведьм подтверждают, что поднятием ведьм от земли при взятии под стражу они лишаются упорства в запирательстве при допросах. Многие приговоренные к сожжению просили разрешения прикоснуться хотя бы одной ногой к земле. В этом им было отказано. Когда же у них допытывались о причине этой просьбы, они отвечали, что если бы они прикоснулись к земле, они освободились бы, а многие из присутствующих были бы убиты молнией.

Девятый вопрос о том, как надлежит действовать после взятия под стражу и надо ли обнародовать имена допрашиваемых. Четвертый акт

После взятия под стражу обвиняемой разрешается прибегнуть к защите, если судья против этого не возражает. Ей назначается допрос в застенке, но без применения пыток. Защита может быть разрешаема, если обвиняемая просит об этом. Указанный же допрос обвиняемой не может иметь места, пока не были допрошены служанки и подруги ее.

Если обвиняемая говорит, что она невиновна и донос на нее ложен и что она хочет увидеть и услышать обвинителей, то это признак ее желания иметь защиту. Обязан ли судья исполнить это? Для него не является необходимым ни об'являть имен свидетелей, ни давать очной ставки, если свидетели не пожелают этого совершенно добровольно. Ведь такая очная ставка подвергает опасности жизнь

свидетелей. Некоторые ученые считают подобные очные ставки совершенно недопустимыми. Другие полагают их допустимость лишь в тех случаях, когда опасность для свидетелей отпадает. Так, папа Бонифаций VIII (C. statuta, § inhibemus, lib. VI) постановляет: „Мы воспрещаем поименное упоминание обвинителей или свидетелей, выступающих в процессе о ереси, чтобы защитить их от козней тех, против которых ведется дознание. Епископ или инквизитор должны знать" (заметь, что вместо инквизитора и епископа всякий даже светский судья может вести дело против ведьм, если он имеет на то согласие епископа или инквизитора, которые могут временно предоставить ему свои правомочия, в силу каковых он действует как от имени папы, так и от имени императора)— „что этим лицам грозит большая опасность при обнародовании их имен. Поэтому судьи не должны их обнародовать". А несколько ниже читаем: „Ежели вышеуказанная опасность прекращается, то епископ и инквизитор могут обнародовать имена обвинителей или свидетелей, подобно тому, как это совершается в других процессах".

Сила людей, могущих вредить свидетелям, троякa. Во-первых, это знатность семьи. Во-вторых, сила денег. В-третьих, сила злобы, каковую надобно больше всего бояться. Эта последняя опасность велика потому, что, имея подобных ему сообщников в совершаемом зле, которые ни перед чем не остановятся и которым нечего терять кроме своей собственной личности, могут причинить больше вреда, чем знатный или богатый, имеющий всего вдоволь. Иоанн в своей глоссе к слову „опасность" говорит: „Опасность в том, что надо бояться смерти или увечья как для самого себя, так и для своих сыновей или своих родителей, а также и опустошения своего имущества". Все члены трибунала обязаны под страхом отлучения держать в тайне имена обвинителей и свидетелей, если того требует интерес процесса, но им же грозят и наказания в случае ничем неоправдываемого умалчивания этих имен.

Десятый вопрос о возможности защиты обвиняемой и предоставлении ей адвоката. Пятый акт.

Как дается возможность защиты обвиняемой при сохранении в полной тайне имен свидетелей? Защита заключается в трояком. Во-первых, в предоставлении обвиняемой защитника. Во-вторых, в сообщении ему общего содержания пунктов обвинения, не открывая ему однако имен свидетелей. В-третьих, в выступлении такого адвоката в пользу обвиняемой. При этом он не должен возбуждать соблазна в вопросах веры и причинять вреда справедливости. Об этом скажем ниже. Прокуратору вручается копия всего обвинительного акта без указания имен свидетелей и денунциантов. Защитник может также действовать от имени прокуратора. Защитник назначается не по указанию обвиняемого. Пусть судья остерегается такого защитника. Ведь подобный адвокат может быть легко подкуплен, будет охоч к словопрениям и злонамерен. Пусть судья назначит защитником честного человека, относительно лойяльности которого не возникает никакого сомнения. Защитник должен отвечать следующим четырем требованиям: 1) Прежде всего адвокат должен познакомиться с делом. Ежели он находит, что дело обвиняемого право, то пусть он возьмется за него при желании с его стороны. Ежели он считает дело обвиняемого не правым и безнадежным, то пусть он от него откажется. Если же он, взяв с обвиняемого деньги и убедившись во время процесса в неправоте клиента, не посоветует ему отказаться от защиты, то он обязан вернуть ему

деньги, взятые за защиту. На этом возврате денег настаивает Гоффред, тогда как Гостиенсис придерживается противоположного мнения, за исключением того случая, когда адвокат показал свое полное усердие при ведении дела. Если, значит, негодный адвокат, зная безнадежность дела, склонит клиента предоставить ему защиту, то он становится ответственным за расходы и за потери.

2) Защитник должен, затем, обладать следующими двумя качествами: а) скромностью, чтобы не быть дерзким, бранчливым или многоречивым; б) любовью к истине, чтобы не заслужить упрека во лжи при представлении сведений доказательств или при ссылке на свидетелей или присяге, а также и при требовании отсрочек, и именно в процессе против еретиков, где предписывается действовать просто и избегать излишних формальностей. Сверх того, защитник за свое выступление обязан получить вознаграждение, обычное в данной стране.

Судья вручает указанные условия защитнику и увещевает в конце, чтобы этой защитой адвокат не навлек на себя обвинения в покровительстве еретикам. В противном случае ему грозит отлучение. Ответ адвоката, что он-де защищает не лжеучение, а лицо, неспособно предотвратить наказания. Ведь он ни в коем случае не имеет права защищать, не руководясь строжайшим образом сокращенным судебным порядком просто и без соблюдения излишних формальностей, как это предписано в каноне. В противном случае он будет требовать отсрочек и заявлять протесты, что недопустимо, как уже было указано в шестом вопросе. Хотя он при этом и не защищает лжеучения, однако, действуя не в соответствии с указанным судебным порядком, он становится еще более достойным проклятия, чем сами ведьмы.

Если он незакономерно станет защищать человека, обвиненного в ереси, он становится как бы князем ереси, как это явствует из XXIV, qu 3 qui illorum.

Этим защитник возбуждает против себя сильнейшее подозрение в покровительстве еретикам. Он обязан в таком случае перед епископом торжественно отречься от ереси, как это указано в часто цитированной главе „Accusatus".

Одиннадцатый вопрос о том, что должен делать защитник, если ему неизвестны имена свидетелей. Шестой акт судьи.

Что должен делать адвокат для своего клиента, когда ни тому ни другому не сообщены имена свидетелей, знать которые обвиняемый очень хочет? Пусть он получит сведение об отдельных пунктах обвинения от судьи, который однако обязан умолчать все имена свидетелей. С этими сведениями адвокат идет к обвиняемому и сообщает их ему. На просьбу указать имена свидетелей защитник предлагает обвиняемому узнать их из показаний и говорит приблизительно следующее: „Из показаний против тебя ты можешь догадаться об именах свидетелей, а именно: такой-то ребенок, такой-то домашний скот были околдованы, такому-то мужчине и такой-то женщине, не исполнивших такой-то твоей просьбы, ты ответила: „Ты почувствуешь, что было бы лучше исполнить мою просьбу". После этих слов такой-то и такая-то внезапно заболели. Твои поступки кричат, как свидетельства". Защитник может также сказать: „Ты знаешь, что о тебе идет дурная молва и что уж давно ты подозреваешься в наведении многих порч и вредительств". С помощью таких ответов защитник побуждает обвиняемую указывать на своих врагов и приписывать им наговор. Обвиняемая может также ответить: „Я признаю

что произнесла эти слова, но я не имела намерения вредить". Защитник сообщает судье и его помощникам о названных обвиняемой врагах, а судья обязан расследовать. Если эта вражда будет сочтена смертельной враждой, т. е. такой, где между супругами или родственниками были помыслы об убийстве или таковое было в действительности совершено, вследствие чего светская власть должна была расследовать это дело, или если она была такой враждой, которая привела к тяжким ранениям, как следствиям раздоров и перебранок, то пусть осторожный судья со своими помощниками рассмотрит, на чьей стороне вина больше, на стороне обвиняемого или денунцианта. Если вина больше на стороне свидетеля, если признаков преступления, как-то: околдованных детей, животных или взрослых не имеется, если к тому же отсутствуют порочащие показания других свидетелей, если сверх того об обвиняемой не идет худая молва, то тогда надо признать, что свидетель говорил из чувства мести. Обвиняемая подлежит полному оправданию и освобождению после предварительно взятого с нее обещания об отказе от мести.

Может случиться и так: Катерина видит, что ее ребенок околдован или она сама околдована, а то и на скот ее наведена порча. Она подозревает в совершении этого чародеяния ту женщину, муж или родственники которой в прежнее время несправедливо заставили пострадать от иска мужа или родственников Катерины. Значит, со стороны свидетельницы имеется двойная неприязнь. Во-первых, неприязнь за околдование, и во-вторых, за урон, понесенный ее родственниками на суде. Следует ли отвести такую свидетельницу? С одной стороны, кажется, что на этот вопрос надо ответить утвердительно, так как мы видим неприязнь. С другой же стороны, представляется возможным ответить отрицательно, ибо свидетельница приводит признаки преступления. Можно сделать следующее заключение: при отсутствии других свидетелей и опороченности обвиняемой такого свидетеля следует отвести. Но известная тень подозрения падет все же на обвиняемую, тем более, что имеется налицо болезнь, наведенная чарами и не происходящая по естественным причинам. Поэтому такая обвиняемая должна подвергнуться каноническому очищению.

Если свидетели утверждают наличие существенной опороченности обвиняемой, не имея возможности однако привести улик, то судья, при наличии простой вражды между свидетелем и обвиняемой, может счесть эти признаки достаточными для возбуждения против обвиняемой сильного подозрения. В силу этого обвиняемая, оставленная под стражей, присуждается к троякому наказанию, а именно: 1) к каноническому очищению, вследствие общественной опороченности (C. inter sollicitudines, Extra de purg. can.), 2) ко клятвенному отречению, вследствие подозрения (C. accusatus), 3) в зависимости от различных оснований к подозрению, к различным клятвенным отречениям. Если такая обвиняемая признается в своем преступлении и обнаружит раскаяние, она не передается светской власти для смертной казни, но присуждается духовным судьей к пожизненному заключению. Несмотря на это, она может в то же время быть приговоренной светским судьей к сожжению (C. ad abolendam, § praesenti, а также C. excommunicatus II, de haeretic).

В заключение надо еще сказать: 1) Прежде всего пусть судья не сразу поверит защитнику, когда он находит смертельную вражду кого-либо к обвиняемой. Ведь при таком преступлении редко кто дает показания, не питая вражды. К тому же ведьмы всеми и всегда ненавистны. 2) Пусть судья запомнит, что ведьму можно привести к

признанию четырьмя способами: а) с помощью свидетелей, б) очевидностью преступления, в) уликами, г) собственным признанием, происходящим или вследствие приводимой свидетелями опороченности или вследствие подозрения, вытекающего из наличия очевидности преступления, а также и из улик. Подозрение может быть трояким: легким, сильным и тяжким. Для возбуждения такого подозрения нет надобности в собственном признании. 3) Пусть судья применит вышесказанное к подлежащему разбору дела содержащейся под стражей обвиняемой и ответит адвокату на вопрос о смертельной вражде, установив прежде всего, заключена ли она лишь из-за утверждаемой свидетелями опороченности или и по другим более или менее значительным основаниям, возбуждающим против нее сильное или легкое подозрение. Лишь тогда он сможет дать адвокату ответ относительно названных обвиняемой недругов, можно ли отвести их как свидетелей. Относительно угроз, высказанных обвиняемой против свидетелей, адвокат может сказать, что, хотя после этих угроз имущество или личность свидетеля и пострадали, однако из этого не следует, что виной тому является ведьма. Ведь болезни имеют разные источники. К тому же всем женщинам свойственно употреблять угрозы в споре между собою. На эти доводы адвоката судья должен ответить следующим образом: болезни, действительно, могут возникать и по естественным причинам; однако если при наличии особых признаков и опыта можно установить, что болезь не могла быть излечена естественным путем, так как, по мнению врачей и знахарок, здесь имело место околдование, которое было снято с помощью устранения известных чародейских орудий, положенных ведьмой перед тем под кровать или вшитых в одежду околдованного, то судья может легко заключить о наведении чар ведьмой. Далее, если после угрозы, брошенной ведьмой, спалить амбар, он вскоре сгорает, то это возбуждает подозрение в том, что здесь виновата угрожавшая ведьма, хотя бы в действительности амбар и был сожжен другим лицом.

Двенадцатый вопрос о том, как надо еще глубже исследовать сущность смертельной вражды. Седьмой акт судьи.

Нами было уже раньше указано, что только смертельные враги отводятся, как свидетели. Обвиняемый и его адвокат часто подымают вопрос, кого считать смертельным врагом, кого не считать таковым. Поэтому не лишне разобрать этот вопрос подробнее. Судья сможет тогда лучше постигнуть сущность этой вражды и воспрепятствовать тому, чтобы были осуждены невиновные и оправданы виноватые. Хотя способы распознавания казуистичны и хитросплетены, однако судья может воспользоваться ими с успехом, чтобы служить делу веры и государству.

Первый способ таков: обвиняемому или его адвокату вручается копия обвинительного материала, направленного против этого обвиняемого. Имена свидетелей указаны там отдельно, но не в порядке приведенных пунктов обвинений. Так например, первый пункт обвинений основан на показаниях свидетеля, стоящего на шестом или седьмом месте списка свидетелей, а не на первом. Поэтому обвиняемый не знает, кто из свидетелей сказал то или иное. Тогда обвиняемому говорят: "Об'явишь ли ты всех свидетелей, как своих врагов?" Если он их всех об'являет своими врагами, то тем скорее он будет пойман на лжи, когда судья станет разбирать причину вражды. Если обвиняемый укажет на определенных лиц, как на своих врагов, то причина вражды может быть легче выявлена.

Второй способ—это вручение обвиняемому или его адвокату указанного списка обвинений и свидетелей, добавляя к нему из другого дела ряд сведений, не сообщенных этими свидетелями. Так, обвиняемый не сможет с уверенностью сказать, кто является его смертельным врагом. Ведь он не знает, что, собственно говоря, каждый из этих свидетелей показал на него.

Третий способ указан выше в пятой главе. Когда обвиняемый будет допрошен во второй раз, прежде нежели он потребует защиты, и адвокат будет ему предоставлен, ему ставится вопрос о том, полагает ли он, что у него имеются смертельные враги, которые не страшась божьего гнева, способны дать ложное свидетельство против него, обвиняя его в колдовской ереси. Не подготовленный к этому вопросу и не зная показаний свидетелей, обвиняемый, пожалуй, ответит, что он не полагает возможным существование подобных врагов. Может случиться, что обвиняемый и назовет таковых и причины неприязни, чтобы судья потом мог тем увереннее проверить данные, после того как копия обвинительного материала и имена свидетелей будут переданы отдельно друг от друга.

Четвертый способ заключается в том, что обвиняемый снова после второго допроса, прежде разрешения ему защиты, спрашивается о свидетелях следующим образом: „Знаешь ли такого-то и такого-то?" При этом называется один из свидетелей, который дал весьма отягощающие показания. Если обвиняемая скажет „нет", то позже, когда ей предоставят защиту, она уж не сможет утверждать противного, раз ею он клятвенно не был признан смертельным врагом. Если же она ответит утвердительно, то она спрашивается вновь, знает ли она или слыхала ли она, не говорил ли этот смертельный враг чего-нибудь против веры, как это свойственно ведьмам. При ее утвердительном ответе ей повторно ставится вопрос, друг ли он ей или враг. Она тотчас же ответит: „Да, друг". Это она скажет для того, чтобы не остановились на его показании. Потом же, во время полного разбирательства, она уже не станет называть его смертельным врагом, т. к. она раньше клятвенно назвала его другом.

Пятый способ: обвиняемому или адвокату вручается копия обвинительного материала без указания имен свидетелей. При чтении акта обвиняемому адвокат делает предположения, кто может быть тот, который сказал о нем то-то и то-то. Часто имя такого лица приходит на память обвиняемому. Если он указывает на того или иного, как на своего смертельного врага, и хочет доказать с помощью свидетелей правильность этого утверждения, то пусть судья (узнав о таковом заявлении обвиняемого через адвоката) сравнит, правильно ли утверждение обвиняемого, и разберет причины этой вражды, созывая для этого тайно совет сведущих старых людей. Установив наличие смертельной вражды, судья обязан отвести подобных свидетелей. Ежели против обвиняемого не имеется других улик, то он освобождается. Этот пятый способ очень распространен: в действительности из копии обвинительного акта ведьмы вычитывают легко тех мужчин и женщин, которые показывали против них. И так как в таком деле редко находится смертельная вражда, исключая той, которая вытекает из их злобных поступков, то судья без затруднения может пользоваться указанными способами. Надо заметить к тому же, что свидетели часто желают лично видеть обвиняемых ведьм и бросить им в лицо обвинение во всем том, что они претерпели от околдования.

Есть еще другой, последний, способ выявить смертельную вражду. К этому способу судья может прибегнуть в том случае, если вы-

шеуказанные способы, может случиться, некоторыми сочтутся за хитросплетение, а в особенности четыре первые. Для полного удовлетворения и успокоения сомневающихся душ и для того, чтобы судье не делалось упрека, пусть этот последний обратит внимание на следующее: после того, как он одним из вышеописанных способов расследовал, что между обвиняемым и свидетелем отсутствует смертельная вражда, пусть он прибегнет к проверке. Для этого он даст обвиняемому или его адвокату копию процесса, не присоединяя к ней списка имен свидетелей, созовет совет сведущих людей и прочтет им весь обвинительный материал без всяких сокращений, указывая все имена свидетелей и взяв с них клятву хранить все в тайне. После этого судья об'яснит им, почему он не согласен считать ту или иную вражду за смертельную вражду. Допустимо, чтобы указанный совет окончательно решил, кого из свидетелей следует считать смертельным врагом. Возможно предоставить это решение другим сведущим людям, хорошо знающим отношения между обвиняемыми свидетелями и не входящим в совет. При этом им сообщаются лишь имена обвиняемых и свидетелей, а пункты обвинения умалчиваются. Решение этих выборных надо считать окончательным.

Тринадцатый вопрос о том, что надлежит помнить судье в застенке до допроса обвиняемого. Девятый акт судьи.

По закону никто не может быть присужден к смертной казни, если он сам не сознался в преступлении, хотя бы улики и свидетели и доказывали его еретическую извращенность. О таких обвиняемых идет здесь речь. Чтобы добиться признания, такая ведьма подвергается пыткам. Чтобы быть более ясными, приведем соответствующий случай, происшедший в Шпейере и дошедший до слуха многих. Однажды некий уважаемый горожанин прошел мимо одной торговки, не купив того предмета, который она хотела ему продать. Раздосадованная этим, она крикнула ему вслед: „Вскоре ты пожелаешь купить этот предмет, но будет поздно". Такие угрозы часто употребляются ведьмами, когда они хотят навести порчу с помощью слов. Задетый этой угрозой горожанин обернулся, чтобы посмотреть на торговку и узнать, с каким намерением она произнесла это. И тотчас на него нашла порча: его лицо ужасно скривилось до ушей. Долгое время он не мог привести его в обычное положение.

Этот случай в глазах судьи—прямая улика, которая позволяет считать указанную торговку пойманной с поличным при околдовании. Как было указано выше, три фактора, и каждый самостоятельно, доказывают вину: улики, показания свидетелей и личное признание. Но для смертного приговора необходимо личное признание. Как же должен судья действовать, чтобы сломить упорное запирательство ведьм?

Прежде всего надо сказать, что ему не следует торопиться с применением пыток, а обратить внимание на некоторые признаки, о которых сейчас и скажем. Не все ведьмы одинаково невосприимчивы к пыткам. Одни из ведьм настолько к ним невосприимчивы, что они скорее вытерпят постепенное разрывание тела на части, чем признаются в правде. Но есть и такие, которые очень скоро во всем сознаются. Это происходит из-за их различных отношений к бесам. Ведь имеются ведьмы, которые в течение ряда лет—шести, восьми или десяти лет—служат чорту, не преклоняясь пред ним, не отдаваясь ему ни телом, ни душой. Другие же ведьмы с самого начала отвращаются от веры и предаются ему, как указано. Почему чорт дает время ис-

пытания ведьмам? Это зависит от того, что он хочет убедиться, отвращается ли она от веры только на языке или также и сердцем, и не является ли ее желание поклонения ему только кажущимся, внешним. Ведь чорт может постигнуть движения сердца только по внешним проявлениям его. Бывают такие женщины, которые стали ведьмами вследствие нужды и лишений, сманенные другими ведьмами, и потерявшие частью или полностью веру. Таких, еще не полностью испытанных, ведьм, чорт оставляет во время суда без поддержки. Поэтому они легко признаются. Другие, преданные ему и устами и сердцем, защищаются им по мере сил. Он дает им упорство ни в чем не сознаваться. Есть еще одна разница. Мы видим, что многие ведьмы, после признания в своих преступлениях, намереваются лишить себя жизни через повешение. На это их толкает враг рода человеческого, чтобы ведьмы с помощью исповеди не получили прощения от бога. Главным образом бес побуждает к самоубийству тех, которые не предались ему добровольно. Таким образом можно определить, какую ведьму чорт оставил без поддержки.

Мы заканчиваем. При пытках ведьм для познания правды приходится прилагать столь же большое или даже еще большее усердие, как при изгнании бесов из одержимого. Пусть судья не спешит с пытками. Ему надлежит прибегать к ним лишь тогда, когда дело идет о преступлении, за которое полагается смертная казнь.

Четырнадцатый вопрос о том, как обвиняемая приговаривается к пыткам, как она пытается в первый день, и можно ли ей обещать сохранение жизни. Десятый акт.

Когда судья решается прибегнуть к пытке обвиняемой, он составляет следующий приговор: „Мы, судья и заседатели, принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, такого-то, из такого-то города, такой-то епархии, пришли к заключению, после тщательного исследования всех пунктов, что ты в своих показаниях сбивчив, ибо ты говоришь, что произнес такую-то угрозу, но не имел намерения поступать согласно ей. Имеются к тому же различные улики. Их достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому мы об'являем и постановляем, что ты должен быть пытаем сегодня-же, в такие-то часы. Приговор произнесен“ и т. д.

Но это не обозначает, что судья решил тотчас же прибегнуть к пытками. Он лишь переводит обвиняемую с положения лица, содержащегося в предварительном заключении, на положение лица, находящегося в тюрьме для наказания. За сим судья призывает друзей обвиняемой и сообщает им, что она избегнет наказания и смерти, если признается в правде. Частые размышления, тяжкие условия заключения и увещевания рассказать правду делают ее склонной к признаниям. Нам случалось видеть, что ведьмы вследствие разумных увещеваний, доходили до того, что плевали (против чорта) на пол и восклицали: „Убирайся прочь, проклятый чорт! Я сделаю то, что справедливо“. И признавались в своих преступлениях.

Если судья безуспешно ждал некоторое время признаний обвиняемой, которая была неоднократно увещеваема, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает запираться в правде, приступает к умеренным пыткам, не прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пыткою обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата. Пред началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надеж-

ными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в одеяния какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса, когда они пользуются членами тела некрещеного мальчика. Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Спрашивается, может ли судья обещать жизнь человеку, о котором ходит дурная молва и который имеет против себя как показания свидетелей, так и улики, но который еще не сознался в своих злодеяниях. Мнения ученых здесь различны. Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых и приговорена к пожизненному заключению на хлебе и на воде, если только она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу. Но только не надо сообщать ей как она будет содержаться в тюрьме. Ее надо лишь уверить, что жизнь будет ей сохранена и что на нее будет наложено некоторое наказание. Другие ученые полагают, что это обещание надо держать лишь некоторое время, а потом ведьму все же следует сжечь. Некоторые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, но смертный приговор обязан вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни.

Первое решение наиболее полезно ввиду использования ведьм для снятия порчи. Но не может быть разрешено изгонять чары чарами же. Однако не препятствуется предотвращать или устранять околдования суетными или суевéрными средствами. Опыт, практика и многообразные занятия дают судьям столько знаний, что они могут вернее решать, что дозволено и что нет. Во всяком случае не подлежит сомнению, что многие ведьмы признавались бы в правде, если бы они из-за боязни смерти не упорствовали.

Если ведьмы, несмотря на угрозы и на обещания дарования жизни, продолжают упорствовать, то пусть палачи исполнят приговор о пытках по обычному способу, не прибегая ни к новым, ни к утонченным приемам. Ведьмы подвергаются более легким или более мучительным пыткам, смотря по тяжести преступления. Во время пыток им задаются вопросы касательно тех проступков, за которые их пытают. Вначале задаются вопросы, затрагивающие более мелкие проступки. Ведь ведьмы скорее сознаются в них, чем в тяжких преступлениях. Допрос во время пыток записывается нотариусом. Прими к сведению, что коль скоро ведьма созналась, она переводится в другое помещение с тем, чтобы судья мог снять с нее показания, заключающие ее признание. Если умеренно пытаемый продолжает запираться, то перед ним раскладываются иные орудия пытки, и он предупреждается, что они будут над ним испробованы, если он не скажет правды. Если он и после этого упорствует, то в его присутствии читается приговор о продолжении допроса под пыткой на второй или на третий день. Здесь может итти речь только о продолжении пытки, а не о повторении ее, так как пытка не может быть повторяема, если не имеется налицо новых улик. Приговор о продолжении допроса под пыткой гласит: „Мы, вышеуказанные судья“ и т. д. „назначаем для тебя, такого-то, на такой-то день, продолжение допроса под пыткой, чтобы правда была произнесена из твоих собствен-

ных уст". Весь ход такого допроса записывается нотариусом в протокол. Пусть судья и другие до начала продолжения пыток стараются убедить обвиняемого в необходимости сказать правду. Судье следует также позаботиться о том, чтобы заключенный все время между пытками был под наблюдением стражи. Ведь чорт посетит его и будет его искушать наложить на себя руки, или потому, что он не желает ему больше помогать, или потому, что бог принуждает покинуть его. Это чорт может знать лучше, чем это возможно нам почерпнуть из книг.

Пятнадцатый вопрос о том, как продолжается пытка, о признаках, по которым судья узнает ведьму, как должен он защищать себя от околдования и как они остригаются и где они прячут свои орудия околдования. К сему добавляются разные об'яснения о том, как надлежит сломить их запирательство. Одиннадцатый акт судьи.

Как не все болезни лечатся одним и тем же лекарством, а для каждой имеются определенные лекарства, так и не ко всем еретикам и не ко всем подозреваемым в еретичестве надо подходить одинаково при постановке вопросов, при инквизиции против них и при допросах. В зависимости от секты и личности обвиняемого видоизменяется и форма расследования. Судья, как умный врач, стремящийся отсекать дряхлые и больные члены и отделять паршивых овец от здоровых, должен наперед знать, что обвиняемая зачастую обладает колдовским искусством упорно замалчивать правду при допросах. Сломить это упорство не представляется возможным одним каким-либо средством. Указать одно какое-либо средство было бы неправильно и потому, что сыны тьмы, видя постоянное применение этого средства, стали бы легче избегать его поражающих свойств и нашли бы ему противодействие. Пусть умный и ревностный судья видоизменяет форму допроса в соответствии с ответами и уверениями свидетелей, с личным опытом или с личным разумением. При этом он должен принимать во внимание различные признаки, по которым возможно определять ведьм.

Так, если судья хочет узнать, дано ли ведьме колдовское упорство в сокрытии правды, пусть исследует, может ли она плакать, когда находится на допросе или на пытке. По мнению сведущих людей и на основании личного опыта, это отсутствие слез указывает самым определенным образом на вышеназванный колдовской дар. Ведьма, несмотря ни на какие увещевания, не может проливать слез. Она будет издавать плаксивые звуки и постарается обмазать щеки и глаза слюной, чтобы представиться плачущей. Окружающие должны внимательно наблюдать за ней. Но, чтобы добиться ее действительных слез, если она невиновна, судья или пресвитер должен возложить на нее руку и произнести: „Я заклинаю тебя горчайшими слезами, пролитыми нашим спасителем и господом Иисусом христом на кресте для спасения мира. Я заклинаю тебя самыми горячими слезами преславной девы, его матери, пролитыми ею над его ранами в вечерний час, а также и всеми слезами, пролитыми здесь, на земле, всеми святыми и избранниками божьими, глаза которых бог отер теперь от каждой слезы для того, чтобы ты, поскольку ты невиновна, пролила бы слезы. Если же ты виновна, то слез не лей. Во имя отца и сына и святого духа Аминь".

Опыт показал, что чем больше их заклинали, тем меньше они могли плакать, хотя они старательно побуждали себя к плачу и увлажняли щеки слюной. Однако возможно, что они после, в отсут-

ствие судьи и находясь вне застенка, плачут в присутствии стражи. Что им мешает плакать? Так как благодать проливания слез у кающихся принадлежит к важным дарам бога (как это утверждается Бернардом, говорящим, что смиренная слеза возносится к небу и побеждает непобедимого), то не может быть сомнения в том, что она весьма противна врагу спасения. Поэтому-то никто не может сомневаться в том, что нечистый ревностно хочет помешать пролитию слез, чтобы в конце концов готовность к раскаянию не имела места.

Свойство женщин — это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет. Судьбы господа неисповедимы. Плачущая обвиняемая доказала бы своими слезами свою невиновность, если нет обличающих показаний свидетелей и улик, могущих возбудить против нее сильное или тяжкое подозрение. От легкого подозрения против нее, возникшего вследствие идущей о ней худой молвы, она всегда может очиститься клятвенным отречением от ереси.

Судье и заседателям надо обратить внимание и на то, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья рук. Для предохранения себя им во всяком случае надлежит носить у себя на шее: соль, освященную в вербное воскресенье, и освященные же травы, а также воск. Ведь ведьма способна навести порчу не только прикосновением, но и дурным глазом и словом. Во время допроса под пытками они особенно способны к околдованию, как это видно из практики. Нам известны случаи, когда ведьмы, взглянув первыми на судью и его заседателей, приводили их в такое состояние, что сердца их теряли свою суровость по отношению к обвиняемым и последние вследствие того бывали выпускаемы на свободу. О, если бы ведьмы не обладали такой способностью!

Итак, когда обвиняемая вводится в камеру суда, нельзя позволить ей войти лицом вперед. Ее следует вводить лицом назад, спиной к судьям. При допросе защищай себя крестным знамением и нападай на нее мужественно. Так будут сокрушены силы старого змея с божьей помощью. Пускай никто не сочтет за суеверие то, что ведьма вводится в камеру суда задом наперед. Ведь канонисты (как мы уже указывали) признают допустимым противодействовать суетности суетными же средствами.

Предохраняет от распространения околдования и сбривание волос со всех частей тела ведьмы. Это производится на том же основании, на каком осматриваются и обыскиваются одежды ведьм. Случается, что ведьмы, для достижения упорного запирательства при пытках, носят спрятанными, не только в одеяниях, но и волосах тела, разные суеверные амулеты. Они носят эти амулеты и на таких местах своего тела, которые мы не решаемся назвать из чувства скромности. Конечно демон может укрепить упорство ведьмы при допросах и без помощи амулетов. Но он пользуется этими суеверными вещами для того, чтобы погубить душу и чтобы оскорбить божье величие. Вот пример: некая ведьма в Гагенау для укрепления силы запирательства прибегла к следующему средству. Она убила некрещеного первородного ребенка мужского пола, сожгла его в печке вместе с другими вещами, называть которые не подобает, и превратила все в золу. Ведьма или преступник, носивший при себе некоторое количество такой золы, ни в коем случае не мог признаться в своих преступлениях. Ясно, что, если бы даже было убито сто ты-

сяч мальчиков, то и это не породило бы указанных колдовских свойств. Чорт же пользуется этим средством для погибели душ и для оскорбления божьего величия.

Способность упорного запирательства, как сказано, свойственна не только ведьмам, но и простым преступникам. Эта способность имеет троякое происхождение: 1) Она лежит в прирожденной силе характера. Ведь слабовольные скоро падают духом и при пытке согласны во всем сознаться, даже и в ложно взводимых на самих себя преступлениях. Другие же имеют столь твердую волю, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не сознаются. Особенно стойкими оказываются те, которые уже не в первый раз допрашиваются под пытками. Суставы их рук входят после пытки на свои старые места столь же скоро, как и выворачиваются при начале пытки. 2) Эта способность зависит также от употребления вышеуказанных амулетов, носимых или зашитыми в одежде или скрываемыми в волосах на теле. 3) Случается, что это упорство зависит от околдования заключенных ведьм другими ведьмами, находящимися на свободе. Так, некая ведьма в Инсбруке неоднократно хвасталась тем, что если бы она имела лишь одну нитку из одежды заключенного, то она достигла бы того, что он, несмотря ни на какие пытки, не сознался бы.

Но как согласовать с этим случаем то, что произошло в епархии Регенсбурга, когда некие еретики, сознавшиеся в своих колдовских преступлениях и брошенные в огонь, не сгорели, а брошенные затем в воду, не потонули? Видя это, духовенство назначило трехдневный пост для всей своей паствы. Вслед затем было узнано, что указанные еретики потому не могли быть умерщвлены, что у них подмышкой, между кожей и мясом, были вшиты амулеты. Когда же эти последние были найдены и уничтожены, то огонь тотчас сжег еретиков. Говорят, что некий некромант узнал о месте сокрытия этих амулетов у демона. Вероятно демон принужден был открыть тайну под влиянием божьей силы. Вообще же он всегда работает во вред вере. Ежели в практике какого-либо судьи произойдет подобный случай, то пусть он знает, что ему нужно делать: он должен прибегнуть к божьей помощи, чтобы силою постов и молитвы набожных людей демоны были прогнаны от ведьм, если ни переменой одежды, ни бритьем волос нельзя достигнуть признания ведьм даже при пытке. Подобное сбривание, и именно в половой области, считается в немецких странах неподобающим. Поэтому мы, инквизиторы, к этому средству и не прибегаем. Мы пользовались, для того чтобы сломить запирательство ведьм, другим способом. Сбривая волосы с головы ведьм, мы вливали одну каплю освященного воску в бокал с освященной водой и давали им пить три дня подряд натощак, призывая при этом пресвятую троицу. В других странах инквизиторы предписывают сбривание волос по всему телу. Так, инквизитор из Комо сообщил нам в прошлом году (1485), что он сжег сорок одну ведьму, предварительно сбрив все волосы на их теле.

На вопрос о том, можно ли прибегать к содействию ведьм для уничтожения околдований, насланных другими ведьмами, когда не представляется никаких других возможностей побороть чары, надо ответить: как бы ни обстояло дело с открытием амулетов еретиков с помощью некроманта, однако мы увещеваем во имя господа не призывать на помощь ведьм. Ведь иначе оскорбляется божье величие. А других разрешенных способов борьбы против околдований

очень много. Среди них укажем на следующие: во-первых, околдованный человек должен быть прилежен, трудолюбив и должен искать в первую очередь божьей помощи; во-вторых, пусть он обратится за советом к сведущим людям, которые вероятно укажут ему на такое действительное средство, о каком он и не думал; в-третьих, надо искать помощи и опоры у набожных людей.

Шестнадцатый вопрос о времени и о втором способе допроса. Двенадцатый акт судьи. О последних мерах предосторожности, которым должен следовать судья.

К вышесказанному надо прибавить, что допрос ведьм лучше всего производить во дни больших праздников, — в то время, когда в церкви происходит богослужение. Надо предложить молящимся просить о ниспослании божьей помощи. Далее надо надеть на шею ведьме те освященные вещи, которые были нами указаны выше, а также и написанные на бумаге семь слов, произнесенных христом на кресте. Опыт показал, что эти вещи весьма мешают ведьме действовать.

1) Ей дается затем питье натощак, о котором сказано выше. Не прекращая увещеваний, ведьму подымают тогда на дыбах с земли, а затем, пока продолжается пытка, ей читаются показания свидетелей с указанием их имен. При этом судья прибавляет: „Вот видишь, твои преступления доказываются свидетелями". То же говорит он при очной ставке обвиняемой со свидетелями. Если она продолжает запираться, то пусть судья предложит ей доказать свою невиновность судом божьим чрез раскаленное железо. Все ведьмы согласны на это испытание, так как они знают, что дьявол предохранит их от ожога. Вследствии этого однако подобное испытание им не разрешается. Если ведьма продолжает упорствовать, то ее следует освободить от пут и поместить в другую камеру заключения, но ни под каким видом не отпускать на поруки, так как она от этого станет еще хуже и ничего не откроет. Заключенную надо хорошо кормить. Надо допускать к ней мужчин, достойных уважения, для того, чтобы они увещевали ее сказать правду. Пусть придет к ней и сам судья и пообещает ей милость. Если обвиняемая наконец призналась, то пусть ей пообещают, что она получит больше, чем просит. Это делается для того, чтобы она стала более доверчивой. Это первый прием.

2) Если обвиняемая продолжает упорствовать, то пусть судья допросит ее подруг, но так, чтобы она об этом не знала, а затем, узнав от них что-либо отягчающее, пусть сообщит об этом ей. Следует показать ей также те мази и банки, которые были найдены при обыске в ее доме, и спросить ее, для чего она этим всем пользовалась.

3) При продолжающемся запирательстве судья подсылает ей в камеру достойного уважения мужчину, к которому она питает доверие. Этот мужчина заводит разговор о том, что может обличить ведьму. А в это время особые свидетели слушают за дверями и запоминают сказанное в камере.

4) Когда ведьма начинает признаваться, то судья ни в коем случае не должен прерывать ее показания. Если даже она стала признаваться ночью, то он должен продолжать снятие допроса. Если это случилось днем, то пусть он не заботится о том, что придется позднее позавтракать или пообедать. Надо ее в один прием дослушать до конца, хотя бы и в общих чертах. Иначе она вернется к запирательству и не откроет правды.

5) Если никакие меры побудить ведьму к признанию не помогают, то можно прибегнуть к следующему: обвиняемую переводят в цитадель. Через несколько дней кастелян делает вид, что уезжает. В это время к обвиняемой впускаются доверенные от инквизиции мужчины или женщины, близко стоящие к ведьме. Эти посетители обещают добиться ее полного освобождения, если только она обучит их тому или иному колдовству. Многие обвиняемые, согласившись на это, были тут же обличены и принуждены были признаться в своих чародеяниях. Еще совсем недавно, в страсбургской епархии, недалеко от города Шлеттштадта, в замке Кенигсгейме содержалась некая ведьма, которую никакими пытками не могли принудить сделать признание. Наконец во время кажущегося отсутствия кастеляна к ведьме были впущены трое знакомых, которые пообещали ей добиться ее полного освобождения взамен обучения их некоторым колдовским приемам. Вначале она не согласилась на это и упрекнула их в том, что они хотят ее опутать. Потом она все же выразила свое согласие и спросила, чему же они хотят научиться. Один из друзей пожелал научиться вызывать градобитие, а другой—научиться покорять женщин. Чтобы научить градобитию, ведьма стала мешать пальцем воду, принесенную в миске, и произносить какие-то слова. Вскоре после этого над близлежащим лесом разразилась такая буря с градом, какой не было видно уже много лет.

Следует третья часть сей последней части: как этот религиозный процесс достойным образом заканчивается заключительным приговором.

После того как, благодаря господу, мы окончили те части книги, где разбираются особенности колдовской ереси и описывается, как надо начать и вести процесс веры, нам остается еще рассмотреть, как заканчивается такой процесс. Прежде всего надо заметить, что колдовская ересь, как это и было указано в свое время, отличается от других простых ересей тем, что в ней сливаются и духовное и светское преступление. Когда мы коснемся видов заключительного приговора, то мы укажем на ту его часть, против которой ведьмы обычно апеллируют и которая исходит от светского судьи. Затем мы разберем ту часть приговора, которая исходит как от духовного, так и светского судьи. В-третьих, скажем о том, как духовный судья отчитывается в своей деятельности при кассации.

Семнадцатый вопрос о том, как происходит обычное духовное очищение, в особенности об испытании раскаленным железом, к чему апеллируют ведьмы

Надо ли ограничиться обычным каноническим очищением для ведьмы, как это предписывается каноническим правом (смотри: II, qu. 4 consuluisti; c. monomachiam), или прибегнуть к божьему суду, выражающемуся в испытании раскаленным железом, если ведьма того захочет? Кажется, что последнее можно допустить. Ведь как по уголовному или гражданскому делу может быть предписано единоборство, так может быть применен там и божий суд в виде испытания, прикосновением к раскаленному железу или в виде испытания, заключающегося в питье кипятка. Единоборство допускается святым Фомой (II, 95). Он утверждает, что единоборство может быть разрешено тогда, когда оно приближается к общему характеру прорицаний. Значит, до известной степени испытание прикосновением к раскаленному железу может считаться допустимым.

К этому испытанию прибегали многие благочестивые владыки, желавшие узнать этим способом правду. Так поступил например набожный император Генрих, применив это испытание к своей супруге, девственнице Кунигунде, которую он подозревал в прелюбодеянии. Так поступает и судья, заботящийся об общем благе и прибегающий к меньшему злу, чтобы избежать большего зла. Такой судья терпит блудниц в городе, чтобы неудовлетворенная похоть не привела все в смятение. Ведь Августин сказал: „Устрани блудниц, и ты приведешь чрез похоть все в смятение". Если испытание раскаленным железом может успокоить общество и защитить обвиняемого от несправедливых нападок, то нельзя возражать против применения этого испытания.

К тому же ранение рук через прикосновение к раскаленному железу представляет из себя меньшее зло, чем уничтожение жизни при единоборстве. Где допускается единоборство, там тем паче должно допускаться испытание раскаленным железом.

Против этих умозаключений говорится в каноническом праве (II qu. 5, monomach.) следующее: „Те, которые гонятся за подобным (испытанием), кажутся искушающими бога". Ученые к этому прибавляют, что, следуя указанию Апостола (1 Посл. к Фессал. 5), надо воздерживаться не только от зла, но и от всего того, что кажется злым. Посему в указанном месте канона не говорится: „Все же, которые гонятся за подобным, искушают бога", но утверждается: „Они кажутся искушающими бога". Так говорится с целью, чтобы было понятно, что тот, кто пользуется этим средством, преследует, пожалуй, и правильную цель. Но этого средства надо остерегаться, потому что оно кажется плохим.

Я отвечаю: Недозволительность испытания раскаленным железом явствует из двух оснований: во первых, это испытание употребляется для распознавания скрытых вещей, раскрыть которые может только бог. Во-вторых, о подобном испытании не говорится ни в божественном писании, ни в писаниях святых отцов. Посему в каноне (C. consuluist i, II qu, 5) утверждается: „То, что не основано на писаниях святых отцов, должно почитаться суеверным измышлением". А папа Стефан говорит: „На основании добровольного признания или на основании доказательств чрез посредство свидетелей нашему трибуналу дано право судить о преступлениях. Судить же скрытое и неизвестное надо предоставить тому, кто один знает сердца людей".

Между единоборством и испытанием раскаленным железом есть разница. Единоборство скорее приближается к общему характеру прорицаний. Ведь кулачные бойцы совершенно равны по силе и по искусству. А при испытании раскаленным железом мы этого равенства не видим. Хотя оба способа и употребляются для исследования скрытых деяний людей, однако при испытании раскаленным железом ожидается некоторый чудесный успех, чего нельзя сказать об единоборстве, при котором наступает смерть или одного из борющихся или обоих. Лишь иногда испытание железом может быть разрешаемо наравне с единоборством, а именно, по желанию владык или светских судей.

Заметь, что, говоря о словах святого Фомы, проводящего это различие, Николай из Лиры в своей библейской постилле (I Цар., 17), при разборе единоборства между Давидом и Филистимлянином, указывает на то что при указанном условии единоборство может быть дозволено. Но Павел Бордосский оспаривает это мнение Николая и говорит, что это не соответствует учению святого Фомы

и даже ему противоречит. Пусть владыка и светские судьи примут это к сведению. Павел Бордосский утверждает, что единоборство и иные испытания назначаются для раскрытия скрытых вещей, что однако должно быть предоставлено божьему провидению. Нельзя утверждать, что единоборство установлено богом со времен схватки Давида с Голиафом. Ведь Давиду бог особым внутренним чувством об"явил о том, что он должен сразиться с Голиафом и отомстить за оскорбление, нанесенное богу филистимлянами, как это явствует из слов Давида: „Я гряду на тебя во имя бога живого". Таким образом Давид был, собственно говоря, не дуэлянтом, но исполнителем божьего приговора.

Во-вторых, судьи должны обратить внимание на то, что при единоборстве обоим противникам предоставлена возможность убить друг друга. Так как один из них невиновен, то таким образом предоставляется возможность убить невиновного. Это во всяком случае недопустимо, так как идет в разрез с божьей заповедью и с естественным законом. Все участники: дуэлянты, судьи, советчики должны быть рассматриваемы как убийцы.

В третьих, надо указать на то, что так как единоборство— это схватка двух, при которой победой одного из них устанавливается правда одного и неправда другого, то не исключена при этом возможность божьего искушения. Поэтому единоборство как со стороны вызвавшего, так и со стороны принявшего вызов превращается в нечто недозволенное. Судьи могут другими приемами их притти к справедливому приговору. Советуя же приступить к единоборству, они тем самым как бы соглашаются на убийство невиновного.

К предмету нашего исследования не относится долгий разбор подобных вещей. Вернемся к вопросу касательно ведьм и скажем: если при судебных спорах о воровстве или грабеже не считается дозволенным прибегать к подобным испытаниям, то при суде над ведьмами это тем более недопустимо. Ведь не подлежит сомнению, что ведьмы производят все околдования с помощью бесов, как при нанесении, так и при врачевании ран, а также и при их предотвращении. Нет ничего удивительного в том, что ведьмы с помощью бесов могут быть защищены от ранений при испытаниях раскаленным железом. К тому же, как это утверждается естествоведами, сок известной травы, втертый в руки, предохраняет от ожогов. Демону не открыты свойства трав. Он может защитить от ожогов как соком подобных целительных трав, так и помещением какого-либо предмета между раскаленным железом и рукою несущего его человека. Поэтому-то ведьмы, меньше чем кто-либо другой, могут считаться очищенными, если они вынесут испытание раскаленным железом. Более того! Тот факт, что обвиняемые требуют подобного испытания, дает право подозревать их в том, что они — ведьмы. Приведем пример. В Констанцской епархии, года три тому назад, на территории графов Фюрстенберг проживала некая ведьма, о которой ходила очень худая слава. По требованию очень многих жителей она была схвачена служителями графа. Свидетельские показания приводили очень много улик против нее. Когда ее стали пытать, она потребовала испытания раскаленным железом, чтобы очиститься от подозрения. Молодой граф, неопытный в подобных делах, разрешил прибегнуть к этому испытанию. Ей назначили пронести железо три шага. Она же пронесла его шесть шагов и предложила пронести его еще дальше. Ничто не препятствовало видеть в этом улику. Ведь никто из святых столь не искушал божьей помощи. Несмотря на

это она была освобождена от оков. Она до сего дня живет спокойно, где и раньше, вводя этим в соблазн верующих.

Восемнадцатый вопрос о том, как произносится окончательный приговор, и что он из себя представляет

В нижеследующем мы будем говорить о таком приговоре, который может произноситься светским судьей и от участия в произнесении которого освобождается, при желании, духовный судья, будь то епископ или инквизитор, а также и их заместители. Ведь вследствие того, что колдовская ересь ведьм не представляет из себя чисто религиозного преступления, светской власти не может быть возбранено разбирать эти дела и произносить приговор (смотри с. ut inquisitionis, § prohibemus, de haeret, lib VI).

Относительно окончательного приговора надо сказать следующее: по мнению Августина, приговор не может быть произнесен над тем, кто не сознался в содеянном преступлении. Сознание же может быть двояким: добровольным или под давлением доказательств. Приговор троякий: временный, окончательный и предписанный (смотри Суммарную Глассу в начале первого вопроса). По об'яснению Раймунда, промежуточным приговором называется такой, который относится не к главным пунктам обвинения, но к побочным пунктам, выявившимся в течение процесса, как отвод свидетеля, признание или отвержение отсрочки и т. п. Окончательным приговором называется такой, который заключает главные пункты обвинения, а предписанный—такой, в котором старший по должности дает предписание младшему, как надлежит действовать против осужденного.

Приговор, составленный неправильно, считается не действительным (смотри II, du 6, i dnando, § diffinitiva). Приговор произносится судьей в подобающем обстоятельствам месте, днем, а не ночью (смотри III du, 3 induciae, § spacium). Приговор, произнесенный устно, без предварительного составления его в письменной форме, столь же действителен, как и прочитанный с рукописи. Ежели судьей является епископ, то он может поручить прочтение приговора своему заместителю, по примеру знаменитых мужей. Исполнение приговора в процессах по колдовской ереси может быть отсрочено в двух случаях: во-первых, если осужденная беременна, отсрочка длится до ее разрешения от бремени; во-вторых, если осужденная призналась в преступлении, а потом снова начала отрицать вину.

Девятнадцатый вопрос о том, какие бывают виды подозрений, позволяющих произнести приговор

Касательно ереси ведьм в законе перечисляется три вида подозрения в совершении преступления. Первый вид—это легкое подозрение. Второй вид—это сильное подозрение. Третий вид—это сильнейшее подозрение. Первый вид подозрения возникает из общих предположений о виновности и из легких улик. Такое подозрение возбуждают те, которые являются на секретные религиозные собрания и в своем поведении и в обычаях отличаются от принятых верующими преданий (смотри с. Excommunicamus I, extra de haeret).

Второй вид подозрения возникает в том случае, если кто-либо, зная того или иного за еретика его укрывает, присоединяется к нему, посещает его, делает ему подарки, защищает его и т. п. Такое подозрение возбуждают против себя и те женщины и мужчины, которые стремятся возбудить необычную любовь или ненависть, не на-

нося однако иного вреда людям или скоту (смотри c. accusatus, § illo vera).

Третий вид подозрения—это сильнейшее подозрение, основывающееся на столь убедительных уликах и показаниях свидетелей, что судья видит себя принужденным предполагать полную виновность подсудимого. Такое подозрение падает на мужчин и женщин, которые исполняют то, что относится к колдовскому ритуалу, и произносят слова и угрозы, свойственные ведьмам и сопровождаемые порчей угрожаемого лица и т. п.

Не подлежит сомнению, что с божьего попущения чорт может навести порчу на людей и на скот, не прибегая к посредничеству ведьм. Но так как божье попущение бывает большим, когда посвященное богу создание, отвергая веру, принимает участие в совершении ужасных колдовских преступлений, то поэтому чорт и любит действовать именно таким образом при чародеяниях. Можно также сказать, что чорт, если бы он мог совершать подобное и без ведьмы, по многим вышеразобранным соображениям имеет непреодолимое влечение действовать чрез ведьму. На обвиняемую, возбуждающую легкое подозрение, возлагается каноническое очищение или же клятвенное отречение от ереси (смотри c. Excommunicamus I и c. accusatus).

Также и те, которые возбуждают сильное подозрение в колдовской ереси, не должны быть считаемы за еретиков и осуждаемы как таковые (смотри Extra de praesumptione, c. litteris, § quocirca). Каноническим очищением и клятвенным отречением от ереси они могут снять с себя это подозрение. Ежели такой подозреваемый откажется отречься от ереси, то его отлучают от церкви. По прошествии года такой отлученный считается за явного еретика.

Возбуждающий сильнейшее подозрение в еретичестве подлежит осуждению как еретик (смотри c. Excommunicamus I, extra de haeret, § cum contumacia; ut officium, lib. VI). Те из них, которые клятвенно отрекаются от своих заблуждений, должны быть приводимы к покаянию. Не отрекающиеся передаются светскому суду и сжигаются. При доказанности преступления, но при отсутствии признания в преступлении, обвиняемый считается за нераскаявшегося еретика и осуждается в соответствии с этим.

Двадцатый вопрос о том, каков первый способ произнесения приговора

Ежели при разбирательстве какого-либо дела было найдено, что обвиняемая совершенно не виновна, то ей выносится оправдательный приговор следующего содержания: „Мы, N. N., милостию божьей епископ такого то города, или такой-то судья и т. д., принимая во внимание, что ты, такая-то, проживающая там-то, в такой-то епархии, была обвинена перед нами в такой-то еретической извращенности, а именно в ереси ведьм; принимая далее во внимание, что обстоятельства дела не позволили нам оставить ее незамеченной, мы приступили к следствию. Для этого мы снимали допросы со свидетелей, допрашивали тебя и производили также другие действия, которые требуются каноническими постановлениями. После того как мы внимательно исследовали все относящееся к этому делу, а также неоднократно выслушивали мнение собираемых для этой цели людей, сведущих в праве и богословии, мы, действуя в качестве полномочного судьи, желая служить только господу и правде, имея перед собой пресвятое евангелие и призывая имя христа, решаем следующее:

на основании всего того, что мы видели и слышали, что нам было в настоящем процессе показано и рассказано, затронуто и разобрано, мы не нашли, чтобы то, что тебе ставилось в вину, получило свое законное подтверждение. Поэтому мы об'являем, об'ясняем и окончательно постановляем, что против тебя ничего не найдено, что могло бы привести к подозрению в ереси или колдовстве. И мы теперь прекращаем следствие и процесс против тебя и освобождаем тебя. Этот приговор произнесен" и т. д.

Надо остерегаться прибавления в каком бы то не было приговоре слов, что обвиняемый невиновен. Вместо этого следует сказать, что законное разбирательство дела не выявило преступления. Ведь если обвиняемый впоследствии снова предстанет перед судом и против него найдутся доказательства вины, то он может быть осужден, невзирая на уже раз ему вынесенный оправдательный приговор.

Светский судья может произнести такой же приговор по предложению епископа.

Двадцать первый вопрос о том, каков второй способ произнесения приговора, и именно против обвиняемой, о которой ходит дурная молва

Второй способ произносить приговор касается таких обвиняемых, о которых ходит дурная молва. Такой обвиняемой бывает женщина, которая не уличена ни через свое собственное признание, ни очевидностью преступления, ни показаниями свидетелей, но против которой говорит единственно идущая о ней дурная молва. Значит, факт околдования не был доказан. Значит, отсутствует сильное или сильнейшее подозрение. Однако оправдательный приговор, подобный указанному в предыдущем вопросе, не может быть вынесен. На обвиняемую следует наложить каноническое очищение. Пусть судья примет к сведению, что при процессе об еретичестве не имеет значения, если кто-либо пользуется дурной репутацией среди добрых и уважаемых лиц. Надо исследовать, не ходит ли о нем худая молва среди мелкого простого люда. Ведь о нем должна ходить дурная молва среди тех, которые пойдут доносить на него. Прибавим однако, что любой еретик может быть обвинен каждым лицом. Только показания смертельных врагов, как это было выше указано, отводятся.

Епископ или судья произнесут против обвиняемого, про которого ходит дурная молва, приговор, предписывающий каноническое очищение. В этом приговоре будет указываться на то, что обвиняемый не уличен в околдованиях, что он не признан даже легко подозреваемым в еретичестве, но что о нем, как среди добрых, так и среди дурных, идет худая молва и что в силу этого на него налагается каноническое очищение для того, чтобы о нем пошла хорошая молва среди верующих. Это очищение назначается на такой-то месяц, день и час. К этой церемонии обвиняемый должен явиться лично и очиститься в присутствии такого-то и такого-то количества лиц, принадлежащих к его сословию. Помощниками при очищении должны быть люди католической веры и всем известного, достойного уважения, поведения. Эти люди должны знать обвиняемого сыздавна. Ежели при указанном каноническом очищении обвиняемый не исполнит всего требуемого, то он будет сочтен за уличенного в ереси, согласно каноническим постановлениям. Это нежелание исполнить все предписания при каноническом очищении влечет за собой отлучение. Год упорного пребывания в отлучении дает право осудить

его как еретика (смотри с'Excommunicamus itague, § dui autem).

При каноническом очищении обвиняемый кладет руку на положенные перед ним евангелия и говорит: „Я клянусь на этих четырех святых евангелиях господних, что я никогда не придерживался такой-то ереси, в чем меня обвиняет молва, никогда не наставлял других в этой ереси и в данное время ее не разделяю, ей не верю." Затем, все помощники при очищении возлагают также свои руки на евангелия и каждый из них за себя говорит: „И я клянусь на этих святых евангелиях господних в том, что я считаю клятву очищающегося правдивой". В этом и заключается каноническое очищение. Такое очищение происходит в той местности, где лицо, о котором идет дурная молва, всем известно. Ежели о таком лице идет дурная молва во многих местностях, то оно обязано в каждом из них всенародно исповедывать католическую веру и проклясть ересь, из за которой о нем идет дурная молва (смотри de purg. can., inter sollicitudines).

Кто впадет в ересь после своего канонического очищения, тот будет считаться достойным передачи светской власти для сожжения (смотри с. Excommunicamus I, § adiicimus i vel si est post purgationem; c. ad abolendam, § illos ddnadne. Кто же после такого очищения впадет в иную ересь, чем в ту, из-за которой на него было наложено это очищение, того ожидает новое расследование всего дела.

Двадцать второй вопрос о том, каков третий способ произнесения приговора, в частности против лица, о котором идет худая молва и которое подлежит допросу под пытками.

Случается, что обвиняемый не может быть уличен в виду отсутствия или собственного признания или очевидности преступления, или доказательности показаний свидетелей, или вескости улик. Возложить на него клятвенное отречение от ереси не представляется возможным. Но показания обвиняемого противоречивы. Может быть, имеются к тому же какие либо улики. При таких обстоятельствах возможно решиться на допрос обвиняемого под пытками. Сообразно с этим решением произносится приговор, который и об'является обвиняемому. При этом указывается, что приговор будет скоро приведен в исполнение. Однако судья не должен с этим торопиться. Ведь допросы под пытками следует употреблять лишь в таких случаях когда все остальные меры не привели к желаемым последствиям. А пока пусть судья пускает в ход разные способы воздействия, не исключая и хитростей, предлагая друзьям обвиняемого склонить его к сознанию в преступлении и стремясь получить добровольные обличающие его показания. Упорные размышления, тяжкие условия заключения и увещания достойных уважения людей склоняют обвиняемого к раскаянию. Если все остальные средства воздействия остались бесплодными, то следует приступить к допросу, применяя умеренные пытки без кровопролития. Но судья знает, что цель пыток зачастую не бывает достигнута. Одни из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят: и даже ложные сведения подтверждаются ими. Другие же столь упорны, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не хотят сознаться. Те, которые уже раньше были пытаемы, выносят пытки лучше, так как они (при поднятии на дыбах) тотчас же вытягивают руки, а потом подгибают их. Хотя есть среди подобных пытаемых и такие, которые оказываются менее выносливыми. Есть и такие, которые с помощью

чар выдерживают стойко все пытки. Во время пыток они представляются как бы нечувствительными. Они скорее умрут, чем сознаются. Ввиду этого при пытках надо действовать с величайшим умением и обращать очень много внимания на свойства пытаемого. Когда палачи приготовляют орудия пытки, епископ или судья должны продолжать увещевания обвиняемого, чтобы вызвать его на добровольные признания; при этом они могут обещать ему сохранение жизни, как это было указано выше. Если пытка не принудила обвиняемого к признаниям, то судья тут же назначает продолжение пытки на второй или на третий день. Если и последующие пытки не повлекли признания обвиняемого, его можно освободить. Если же он сознается и просит церковь о прощении, то он считается уличенным еретиком и подлежит передаче в руки светской власти.

Двадцать третий вопрос о том, каков четвертый способ произнесения приговора и именно против обвиняемой, возбуждающей легкое подозрение.

Четвертый способ произнесения приговора в религиозном процессе касается тех, которые возбуждают легкое подозрение в ереси, причем отсутствуют: признание своей вины, вещественные доказательства, обличающие показания свидетелей, и иные явные улики, а имеются только легкие косвенные улики, приводимые свидетелями. Такому обвиняемому полагается отречься от возводимых против него обвинений. Если ему вменяется в вину явная ересь, он должен всенародно отречься от нее в церкви.

Такое всенародное отречение может иметь следующее содержание: „Я, NN, такой-то епархии, житель такого-то города или такого-то местечка, явившись на суд, находясь в присутствии вас, владыка епископ такого то города, и видя пред собою пресвятое евангелие, к которому, рукою прикасаюсь, клянусь, что я верю в ту святую католическую и апостольскую веру, в которую верит пресвятая римская церковь и которую она исповедует, проповедует и охраняет. Я клятвенно обещаюсь хранить в сердце своем веру и исповедывать устами, что господь наш Иисус христос со всеми святыми гнушаются отвратительнейшей ереси ведьм и что все те, которые ей следуют и ей прилепляются, будут вечно мучимы вечным огнем вместе с дьяволом и его ангелами, если они не образумятся и не примирятся со святой церковью через покаяние Посему я клятвенно отрекаюсь от этой ереси, в которой вы, владыка епископ и судья, меня подозреваете, и полагаете, что я общался с ведьмами, защищал по незнанию их лжеучение, ненавидел инквизиторов и других преследователей ведьм и не доносил о преступлениях, совершенных этими последними. Засим я клятвенно подтверждаю, что я никогда не верил и не верю в указанную ересь и не был приверженцем ее. Я также никогда не буду в последующем верить в нее и никогда не стану ее приверженцем. Я никогда не проповедывал ее и не намереваюсь ее проповедывать. Ежели в будущем я совершу что-либо из вышеуказанных проступков—да отвратит это от меня господь бог,—то я с готовностью приму на себя наказания, полагающиеся тем, которые, произнеся отречение от ереси, вновь впали в нее. Я согласен принять всякое покаяние, которое вы мне предпишите в наказание за все то, содеянное мною, что возбудило в вас против меня подозрение. Я клятвенно обещаюсь выполнить покаяния по мере сил и не погрешить против этого. В свидетели я призываю господа бога и это пресвятое евангелие".

Подобное отречение от ереси произносится на местном языке для того, чтобы оно было всеми понято. После этого отречения судья или его заместитель могут обратиться к обвиняемому со следующими приблизительно словами на местном языке: „Мой сын (или моя дочь), после того, как ты под клятвой отверг действительность возводимого на тебя подозрения и очистился через посредство отречения от этого подозрения, остерегайся в будущем впасть в ересь, от которой ты отрекся. Если ты при наличии раскаяния и не передаешься за это преступление светской власти (для сожжения), так как ты отрекся от ереси, состоя не под сильным, а под легким подозрением, то затем ты будешь еще больше наказан, чем в том случае, если бы ты не отрекся от ереси. Впав в ересь, ты станешь сильно подозреваемым. Отрекшись во второй раз и возбудив снова подозрение, ты будешь должным образом наказан и без сожаления предан светской власти для последнего наказания".

Ежели обвиняемый отречется тайно в камере епископа или судьи, т. е. не в присутствии собравшегося народа, то приговор в соответствии с этим несколько изменяется.

Нотариус обязан пометить в протоколе, что такое то и такое-то отречение от ереси произнесено таким обвиняемым, против которого имеется лишь легкое, а не сильное подозрение в ереси. Иначе обвиняемому может грозить большая опасность в будущем.

Двадцать четвертый вопрос о том, каков пятый способ произнесения приговора, в частности против сильно подозреваемого

Пятый способ произнесения приговора касается таких обвиняемых, которые после разбора дела судьей совместно со сведущими людьми признаются возбуждающими сильное подозрение в еретичестве. Это бывает тогда, когда лицо, против которого есть показания, обличающие его в еретической извращенности, не может быть при этом признано уличенным закономерными доказательствами: ни личным признанием, ни вещественными доказательствами, ни свидетельскими показаниями. Но имеются веские косвенные улики, возбуждающие подозрения в его еретичестве. Против подобного обвиняемого надо действовать следующим образом: он обязан отречься от своей еретической извращенности. Таким образом, если он снова впадет в эту извращенность, то он будет соответственно этому наказан, т. е. будет передан светской власти, чтобы претерпеть последнее наказание (смотри с. accusatus, в начале de haeret., lib VI). Подобная обвиняемая должна отречься от еретичества или всенародно или тайно, в зависимости от того, считается ли она подозреваемой тайно или открыто, среди многих или среди немногих, среди уважаемых, почтенных людей или среди мелкого люда. Когда наступит воскресенье, назначенное для клятвенного отречения обвиняемого от ереси, проповедник обязан произнести соответствующую проповедь. Вслед за этим нотариус или клирик зачитывают, во-первых, то, в чем обвиняемый был уличен, а во-вторых, то, что возбуждает против него сильное подозрение. Засим судья предлагает обвиняемому очиститься от этого подозрения в ереси клятвенным отречением от нее. Перед обвиняемым кладут евангелие, на которое он возлагает руку и произносит отречение, прочитывая его с рукописи или повторяя слова этого отречения вслед за чтением его нотариусом. (Содержание сего отречения сходится с отречением, приведенным в одном из предыдущих вопросов). Если обвиняемый подозревается в колдовской ереси, то

он, между прочими отречениями, должен сказать следующее: „Я клятвенно утверждаю свою веру в то, что не только обыкновенные еретики или схизматики будут мучимы вечным огнем, но и те, которые заражены ересью ведьм, которые отрекаются от веры, приобретенной при святом крещении, удовлетворяют свою извращенную похоть дьявольской скверной и наводят порчу на людей, на животных и на полевые злаки. Я клятвенно отрицаю ту ересь, или, вернее говоря, неверие, которое неверно и лживо утверждает, что на земле не существует ведьм и что будто таким образом нельзя причинять вреда с помощью дьявола. Я теперь вижу, что такое неверие идет вразрез с учением святой церкви-матери и всех католических ученых а также противоречит императорским законам, наказывающим подобных ведьм смертью через сожжение. Я клятвенно утверждаю, что я никогда не веровал в указанную ересь и теперь не верую. Я не приверженец ее и не намереваюсь быть таковым. Я не проповедывал ее и проповедывать никогда не буду".

Подобное отречение произносится на местном языке, чтобы каждый мог понять. Если же отречение происходит только в присутствии духовных лиц, то пользуются латинским языком, понимаемым ими в достаточной степени. При тайном отречении во дворце епископа или в камере его суда, т. е. если отречение происходит не всенародно, надо следовать той же процедуре. После отречения судья увещевает обвиняемого, чтобы этот не впал снова в подозрение в еретичестве, и указывает при этом на возникающие отсюда последствия. После этого читается приговор (содержание которого мало чем розпится от вышеупомянутых приговоров).

Надо обратить внимание на то, что подозреваемый в еретичестве, но не уличенный в нем (будь подозрение против него легким или сильным) не подлежит ни пожизненному заключению, ни пожизненному замурованию. Ведь это наказание для тех, которые были еретиками и затем раскаялись. Но эти подозреваемые могут быть наказываемы за свои проступки, возбудившие подозрение в ереси, заключением на определенное время. (смотри c. commissi, de haeret., lib VI). Такие подозреваемые не носят также покаянных крестов на своей одежде. Ведь кресты на одежде—это признак раскаявшегося еретика. Подозреваемые же не могут считаться еретиками. Поэтому они и не должны носить крестов указанным образом. На них можно наложить наказание, заключающееся в том, чтобы они стояли на паперти церкви в определенные праздничные дни, держа в руках воск указанного веса. На них можно также наложить наказание в виде определенного паломничества и т. п.

Двадцать пятый вопрос о том, каков шестой способ произнесения приговора и именно против обвиняемой, возбуждающей сильнейшее подозрение в еретичестве

Шестой способ произносить приговор касается таких обвиняемых, дело которых после разбора его судьей и сведущими людьми указывает на то, что они возбуждают сильнейшее подозрение в еретичестве. Подобное подозрение возникает тогда, когда обвиняемый не уличен ни собственным признанием вины, ни вещественными доказательствами, ни обличительными показаниями свидетелей. Но против него имеется ряд весьма убедительных прямых улик, возбуждающих против него сильнейшее подозрение.

Приведем примеры как из области простой ереси, так и из области колдовской ереси. Во-первых скажем о простой ереси. Если

кто-либо пробудет отлученным в продолжение одного года и более то тем самым он начинает возбуждать легкое подозрение в еретичестве (смотри de poenis, c. gravem). Если же он, призванный явиться пред духовным судьей, не явится, как этого требует канон, и будет упорно отказываться от появления, то он тем самым отлучается от церкви и становится тогда сильно подозреваемым в еретическом извращении. Если он останется отлученным более одного года, то это заставляет считать его подозреваемым в сильнейшей степени. Такому обвиняемому никакой законной защиты не полагается. И он должен быть осужден, как еретик.

Сильнейшее подозрение возникает тогда, когда кто-либо говорит или совершает то, что говорится или совершается ведьмами, когда они хотят кого-нибудь околдовать. Обычно они произносят угрозу и при этом наводят порчу взглядом или прикосновением, чем и уличают себя в колдовстве. Хотя в действительности такой подозреваемый может быть и не еретиком (если например в помыслах своих он и не разделяет еретических учений и не имеет еретического упорства), однако его надлежит осудить как еретика, вследствие указанного сильнейшего подозрения, не допускающего никакой защиты. Если подобный подозреваемый не хочет обратиться, клятвенно отречься от ереси и покаяться, то его надлежит передать светской власти для соответствующего наказания (смотри c. ad abolendam, § praesenti). Если же он клятвенно отречется от ереси, то он приговаривается к пожизненному тюремному заключению.

Случается, что обвиняемая, возбуждающая у судьи сильнейшее подозрение в еретичестве, упорно запирается в содеянном ею и говорит (как это обычно у ведьм), что поставленные ей в вину угрозы брошены ею не с целью наведения порчи, но произнесены в пользу спора, что столь свойственно женщинам. Это побуждает судью оставить ее в заключении и расследовать, какая идет о ней молва. Если сюда относящиеся свидетельские показания укажут на то, что она считается явной ведьмой, то судья имеет право допросить ее под пытками. Если при этом допросе выявились улики ее колдовского искусства в виде упорного умалчивания правды или в виде отсутствия слез, или в виде нечувствительности при пытке, сопровождаемой скорым и полным восстановлением сил, то судья прибегает тогда к различным, в свое время указанным уловкам, чтобы узнать правду.

Если несмотря на все ухищрения, обвиняемая продолжает запираться, то ее ни в коем случае нельзя выпустить на свободу. Ее следует держать в грязи камеры и в мучениях заключения по крайней мере один год, очень часто допрашивая, и в особенности в праздничные дни. При наличии распространенной о ней дурной молвы и большого количества обличающих ее свидетелей судья может предать ее сожжению. Но, желая действовать в соответствии с заповедью любви, пусть судья наложит на нее каноническое очищение, на котором должны присутствовать двадцать—тридцать помощников очищения. Пусть судья предупредит ее, что если она при очищении откажется от исполнения каких-либо требований, предписываемых этим актом, то она будет, как признанная виновной, предана огню. Если же она очистится, то, в случае повторного впадения в ересь, ей грозит пожизненное заключение. Ее клятвенное отречение от ереси при очищении подобно указанному в четвертом и пятом способах произнесения приговора.

После этого отречения судья снимает с нее отлучение (смотри c. excommunicamus. I и II, de haeret., c. abolendam) и налагает

покаяние, употребляя следующие выражения: „Весьма недостойно проходить с закрытыми глазами мимо ненаказанных оскорблений против бога, наказывая при этом оскорбления против людей. Ведь оскорбление божьего величия несравненно преступнее, чем оскорбление человека. Чтобы твои ненаказанные преступления не послужили поводом к совершению подобных преступлений другими, чтобы ты в будущем был осторожнее и менее склонен к подобному и чтобы тебя можно было бы потом скорее наказать, мы приговариваем тебя к следующему. . . Во-первых, ты должен носить поверх своей обычной одежды подобие монашеского скапулира, свинцового цвета, без клобука, на котором прикреплены спереди и сзади кресты из желтой материи длиной в три и шириной в две ладони. Такой скапулир ты обязан носить постоянно столько-то времени (надо точно указать: один год или два или больше или меньше, смотря по вине обвиняемого) и стоять в нем перед дверями церкви в такие-то дни столько-то и столько-то времени. Во-вторых, мы приговариваем тебя к такому-то тюремному заключению пожизненно (или на такое-то время) . . . Мы сохраняем за собою право. . . смягчать, усугублять, изменять и совершенно или частично снимать это наказание, сколь часто мы это найдем нужным". . .

Тотчас же после произнесения этого приговора он приводится в исполнение.

Двадцать шестой вопрос о том, какой приговор произносится над обвиняемой, о которой идет дурная молва и которая подозревается в еретичестве

Обвиняемая, о которой идет дурная молва, как о еретичке и против которой имеются еще другие улики еретической извращенности, очищается от обвинения так, как это указано при разборе второго способа произнесения приговора. Затем ей надлежит совершить клятвенное отречение от ереси и выразить свое согласие исполнить налагаемое на нее наказание. После этого судья, перечислив проступки обвиняемой, указывает, в чем это наказание будет выражаться. Например в определенные воскресные и праздничные дни стоять босиком с обнаженной головой перед дверями такой-то церкви во время богослужения, держа в руках кусок воска такого-то веса, который затем возлагается на алтарь; поститься в особо назначенные дни; не покидать города в указанный промежуток времени; представляться епископу или судье в определенные дни и т. п. Все эти наказания налагаются в зависимости от проступков обвиняемой. Общего правила не дается. Приговор тотчас же приводится в исполнение. Он может быть смягчен, изменен и совсем отменен в соответствии с раскаянием и смирением наказуемой.

Двадцать седьмой вопрос о том, как произносится приговор над признавшейся и кающейся обвиняемой

Когда обвиняемая признается в ереси и кается в своем преступлении, высказывая желание вернуться в лоно церкви, судья исследует, не отвергала ли она клятвенно когда-либо другой еретической извращенности. Ежели этого не было, то никто не препятствует, при наложении на нее соответствующего наказания, исполнить ее желание. Содержание ее клятвенного отречения от ереси подобно вышеизложенным отречениям. Данное отречение произносится в праздничный

день в храме и сопровождается всенародной исповедью обвиняемой в ее колдовских преступлениях. Судья спрашивает ее при этом: „Предавалась ли ты в продолжение такого-то количества лет искусству колдования?" Ответ: „Да". Судья: „Ты совершила за это время такие-то преступления, в которых ты созналась?" Ответ: „Да". И т. д. Затем преклонив колена, обвиняемая отрекается от ереси, а епископ или судья произносят приговор, налагая на нее наказание носить одеяние кающегося еретика и провести остаток дней своих в заключении, „питаясь хлебом страдания и водою боязни". По прочтении приговора, сходного в основных чертах с вышеупомянутыми, судья прибавляет: „Мой сын (или моя дочь), приговор над тобою или твое покаяние заключается в том, что ты будешь носить до конца своих дней кресты. Ты будешь становиться на ступенях у дверей таких-то церквей во время богослужения, а остальное время пребывать в пожизненной тюрьме на хлебе и на воде. Но тебе не будет тяжело исполнить все это. Если ты терпеливо все вынесешь, ты найдешь у нас милость. Не сомневайся и не отчаивайся, но крепко надейся".

После этого приговор приводится в исполнение. Осужденная ставится в одеянии кающейся еретички на ступенях у церкви, чтобы все ее видели. А кругом нее становится охрана. К завтраку она отводится в тюрьму, и таким образом начинается ее наказание.

Двадцать восьмой вопрос о том, как произносится приговор над кающейся еретичкой, признавшейся в своих преступлениях, в которые впала вторично

Обвиняемый, признающийся в том, что он впал в ересь вторично, но кающийся и желающий воссоединения с церковью, получает желаемое и предается светской власти, как вторично запятнанный ересью. Этого наказания он заслуживает тогда, когда он возбуждает сильное подозрение в ереси. При легком подозрении такое наказание не имеет места. К сильно подозреваемому кающемуся преступнику епископ или судья направляют двух или трех заслуживающих всякого доверия мужей, которые хорошо известны заключенному и к которому он питает приязнь. Эти посланные должны зайти к нему в благоприятное время и говорить о презрении к миру, о бедствиях земной жизни и о радостях и славе, ожидающих праведников в раю. После этого они сообщают ему от имени епископа или судьи, что ему, заключенному, не избежать телесной смерти, и советуют ему позаботиться о спасении своей души, очистив ее полным признанием своих преступлений и приняв святое причастие. Эти доверенные епископа должны неоднократно посещать обвиняемого и, при его полном раскаянии, воссоединить его с церковью. Два — три дня спустя епископ или судья оповещают окружного начальника или представителя светского суда о том, чтобы он явился в такое-то место или на такую-то площадь (но вне храма) с его служителями и принял некоего-вновь впавшего в ересь преступника, который ему будет передан самим епископом или судьей. В день этой передачи или за день до того, рано утром епископ оповещает население города с того места, откуда население обычно оповещается, что в такой-то день, в такой-то час и в таком-то месте проповедник веры произнесет проповедь, а епископ и другие судьи произнесут приговор над некиим человеком, вновь впавшим в ересь, и передадут его светской власти.

Если осужденный принадлежит к духовному сану, то прежде нежели его передать светской власти для последнего наказания, его

лишают духовного сана. Над ним совершается таким образом обряд низложения (смотри с. ad abolendam § praesenti, de haeret). Епископ произносит предписанные церковью слова как при посвящении в тот или иной сан, так и при низложении, когда он снимает одно за другим церковные облачения, в которые одет низлагаемый еретик, он произносит определенные слова; но слова этого обряда имеют противоположный смысл.

После низложения судья, нотариус или клирик читают приговор, в котором перечисляются преступления осужденного, указывается на признание их последним, на его отречение от своих заблуждений и на его повторное впадение в ересь. Засим приводятся его новые проступки, указывается на его повторное принятие в лоно церкви и делается заключение: „И как одного из повторно впавших в ересь мы отстраняем тебя от нашего духовного суда и предоставляем тебя светской власти. Но мы нарочито просим светский суд так умерить свой приговор, чтобы тебе не угражало ни кровопролитие, ни опасность смерти". Так отстраняются епископ и его заседатели, а светский суд вступает в исполнение своих обязанностей.

К этому надо заметить следующее: хотя епископ и инквизитор и должны прилагать все старания как лично, так и через других, чтобы повторно впавший в ересь раскаялся и исповедал католическую веру, однако, как только они достигли этой цели, и совет суда решил, что обвиненный, хотя и раскаялся, но в действительности повторно впал в ересь и, как таковой, подлежит передаче светской власти, духовные судьи не должны сообщать ему, какое наказание его ожидает. Ведь лик судьи пугает осуждаемого и слова его побуждают подлежащего наказанию скорее к нераскаянности, чем к терпению. И посему они не должны входить в словесное соприкосновение с ним ни перед, ни после своего приговора, чтобы он не был возбужден против них в сердце своем. Надо особенно тщательно избегать этого в случаях, подобных указанному, где дело идет о жизни и смерти. Надо направить к нему, как было указано выше, достойных уважения мужей, к которым он чувствует не неприязнь, но приязнь. Пусть они подготовят его к предстоящей смертной казни, укрепят в нем веру, посоветуют смирение. Пусть они после об"явления приговора придут к нему утешать его, помолиться с ним. Они должны не покидать его до того мгновения, пока он не отдаст духа своего творцу. Они должны быть осторожны и внимательны к тому, чтобы ничего не сделать и ничего не сказать, что могло бы повлечь за собой наложение на себя рук осужденного до исполнения приговора. Ведь вина за это падет на них, и то, что должно было бы послужить им в заслугу, принесет им наказание и как бы вину.

Передача вторично впавшего в ересь светской власти не совершается в праздничный или святой день и не происходит в храме. Ведь этот приговор ведет к смерти, а праздничный день и храм посвящены господу богу.

Двадцать девятый вопрос о том, как произносится приговор над еретичкой, признавшейся в своих преступлениях, но не покаявшейся и уличенной в ереси в первый раз

Десятый способ произнесения приговора касается таких обвиняемых, которые признались в своем еретичестве, но не показали раскаяния и которые уличены в ереси в первый раз. Это—редкий случай. С процессом подобного обвиняемого торопиться не надо. Пусть епископ и судьи держат его под строгим надзором и в оковах в

продолжение многих месяцев и приложат старания обратить его на истинный путь. Если, несмотря ни на мягкость, ни на строгость, несмотря ни на угрозы, ни на лесть, обвиняемый продолжает упорствовать, то, по прошествии указанного времени, епископ и судьи должны быть готовы передать его светской власти и послать соответствующую повестку окружному начальнику или представителю светского суда с тем, чтобы он со своими служителями прибыл в определенное время к такому-то месту и принял нераскаявшегося еретика. (Передача его и приговор духовного суда сходны с ритуалом предыдущей главы). В заключении окончательного приговора говорится: „Мы отнимаем тебя сим приговором, как нераскаявшегося еретика, от нашего духовного суда и предоставляем тебя светской власти... причем мы нарочито просим светский суд смягчить приговор во избежание кровопролития и опасности смерти".

Тридцатый вопрос о том, какой приговор выносится против обвиняемой, которая призналась во вторичном впадении в ересь и не хочет раскаяться

Одиннадцатый способ произнесения приговора касается нераскаявшихся еретиков, впавших в ересь во второй раз и признавшихся в этом. При наличии такого вида преступления надо действовать так, как это было указано в предыдущей главе. Приговор выносится в присутствии епископа и судей. Между прочими рассуждениями читаем в приговоре следующее: „Дабы ты спас свою душу и миновал смерти ада для тела и для души, мы пытались обратить тебя на путь спасения и употребляли для этого различные способы. Однако, обуянный низкими мыслями и как бы ведомый и совращенный злым духом, ты предпочел скорее быть пытаемым ужасными, вечными мучениями в аду и быть телесно сожженным здесь, на земле, преходящим огнем, чем, следуя разумному совету, отстать от достойных проклятия и приносящих заразу лжеучений и стремиться в лоно и к милосердию святой матери-церкви. Так как церковь господня ничего более не знает, что она еще может для тебя сделать в виду того, что она уже сделала все, что могла, мы, указанный епископ и судья,.. присуждаем тебя, как нераскаявшегося и повторно впавшего в ересь преступника, к передаче светской власти... которую мы нарочито просим умерить строгость приговора и избегнуть кровопролития и опасности смерти".

Тридцать первый вопрос о том, какой приговор выносится обвиняемому, преступление которого доказано, но который упорно отрицает свою вину

Двенадцатый способ произнесения приговора касается таких еретиков, которые продолжают запираться в своих преступлениях, несмотря на доказанность этих последних. Это имеет место в таких случаях, когда обвиняемый закономерно уличен в каком-либо еретическом извращении и именно: очевидностью преступления, как например при явных еретических поступках, или законными свидетелями, которых обвиняемый не мог отвести.

Против такого обвиняемого надо действовать следующим образом. Он подлежит строгому заключению с кандалами на руках и на ногах и частым увещеваниям, производимым должностными лицами сообща и в отдельности, с тем чтобы он открыл правду. При этом увещевающие указывают ему на то, что если он признается в своем заблуж-

дении и клятвенно отречется от еретической извращенности, то будет допущен к милосердию. В противном случае он будет передан светской власти и не избежит смертной казни. Если он, несмотря на эти увещания, продолжает упорствовать, епископ и другие должностные лица сообща или в отдельности, непосредственно или через посредство почтенных мужей, вызывают то одного, то другого свидетеля и расспрашивают его, сказал ли он на допросе действительную правду, и указывают ему на то, что, если он сказал неправду, он тем самым осудил себя, обвинителя, на вечное, а обвиняемого на преходящее мирское проклятие. Если свидетель стесняется, пусть он признается в правде по крайней мере тайно, чтобы обвиняемый не был несправедливо приговорен к смерти, и пусть увещеватели уговаривают так, чтобы было ясно, говорят ли свидетели теперь правду или нет.

Если свидетели не изменяют своих показаний, а обвиняемый остается при своем запирательстве, епископу и судье не следует немедленно кончать дело заключительным приговором и передавать обвиняемого светской власти. Они должны продолжать держать его в заключении, вновь увещевая его и предлагая свидетелям исследовать самим их совесть. Особенное внимание епископа и судьи должно быть уделяемо такому свидетелю, который им представляется восприимчивее к добру и обладает более чуткой совестью. Они должны его дальше расспрашивать, соответствует ли сказанное им действительности. Если они увидят, что свидетель начинает колебаться, если к тому же против него находятся улики, позволяющие счесть его показания за ложные, то, посоветовавшись со сведущими людьми, его надлежит взять под стражу и повести против него дело, как предписано законом.

С другой стороны, опыт учит, что уличенный заслуживающими доверия свидетелями, после долгого запирательства, часто признается в своей извращенности и говорит полную правду, если его правильно увещевают и ему пообещают не передавать его светской власти и оказать ему милосердие. В то же время часто встречаются свидетели, которые, обуянные злостью и неприязнью, вступают в соглашение между собою для того, чтобы обличить невиновного в еретической извращенности. Потом же, под воздействием увещеваний епископа и других должностных лиц, мучимые укорами совести и вразумленные господом богом, отказываются от своих обличительных показаний и признаются, что они из злобы приписали обвиняемому подобный позорный поступок. Поэтому не надобно торопиться с приговором над таким обвияемым. Надо подождать некоторое время, один год или несколько лет, а потом передать его светской власти. Если такой обвиняемый, закономерно уличенный в ереси, после долгих увещеваний признает свою вину и согласится клятвенно отречься от всякой ереси и исполнить возлагаемые на него епископом и инквизитором наказания, то должен, как кающийся еретик, всенародно отречься от ереси, как это указано в двадцать седьмом вопросе, и в смирении нести покаяние. Продолжающий же упорно запираться передается, как нераскаявшийся еретик, светской власти. С таким нераскаявшимся поступают так, как это видно из двадцать девятого вопроса.

При отрицании обвиняемым своей вины и при отказе свидетелей от своих обличающих показаний и признающих наговор из за мести и ненависти или из-за упрашиваний со стороны других лиц и из-за подкупа, ложные свидетели наказываются как таковые. Им полагается по меньшей мере пожизненное заключение на хлебе и на

воде. Но епископы имеют право по прошествии некоторого времени изменить приговор, смягчая или усиливая его.

Долгое время несознающийся обвиняемый при наличии настаивающих на своих обличительных показаниях свидетелей подготовляется епископом и судьями к передаче светской власти. Для этого они посылают к нему заслуживающих доверия мужей, ревнителей веры и особенно благочестивых людей, которые не являются для обвиняемого неприятными, но способны возбудить в нем чувство приязни. Эти посланные должны дать ему понять, что ему не избежать смертной казни после передачи его в руки светской власти, что епископ и судья уже оповестили окружного начальника или представителя светского суда об этой передаче в такое-то время и в таком-то месте, что всенародно должно быть по городу оповещено о проповеди веры, долженствующей предшествовать указанной передаче, что в назначенный день и час епископ и судья при стечении народа в заключительном приговоре передадут светской власти обвиненного, стоящего на возвышении, чтобы все могли его ясно увидеть, и что в зачтенном приговоре будут перечислены все его преступления.

Епископ и судьи могут назначить нескольких достойных уважения мужей и ревнителей веры, которые в то же время приятны осужденному, для сопровождения его к месту казни и для приложения усилий к тому, чтобы он покаялся в последнюю минуту и изъявил желание отречься от ереси. Хотя можно признать, что это желание более из-за страха смерти, чем из-за любви к истине, однако я придерживаюсь того мнения, что, следуя заповеди милосердия, он должен быть сочтен за раскаявшегося еретика и пожизненно замурован. Однако, рассуждая строго по закону, такое раскаяние не должно внушать духовным судьям большого доверия, и они всегда могут присудить его к наказанию вследствие нанесения им мирского вреда.

Тридцать второй вопрос о том, какой приговор произносится против уличенного в ереси и скрывшегося от суда преступника

Тринадцатый и последний способ окончания процесса веры и произнесения окончательного приговора касается такого обвиняемого, который после разбора его дела судьей совместно с советом сведущих юристов признан уличенным в еретической извращенности, но который скрывается бегством или упорно не желает явиться на суд.

Здесь имеются три возможных случая. Во-первых, когда обвиняемый уличен в ереси своим собственным признанием или очевидностью своего преступления или обличительными показаниями свидетелей, но скрылся бегством или не показывается или, закономерно вызванный в суд, не желает явиться. Во-вторых, если денунцированный считается, в силу доноса, легко подозреваемым и вызывается для выяснения своих верований, но отказывается явиться, вследствие этого отлучается и, упорно не желая покаяться, носит на себе тяжесть отлучения. В-третьих, если кто-либо окажет помеху произнесению приговора или судопроизводству епископа или судьи и поможет мешающим советом или покровительством. Подобный преступник-пронзен кинжалом отлучения. Ежели он останется в продолжение года под отлучением, упорно не принося покаяния, то подлежит осуждению, как еретик.

В первом вышеуказанном случае преступник должен быть осужден как нераскаявшийся еретик (смотри c. ad abolendam, § praesenti).

Во втором и в третьем случаях он не подлежит такому осуждению; его надо счесть кающимся еретиком и наказывать в соответствии с этим. (смотри c. cum contumacia, а также c. ut inquisitionis,§ prohibemus,de haeret., lib VI).

Против них надо действовать следующим образом: после установления неявки, несмотря на вызов в суд, епископ и судьи вновь вызывают обвиняемого, об'являя об этом в кафедральном соборе той епархии, где обвиняемый совершил свои преступления, а также в других церквах того города, где он жительствует, в особенности там, куда он скрылся бегством.

В этом вызове в суд говорится: „Мы, N. N., божею милостью епископ такого-то города и т. д. или судья такой-то епархии, об'являем, руководимые духом здравого совета, следующее: больше всего скорбит наше сердце о том, что в наше время в указанной епархии, плодоносную и цветущую церковь христову—я подразумеваю под этим виноградник бога саваофа, который насажден десницею превышнего отца добродетелями, который премного полит сыном этого отца волною собственной, животворной крови, который дух утешитель своими чудными, невыразимыми дарами сделал плодоносным,— которую одарила высочайшими, различными преимуществами, вне нашего понимания, стоящая и прикосновению неподлежащая святая троица, пожирает и потравляет вепрь лесной (которым называется каждый еретик), уничтожая пышные плоды веры и прибавляя колючие терновые кусты ереси к виноградным лозам. Он называется также свернутым змеем этот гнусный, ядом дышащий, враг нашего рода человеческого, этот сатана и дьявол, заражающий виноградные лозы указанного виноградника господня и плоды его, изливая на них яд еретического нечестия...“ „Так как ты, N. N, впал в эти проклятые ереси колдовства, совершая их явно там-то и там-то (или: так-то и так-то), или: и был уличен закономерными свидетелями в еретической извращенности, или: и сам признался в своих деяниях, твое дело разбиралось нами, ты был взят под стражу и бежал, отвратившись от целительного лекарства. Мы вызывали тебя для того, чтобы ты нам дал более откровенные ответы. Но как бы руководимый злым духом и совращенный им, ты отказался появиться“. Или так: „Так как ты, N. N, был указан нам, как еретик, и после принятия этого к сведению ты и другими показаниями возбудил против себя легкое подозрение в ереси, то мы вызвали тебя с тем, чтобы ты лично явился и держал бы ответ относительно своих верований. Ты упорно отказался от явки; мы тебя отлучили и всенародно об'явили об этом. Ты пребывал отлученным в продолжение года, или: в продолжение такого-то количества лет, скрываясь тем-то и там-то. Мы не знаем, куда тебя в данное время повел злой дух. Милосердно и милостиво ждали мы того, что ты вернешься в лоно святой веры и к единству святой церкви. Однако, обуянный низкими помыслами, ты отвратился от этого“. „Принужденные требованием справедливости закончить твое дело соответствующим приговором и не будучи в состоянии дольше терпеть столь гнусные преступления, мы, вышеуказанные епископ и судья по делам веры, ищем тебя, упомянутого N. N, скрывшегося бегством, нашим настоящим публичным эдиктом и вызываем тебя в последний раз, чтобы ты лично явился в такой-то час, в такой-то день такого-то месяца и такого-то года в таком-то кафедральном соборе такой-то епархии и выслушал свой окончательный приговор, причем мы указываем тебе на то, что мы, вынося тебе окончательный приговор, будем действовать против тебя так, как это соответствует

праву и справедливости, явишься ли ты или нет. Для того, чтобы наше оповещение своевременно достигло тебя и чтобы ты не был в состоянии защитить себя покровом незнания, мы хотим и приказываем, чтобы настоящее послание, заключающее в себе указанное обращение и указанный вызов в суд, было прибито публично на главных дверях указанного кафедрального собора. В доказательство чему настоящее послание снабжается отпечатком наших печатей".

Если к назначенному для об'явления окончательного приговора дню скрывшийся явится и из'явит свое согласие всенародно отречься от ереси, смиренно прося допущения к милосердию, то его можно допустить к нему в том случае, если он не вторично впал в ересь. Если он уличен в ереси по своему собственному признанию или на основании обличительных показаний свидетелей, то он должен отречься от ереси, как кающийся еретик, и принести покаяние так, как это указано в двадцать седьмом вопросе, где речь идет о подобных преступниках. Если он, возбуждая сильное подозрение в ереси и будучи отлученным более года, раскается, то и такого еретика надо допустить к милосердию и к отречению от ереси. Порядок покаяния для такового указан в двадцать пятом вопросе настоящей книги. Если же он явится на суд, но откажется отречься от ереси, то с ним следует поступить, как с нераскаявшимся еретиком и передать его светской власти, как это читаем в двадцать девятом вопросе. При его упорном отказе явиться на суд приговор гласит:

„Мы, N. N., божею милостью епископ такого-то города, принимая во внимание, что ты, N. N. (такого-то города, такой-то епархии) был денунцирован пред нами в еретическом нечестии, обвиняемый общественной молвой или достоверными показаниями свидетелей, приступили, исполняя свой долг, к расследованию того, соответствует ли правде обвинение, бросаемое против тебя. Мы нашли, что ты был уличен в еретичестве. Много достойных доверия свидетелей показали против тебя. И мы повелели вызвать тебя в суд и взять тебя под стражу. (Здесь должно быть указано, как это произошло: явился ли он, допрошен ли он под присягой, признался ли он или нет). Но ты скрылся, следуя совету злого духа и страшась возможности целительного врачевания ран твоих вином и елеем (или пиши, если дело обстояло иначе: ты скрылся бегством из темницы), и укрываешься то здесь, то там. И мы не знаем, куда повел тебя теперь вышеуказанный злой дух..." „Но так как мы хотим окончить твое дело и произнести приговор, который тобой заслужен и к которому нас принуждает справедливость, то мы вызвали тебя с тем, чтобы ты лично явился в такой-то день, в такой-то час и в такое-то присутствие и выслушал окончательный приговор; а так как ты упорно отказался явиться, то ты этим достаточно доказываешь, что хочешь навсегда остаться в своем еретичестве и в своих заблуждениях, о чем мы с сожалением и об'являем и, об'являя, сожалеем. Но мы не можем и не хотим отстраниться от справедливости и терпеть столь великое непослушание и упорство против божьей церкви; и мы произносим над тобой, отсутствующим, как будто бы над присутствующим, следующий в вызове назначенный окончательный приговор, призывая имя господа нашего Иисуса христа и стремясь возвеличить католическую веру и искоренить еретическое нечестие, так как этого требует справедливость и к чему принуждает твое непослушание и упорство"... „Мы, указанные епископ и судья в делах веры, указывая на то, что в настоящем процессе о вере порядок судопроизводства не был нарушен; принимая во внимание, что ты, будучи закономерно вызван в суд

не явился и свое отсутствие ни лично, ни чрез других лиц не оправдал; принимая далее во внимание, что ты упорно и долго пребывал в вышеназванной ереси и до сих пор пребываешь и носил в продолжение многих лет тяжесть церковного отлучения и до сих пор носишь это отлучение в закоснелом сердце своем; принимая также во внимание, что святая церковь божья более не знает, что она должна предпринять против тебя, так как ты упорствуешь и будешь упорствовать в отлучении и в вышеупомянутых ересях, мы, следуя стопам блаженного апостола Павла, об'являем, решаем и приговариваем тебя, N. N., в твоем отсутствии, но как бы в твоем присутствии, к передаче светской власти, как упорного еретика. Нашим окончательным приговором мы отженяем тебя от духовного суда и предоставляем тебя во власть суда светского, настоятельно прося этот суд, чтобы он, когда ты будешь находиться в его власти, смягчил свой приговор и не доводил бы дело до пролития крови и опасности смерти"...

Тридцать третий вопрос о том, какой приговор выносится лицу, против которого свидетельствовала после этого сожженная или долженствующая быть сожженной ведьма

Четырнадцатый способ закончить дело по вопросам веры и произнести окончательный приговор касается такого лица, которое было обвинено в еретической извращенности проверенными вместе с советом сведущих в праве лиц показаниями и исходящими от ведьмы, уже сожженой после дачи этих показаний или стоящей перед сожжением. В подобных случаях есть тринадцать возможностей продолжать процесс против него: 1) Обвиняемый совершенно оправдывается. 2) Устанавливается, что о нем идет дурная молва. 3) Признается возможным допросить его под пытками. 4) Против него возбуждается легкое подозрение в ереси. 5) Против него возбуждается сильное подозрение в ереси. 6) Против него возбуждается сильнейшее подозрение в ереси. 7) Он признается подозрительным касательно ереси, и в то же время устанавливается наличие дурной молвы о нем и т. д.

Первый случай имеет место тогда, когда против обвиняемого свидетельствует только одна взятая под стражу ведьма и когда отсутствует личное признание вины и всякие другие доказательства и улики. Подобный обвиняемый будет оправдан даже светским судьей, сжегшим донесшую ведьму или собирающимся ее сжечь. Обвиняемый же оправдывается приговором, указанным в двадцатом вопросе.

Второй случай—когда обвиняемый имеет против себя не только донос взятой под стражу ведьмы, но и дурную молву, идущую о нем по всей деревне или по всему городу. Здесь решающее значение следует приписать указанной молве. Свидетельство ведьмы только усугубляет подозрение против него. Хотя бы ведьма и дала сильно обличительные показания, однако ввиду ее измены вере и ввиду ее служения бесу, ее свидетельство заслуживает малого доверия. Таким образом судья увидит, что кроме дурной молвы никаких существенных улик против обвиняемого нет. Подобный обвиняемый должен быть приговорен к каноническому очищению, о котором говорится в двадцать втором вопросе. Он должен выставить от десяти до двадцати помощников при очищении, принадлежащих к тому же сословию.

Третий случай имеет место, когда обвиняемый не уличен ни своим личным признанием, ни закономерными свидетелями, ни очевидностью преступления, ни другими подобными доказательствами, но когда ведьма, дающая обличительные показания, утверждает, что обвиняе-

мый или обвиняемая были ее сотрудниками в совершении колдовских деяний. В таком случае надо прибегнуть к очной ставке и тщательно взвесить взаимные упреки и ответы обеих сторон. Если выявится расхождение в утверждениях обвиняемой, и судья увидит, что допрос под пыткой может раскрыть преступление, то приговоры надо выносить, следуя указаниям двадцать третьего вопроса.

Четвертая возможность—когда обвиняемый признан за легко подозреваемого вследствие личных признаний или признаний другого лица, взятого под стражу. Некоторые причисляют к разряду легко подозреваемых тех, которые принимают советы ведьм о том, что нужно предпринять, чтобы соблазнить женщину на грех, чтобы возбудить любовь между ненавидящими друг друга супругами, чтобы воспламенить любовь, и т. д. К разряду таких подозреваемых относятся и те, которые прислуживают ведьмам для достижения мирских преимуществ. Обвиняемые в этих проступках должны совершить каноническое очищение или произнести клятвенное отречение от ереси. О приговоре смотри в двадцать четвертом вопросе.

Пятый способ произнесения приговора касается таких обвиняемых, которые, будучи обличены ведьмой, как в предыдущем случае, возбуждают сильное подозрение в ереси. К подобным сильно подозреваемым причисляются те, которые сознательно мешают действиям судей при исполнении их служебных обязанностей (смотри c. ut inquisitionis negotium, lib. VI, de haeret.), а также и те, которые оказывают помощь, дают советы или каким-либо иным образом покровительствуют преследуемым. К этим сильно подозреваемым относятся люди, предлагающие вызванным в суд или взятым под стражу еретикам скрывать правду, замалчивать ее или давать ложные утверждения. Сюда же относятся принимающие у себя еретиков, приглашающие и посещающие их, присоединяющиеся к ним и посылающие им подарки. Если совет сведущих людей найдет, что обвиняемому можно поставить в вину подобные преступления, бросаемые против него заключенной под стражей ведьмой, то приговор против него должен соответствовать приговору, приводимому в двадцать пятом вопросе и заключающемуся в отречении от ереси под угрозой передачи светской власти в случае вторичного впадения в ересь.

Шестой способ употребляется тогда, когда обвиняемый возбуждает сильнейшее подозрение не только вследствие обличительныу показаний ведьмы, но вследствие и других улик. Приведем этом пример: взятая под стражу ведьма утверждает, что обвиняемая присутствовала при колдованиях. Это однако упорно отрицается обвиняемой. Что должен делать судья? Необходимо расследовать, не является ли она весьма подозреваемой в совершении какого-либо чародейства и не может ли это сильное подозрение перейти в сильнейшее. Если вызванный на суд не явится, то он возбудит легкое подозрение в ереси, хотя бы дело, по поводу которого он был вызван, и не было бы делом по вопросам о вере. Если же он, будучи вызван на суд по делам веры, откажется появиться и будет отлучен вследствие своего упорства, то легкое подозрение превращается в сильное. Если он пробудет более года под отлучением, то сильное подозрение в ереси переходит в сильнейшее. Приговор произносится так, как явствует из двадцать шестого вопроса.

Седьмой способ применяется тогда, когда к показаниям ведьмы против обвиняемого присоединяются улики, позволяющие считать его в сильнейшей степени подозреваемым в ереси, например, если он состоял в близком знакомстве с колдунами. На такого следует возложить

каноническое очищение (смотри с. inter sollicitudines) и клятвенное отречение от ереси, угрожая ему передачей его в руки светской власти в случае вторичного впадения в ересь. Приговор ему указан в двадцать седьмом вопросе.

Восьмой способ имеет место тогда, когда обвиняемый, денунцированный задержанной ведьмой, признается в ереси и приносит раскаяние, никогда не быв пред тем раскаявшимся еретиком. При этом надо заметить, что различия между повторно впавшими в ересь и впавшими в ересь в первый раз и между приносящими раскаяние и не приносящими оного, делаются духовными судьями, которые не вмешиваются в последнее наказание, произносимое светской властью. Поэтому светский судья может действовать против обвиняемой, признавшейся в своем преступлении, не принимая во внимание ее раскаяния или ее запирательства и руководясь лишь гражданскими и императорскими законами. Однако он может принять к сведению указанные тринадцать способов произнесения приговора, если будут возникать сомнения.

Тридцать четвертый вопрос: о том, какой приговор выносится ведьме, врачующей околдования, повивальным бабкам чародейкам и стрелкам-колдунам.

Пятнадцатый способ закончить процесс о вере и произнести приговор касается таких обвиняемых в еретической извращенности, которые не наводят околдований, а устраняют их. Здесь надо иметь в виду следующее: есть такие врачеватели, которые пользуются при этом дозволенными средствами, а есть и такие, которые пользуются средствами недозволенными. Кто пользуется дозволенными средствами, того надо считать не колдуном, а последователем христа. Относительно этих дозволенных целительных средств мы говорили выше. Что касается употребления недозволенных целительных средств, то следует различать вообще недозволенные и недозволенные при некоторых обстоятельствах. Вообще недозволенные целительные средства в свою очередь имеют двоякое подразделение, а именно: вредящие ближнему и не вредящие ему. В обоих случаях врачевание сопровождается призыванием бесов. Недозволенные же при некоторых обстоятельствах целительные средства не сопровождаются нарочитым призыванием бесов, хотя производятся и не без молчаливого призывания их. Такие целительные средства называются канонистами и некоторыми богословами скорее суетными, чем недозволенными средствами. Будь то духовный или светский судья, он станет скорее терпимо относиться к этим последним, следуя канонистам, утверждающим, что згонять суетное суетным нельзя считать запрещенным.

Те же, которые устраняют околдования, нарочито призывая при этом нечистую силу, ни в коем случае не должны быть терпимы таким судьей. Он должен особенно преследовать тех из них, которые, устраняя околдования с одного человека, наводят их на ближних. Лицо, на которое наводится такая, снятая с других порча, может быть ведьмой, может быть и не ведьмой.

Если спрашивается, что должен делать судья, когда обвиняемый утверждает, что он устраняет околдования дозволенными средствами, а не запрещенными, и каким образом судья может распознать правдивость этих утверждений, то на это надо ответить, что следует прежде всего вызвать обвиняемого и допросить его, какими средствами он пользуется. Но остановиться на этом нельзя. Судья, на обя

занности которого лежит расследование дела, должен разузнать и у других, какими средствами врачевания пользуется обвиняемый. Это он может поручить священнику того прихода, к какому приписан обвиняемый. Священник этот должен справиться под клятвой у своих прихожан о врачевании обвиняемым. Если среди этих средств окажутся суеверные средства, то обвиняемые должны быть наказываемы, как это указывается ниже.

Если спрашивается, чем дозволенные средства отличаются от недозволенных, в то время, как ведьмы утверждают, что они устраняют болезни известными молитвами и употреблением трав, то на это следует ответить, что это различение было бы легко, если бы только имело место тщательное расследование дела. Ведьмам требуется держать их средства врачевания в тайне или для того, чтобы не быть схваченными, или для того, чтобы тем легче поймать в свои сети простоватых людей, поэтому они и занимаются (для отвода глаз) употреблением подобных слов и трав. Несмотря на это, по четырем признакам можно узнать, что они кудесницы, или ведьмы. Во-первых, они прорицают о скрытых вещах и сообщают то, что они могут знать лишь с помощью злых духов. Так например, когда они посещаются ранеными, желающими излечиться, то они в состоянии об'яснить причину ранения или околдования, указывая например на ссору с соседкой или на какую-либо другую подобную причину. Эти причины они знают очень хорошо и умеют рассказать об этом посетителям.

Во-вторых, они предлагают свои услуги при врачевании ранений или околдований у одних и не оказывают помощи в подобных же случаях другим. Так, в Шпейерской епархии, в селении Цунгофен, имеется некая ведьма, которая утверждает, что она может лечить одних и не может устранять околдования у других больных. Жители этого селения передают, что, по мнению указанной ведьмы, это происходит вследствие того, что одни из околдований, причиняемых ведьмами с помощью бесов, столь глубоки, что она не обладает достаточной силой для их устранения, так как один демон не всегда может или хочет уступить свое место другому.

В-третьих, перед тем, как приступить к врачеванию, ведьма ставит известные условия, от выполнения или невыполнения которых зависит успех лечения. Так, в Шпейере некая почтенная женщина, у которой были околдованы голени, пригласила подобную знахарку, которая, войдя к ней в дом и посмотрев на больную, сделала следующее ограничение: „Если ты,—сказала она,—имеешь в ране чешую и волосы, то я все остальное смогу вытащить оттуда". Она открыла ей также причину ранения, хотя знахарка проживала в деревне в двух милях расстояния от местожительства больной. „Так как ты,—утверждала она,—вступила в пререкания с соседкой в такой-то день, посему ты и заболела". Кроме чешуи и волос она вытащила еще много других различных вещей из раны и вернула околдованной здоровье.

В четвертых, врачующая женщина может считаться ведьмой в том случае, когда она предана суеверным обрядностям или побуждает других предаваться им. Такие знахарки предлагают больному посетить их до восхода солнца или в какое-либо иное определенное время или говорят, что могут вылечить лишь двух-трех лиц в год.

Не представляет затруднения указать на многие другие соображения касательно быта таких лиц, так как они преобладающим образом имеют преклонный возраст, вели скверный и заслуживающий порицания образ жизни, уличены в прелюбодеяниях и являются потом-

ками ведьм. Посему дар способности врачевания дан им богом не вследствие святости их жизни.

К колдовским знахаркам причисляются также повивальные бабки-ведьмы, превосходящие, по совершению преступных деяний всех других ведьм. О повивальных бабках-ведьмах мы говорили в первой части этого труда. Количество их столь велико, что нет ни одной деревушки, где бы их не было. Это мы говорим на основании признаний самих ведьм. Эту опасность светская власть может побороть, допуская к работе лишь повивальных бабок, принесших присягу. О других средствах борьбы против них говорится во второй части настоящей книги.

Не мешает сказать здесь и о стрелках-колдунах, которые, к позору христианской религии, тем опаснее в своих проступках, чем более неуязвимыми являются их укрыватели, покровители и защитники на землях знатных и князей. Все эти укрыватели, покровители и т. д. в некоторых случаях более достойны проклятия, чем все ведьмы. Ведь канонисты и богословы различают два вида подобных защитников. Первый вид—это защитники лжеучения. Второй вид—защитники личности преступника. Те, которые защищают лжеучение, заслуживают большего осуждения, чем те, которые сами заблуждаются. Их надо считать не за еретиков, а скорее за главарей еретиков. (Смотри XXIV, qu. 3, qui illorum). Вообще же об этих защитниках законы не говорят, потому что они отождествляются с другими еретиками. Есть и другие люди, которые хотя и не защищают лжеучение, но выступают на защиту лиц, исповедывающих лжеучения, опираясь на свои силы и на свое влияние, оказывают властям противодействие с тем, чтобы такие колдуны, а также любые другие еретики не попали в руки судьи по делам веры для допроса и наказания.

Также имеется и два вида покровителей таких стрелков-колдунов. Одни из покровителей—это должностные лица светского или духовного звания, занятые светским судопроизводством. Эти, в свою очередь, подразделяются: на покровителей по упущению и на покровителей при своевольном вмешательстве в судьбы еретиков. Первые из них становятся покровителями еретиков, когда они упускают совершать те действия против колдунов, подозрительных, последователей их, укрывателей, защитников и покровителей их, которые предписываются им их должностью. Такие лица устраняются епископами и инквизиторами от исполнения своих обязанностей, если они не берут под стражу обвиняемых, их небрежно сторожат и не исполняют предписаний об их переводе из одного места заключения в другое, а также упускают своевременное приведение в исполнение приговора. (Смотри c. ut inquisitionis, lib. VI de haeret.). Становятся покровителями еретиков и те представители светской власти, которые без разрешения или приказания епископа или судьи освобождают колдунов из темницы и препятствуют прямо или косвенно исполнению приговора над ними. (Смотри c. ut officium § prohibemus). О наказаниях для этих покровителей говорится во второй части, в конце. Здесь же скажем, что такие покровители отлучаются от церкви фактом своего покровительства еретикам. После года пребывания под отлучением они подлежат осуждению как еретики.

Кого можно назвать укрывателями? Считать ли их за еретиков? На эти вопросы надо ответить, что те, которые дают приют стрелкам - колдунам или им подобным заговаривателям оружия, некромантам или колдуньям, о каковых идет речь в настоящем сочине-

нии, подразделяются так же, как и защитники еретиков и покровители их. Есть такие укрыватели, которые дают приют колдунам не один и не два раза, а много раз. Случается, что такие укрыватели невиновны, так как они дают приют колдунам по не знанию. Они виновны в том случае, если знают заблуждения тех, кого укрыли, и отдают себе отчет в том, что церковь таких преследует, как жесточайших врагов веры. Тем не менее владетельные князья принимают их, оставляют у себя, защищают их и т. д. Собственно говоря, они называются еретиками-укрывателями. О них говорят законы и утверждают, что они, как укрыватели, тем самым отлучены от церкви.

Должно ли, наконец, называть еретиками тех, которые препятствуют делу инквизиции, проводимому епископами против колдунов? Одни из них оказывают прямое противодействие. Так, напр., они освобождают из тюрем обвиняемых в еретичестве, опираясь на свою собственную смелость, клевещут на инквизиционный суд и наносят раны свидетелям, дающим показания на процессе веры. Ежели таким вредителем является владетельный князь, то он постановляет, чтобы никто, кроме него, не вмешивался в разбор колдовского преступления, чтобы показания давались только ему и т. п. Те, которые оказывают непосредственное противодействие инквизиционному процессу или приведению в исполнение его приговора, а также оказывают прямую поддержку в этом своим советом, помощью или покровительством, хотя и весьма виновны, не должны быть однако рассматриваемы как еретики. Они становятся еретиками в том случае, если они замешаны еще в других преступлениях. Тем самым они подпадают под отлучение. Если они пребудут в нем больше года, то их надлежит осудить как еретиков.

Имеются и такие, которые оказывают инквизиции косвенное противодействие. К таковым следует причислить тех, которые постановляют, чтобы никто не носил оружия для взятия еретиков под стражу, кроме принадлежащих к семье владетельного князя и т. п. (Смотри глоссу Иоанна Андрея к с. statutum, и именно к слову „indirecte"). Вина оказывающих косвенное противодействие менее значительна, чем вина оказывающих прямое противодействие. Своим проступком первые не становятся еретиками. Но они тем самым отлучаются от церкви. По прошествии года, если они не принесут покаяния, они подлежат, так же как и последние, осуждению, как нераскаявшиеся еретики. Они допускаются к милосердию лишь после клятвенного отречения от ереси.

Послесловие: Повивальные бабки-колдуньи, а также другие ведьмы, наводящие чары, наказываются в зависимости от преступления. Также наказываются и такие ведьмы, которые с помощью дьявола употребляют суеверные средства для устранения околдований. Ведь не может возбуждать сомнения то, что они в состоянии не только устранять околдования, но и причинять их. В силу известного договора, следуя указанию бесов, ведьмы уславливаются между собою, кто из них будет наводить порчу, а кто будет устранять ее, чтобы с тем большей легкостью затуманить чувства простодушных и увеличить их неверие.

Так как стрелки-колдуны и другие заговариватели оружия могут существовать благодаря покровительству, защите и укрывательству светских владык, то все они подлежат предписанным наказаниям. Те, которые препятствуют инквизиторам в исполнении их служебных обязанностей, должны наказываться так же, как и покровители еретиков. Пробыв год, не принеся покаяния, под отлучением, такой еретик

предается светской власти. Приносящие же покаяние допускаются к милосердию, если клятвенно отрекутся от ереси.

Что сказано о покровителях, защитниках и укрывателях стрелков-колдунов и знахарок-ведьм, то в равной степени относится и к защитникам всех иных ведьм и колдунов, наводящих различную порчу на людей, животных и полевые злаки. Но ведьмы и колдуны могут быть допущены к милосердию, если они принесут полное раскаяние в своих грехах, признаются во всем и будут просить прощения. В противном случае против них должны действовать те, на коих лежит эта обязанность, вызывая их в суд, беря их под стражу и произнося окончательный приговор, как об этом говорилось выше.

Тридцать пятый вопрос этой последней части о том, как надлежит произнести приговор над ведьмой, приносящей необоснованную или обоснованную апелляцию

Если судья замечает, что обвиняемый собирается обжаловать судопроизводство, то, во-первых, пусть трибунал примет к сведению, что подобное обжалование может быть уважительным и обоснованным или же недозволенным и недействительным. В процессах по делам веры предписывается избегать формальностей и придерживаться сокращенного судопроизводства (смотри c. multorum quaerela из Клементин), причем обвиненному отказывается в пользовании правом апелляции. Но случается, что судьи, по своему собственному усмотрению, в виду запутанности процесса, затягивают его окончание. Пусть такие судьи примут к сведению, что если обвиняемому кажется, что они действуют вопреки закону и справедливости (напр. не рассматривают его доказательств в свое оправдание или назначают допрос под пыткой, не испросив на то разрешения епископа и не посоветовавшись со сведущими людьми, хотя другие достаточные основания говорят против применения этой меры и т. п.), то обжалование надо считать заслуживающим внимания.

Во-вторых, судья, получив подобное обжалование, не высказывая беспокойства, должен потребовать пред'явления письменной копии этого обжалования, указывая на то, что у него мало времени. После того, как обвиняемый представит письменную жалобу, судья должен сказать, что он ответит через два дня и что для расследования понадобится дней тридцать. Хотя судья сможет тотчас ответить и расследовать дело, если он опытен и знающ, однако, чтобы действовать с большой осторожностью, лучше всего отсрочить расследование на десять, двадцать, двадцать пять или более дней.

В-третьих, за указанный промежуток времени судья должен тщательно расследовать основания обжалованья. Если он, посоветовавшись со сведущими людьми, увидит, что он несправедливо поступил по отношению к обвиняемому, не допустив его к защите или без веских оснований прибегнув к допросу под пытками и т. п., то пусть он, когда наступит указанный срок, исправит свою ошибку, вернувшись к тому пункту, на котором остановился процесс, когда обвиняемый просил дать ему возможность защиты и т. п. Устранив эти затруднения защиты обвиняемого, судья может вести процесс дальше. Устранением затруднений обжалованье теряет свое значение (смотри c. cessante extra de appellationibus). Осмотрительный и осторожный судья увидит, что имеются такие препятствия, чинимые обвиняемому, которые легко могут быть устранены. О них мы сказали выше. Однако, обвиняемый попадает и в такие затруднения,

которые не могут быть устранены. Так, напр., обстоит дело при пытке или при потере найденных при обыске драгоценностей и полезных вещей, сожженных вместе с орудиями, употребляемыми обвиняемой для колдовства. Уничтоженных вещей этих вернуть больше нельзя. Нельзя также и об'явить подобное сожжение недействительным. Поэтому нельзя и вернуть процесса к исходному пункту до совершенія этого уничтожения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Пусть судья обратит внимание на следующее: Часто случается, что обвиняемый, не надеющийся на оправдательный приговор, так как чувствует за собой вину, прибегает к средству обжалованья ведомого против него дела, чтобы избегнуть таким образом наказания. Такой обвиняемый подает необоснованные жалобы, именно, что судья несправедливо держит его в заключении и не хочет выпустить его на свободу на поруки и т. п. Когда такое обжалованье будет ему пред'явлено, пусть судья потребует оформления его в письменную форму. После получения такового, судья назначает в своем ответе, который дается тотчас же или дня через два, срок передачи и приемки решения по поводу жалобы, назначая его на десятый, пятнадцатый, двадцатый или тридцатый день. До истечения срока судья тщательно расследует дело, испрашивая совета у сведущих людей, дать ли положительный или отрицательный ответ на жалобу. Если окажется, что жалоба необоснована и что жалобщик ничего другого не хочет, как избежать обвинительного приговора или отсрочить его, то надобно отклонить жалобу. Если же судья видит, что личная защита обвиняемого действительно затруднена, или причиненный ему урон может быть устранен, или возникает сомнение в основательности подозрений, или судья вообще устал от злобы жалобщика и хочет освободиться от столь великого бремени, то пусть он заготовит ему положительный ответ. Если же срок, назначенный для ответа, наступил, но судья еще не написал ответа или еще не готов, то он может перенести окончательное решение на тридцатый день, представляющий собою последний законом допустимый срок ответа на жалобу. Этому ответу дается следующее содержание:

„Такой-то судья, отвечая на апелляцию, если она вообще заслуживает такого названия, указывает на то, что он действовал справедливо и в согласии с канонами или с императорскими постановлениями или же законами, что он и впредь намеревается так действовать и что он не сошел с пути, предписанного обоими правами и не собирается с него сойти. Далее, указанный судья утверждает, что он не творил жалобщику никаких затруднений и помех и не собирается творить таковые, а также и в помыслах этого не имел. Это явствует из приведенных жалобщиком оснований, которые не отражают истины. Нельзя назвать помехой защиты то, что судья взял обвиняемого под стражу и оставил его в заключении. Ведь это лишение свободы—следствие многих показаний, обличающих его в еретической извращенности. Посему судья был обязан действовать против него, как против сильно подозреваемого в еретичестве. Судья не мог также выпустить его на поруки, так как преступление ереси —одно из тягчайших преступлений. К тому же жалобщик был уличен, однако упорно продолжал запираться. Таким образом его нельзя было освободить и под ручательство. (В таком духе перебери все приводимые жалобщиком основания, а затем продолжай): Поэ-

тому можно считать, что судья поступал совершенно правильно,. не сошел с пути права и не оказал никакой несправедливой помехи жалобщику. А жалобщик стремится избежать обвинительного приговора измышленными доводами. Поэтому его жалоба должна считаться необоснованной и недействительной. Так как на основании недействительной жалобы законы не предписывают принятия ее во внимание, а судья не имеет права дать ей хода, то судья поданную жалобу отклоняет. Этот ответ сообщает он указанному NN и повелевает присоединить ее к делу непосредственно после представленной жалобы". После этого судья передает свой ответ нотариусу, который представил ему жалобу обвиняемого.

После этого отказа, сообщенного обвиняемому, судья ведет процесс дальше, приказывая взять обвиняемого под стражу или назначая ему срок явки на суд и т. п., из чего явствует, что он не перестал быть судьей. Судья не должен однако предпринимать чего либо против обвиняемого с момента подачи обжалованья процедуры этим обвиняемым до окончания разбора этого обжалованья. В этот промежуток времени судья не имеет права ни взять его под стражу, ни освободить его из тюрьмы и т. п.

Если же судья решит признать доводы апелляции, то он пишет следующее заключение: „Указанный судья, отвечая на апелляцию, если она вообще заслуживает такого названия, указывает на то, что он действовал справедливо, не поступал наперекор правам обвиняемого и не собирается совершать подобного. Это явствует из разбора приводимых жалобой доводов. (Они все перечисляются и разбираются). Судья не мешал ему в защите, когда он говорит и т. д. (Здесь указываются и разбираются, как можно подробнее, все пункты жалобы. Затем судья делает следующее заключение) Отсюда очевидно, что судья не оказал никакой помехи подающему апелляцию и не дал ему никакого основания бояться несправедливого ведения дела. Жалоба необоснована и недействительна, потому что она не является следствием помехи обвиняемому защищаться. Следуя законам, ей не надо дать хода. Однако, из благоговения пред апостольским престолом к которому жалоба обращена, судья допускает эту жалобу и дает ей ход, препровождая все дело нашему святому владыке, папе, и святому апостольскому престолу и назначая жалобщику определенный срок, а именно столько-то месяцев, в продолжение которых жалобщик, представив судье соответствующие ручательства, вручит или римской курии или же, находясь в сопровождении особой назначенной трибуналом охраны, нашему владыке, папе, запечатанные судьей акты своего процесса. Настоящий ответ судья вручает жалобщику как утвердительное решение дать ход апелляции и повелевает приложить этот ответ к делу непосредственно вслед за жалобой". И так должен судья передать это решение нотариусу, от которого он получил жалобу обвиняемого.

Умный судья примет к сведению, что, после передачи этого решения, он перестает быть судьей в соответствующем деле и не может производить никаких судебных действий против такого жалобщика, кроме того случая, когда наш пресвятой владыка, папа, возвратит ему дело для дальнейшего ведения.

Если у судьи имеется еще другое дело против жалобщика, по которому последний не подавал апелляции, то судья остается здесь и в дальнейшем судьей. И если вслед за уваженной жалобой обвиняемого против него начинается другое, отличное от первого дело, судья

ведет новый процесс дальше, допрашивая свидетелей. Когда первое дело римской курией будет разобрано и переслано судье, он может беспрепятственно закончить и второе дело.

Пусть судьи обратят внимание на то, чтобы отправляемые римской курии запечатанные акты процесса снабжались указанием имени судей, которые, после разбора дела, должны будут произнести окончательный приговор. Инквизиторы не должны заботиться об осуждении жалобщиков в Риме. Пусть там будет самостоятельно произведен необходимый разбор. Если судьи в Риме не пожелают, чтобы приговор был произнесен обжалованным судьей, то приговор выносится ими.

Далее, судьям следует принять к сведению, что, если они, по требованию жалобщика, лично вызываются в римский суд, они должны весьма остерегаться давать по этому делу клятвенные заверения. Они должны заботиться о том, чтобы процесс был разобран и был передан им, первоначальным судьям, для окончательного приговора. Они должны также заботиться о скорейшем возвращении на места своей обычной деятельности, чтобы уныние, неприятности, работы и расходы не отразились вредно на их здоровьи. Ведь отсюда вытекает вред для церкви, еретики начинают чувствовать себя сильнее, а судьи не найдут должного почитания и уважения и не будут вызывать страха при своем появлении.

Когда другие еретики видят, что судьи утомлены долгой работой при римской курии, они поднимают голову, начинают презирать судей, становятся злостными и дерзновеннее сеют свою ересь. Когда же против них начинается процесс, они подают свои апелляции. И другие судьи становятся слабее при исполнении своих служебных обязанностей по искоренению еретиков, так как начинают бояться усталости, как следствия уныния и неприятностей. Все это весьма вредно отзывается на вере и святой церкви господней. От сей напасти да защитит церковь жених ее.[1])

---

[1]) Настоящий перевод сделан с латинского языка с издания: Malleus maleficarum: de lamiis et strigibus et sagis aliisque magis et daemoniacis eorumgue arte et potestate et pocna. 1. Malleus malificarum Jacobi Sprengeri et Henrici Institoris, Inquisitorum.
Francofurti MDXIIC

Редактор И. ШПИЦБЕРГ.

Сдано в печать и оформлено издательством „Атеист“ в 1930 г. № 339а формат 62×94 1/16 18 ¾ п. л. 58.464 зн. в п. л.. Тираж 3.000 экз. (на обороте титула тираж указан ошибочно).

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ проф. С. Лозинского—Роковая книга средневековья 3
ПРЕДИСЛОВИЕ проф. М. Баскина—„Молот ведьм", как классический образчик средневекового миросозерцания 58
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ—О ТРЕХ СИЛАХ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОЛДОВСТВО, А ИМЕННО: О ДЬЯВОЛЕ, О КОЛДУНЕ И О БОЖЬЕМ ПОПУЩЕНИИ 88
Первый вопрос 88
Второй вопрос 98
Третий вопрос 107
Четвертый вопрос 114
Пятый вопрос 117
Шестой вопрос 126
Седьмой вопрос 133
Восьмой вопрос 136
Девятый вопрос 139
Десятый вопрос 144
Одиннадцатый вопрос 144
Двенадцатый вопрос 149
Тринадцатый вопрос 151
Четырнадцатый вопрос 154
Пятнадцатый вопрос 156
Шестнадцатый вопрос 158
Семнадцатый вопрос 160
ЧАСТЬ ВТОРАЯ „МОЛОТА ВЕДЬМ" ТРАКТУЕТ О СПОСОБАХ ОКОЛДОВЫВАНИЯ И О ТОМ, КАК ТАКОВОЕ МОЖНО СНЯТЬ 162
Первый вопрос 162
Глава I 170
Глава II 174
Глава III 180
Глава IV 185
Глава V 191
Глава VI 193
Глава VII 194
Глава VIII 198
Глава IX 200
Глава X 205
Глава XI 211
Глава XII 214
Глава XIII 217
Глава XIV 219
Глава XV 221
Глава XVI 223
Второй вопрос 226
Глава I 231
Глава II 234
Глава III 236

Глава IV . . . 237
Глава V . . . 238
Глава VI . . . 240
Глава VII . . . 245
Глава VIII . . . 246
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,—РАССМАТРИВАЮЩАЯ СПОСОБЫ ИСКОРЕНЕНИЯ ИЛИ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ЕРЕСИ ПОДЛЕЖАЩИМ ДУХОВНЫМ ИЛИ СВЕТСКИМ СУДОМ . . . 248
Первый вопрос . . . 250
Второй вопрос . . . 252
Третий вопрос . . . 252
Четвертый вопрос . . . 253
Пятый вопрос . . . 253
Шестой вопрос . . . 254
Седьмой вопрос . . . 255
Восьмой вопрос . . . 256
Девятый вопрос . . . 256
Десятый вопрос . . . 257
Одинадцатый вопрос . . . 258
Двенадцатый вопрос . . . 260
Тринадцатый вопрос . . . 262
Четырнадцатый вопрос . . . 263
Пятнадцатый вопрос . . . 265
Шестнадцатый вопрос . . . 268
Семнадцатый вопрос . . . 269
Восемнадцатый вопрос . . . 272
Девятнадцатый вопрос . . . 272
Двадцатый вопрос . . . 273
Двадцать первый вопрос . . . 274
Двадцать второй вопрос . . . 275
Двадцать третий вопрос . . . 276
Двадцать четвертый вопрос . . . 277
Двадцать пятый вопрос . . . 278
Двадцать шестой вопрос . . . 280
Двадцать седьмой вопрос . . . 280
Двадцать восьмой вопрос . . . 281
Двадцать девятый вопрос . . . 282
Тридцатый вопрос . . . 283
Тридцать первый вопрос . . . 283
Тридцать второй вопрос . . . 285
Тридцать третий вопрос . . . 288
Тридцать четвертый вопрос . . . 290
Тридцать пятый вопрос . . . 294
ОСЛЕСЛОВИЕ . . . 295